

УДК 316.77
ББК 60.524.224
В46

Вильданов, Ханиф Салифович.

В46

Социальные технологии в межнациональных отношениях: социально-философский анализ : монография / Х.С. Вильданов, Г.Т. Галиев.

ISBN 978-5-4365-3093-2

Монография посвящена одной из актуальных проблемных вопросов современного российского общества – состоянию и развитию межнациональных отношений в многонациональной и поликультурной России.

Ключевые слова: современное российское общество, социальные технологии, межнациональные отношения.

УДК 316.77
ББК 60.524.224

ISBN 978-5-4365-3093-2

Введение	4
I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	7
1.1. Этническое самосознание как научное понятие и социальный феномен	7
1.2. Проблемы самоопределения и суверенитета этносов	18
1.3. Проблемы этнической стратификации в многонациональном социальном пространстве и особенности межэтнических отношений в Башкортостане	38
II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	54
2.1. К вопросу о понятиях «менталитет» и «ментальность»	54
2.2. Отечественные мыслители и философы о русском менталитете	62
III. ИСТОЧНИКИ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В МИРЕ И ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	91
3.1. Основные положения конфликтологии и возможности их применения в современном социальном пространстве многонациональной России	91
3.2. Исторический опыт и мировая практика решения национальных проблем	118
3.3. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве как следствие несовершенства национальной политики КПСС и советского государства	146
3.4. Самоидентификация и восприятие народами друг друга как фактор напряженности в межнациональных отношениях	167
3.5. Этнокультурная и национальная самоидентификация индивида и ее детерминация национальными ценностями	202
IV. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	214
4.1. Сущность, принципы и условия эффективности социальных технологий	214
4.2. Технологии прогнозирования межнациональных конфликтов	223
4.3. Технологии разрешения межнациональных конфликтов	238
4.4. Технологии гармонизации межнациональных отношений и развитие культуры отношений между этносами	254
Заключение	282
Список источников и литературы	286

Введение

Одной из сфер современного мира, подверженных напряжениям, взрывоопасным состояниям является сфера межэтнических отношений. Происходящие здесь события затрагивают судьбы миллионов людей, проводят в движение страны и континенты, перекрывают карту мира. Межэтнические и межнациональные отношения будоражат мир. Сфера межнациональных отношений стала в буквальном смысле взрывоопасной. Достаточно отметить, что сегодня трудно назвать часть нашей планеты, которая на этот счет пребывала бы в спокойном или беспечном состоянии. Не в стороне от нее и наша страна, что особенно обнаружилось после известных событий постсоветского периода. А ведь еще свежи в памяти такие идеологические фантомы советской эпохи, как «нерушимое братство народов», «единая общность советский народ», «интернационализм» и им подобные.

Человечество в свое время вступило на путь образования новых государств, политических общностей, создаваемых по этническому признаку, что было связано с распадом колониальной системы, ростом национального самосознания и распространением идеи свободы и прав человека. Когда родилась Организация Объединенных Наций, в ней состояло порядка 40 стран, сейчас число ее членов составляет 193, а по прогнозам специалистов, к середине XXI века их число достигнет 250. Это значит, что с карты исчезнут одни страны и появятся вышедшие из их состава новые. Хочется надеяться, что ушло в прошлое время, когда появлению на свет новых государств предшествовали кровопролитные войны, десятилетиями длившиеся межэтнические конфликты. Мир уже достаточно убедился в том, что распад империй – не обязательно колониальных, что звучит сегодня уже анахронизмом – и образование на их месте независимых государств, этнических общностей становится znameniem времени. Но это лишь одна сторона вопроса. Вторая же заключается в том, что сбросившие с себя чужестранное бремя народы сами начинают борьбу между собой из-за клочка земли, «несправедливо» поделенной территории или религиозных святынь. И хотя подобные конфликты несравнимы с масштабами освободительных войн ушедшего века, они также несут с собой человеческие жертвы, разрушения, сеют ненависть, злобу, что мы наблюдали на Балканах (между сербами и косовскими албанцами), наблюдаем на Ближнем Востоке (между израильтянами и палестинцами) на Кавказе (азербайджано-армянский и грузино-абхазский конфликты) и др. По сути, на рубеже двух веков нас

держала в напряжении события в Чечне и их отголоски остаются актуальными и сейчас, подтвержденные опросами общественного мнения. Если не приостановить эти конфликты и не создать политический механизм, способствующий их профилактике, разрешению и преодолению причиненных ими последствий, то мир может впасть в состояние перманентных междоусобиц и потрясений, что чревато самыми неблагоприятными последствиями.

Настоящая работа имеет целью дать представления о том, что такое национальные конфликты, как они возникают и какие возможности их недопущения существуют. Принципиальное отличие межэтнических конфликтов от войн заключается в том, что их «готовят» не только и не сколько политики и генералы, столько обыкновенные, рядовые люди, сознание которых отравлено неадекватными представлениями о себе и соседях, необоснованными претензиями друг к другу, нередко подогреваемые на религиозной почве. Поэтому содержание данной книги рассчитано не только на политическую элиту, но и на массового читателя, который найдет в ней информацию, касающуюся понимания природы конфликтов и отношения к ним.

Книга рассматривает широкий круг вопросов о социальных технологиях. Социальные технологии в сфере межнациональных отношений – форма технологического управления, представляющая систему последовательных действий личности, этносов, органов управления в целях достижения конкретного результата деятельности, возможности его воспроизводства в определенных параметрах – качества, отношений, состояния, свойства, объема и т. д.

Потребности использования социальных технологий в управлении межнациональными отношениями отражают глубину нашего реального знания,

во-первых, сущности исследуемых процессов, особенностей их проявления в национально-территориальных образованиях, измерения качественных и количественных характеристик;

во-вторых, их диалектическую связь с другими процессами, видами социальной деятельности;

в-третьих, форм и методов управления, обеспечивающих достижение планируемого, прогнозируемого уровней межнациональных отношений в национально-территориальных образованиях.

В социологической литературе последних лет много пишется о преодолении межнациональных конфликтов и гораздо меньше о гармонизации межнациональных отношений и развитии культуры межнациональных отношений. Между тем, отсутствие межнациональных

конфликтов вовсе не означает безпроблемности в межнациональных отношениях и тем более не означает, что не надо решать межнациональные проблемы. В условиях, когда нет межнациональных конфликтов, социальные технологии должны быть направлены на гармонизацию межнациональных отношений. Социальные технологии гармонизации межнациональных отношений – это управленческо-организационный процесс, направленный на улучшение отношений между этносами, установлению между ними отношений согласия, взаимопонимания, сотрудничества и дружбы. В регионах, где были острыми и конфликтными отношения между этносами, после преодоления межнациональных конфликтов наступает новый этап применения социальных технологий, направленных на гармонизацию межнациональных отношений. Эта же деятельность осуществляется там, где не было межнациональных конфликтов, но существуют определенные нерешенные проблемы в отношениях между этносами.

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

1.1. Этническое самосознание как научное понятие и социальный феномен

Межнациональные отношения в современном мире складываются под воздействием многих условий и факторов. Непосредственные причины, вызывающие дисгармонию и конфликты в межнациональных отношениях, отличаются от глубинных предпосылок и условий, обуславливающих и порождающих противоречия в этносоциальных процессах. Этнические процессы и межнациональные отношения испытывают воздействие глобальных изменений, которые переживает человечество на современном этапе развития цивилизации. Факторы, влияющие на этносоциальные процессы, разнообразны и охватывают все стороны развития современного общества. Непосредственно на состояние и развитие межнациональных отношений влияют трансформации в социальных структурах, связанные с изменениями в социальных, культурных и духовных ценностях, сменой системы ценностей и ценностных ориентиров общества. Уровень развития науки, техники и культуры, определяющие не только мировоззренческую картину мира, но этническое самосознание, становится предпосылкой осмысления условий и предпосылок межнациональных отношений. Не последнюю роль в формировании основных тенденций развития межнациональных отношений имеют и экономические факторы, связанные не только с распределением результатов хозяйственной деятельности в взаимоотношениях центра и периферии, развитых и сырьевых экономик, но и условий формирования отношения к собственности. Информатизация и компьютеризация социальной реальности, глобализационные процессы, охватывающие все стороны общественной жизни, также неоднозначно влияют на развитие отношений между этносами, придавая проблеме не только государственные, но и межгосударственные, мировые параметры. Особенно чувствительными проблемы межнациональных отношений в мировом масштабе и пределах нашей страны стали после распада Советского Союза. Разрушению биполярной системы особенно чувствительными оказались не только новые государственные образования, формирующиеся после распада СССР, но и страны Восточной Европы, страны «третьего мира». Также распад СССР

повлиял на развитие межнациональных отношений внутри России. Неоднозначными были результаты развития межнациональных отношений в условиях разрушения биполярной системы: с одной стороны, наблюдаются процессы демократизации, роста национального самосознания этносов, распространения идей соблюдения прав наций на самоопределение, а с другой – возникают и обостряются межэтнические противоречия и конфликты. Несмотря на истечение значительного времени противоречия в межнациональных отношениях, как на уровне бывших республик СССР, так и на уровне межгосударственных отношений полностью не разрешены. А в некоторых случаях развитие межнациональных противоречий и обострение межэтнических конфликтов становятся политехнологиями для внешнего воздействия на развитие социальных процессов в многонациональных образованиях. Указанные выше и другие условия и факторы оказывают влияние на межнациональные отношения, преломляясь через этническое. При этом особое место занимают специфические этнические причины, прежде всего те, которые своеобразно связаны с ростом этнического самосознания и изменениями в этнической стратификации, что вызывает необходимость изучения этих феноменов. В этих условиях исследования межнациональных конфликтов, выработка методов и средств их регулирования требуют всестороннего анализа этнических причин, осмысления межнациональных процессов через призму конфликтологии, выявления особенностей взаимосвязи конфликтогенных факторов и причин социального конфликта.

Исследование межнациональных отношений требует осмысления этнического самосознания, так как данное явление выступает главным критерием оценки всех социальных явлений, связанных с межэтническими процессами. Проблема этничности, межэтнических отношений для России всегда были и остаются актуальными, что связано со спецификой ее государственной организации.

В советский период государственной установкой было понимание национального государства как этнического, т. е. государства, в законах которого либо зафиксировано неравенство прав в пользу титульного этноса, либо такое положение являлось распространенной практикой. Население, его этническое, гражданское самоопределение при таком взгляде никакого значения не имеют, как не имеет значения и реальная численность той или иной этнической группы. Социологический и социально-философский анализ этнического самосознания осуществлялся односторонне, под углом зрения классового подхода. Этот методологический изъян усугублялся недостаточностью конкрет-

ного эмпирического материала. В результате недооценивалась значимость этнического самосознания в этническом сознании и шире – в общественном сознании и духовной жизни общества. Природа этнического самосознания раскрывается в осознании исторического прошлого и настоящего, в представлениях об общности национального происхождения, о принадлежности к родной земле, языку, культуре в целом, к этнической общности. Оно в значительной степени носит характер оценочного отношения к национальному хозяйственно-культурному укладу, духовной жизни этноса. Этнос выделяет себя из среды подобных в результате взаимодействия с ними, в ходе познания общего, особенного, постепенно закрепляющегося в своеобразии культуры и других компонентах этноса. Поскольку рост этнического самосознания является, по-нашему мнению, общемировой тенденцией, постольку он в целом детерминирован факторами глобального характера. Современный этап развития российской и мировой истории характеризуется бурным и значительным ростом этнического самосознания. Поэтому выявление и анализ действия данной тенденции в специфических общественных условиях – экономических, социальных, политических, культурных – представляет актуальную теоретическую и практическую задачу. Позитивные сдвиги и рост этнического самосознания в России после распада Советского Союза и экономических преобразований, связанных с появлением частной собственности и рыночных отношений является одним из индикаторов общего процесса демократизации политических и духовных сторон этнической действительности, расширения социокультурных свобод наций полиэтнических пространств. Это явление, безусловно, актуализирует творческий потенциал каждого этноса.

В отечественной науке много внимания уделялось исследованию этнического сознания как особого вида или формы общественного сознания. Интерес к нему, характеристика этого феномена прослеживаются в развитии социологии, политологии, философии, истории и других наук. О нем писали в своих сочинениях не только представители революционно-демократического движения (В. Белинский, А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов), но также историки (В. Соловьев, Н. Данилевский, В. Ключевский, П. Струве), философы (П. Чаадаев, Н. Бердяев), социологи (П. Сорокин), педагоги (К. Ушинский, Н. Крупская), писатели (Ф. Достоевский, И. Тургенев, Л. Толстой, Н. Лесков и др.). Проблема этнического сознания в той или иной степени освещается в трудах Г. Гусейнова, Д. Драгунского, Н. Исмукова, Г. Куницына и др. В 60-х гг. эту проблему исследовали В. Тугаринов, Н. Джандильдин, Г. Глезерман, Э. Степанян и другие специалисты.

Обращение исследователей к этнической проблематике актуализировало вопрос разграничения этнического сознания и самосознания. Этническое сознание и этническое самосознание принадлежат одному и тому же субъекту, и по данному признаку нельзя их различать друг от друга. Говоря о недопустимости отождествления данных категорий, Н. Джандильдин, Э. Степанян и ряд других исследователей различают их по широте и глубине содержания. Нередко самосознание этноса понимают лишь как признак принадлежности людей к какой-либо этнической общности по происхождению. Мы считаем, что необходимо акцентировать внимание и на том, что этнос выделяет себя из среды подобных в результате взаимодействия с ними в ходе познания общего и прежде всего особенного, имеющегося между ним и другими этносами и постепенно закрепляющегося в их своеобразных культурах. Основным содержанием этнического самосознания становится своеобразие культуры и специфическая реакция на различные внешние факторы в процессе осознания и оценки этносом своего положения, роли и места в системе сложившихся или возникающих в результате жизнедеятельности отношений. Способность выражать и реализовать в практической жизнедеятельности осознанной этнической самости, проявлять собственные этнические черты восприятия действительности через национальную духовную и материальную культуру показывают уровень развития и функциональности этнического самосознания. Сущность и природу этнического самосознания невозможно понять без выяснения условий и факторов, под влиянием которых оно возникло. Как и всякое самосознание, оно может сложиться лишь при наличии определенного уровня социальной и культурной жизни общества и межнационального общения. Чем больше населения включено в социально-культурную жизнь общества и в межнациональное общение, тем большее количество людей могут стать выразителями этнического самосознания. Было бы, однако, неверным ограничивать его лишь рамками отношения к своему этносу. Очевидно, что человек не может осознать свою принадлежность к определенному этносу без соотношения своих национальных признаков с подобными признаками представителей другого или других этносов. Следовательно, становление и развитие этнического самосознания всегда обуславливается наличием многосторонних межнациональных взаимодействий, формированием некоторых представлений о национальной определенности не только своего этноса, но и других народов. И. Кон верно отмечает: «Национальное

самосознание всегда предполагает – осознанное или неосознанное – соотнесение качеств с качествами кого-то другого»¹. Этническая определенность самосознания представляет собой понимание и признание всех различий, существующих между этносами. Эти различия проявляются в культурных, языковых, бытовых и мировоззренческих сферах, характеризуя этнос и показывая его особенности. Понимание представителем этноса своего национальной своеобразности, осмысленное отношение к собственным культурным, языковым, бытовым особенностям, придающим характерные только данному этносу черты, становятся основой национального самосознания личности. Осознание собственной этнической самости, своих отличительных черт позволяет представителю этноса самоидентифицироваться и раскрыть свою национальную принадлежность. Данное осознание представляет собой оценочную систематизацию существующего или формирующегося социально-культурного опыта, функционирующего в рамках сложившихся или развивающихся национальных отношений.

Своеобразие социально-исторической ситуации в нашей стране характеризуется радикальными преобразованиями общества, обновленческими процессами. Административно-командная система исходила из гипертрофированного представления о ценности централизованных форм управления. Непомерный перекос в сторону закрепления монопольного статуса административно-централистских начал и ограничение самостоятельности национально-территориальных образований привели к серьезным деформациям в системах «общество – личность», «общество – этнос». Сложившаяся административно-командная модель взаимодействия структурных элементов социальной системы обусловили кризис социальных процессов. Исчерпав ресурсы наращивания качественных изменений, административно-командная модель превратилась в реальный фактор торможения социально-экономического и духовного прогресса. Нарастали безразличие, социальная апатия людей к общественным делам, отчуждение человека от трудовой деятельности. Диктат административно-командной модели коснулся и этнической сферы, который проявлялся в стремлении устранить этнические различия и национальное своеобразие сосуществующих этносов.

Основные тенденции развития российской истории в 90-х гг. XX столетия характеризуется бурным и значительным ростом этнического самосознания этносов, который в условиях экономических преобразо-

¹ Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. С. 122-158.

ваний социальных реформ становится одним из проявлений общего процесса обновления общества. В этот период рост этнического самосознания превращается в прогрессивный позитивный процесс, являющийся мощным импульсом и показателем возрождения и развития этносов, их духовной культуры. Этот процесс приобретает двоякий характер, с одной стороны наблюдается улучшение взаимоотношений этносов, ведущее к гармонизации межнациональных отношений, а с другой – актуализирует проблемы в межнациональных противоречиях, накопленных за все время советизации этнических процессов. Но основной тенденцией является то, что взаимоотношения становятся более равноправными, усиливается взаимопонимание, взаимное уважение. Плюрализация культурного и духовного развития многонациональных образований показало, что не рост этнического самосознания является причиной дисгармонии межнациональных отношений и межнациональных конфликтов, а его деформация в форме шовинизма и национализма, что находит выражение в национальном экстремизме и сепаратизме, великодержавном шовинизме и унитаризме, в дискриминации этносов. При научной, справедливой политике и практической деятельности возрастание этнического самосознания выступает фактором укрепления дружбы народов, оптимизации межнациональных отношений и не ведет к межнациональным конфликтам. И, наоборот, при не обдуманной национальной политике, выходящей за пределы разумного определения приоритетов национальных интересов, может привести к деформации этнического самосознания, которое в последующем проявляется в виде обострения межнациональных отношений и конфликтов. Рост этнического самосознания, особенно после «парада суверенитетов», начинает приобретать порой конфликтный характер.

Причины межнациональных конфликтов, на наш взгляд, кроются в особенностях предшествующего исторического развития и сложившейся в результате этого социальной действительности. Не претендуя на полноту анализа, укажем на три наиболее существенных фактора появления дисгармонии межнациональных отношений и межнациональных конфликтов, которые и в современных условиях опосредованно связаны с этническим самосознанием, с его деформацией:

Во-первых, осознание личностью собственной социально-культурной значимости и ответственности, находящееся в противоречии с неразвитостью демократических норм и принципов социальной действительности и недостатками осуществляемых реформ. В условиях снижения жизненного уровня, ослабления или, наоборот, сильного усиления государственных структур, неоднозначности правовых основ

государства, роста преступности и беззакония социальная активность идет по этническому руслу. Национальная общность становится для личности едва ли не единственной формой социальной защиты. С этим связана обостренность национального чувства, аффектация этнического компонента в общей структуре социальной идентичности личности.

Во-вторых, чисто административные, «силовые» методы социальной политики, отражающиеся на национальной жизни и межнациональных отношениях. «Многие трудности социально-экономического развития различных регионов СССР, – отмечал Ю. В. Бромлей, – порождены сложившимися еще в довоенные годы командно-административными, панцентристскими методами управления без учета национальной специфики, порой без элементарного уважения к истории, традициям, нуждам той или иной нации или народности, а то и прямого произвола в решении этнонациональных проблем»¹. Исторически в общем русле командно-административной системы разрешения проблем межнациональных отношений следует рассматривать такие негативные явления, как сталинские репрессии, массовые депортации целых народов, «наказанные народы»; волюнтаристский, игнорирующий национальные и территориальные особенности, экологически «грязный» стиль организации и планирования хозяйственной жизни; подавление усилий по сохранению и воспроизводству оригинальной культурной специфики; порочная идеология беспроblemности национальных отношений. В нынешних условиях, когда «парад суверенитетов» превращается в историю развития межнациональных отношений, Указ Президента № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»² начинает носить декларативный характер. Декларативность проявляется в том, что сравнение экономического составляющего национальной политики этнических образований времен «парада суверенитетов» и настоящего несопоставимы. В основе данной несопоставимости лежат экономические взаимоотношения центра и периферии.

В-третьих, категорирование народов, этнофедеративная путаница. Провозглашенные категории и ранги этносов часто не соответствовали ни национальному составу и численности населения, ни территории, ни экономическому и социальному развитию, ни культурному потенциалу того или иного внутрифедеративного государственного

¹ Бромлей Ю. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. – М., 1987.

² Указ Президента N 1666 от 19 декабря 2012 г. "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года"// <http://base.garant.ru/70284810/>

образования. Неадекватность национальной политики нашла выражение в административно-территориальном устройстве, в частности в разделении республик на союзные и автономные. Этот аспект проблемы особо отметили Г. Гусейнов и Д. Драгунский, подчеркнувшие, что «элементы конфликтности оказались вмонтированы в территориально-административные структуры (демаркация границ в Закавказье, на Северном Кавказе, в Средней Азии проводилась в обязательном и потому, очевидно, сознательном противоречии либо с исторической традицией, либо со сложившимися к данному моменту этнодемографическими условиями, либо с тем и другим одновременно)»¹.

Исторически сложившиеся факторы дисгармонии межнациональных отношений и межнациональных конфликтов, стали в свое время предпосылкой «парада суверенитетов», который при осмыслении его причин представляется как вынужденная мера центра. И сегодня наблюдается неоднозначность национальной политики в отношении субъектов многонациональной страны, которая при определенных условиях может стать источником межнациональных противоречий. «Взрыв этничности» и её деформация, перерастая в шовинизм и национализм, в сочетании с ошибочной национальной политикой могут стать причиной конфликтности межнациональных отношений, перерастающей сегодня в прямое противостояние и военные действия². В связи с этим необходимо более пристально рассмотреть содержание этнического самосознания, которое выступает в качестве сущностного признака этноса. Этнос представляет собой сложное структурное образование, которое может быть рассмотрено в двух существенных аспектах – на уровне личности и на уровне общности. На уровне личности он субъективно воспринимается как внесоциально-этническая реальность. Это фактически означает, что на личностном уровне национальная идентификация осуществляется по признаку «крови». Следует подчеркнуть, что национальная идентификация индивида представляет собой компонент личностного этнического самосознания.

Ощущение этносом своей самобытности – важнейший элемент этнического самосознания. В глубочайшую древность уходят корни мифа о кровном родстве людей одного этноса. Этническое самосознание обладает подвижным характером, и вопрос о его содержательной

---

¹ Гусейнов Г., Драгунский Д. Национальный вопрос: попытка ответа // Вопросы философии, 1989, № 6.

² Зайлазов И.И. Социально-философские аспекты функционирования культуры этноса в многонациональном обществе (на примере башкирской культуры) // Автореферат диссертации... 2006 г.

структуре нуждается в опоре на конкретные социологические исследования. Такие исследования нашли свое отражение в работах Л. Дробизжевой, Ю. Арутюняна, В. Тишкова и др.¹.

Самосознание этноса носит исторический характер. Можно считать утвердившимся вывод о том, что социальные и культурные общности, осознание ими своей самобытности есть не что-то изначально заданное, а возникающее в процессе исторических перемен и потрясений². Идейное, культурное и духовное единство формируется в условиях исторического развития, которое является источником формирования самосознания. Прав был Н. Бердяев, когда писал, что в нации все прошлые поколения живут и пребывают не менее, чем поколения современные, а национальное сознание признает наших дедов и отцов, наших предков столь же живыми, как и нас самих³. В историческом развитии и становлении этноса формируются механизмы консолидации народа, в центре которого оказывается этническое самосознание, способное не только регулировать поведение и деятельность, но и духовно идентифицировать представителя этноса. Функциональность этнического самосознания, его способность идентифицировать личность проявляется в том что, на уровне познавательной деятельности формирует этноориентированное сознание и понимание своей этнической принадлежности, на эмоционально-ценностном уровне – духовное самочувствие, а на деятельностном уровне – поведенческие алгоритмы в соответствии историко-культурными традициями этноса.

Этническое самосознание, его степень функциональности проявляется именно в том, что в процессе формирования идентификационных механизмов и самоидентификационных стратегий представителя этноса, создаются условия консолидации носителей этнического самосознания в этнос. Именно единство познавательного, эмоционально-ценностного и деятельностного уровней этнического самосознания определяет национальную принадлежность личности и делает возможным бытие этноса. В противном случае получается сумма людей, но не этническая целостность или общность. В идентификационных механизмах и самоидентификационных стратегиях проявляется националь-

---

¹ Арутюнян Ю. В., Дробизжева Л. М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. – 2008. – № 7; Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л. М. Дробизжева. – М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. – 268 с.; Тишков В. А. Российская нация и российские национальности // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Миррегионального РФ, ИЭА РАН, 2008.

² Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. – 1987. - №3. – С. 3-20.

³ Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990.

ная саморегуляция. «Суть национальной саморегуляции заключена в возвышении индивидуального ко всеобщему и проникновении всеобщности в индивидуальность. У этноса есть общие представления о путях своего развития, общие обычаи, обряды, язык, общий способ добывания средств к жизни, общие принципы нравственности и морали. Но все эти характеристики общего индивидуализируются в каждом этносе. Этнос – это всеобщий индивид, в котором раскрываются общие моменты, а каждый человек есть особый индивид»¹. Взаимоотношения этнического и индивидуального в личности определяют степень функциональности этнического самосознания. Проникновение познавательного, эмоционально-ценностного и деятельностного уровней этнического самосознания в повседневную человеческую жизнь, проявляющееся в реализации этнических нравственных законов и правил, соблюдении национальных традиций и культуры, сохранении языка, обеспечивает жизнеспособность этноса и формирует компоненты самоуправления. Уровень развития этнических самоуправленческих начал является условием существования любой нации. На устойчивое развитие, динамику социальных и экономических процессов сильно влияют три основных фактора. Определяющим из них служит развитие экономики, ее материально-техническая база. Если в период становления новых условий развития этносов в 90-х гг. XX века в нашей стране, существенным условием было формирование рыночных отношений, то уже в настоящем актуализировались проблемы, связанные с реализацией прав собственности. Несомненным условием развития этносов или межэтнических противоречий становятся принадлежность территориальных средств производства, степень отчужденности работников от средств производства, местного населения от природных ресурсов и правила распределения результатов материального и духовного производства. Второй важнейший фактор национальной самоорганизации – характер и способ организации политической власти. Проблема организации власти, создание механизмов народовластия была и остается самой актуальной в нашей стране с начала ее истории. Реформы, политические преобразования после распада СССР, которые коснулись всех субъектов федерации, оказались не только незавершенными, но и во многих аспектах были свернуты, а результаты минимизированы. Провозглашенные идеи правового государства, выборность властных структур национальных образований и субъектов единого государства, верховенства закона, равноправия всех перед законом, гарантии прав

---

¹ Облякушев Е. Формирование национального самосознания: социально-философский анализ// автореферат диссертации по социологии. 1993 г.

этносов и личности, порой носят декларативный характер. Многие права субъектов федерации экономического, политического характера, предоставленные центром периферии в ходе реформ 90-х гг., были ограничены. И третий фактор – формирование гражданского общества.

Как было отмечено, национальное самосознание не является статичным, а имеет динамический характер, преобразовываясь в процессе исторической жизни этноса, который всегда взаимодействует с другими этносами. На конкретном этапе исторического развития в национальном самосознании формируется приуроченный к определенному историческому моменту образ своего «Я». Интериоризация данного образа служит предпосылкой формирования национальной идентичности индивида. Рост этнического самосознания, являясь феноменом общественной жизни, в индивидуальном сознании проявляется как тенденция к доминированию в нем национальных мотивов, сдвиг национальной идентичности к центру личностного самосознания¹. Действительность социально-экономической жизни человека рассматривается им через собственное национальное своеобразие. В зону явлений, подлежащих национальному «озвучиванию», вовлекаются те из них, которые ранее находились в индифферентном в национальном отношении положении. Подобное «озвучивание» стимулирует активизацию всех или нескольких структурных элементов национального самосознания, которое происходит в условиях резких преобразований жизнедеятельности этноса. Как отмечал М. Крюков, «изменения в структуре самосознания, перемены в значимости отдельных компонентов и их смысловой наполненности отражают главные перемены в судьбе этноса»².

Переход Российской Федерации к обществу, базирующемуся на экономической самостоятельности, означает также и наступление нового этапа в жизни каждого из этносов, проживающих на ее территории. Степень активизации этнического самосознания может быть различной. Несмотря на то, что прошло значительное время с начала преобразований в национальной политике, активизация языкового компонента варьируется от кружков по изучению родного языка до принятия законов о языке, гарантирующих ему статус государственного в пределах национальной республики. С тенденциями развития национальной политики связаны также восстановление культурных традиций, воскрешение забытых имен, еще недавно огульно отвергаемых культур-

¹ Заурбекова Л.Р. Формирование культуры межнационального общения в условиях роста национального самосознания // диссертация на соискание ученой степени... - М. 1991

² Крюков М. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза // Расы и народы. - 1976, вып. 6.

ных ценностей. Но этническое самосознание не замыкается исключительно на языковой и этнокультурной сферах. Вводя понятие базы национального самосознания, Л. Дробижева подчеркивает, что в ней присутствует также реалья территориальной целостности. Причем даже в условиях размывания этнокультурной специфики под воздействием межэтнических интеграционных процессов интенсивность представления о родной земле не должна неизбежно ослабевать. Если «этнокультурные особенности теряют консолидирующее значение», то признак «родная земля» оказывается в числе идентификаторов первой значимости¹. Более того, обновление общества, ориентируя национальные общности на приобретение статуса полноправного, а значит ответственного субъекта исторической жизни, способствует акцентированию этого структурного элемента этнического самосознания. Не остается вне зоны национального осмысления и сфера производственной жизни. Деформации в базисных отношениях, связанные с перекосами и несправедливостью, в многонациональной стране отражаются в национальном сознании и воспринимаются на периферии как национальная несправедливость. В условиях разбалансированности экономики, развала народнохозяйственных связей, растущего обнищания широких слоев населения различия в уровне жизни в национальном сознании отражаются как несправедливые.

1.2. Проблемы самоопределения и суверенитета этносов

Внутриполитическая и государственная история России со времен формирования централизованного государства начинает носить характер межнациональных взаимоотношений центра и периферии. Интенсивность проблемы межнациональных отношений в российском государстве, хотя и не всегда находилась в состоянии обострения, но бесспорно оставалась существенным условием выстраивания внутренней государственной политики. Существенной причиной усиления межнациональной напряженности в прошлом и настоящем, прежде всего, явились крупные недостатки в национально-государственном строительстве, обостренные экономическим и социально-политическим неравенством отдельных этносов, которые фактически оказались в зависимом положении от других этносов (например, осетины и абхазы в Грузии, армяне Нагорного Карабаха в Азербайджане).

---

¹ Дробижева Л. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография, 1985, № 5

Взаимно переплетенные чувства ущемленности экономических, социальных и культурных интересов и запросов одной нации, вызванные притязаниями или агрессией другой, поставленной в более выгодные национально-государственные условия, до сих пор создают в этих и других регионах конфликтную ситуацию на почве обострения межнациональной розни.

Этническое самосознание особенно сильно проявляется в вопросе о национально-территориальном суверенитете и национальном государстве. Это находит выражение в осознании необходимости осуществления права на самоопределение как одного из важнейших прав этноса, выражающих его суверенитет. В советский период были созданы союзные и автономные республики и другие национально-территориальные образования, но уровень их реальных прав был низок. В научной литературе в последнее время неоднократно высказывалась точка зрения, что подмена права на самоопределение нации в бывшем СССР декларированием возможности отделения и образования своего государства сочеталась с великодержавно-шовинистическим курсом режима. Сущностное содержание этого лозунга обесценивалось фактическим процессом дестнизации. Сепаратистские тенденции, ярко проявившиеся в последнее время и резко осложнившие межнациональные отношения, явились, в частности, и реакцией на эту извращенную этнополитическую практику.

В широком плане идея реализации права на самоопределение является позитивной и содействует созданию условий для развития этносов и оптимизации межнациональных отношений. Рост этнического самосознания влияет на межнациональные конфликты тогда, когда ненаучно и несправедливо ставится вопрос об образовании самостоятельного государства или унитаризации государства, либо ущемляется суверенитет субъектов единого многонационального образования. Многие специалисты выделяют в принципе самоопределения два аспекта: во-первых, юридический. В юридическом плане право на самоопределение признается за каждым этносом. Во-вторых, политический. Форма реализации этого права считается вопросом политическим и разрешается в каждом конкретном случае с учетом комплекса социально-политических условий. Самоопределение может принимать форму государственного отделения либо вхождения в другое государство (федерацию, конфедерацию, союз) с реализацией суверенитета также в различных формах. Государство, в состав которого входит самоопределяющийся народ, обязано предоставить ему право на самоопределение, но при определении формы реализации этого права оно

должно учитывать интересы других народов, а также сохранения целостности своей территории¹.

История страны последних двух десятилетий показала, актуализация идеи государственного суверенитета является одним из факторов роста этнического самосознания. Несмотря на богатую событийность, положительные изменения, теоретическая и практическая значимость проблемы межнациональных отношений не теряют свою актуальность. Адекватное решение вопроса о государственном суверенитете в национально-территориальных образованиях до сих пор оставляет актуальным анализ такой теоретической проблемы, как соотношение национального и государственного в условиях политической стратификации населения.

Безусловно, возрастание значимости проблемы государственного суверенитета играет в современных условиях положительную роль. Состояние этнического самосознания имело немаловажное значение в обретении суверенитета бывшими союзными республиками СССР, в значительном повышении статуса бывших автономных республик. Но, проблемы межнационального характера, которые сохранились до настоящего времени в ныне суверенных государствах, бывших союзных республиках, внутрироссийском федеральном государстве, являются результатом ответной реакции на прежнюю национальную политику Советского Союза или уровня национального самосознания этносов. В настоящий момент проблема соотношения между национальным и государственным в социально-экономическом, политико-правовом и культурном аспектах, порой решается административным ресурсом, что, прежде всего, связано с усилением центра и выстроенной вертикали власти. Межнациональные отношения ухудшаются тогда, когда, повторим, ненаучно и несправедливо ставится вопрос об образовании самостоятельного государства или об унитаризации государства. Но еще более сложный момент – проблема прав и свобод этноса.

Одна из основных особенностей современного этапа развития человечества проявляется в стремлении этносов обрести суверенитет и самим решать свою судьбу. Для человека проблема суверенитета этносов – один из кардинальных вопросов, от решения которого зависит мир на земном шаре, общественный прогресс, преодоление глобальных проблем человечества. От решения совокупности проблем, связанных с суверенитетом этносов, во многом, а нередко в решающей степени зависит оптимальное существование и развитие народов, доброжела-

---

¹ Тишков В.А. О феномене этничности// Этнографическое обозрение. – 1987. – №3. – С. 3-20.

тельные отношения между ними, стабильность социально-политической ситуации в стране. Человечество находится на начальном этапе осуществления суверенитета прав и свобод этносов, и трудный, противоречивый опыт России на этом пути является весьма поучительным. Регионами, где на современном этапе злободневной стала проблема прав этносов, выступают уже не только Ближний Восток, Средний Восток, Балканы, но и Европа, США. К тому подтверждением выступают миграционный коллапс в Европе, миграционный кризис в США, провал политики мультикультурализма. В планетарном масштабе суверенитет этносов – острая проблема, которая может перерасти с региональных конфликтов в мировую. В этом отношении очень показательна проблема этнического суверенитета курдов и события на территории Сирии, Ирака, внешняя политика Турции. От того, как будет в этих регионах решаться вопрос о суверенитете этносов, зависит мир и спокойствие в них. К числу стран, в которых предстоит решать этот вопрос в ближайшие десятилетия, относятся Канада, Испания, Бельгия, бывшие республики Югославии, Шри Ланка и некоторые бывшие республики СССР. К реализации этой проблемы еще только приступают многие государства Африки, Азии, Латинской Америки. Без преувеличения можно сказать, что весь XXI, а вероятно и XXII век составят период, когда сотни этносов будут добиваться реализации своего права на суверенитет. Если XIX и XX вв. прошли под знаком борьбы за права и свободы человека и гражданина, то XXI и XXII вв. пройдут под знаком борьбы за суверенитет, права и свободы этносов. Временной продолженности решения проблемы суверенитета этносов будут влиять такие факторы, как глобализация и новые политтехнологии ведущих мировых держав, заинтересованных в существовании третьего мира.

Изучение суверенитета этносов остается одной из самых приоритетных задач социологии, политологии, правоведения, этнологии, антропологии и многих других гуманитарных наук. Зарождается самостоятельная отрасль права – национальное право. Проблема суверенитета этносов в теоретическом и политико-практическом плане разработана слабо. В этом отношении вопросы суверенитета личности, ее прав и свобод, суверенитета государства исследованы в значительно большей степени.

Суверенитет этноса – это один из самых значимых для человечества типов суверенитета, означающий, что сам этнос определяет содержание и формы своего существования и развития во всех сферах жизнедеятельности. Субъект национального суверенитета – этнос. Ни другие народы, ни государство, ни какие-либо иные субъекты не вправе лишать

или ущемлять суверенитет этноса. Он сам автономен в решении вопроса о своей этнической жизнедеятельности. Национальный суверенитет, права и свободы этносов составляют формы отношений между этносами, а также между этносом и государством. Отношения между ними могут характеризоваться как межэтнические и межгосударственно-этнические. Суверенитет выражается в естественных правах этноса, таких, как право на существование и волеизъявление, на проживание на своей исконной территории и распоряжение природными ресурсами, этносоциализация, а также в юридических правах, реализуемых через создаваемые народом государство и другие социальные институты. Суверенитет этноса относится к самым высоким ценностям человечества, стоящим в одном ряду с такими ценностями, как права и свободы личности, равноправие женщин и мужчин, суверенитет государства и др.

Основными свободами этноса являются:

- свобода от вмешательства других народов и государства в процесс этнического воспроизводства, функционирования и развития;
- свобода вхождения и выхода из состава данного государства;
- свобода от эксплуатации, дискриминации со стороны других народов;
- свобода определения путей, форм и направлений своего этнического функционирования и развития.

К основным правам этноса относятся:

- равноправие со всеми другими этносами, проживающими в данном государстве, во всех сферах общественной жизни;
- добровольное решение вопроса о вхождении или выходе из состава государства;
- свободное волеизъявление, самоопределение в различных формах вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;
- обучение детей на родном языке;
- использование родного языка лицами данной национальности в общении между собой и во всех сферах жизнедеятельности;
- соблюдение своих обычаев, традиций и обрядов;
- установление связей, национально-культурное общение, сотрудничество и взаимопомощь с лицами своей национальности, проживающими в других регионах государства и за рубежом;
- обеспечение условий этносоциализации личности, воспитания на родном языке и национальной культуре;
- создание такой материально-технической базы, которая позволяет развивать национальную культуру и средства массовой информации на родном языке;

- образование национальных общественных организаций для решения национально-культурных проблем;
- уважение этноса, привлечение к ответственности за дискриминацию народа;
- сохранение и защита своей территории, окружающей среды, запрещение испытаний на ней ядерного, химического и бактериологического оружия, захоронения радиоактивных отходов;
- обеспечение этнической преемственности поколений, формирование исторической памяти;
- сохранение материальных основ быта, исторических памятников, ремесел, промыслов;
- оказание всемерной всесторонней помощи своим этническим группам, проживающим вне пределов территории своего этнического массива;
- учет воли этноса при решении вопросов об использовании его земной, водной и воздушной среды, при использовании природных ресурсов, находящихся на территории ее исконного проживания;
- создание условий для нормальной жизнедеятельности лицам своей национальности, равно как и лицам других национальностей при возвращении их на свою этническую родину;
- признание родного языка государственным, официальным на территории проживания основного этнического массива и региональным – в местах проживания территориальных этнических групп;
- сохранение, воспроизводство и развитие своих духовных ценностей.

История развития прав и свобод человека оказалась показательной в том плане, что расширение культурно-творческих, политико-правовых возможностей и сфер деятельности индивида, автоматически не приводит расширению суверенитета этноса, его политико-правовых возможностей. Этноты – не сумма личностей, а их совокупность, и, как целостность, они имеют свою систему прав и свобод. Сумма прав и свобод индивидов, если они и являются представителями одного этноса, независимо в какой бы области эти права и свободы не были, не становится правами и свободами этноса. Права и свободы личности и этноса нельзя приравнивать или противопоставлять. Это феномены, которые находятся как бы в разных «системах отсчета», в разных плоскостях. Права и свободы личности можно сравнить с правами и свободами других личностей, а права и свободы этносов – с правами и свободами других этносов. Ни один этнос не имеет права ущемлять суверенитет другого этноса. Каждый этнос имеет право на то, чтобы его

права и свободы уважались и не ущемлялись, а также право быть свободным и не подвергаться угнетению других. Ни один этнос не имеет права угнетать другие этносы, ущемлять их права и свободы. Поэтому необходимо провозглашение суверенитета, прав и свобод этносов и обеспечение гарантий их реализации. Подлинно правовым и демократическим может называться то государство, в котором обеспечены не только права и свободы личности, но и права и свободы этносов.

Если по большому счету в теоретическом и политическом плане оценивать эту проблему, то следует сказать, что Россию тогда можно будет считать в полном и подлинном смысле слова демократическим, федеративным и правовым государством, когда она провозгласит суверенитет, права и свободы этносов и будет готова гарантировать их. Конституция Российской Федерации поднялась до уровня провозглашения и гарантий прав и свобод личности, но еще не поднялась до уровня провозглашения, а тем более обеспечения прав и свобод этносов. Это относится и к конституциям других государств, и к международным документам. Правовое обеспечение суверенитета, прав и свобод этносов только начинает развиваться. Появились документы о национальных меньшинствах, об аборигенах, о языках. Однако системы документов как международных, так и европейских о суверенитете, правах и свободах этносов нет. В международных и европейских документах, в которых предусматривается решение национальных проблем, речь преимущественно идет об обеспечении равенства граждан разной национальности перед законом, но не содержится положений о равноправии этносов, о провозглашении и гарантиях их суверенитета, прав и свобод. Во всех существующих документах эта проблема упоминается вскользь. Нужна международная декларация прав этносов, наподобие "Всеобщей Декларации прав человека", принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Пока известен только один документ о правах этносов – это "Декларация прав народов России", принятая в первый год существования советской власти в России. Нужны аналогичные российские документы с учетом современных реалий.

Осуществление права наций на самоопределение составляет сердцевину реализации суверенитета этноса. Однако сколь бы важной и решающей ни была эта проблема, она не охватывает всего круга вопросов суверенитета этноса – понятия более широкого и емкого, чем право нации на самоопределение. Хотя последнее и является одним из главных элементов суверенитета этноса, он не сводится к праву на самоопределение. В современных условиях одним из самых острых и актуальных вопросов в России и во многих других странах является

вопрос о взаимоотношениях этноса и государства. Здесь возникает несколько сложных моментов, служащих яблоком раздора между этносом и государством. Так, если рассматривать этот вопрос в историческом плане и в перспективе, то не следует абсолютизировать роль государства в исторических судьбах и развитии этноса и существующие формы государств и формы взаимоотношений между государством и различными национально-территориальными образованиями внутри него. Этнотыпы в разных формах существуют столько, сколько лет человечеству, государство же возникает только на определенном этапе исторического развития этносов. Не государство создает этнотыпы, а этнотыпы, состоящие из различных социальных групп, создают государство, и они не могут быть ни собственностью, ни пленниками государства. Особенно некорректно теоретически и неверно в политико-практическом плане рассматривать проблемы функционирования какого-либо этноса только в составе какого-то государства. Если соотносить суверенитет этноса, и в частности его права на самоопределение, с целостностью какого-либо государства, то приоритет принадлежит суверенитету этноса. Абхазы как этнос существуют многие сотни и тысячи лет. Несколько десятков лет они находились в составе Грузии. Вопрос в том, быть или не быть абхазам в составе грузинского государства, может решать только абхазский народ путем свободного волеизъявления. Эта воля абхазского народа выше воли государственных органов Грузии к сохранению целостности своего государства путем принудительного сохранения в нем абхазов. Напомним, что когда грузинские лидеры возглавляли борьбу за выход из состава СССР, они говорили: «Грузины имеют право на самоопределение вплоть до отделения и существования как независимого государства». Но такого же права за абхазами они не признают. Абхазы могут сказать лидерам грузинского государства словами американского президента А. Линкольна: «Никогда не отнимайте у другого народа тех прав, которые Вы себе выбрали».

Когда этнос имеет свое национальное государство (например, Франция, Норвегия, Италия и др.), то все проблемы его суверенитета решаются оптимально, поскольку в этом случае суверенитет этноса в плане права на самоопределение совпадает с суверенитетом государства. Все проблемы этнического и в целом общественного развития решаются в рамках этого этнического государства. Следовательно, существование национального государства является самой оптимальной формой реализации суверенитета этноса, осуществления его прав и свобод. В многонациональном государстве благоприятные условия для

реализации своего суверенитета, прав и свобод имеет государствообразующий этнос. Иначе обстоит дело, когда этнос находится в составе многонационального государства и не является государствообразующим народом. К таким этносам относятся курды в Турции и Иране, тамилы в Шри Ланка, абхазы в Грузии, венгры в Румынии и т. д. Десятки таких государств насчитываются в Азии и в Африке, их немало в Америке и Европе. В этом случае вопросы реализации суверенитета этносов решаются на стыке взаимоотношений государства и этноса. Пример легитимного, цивилизованного подхода к решению вопроса о праве этноса на самоопределение вплоть до отделения являет в наши дни Канада. Обе стороны – французская этническая группа и государственные органы Канады – вели себя легитимно, действовали цивилизованно в рамках существующих законов. Сторонники отделения Квебека свое требование выдвинули мирными, легитимными средствами. Таким же образом поступили центральные государственные органы, назначив референдум, на котором большинство граждан проголосовало против отделения Квебека, и он остался в составе Канады. Показательно, что легитимно, законопослушно повели себя после референдума не только центральные государственные органы и представители большинства, но и меньшинство, которое признало итоги референдума и заявило, что будет продолжать усилия, направленные на отделение Квебека от Канады, пользуясь легитимными методами.

Россия – одно из самых многонациональных государств мира. На её территории проживает более 190 народов, в число которых входят не только коренные малые и автохтонные народы страны¹, из 190 этносов порядка 40 являются этноареальными, живущими на своей исконной территории. Когда мы сравниваем наше федеративное государство с другими, надо иметь в виду, что германское федеративное государство является одноплеменным, а Соединенные Штаты Америки – безплеменным федеративным государством. В США и Германии в вопросах государственного устройства другие (кроме американцев и немцев) этносы и этнические группы не принимаются во внимание. Существуют две основные формы реализации суверенитета этноса и права на самоопределение в многонациональном государстве:

– реализация своих прав на самоопределение направлений социально-экономического, политико-правового и культурного развития в рамках многонационального государства и его правового поля, раз-

---

¹ Всероссийская перепись населения 2010. Том 1. Численность и размещение населения// http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_togi1612.htm

граничивая полномочия между центром и национально-территориальным образованием;

– реализация прав на самоопределение путем выхода из состава этого государства и образование своего национального государства.

Во втором случае все проблемы осуществления суверенитета в полном объеме, во всех его компонентах решаются этносом в создаваемом им национальном государстве. Примером того, как этнос реализует свой суверенитет подобным путем, может служить выход Польши и Финляндии из состава России после Первой мировой войны. Поляки и финны воспользовались правом на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, провозглашенного советской властью. Таким же путем реализовали свое право на самоопределение Корея, вышедшая из состава Китая, Бангладеш, отделившийся от Пакистана.

Несмотря на существенные нарушения прав этносов, которые были допущены в СССР и России, они являются во многих отношениях примером реализации суверенитета этносов в различных формах. Хотя суверенитет союзных республик в составе СССР был весьма ограниченным, тем не менее, они формально и, в определенной степени, фактически были государствами в составе федеративного государства – СССР. Более того, отдельные республики, включая в себя государственно-автономные образования, сами были федеративными государствами. Некоторые народы, входящие в состав союзных республик, реализовали свое право на самоопределение, примером которого служат республики Таджикистан и Киргизия, соответственно вышедшие из состава Узбекистана и Казахстана. Они являются примером реализации права на самоопределение и образование своего государства – союзной республики. В советские годы был один уникальный случай, когда этнос – каракалпаки – в течение тридцати лет поочередно находился в составе трех республик – РСФСР, Казахстана, Узбекистана. Свое право на самоопределение каракалпаки реализовали без конфликта и каких-либо обострений межнациональных или властно-властных отношений. Также легитимно воспользовались правом наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства бывшие союзные республики СССР, ныне являющиеся независимыми государствами.

В реальной жизни бывают случаи, когда реализация права нации на самоопределение и другие элементы суверенитета этносов невозможна в форме отделения и образования самостоятельного государства, что порождает проблему его осуществления в иных формах. Сле-

дует различать вопрос о признании права этноса на самоопределение вплоть до государственного отделения от практической целесообразности реализации этого права. Во многих случаях оно может быть провозглашено и гарантировано, а в реальной жизни в интересах этноса возникает необходимость, даже целесообразность осуществления его в иных формах. Такое положение, в частности, складывается для многих этносов России, находящихся в составе Российского государства на протяжении нескольких столетий. К примеру, башкиры, как и другие населяющие Россию народы, глубоко интегрированы в общероссийскую систему, состоят в тесных взаимоотношениях с другими народами. Эта интегрированность охватывает все сферы жизнедеятельности этносов – экономическую, социальную, национальную, политическую, культурную, духовную. Выйдя из состава России и функционируя в сложных условиях нахождения внутри территории Российского государства, Башкортостан окажется в значительно более трудных условиях, чем существующие сейчас. Башкирам, татарам, чувашам, мари, удмуртам и другим этносам легче решать свои проблемы, находясь в составе единого Российского государства, нежели выйдя из него. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что Башкортостан и другие республики Российской Федерации приняли правильное решение – оставаться в составе России, повышать и укреплять свой суверенитет и решать свои национальные проблемы, находясь в рамках единого Российского государства. Для этноареальных народов России это – оптимальная реализация права наций на самоопределение и других элементов осуществления своего суверенитета. Все национальные, экономические, социальные, политические, культурные, духовные проблемы народы республик Российской Федерации могут решать в ее составе. В этом отношении очень важно, чтобы республики соблюдали Конституцию России и привели свои конституции и законы в соответствие с ней. Конституция Российской Федерации также нуждается в совершенствовании с учетом Федеративного договора, конституций республик и двусторонних договоров, а федеральные государственные органы обязаны столь же неукоснительно соблюдать Федеративный договор, приложения к нему и двусторонние соглашения о разграничении полномочий и предметов ведения между федеральными государственными органами и республиками.

В связи со сложными процессами, происшедшими после провозглашения в 1992 г. независимости Российской Федерации и последующего провозглашения государственного суверенитета республиками, в государственном устройстве России несколько иной характер приоб-

ретае проблема субъектов федерации. Обычно федеративное государство образуется в результате добровольного объединения составляющих ее субъектов, которые подписывают договор о его образовании. В России такой основополагающий документ, как Федеративный Договор, подписан представителем федеральных органов государственной власти и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации. Из этого вытекает противоречивое единство статуса республик России. С одной стороны, они, как равноправные субъекты, подписывают договор с федеральными государственными органами России, что подчеркивает их суверенность, с другой – они суверенные республики в составе Российской Федерации. У национальных субъектов России есть и другие особенности. В одном и том же государстве сосуществуют различные субъекты, форма территориальных образований которых могут быть неодинаковыми. Так, Башкортостан и Татарстан – национально-территориальные субъекты, а Тульская и Новгородская области – административно-территориальные субъекты. Они равноправны, но имеют своеобразие. Национальный аспект государства не может не накладывать отпечатка на особенности республик как специфических субъектов Российского государства. Для Новгородской и Тульской областей вопрос об их статусе связан с расширением их региональных прав в решении своих социально-экономических проблем. Для Башкортостана, Татарстана и других республик их статус – основа не только для решения социально-экономических проблем, но и национального самоопределения этноса в государственной форме. Если многочисленные этноареальные народы реализуют свое право на самоопределение в форме суверенной республики, то малочисленные народы, как правило, реализуют это право в форме образования автономных областей и автономных округов.

Общероссийское и международное значение опыта реализации суверенитета этноса Башкортостаном, Татарстаном и другими республиками состоит в том, что он показал возможность мирного легитимного договорного решения проблемы реализации права этноса на самоопределение в составе федеративного государства и функционирования этнического суверенитета в составе этого федеративного государства. Общероссийское и международное значение опыта чеченского народа заключается в том, что он показал моральную и правовую несостоятельность и практическую бессмысленность и невозможность насильственного подавления стремления этноса к реализации своего суверенитета и права на самоопределение. Из уроков чеченского кризиса вытекает неодолимость стремления этноса осуществить свой су-

веренитет, а также целесообразность, необходимость решения противоречий между стремлением народа реализовать свой суверенитет и стремлением государства сохранить свою целостность и неделимость только легитимными, мирными, цивилизованными, правовыми, политическими и нравственными методами.

Опыт всех республик России показал, что неправомерно абсолютизировать какие-то конкретные формы реализации суверенитета этноса в федеративном государстве. Национальная государственность этноса может быть реализована в форме суверенной республики, как это осуществлено сейчас в Башкортостане; в форме равноправного члена содружества, государства, имеющего конфедеративную форму связи с федеральным государством; в форме ассоциированного государства и др. Такое многообразие форм национально-государственного устройства позволяет в самых сложных условиях находить адекватные формы реализации суверенитета этносов. Думается, несостоятельной является точка зрения о том, что все субъекты федеративного государства должны обязательно иметь одинаковый статус, стандартную, шаблонную форму вхождения в федеративное государство. Опыт России и некоторых других стран дает основание для вывода о том, что в одном и том же федеративном государстве, в зависимости от конкретных условий, могут существовать разные формы национальной государственности входящих в его состав этносов. Это относится и к национальным республикам.

Для того чтобы реализовалось право этносов на самоопределение в различных формах национально-государственного образования в условиях многонационального государства, необходимо, чтобы его формы также были многообразными. Можно предположить, что наряду с унитарным и федеративным государством появятся государства конфедеративные, содружества, союзные и др. При этом особенно важно, чтобы одно и то же многонациональное государство допускало различные формы реализации права этносов на самоопределение. В одном и том же многонациональном государстве должна предусматриваться возможность наличия национально-государственных образований, входящих в него в федеративной, конфедеративной, союзной, содружественной и других формах.

Следует различать права и свободы этноса и права и свободы части этноса, его этнических групп, диаспор. Соответственно и их проблемы решаются неодинаково. В настоящее время в Российском федеративном государстве сложились три формы реализации суверенитета этносов:

первая (для этноареальных народов) – создание национально-территориальных образований: республик, округов и т. п. Таких обра-

зований в России 33. Они являются разными формами реализации суверенитета этносов. Следует, однако, заметить, что в России имеется более двух десятков этноареальных коренных народов, которые еще не имеют своих национально-территориальных образований, и это еще предстоит реализовать;

вторая – различные общественные негосударственные структуры – национально-культурные объединения типа «Урал», ТОЦ, «Кобзарь» (Республика Башкортостан) и др., а также получающие в последнее время широкое распространение конгрессы народов с их структурами. В частности, Всемирный конгресс башкир с его структурами является примером не государственной общественной формы реализации суверенитета башкирского народа в международном масштабе, а в органичном сочетании республики и отделений конгресса – формой реализации прав и свобод башкир, проживающих в республиках и областях за пределами Башкортостана. Сейчас назрела необходимость принятия международных, региональных и российских документов, которые определяли бы статус этих общественных структур с учетом того, что некоторые народы имеют свои республики, а другие нет;

третьей формой реализации суверенитета, прав и свобод этносов может стать национально-культурная автономия, закон о которой хотя и с большим трудом, но пробивает себе дорогу. Ее особенность заключается в общественно-государственной форме реализации суверенитета этноса. Для более 100 дисперсных народов и групп России, которые не имеют и не могут иметь своих национально-территориальных образований, она в сочетании с различными общественными организациями представляет собой наиболее целесообразную форму реализации суверенитета, позволяющую изучать, ставить и решать национальные проблемы. Неправы те ученые и политики, которые полагают, что национально-культурная автономия не нужна для народов, имеющих свои республики. Для основного этнического массива, проживающего в республике, она, разумеется, не нужна, но для диаспор этого народа, проживающих вне своей республики, она необходима. Не говоря уже об инициативной работе самих отделений национально-культурной автономии, республиканские органы смогут, сотрудничая с ними, оказывать разнообразную помощь своим диаспорам.

Было бы упрощением не видеть тех противоречий и сложных проблем, которые предстоит решать в целях реализации суверенитета этносов:

первая – учет интересов других этносов и этнических групп, проживающих в регионе. В Башкортостане, например, эта проблема

решена таким образом, что республика одновременно является примером реализации права башкирской нации на самоопределение в форме своей национальной государственности и права всех народов, населяющих эту территорию, на создание единого общего многонационального государства в составе Российской Федерации. Несомненно, это противоречие, но противоречие самой реальности, жизни;

другой, еще более сложной проблемой является разрешение противоречия между правом этноса на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и конституционным положением о целостности и единстве Российской Федерации. Консенсусное решение этой проблемы, как показал опыт Башкортостана, Татарстана, Чечни и других республик, видится в провозглашении Конституцией РФ права на самоопределение вплоть до отделения и в стремлении этносов с учетом многовекового сотворчества найти приемлемые формы своего статуса в составе России, ибо выход из России противоречит интересам народов. При этом в многонациональном государстве могут быть разные формы национальной государственности различных народов. Но главное, конечно, заключается в том, чтобы создать подлинно федеративное государство, не вызывающее ни у одного народа желания выйти из него;

третьей из самых значимых проблем является признание этноса субъектом права, субъектом федерации и республики. В связи с этим напрашивается необходимость иметь в Конституции России главу «Суверенитет, права и свободы этносов», в конституциях республик – главу «Права и свободы этносов и этнических групп» и законы о механизмах их реализации.

В специфических условиях России, да и не только России, злободневной является проблема федерального общенационального (общенародного) для всех этносов Российской Федерации сознания. Существует диалектика соотношения национального самосознания личности и осознания ею своей принадлежности к более широкой специфической общности Российской Федерации – российскому народу. Федеральное самосознание существует наряду и вместе с этническим, а личность оказывается носителем сразу двух этих форм. Россиянин ощущает свою принадлежность, как к собственному этносу, так и к российскому народу. В данном случае можно говорить о существовании двух форм самоидентификации личности: этнической и общероссийской. Говоря о соотношении этнической и общероссийской форм самосознания, следует отметить, что при этом существенное значение имеет обеспечение единства ценностей российских и этнических. В

области межнациональных отношений может возникнуть опасность рецидива политической практики, отмеченной дефицитом внимания к национальной специфике, умалением значимости национальных интересов, вольным или невольным ущемлением национального чувства или, наоборот, игнорированием общероссийских ценностей. В обоих случаях это ведет к дисгармонии межнациональных отношений, а иногда и к конфликтам.

В более широком плане характер соотношения этнического самосознания и понимания многонациональной целостности и единства можно проследить по мере его изменения на четырех уровнях:

- первый уровень – этнический. На этом, исходном уровне этническое самосознание связано с представлениями о своем этносе;
- на втором уровне этническое самосознание приобретает более широкий характер, и личность идентифицирует себя не только со своим этносом, но и с российским народом, с группой российских этносов;
- на третьем – формируется сознание общности группы народов региона;
- на четвертом – общечеловеческое сознание, завершающееся усвоением общечеловеческих ценностей.

Предлагаемая уровневая дифференциация этнического самосознания носит, разумеется, исследовательский характер и ни в коей мере не претендует на полноту. Отсюда становится ясной соотношенность уровневой дифференциации этнического самосознания с социальной расслоенностью общества. Анализ этнического самосознания позволяет понять и природу таких духовных феноменов, как «этническая идентификация» и «этноцентризм», и их роль в развитии межнациональных отношений в современном мире. Они в определенной мере дают ключ к раскрытию проблем отношений между этносами.

Зрелость этнического самосознания во многом определяется способностью осознавать взаимосвязи интересов своего этноса с новыми объективными процессами мирового, государственного и регионального масштаба. Нужны изменения в подходах к пониманию необходимости усвоения господствующих тенденций мирового развития, того, что все народы являются творцами – пусть разными – одной и той же цивилизации, общности исторических судеб народов мира при уникальности и самобытности каждого из них.

Закономерности и динамика формирования и развития этнического сознания могут быть адекватно поняты лишь с учетом общеметодологического положения о диалектическом взаимодействии внут-

ренного и внешнего, единичного и целого. На поверхности мы видим чередование периодов подъема и спада этничности, происходящих не только под воздействием специфики этнических процессов. Реальная жизнь этноса всегда протекает в конкретных социально-экономических условиях, она вписана в общий для многих народов процесс исторического развития. Изменения в этих условиях отражаются в этническом сознании и также становятся его детерминантами. В этой связи различные межнациональные конфликты представляются одним из неизбежных и, по справедливости, тревожных проявлений общего болезненного характера общества. Только реальная демократизация, выводящая широкие слои населения из состояния социальной и политической индифферентности, радикальная экономическая реформа способны создать ту социально-экономическую обстановку, в условиях которой возможно адекватное решение проблемы межнациональных отношений. Как отмечала Л. Дробижева, «сами зоны актуализации национальных интересов подвижны, исторически относительно быстро могут меняться, ибо всегда обусловлены социальными интересами»¹. Чередование «всплесков» и «охлаждений» этнических чувств, по мнению В. Тишкова, высказанному в период перестройки, подчинено объективной закономерности, нуждающейся в выявлении².

Существуют закономерности чередования и длительности периодов подъема и спада этничности. Рост этнического самосознания на современном этапе – позитивный процесс. Он является мощным импульсом и показателем возрождения и развития этносов, их духовной культуры; ведет к улучшению взаимоотношений этносов, к гармонизации межнациональных отношений. Взаимоотношения этносов становятся более равноправными, усиливается их взаимопонимание, взаимное уважение. В ходе возрастания этнического самосознания преодолеваются элементы шовинизма и национализма.

При научной и справедливой политике возрастание этнического самосознания выступает фактором укрепления дружбы народов, оптимизации межнациональных отношений и не ведет к межнациональным конфликтам, и наоборот: ненаучная, несправедливая политика ведет к обострению межнациональных отношений и конфликтам. В некоторых регионах России возрастание этнического самосознания было использовано отдельными деструктивными элементами для обострения межнацио-

---

¹ Дробижева Л. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития. <http://www.studfiles.ru/preview/4367834/page:15/>

² Мировые мегаполисы и проблемы межэтнического согласия // Жизнь национальностей. 2010. № 3. С. 41–47.

нальных отношений, отношений между республиками и центральными органами России. К такому ходу событий вели и ошибки федеральных органов в национальной и социально-экономической политике. На современном этапе функционирование национальной политики, обусловленное перекраиванием социально-экономических, политико-правовых полномочий национально-территориальных образований, что находит отражение в распределении результатов производственной деятельности региона, отношения к территориальным средствам производства и природным ресурсам, усилении центра и выстраивании вертикали власти, закладывает основание будущих межнациональных противоречий.

Одним из основных этнополитических факторов, порождающих дисгармонию межнациональных отношений и конфликты, являются ошибки в политике и практике, связанные со стремлением изменить существующую этническую стратификацию, многогранную по своей природе. Она охватывает показатели национально-культурного развития и другие характеристики уровня этнического развития, такие, как этническое самосознание, характер, психика, самоидентификация, развитие обрядов, обычаев, традиций и другие этнические характеристики, связанные с социально-экономическими и политическими условиями.

Этносы развиваются неравномерно и занимают разное положение в структуре общества. Это порождает в современных условиях их стремление ускорить темпы своего этнического, особенно национально-культурного развития, изменить свое положение в обществе, что при правильной политике ведет к оптимизации процесса возрождения и развития этносов и к улучшению взаимоотношений между ними. Однако этот процесс не всегда проходит гладко, иногда он принимает болезненный характер.

В многонациональных государствах, какими являются почти все государства мира, этносы и этнические группы так или иначе отличаются по своему статусу. Говоря о том, что положение этносов в обществе и государстве может стать источником конфликта, надо учитывать, что подобное происходит, когда налицо не только неравноправность положения этносов и этнических групп, но и стремление насильственно, без учета интересов других этносов изменить положение. Необходимость изменения этнической стратификации назрела и в мире, и в регионах, и в отдельных странах. Это находит отражение в этническом самосознании, приводящем к межнациональным конфликтам там и тогда, где и когда пытаются насильственно, неправовыми и безнравственными методами менять существующее положение или сопротивляются его изменению.

В свете сложнейших межнациональных конфликтов проблема выработки теоретических и методологических концепций этнической стратификации является актуальнейшей задачей науки. Данная проблема в отечественной социально-гуманитарной наукой разработана крайне слабо. Изучение развития этнической стратификации в современных условиях можно осуществлять, широко используя такие прогрессивные методы исследования, как измерение, экспериментирование и моделирование. Можно выявить систему признаков и критериев социального расслоения, неравенства в обществе, его этносоциальную структуру, элементы этой структуры, особенности ее строения и закономерности функционирования; используя страты (ранг, статус, власть и др.), можно определить иерархические ниши в национально-государственном устройстве, а также положение тех или иных этносов в обществе, а на основе этого – состояние их национальной культуры, ее функционирование и перспективы развития.

На наш взгляд, необходимо уяснить гносеологические особенности подходов к определению этноса как субъекта национально-территориальных образований. В этнической классификации основной единицей является этнос, обладающий наибольшей интенсивностью этнических свойств¹. В частности, в классификационном разделении этнических общностей это обнаруживается в том, что уровни этнической классификации, отличные от основного, строятся на одном или нескольких признаках из всей их совокупности, входящих в состав этноса². К настоящему времени в этнографической науке проведена определенная субординация компонентов этноса. Общность экономической жизни, территории, государственности относят к условиям формирования, а общность культурную, языковую, психологического склада, самосознания – к собственно этническим признакам. Исследование этих разных сущностных порядков требует и применения различающихся процедур.

В этнографических исследованиях характерным является прием выведения с помощью наблюдения и обобщения в качестве существенных (основных) признаков этноса таких фактов непосредственной исторической реальности, которые обязательны во всех без исключения случаях. Логика рассуждения при этом приблизительно такая: общность экономической жизни данного этноса (этносов) может разрываться политическими границами, но это не означает разрушения

¹ Бромлей Ю. Этнос и этнография. - М., 1973.

² Козлов В. О классификации этнических общностей (состояние вопроса) // Исследование по общей этнографии. - М., 1979.

других признаков; следовательно, общность экономической жизни – не обязательный, а значит, и не основной признак этноса. В данном случае мы не солидарны с подобным рассуждением. Ту же операцию можно провести относительно чуть ли не каждого признака. Последовательное выведение признаков приводит к тому, что, безусловно, обязательным остается признак особенностей культуры (быта, обычаев, традиций и т. п.). Он и служит средством разграничения этносов. В рассматриваемом плане совершенно справедливо замечание В. Козлова о том, что «этническими признаками в узком смысле этого слова следует называть те специфические черты этноса, которые отражают реально значение для существующие различия между отдельными конкретными этносами, выделяя каждый из них среди других»¹.

Этническая стратификация порождает как национальные, так и межнациональные проблемы, решение которых имеет существенное развития этносов и гармонизации их отношений. Решение национальных проблем создает предпосылки для ускорения темпов этнического саморазвития народов, а тем из них, которые отстали по каким-то показателям своего развития, – достичь соответствующих характеристик этносов, ушедших вперед. Этническая стратификация ведет к ухудшению межнациональных отношений и к конфликтам тогда, когда этносы стремятся занять одни и те же ниши в обществе, завладеть одними и теми же ресурсами, осуществлять контроль над средствами достижения поставленных целей. Таким образом, в многонациональном государстве, какими являются почти все государства мира, этносы и этнические группы так или иначе отличаются по своему социально-экономическому положению и политическому статусу. Согласно теории «силового конфликта», конфронтация между этническими группами возникает тогда, когда одна из них претендует на то, что имеет другая, т. е. добивается идентичности, престижа, равноправия и т. п. Вследствие этого все этнические группы пребывают под постоянным давлением господствующего большинства или, наоборот, подчиненного меньшинства; находятся в боевой позиции, борясь за свою жизнь, идентичность, престиж. Концепция конфликтного состояния тем самым помогает четче выявить причины конфликтных ситуаций при этнических контактах.

---

¹ Козлов В. О классификации этнических общностей (состояние вопроса) // Исследование по общей этнографии. - М., 1979.

1.3. Проблемы этнической стратификации в многонациональном социальном пространстве и особенности межэтнических отношений в Башкортостане

Особенности межнациональных отношений в Республики Башкортостан отчетливо проявляется в характеристиках этнической стратификации в республике. Именно этническая стратификация позволяет более подробно раскрыть сущность содержания и состояния межнациональных отношений в поликультурной, многонациональной социальной среде. Научная ценность изучения социальной среды через этническую стратификацию заключается в том, что она показывает многосторонность и многофакторность дифференциации полиэтнического общества. Социальный статус этноса в многонациональном и поликультурном пространстве определяется множеством факторов, критериями которых выступают доступность административной и политической власти, степень экономической самостоятельности, уровень духовной и культурной свободы, доступность образования на родном языке, функциональность национальных общественных организаций и средств массовой информации и т. д. Данные критерии этнической стратификации в социально-экономической, политико-правовой, культурной и духовной сферах, выступающие вторичными факторами индивидуальной жизнедеятельности при стабильном развитии многонационального общества, в условиях обострения межнациональных противоречий приобретают особую значимость. Поэтому только возможность управления и регулирования в названных выше сферах может гарантировать и обеспечивать межнациональное согласие и стабильное развитие многонациональных социальных образований.

Исследуя межнациональные отношения и процессы, принято этническую стратификацию многонациональных и поликультурных образований условно разделять на внутреннюю и внешнюю. Подобное разделение актуально и при исследовании этнической стратификации в Республике Башкортостан. Особенность анализа внешней этнической стратификации заключается в том, что сопоставление по определенным критериям осуществляется с другими социальными образованиями, находящимися за пределами исследуемого социального пространства, при этом население данного многонационального социального пространства рассматривается как единое образование, без этнического разделения. Обращаясь к стратификационным характеристикам республики, следует выделить несколько особенностей. Внешняя этническая

стратификация выражается в том, что по многим показателям этнического, национально-культурного, духовного и иного развития народы Башкортостана имеют более низкие показатели, чем этносы ряда стран бывшего Советского Союза, некоторых республик Российской Федерации и населения некоторых ее областей. Внешняя этническая стратификация характеризует соотношение уровня национально-культурного и иного этнического развития всех народов Башкортостана по сравнению с этносами других стран СНГ, республик и областей России. Эта стратификация сложилась в процессе длительного пребывания народов Башкортостана в составе Российской империи, СССР, Российской Федерации. Так, в начале 90-х годов по объему промышленного производства Башкортостан занимал 10-е, сельскохозяйственного производства – 6-е место среди республик и областей Российской Федерации; по выработке совокупного общественного продукта опережал все бывшие автономные республики, а в расчете национального дохода на душу населения опережал такие бывшие союзные республики, как Украина, Узбекистан, Казахстан, Грузия, Азербайджан, Молдова, Кыргызстан, Таджикистан, Армения, Туркмения. В то же время по многим показателям удовлетворения социальных потребностей Башкортостан занимал 60–70-е место. В 2000-х и 2010-х гг. Республике Башкортостан удалось сохранить, а по некоторым позициям повысить показатели, улучшая свое положение среди субъектов РФ. Например, по сведениям ИА «Башинформ» в 2013 году в промышленном производстве удалось достигнуть 2,8 % общероссийского объема, что позволило занять седьмое место среди субъектов РФ. Но в 2015 г. показатели составили 2,7 %, что определило девятое место среди регионов России¹. При этом показатели удовлетворения социальных потребностей также остались на более низких позициях, чем в других регионах страны.

Одним из показателей уровня развития населения и этноса служит структура городского и сельского населения общества. Общепринято считать, что чем выше уровень развития экономики, научно-технического прогресса, тем выше удельный вес городского населения. Среди 8 республик и областей Уральского экономического района Башкортостан занимало 7-е место по удельному весу городского населения, уступая Татарстану, Удмуртии и всем областям, кроме Курганской. По данным переписи населения 2012 года Республика Башкортостан среди 14 субъектов Приволжского федерального округа занимает

---

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Валовой региональный продукт по видам экономической деятельности. // http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/

12 место, опережая Чувашскую Республику и Оренбургскую область. Эти данные говорят, что Республика Башкортостан остается регионом, где сельское население имеет высокий удельный вес: средние показатели сельского населения в ПФО составляют 29,0 %, а Республике Башкортостан – 38,9 %. Если рассматривать соотношение сельского населения РФ в целом и РБ, показатели республики оказываются еще выше – 38,9 % против 26,0 %. Из всех субъектов РФ по показателям удельного веса сельского населения республика занимает 16 позицию с низу, опережая только регионы Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов. К тому же в республике наблюдается обратный урбанизации процесс – в 1990 году городское население РБ составляло 64,4 %, а в 2012 году – 61,1 %¹.

Внутренняя этническая стратификация выражается в неодинаковом уровне национально-культурного и в целом этнического развития наций, проживающих в Башкортостане. Необходимость выявления внутренней этнической стратификации многонациональных и поликультурных образований связано с потребностью управления этническими процессами, формированием условий и предпосылок оптимизации этно-культурного, демографического развития наций в обстановке многофакторного внутреннего и внешнего воздействия на данную социальную реальность. Формирование условий и предпосылок этно-культурного, демографического развития наций требует определения не только основных критериев, влияющих на стратификационные процессы, но и детального рассмотрения параметров этнического развития, позволяющих выстраивать позиции конкретных этнических групп в структуре многонационального и поликультурного социального образования. Выявление критериев и параметров этнической стратификации направлено на разработку стратегий выравнивания уровней национально-культурного, социально-экономического, политико-правового развития каждого этноса многонационального образования. Задача заключается в том, чтобы на основе анализа конкретных выражений этнической стратификации определить направления деятельности, векторы развития и конкретные меры по ее оптимизации. Выравнивание показателей этнической стратификации и направленные на достижение данных показателей конкретные меры, предполагают выстраивания регулятивных процессов и деятельности на принципах равных возможностей, социальной и национальной справедливости, поз-

---

¹ Федеральная служба государственной статистики. Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам»// http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force

воляющих не только преодолевать межнациональные дистанции в показателях этнической стратификации многонациональных образований и ликвидировать источники конфликтного противостояния этнических интересов, но и улучшить условия сосуществования народов и межнационального сотрудничества. Проблемы, связанные с состоянием этнической стратификации многонациональных образований, представляют собой двуединство национального и межнационального. Национальный аспект проблемы связан с решением таких вопросов, как ускорение темпов национально-духовного, демографического, этнокультурного развития конкретного этноса в рамках межнационального образования. Межнациональный аспект проблемы требует преодоления противоречий в области соотношения показателей развития народов в структуре этнической стратификации. Следовательно, поиск решения данной проблемы должен лежать в общей плоскости интересов каждого этноса многонационального образования. Преференции и особые условия развития конкретного этноса в рамках многонационального образования, создаваемые в процессе решения проблемы преодоления разрывов в этнической стратификации, требуют не только логической и объективной обоснованности, но и доступности в понимании представителями других этносов целесообразности и необходимости данных мер в социальном развитии всего сообщества. Выравнивание или преодоление разрывов показателей этнической стратификации конкретного этноса в рамках многонационального образования основывается на изменениях соотношений удельного веса других этносов в общей структуре социальных показателей общества. Подобная восходящая трансформация показателей этнической стратификации конкретного этноса непосредственно оказывается в сфере интересов остальных этносов, уменьшая их удельный вес в общей структуре этнической стратификации. Например, рост представительства одного или нескольких этносов в управленческой сфере пропорционально приводит уменьшению представительства остальных этносов в данной структуре. Из сказанного следует, что как игнорирование интересов этноса в единой структуре этнической стратификации многонационального образования, так и необдуманное вмешательство в общественные, в том числе и этнические, стратификационные процессы чреваты обострением и ростом противоречий в межнациональных отношениях. Безусловно, решение большинства противоречий межнациональных отношений в многонациональных образованиях лежит в плоскости стратификационных процессов и соотношения показателей этносов в общей структуре стратификации общества. Следовательно,

решение национальных и межэтнических проблем в многонациональных образованиях требует научно обоснованного подхода к управлению процессами этнической стратификации, обусловленного взвешенным, основанным на принципах равных возможностей, социальной и национальной справедливости, пониманием социально-экономического, политико-правового, этнокультурного развития каждого этноса. В противном случае, может не только произойти замедление темпов национально-культурного развития этносов в многонациональном образовании, но и ухудшение межнациональных отношений, обострение межнациональных конфликтов.

Одной из характеристик уровня развития этноса, показателем его включенности в научно-технический прогресс является стратно-классовая структура общества. Чем выше уровень развития экономики, научно-технического прогресса, тем выше удельный вес рабочих, интеллигенции и служащих в общей структуре населения. Башкортостан уступает по этому показателю многим государствам бывшего Советского Союза, областям и республикам Российской Федерации. Сопоставление динамики развития РБ по отраслям экономики и занятости населения в данных отраслях позволяет говорить в общем об обратных тенденциях в показателях. Так, 1990 году структура занятости показывала в промышленности – 29,9 %, в сельском хозяйстве – 16,3 %, в строительстве – 12,9 %, здравоохранении – 5,4 %, в образовании – 12,8 %, в торговле – 7,2 %. Позитивные изменения в показателях настоящего времени наблюдаются только в сферах оптовой и розничной торговли, где рост составляет больше 200 %. и здравоохранения с ростом 1,3 %. Во всех остальных отраслях экономики происходит снижение занятости населения, и больше всего снижение происходит в промышленности – на 11,6 %. По приведенным отраслям экономики и занятости населения в данных отраслях в общей структуре этнической стратификации, народы РБ уступают многим народам РФ. По данным Федеральной службы государственной статистики за последние 10 лет по всем отраслям экономики наблюдается рост показателей, кроме обрабатывающего производства и сельского хозяйства, в которых падение составляет 3,9 %, (от 18,2 % к 14,3 %) и 3,4 %, (от 10,1 к 6,7 %) соответственно¹. Данные по отраслям экономики и занятости населения в данных отраслях, если учитывать основу экономики районов республики и их этнического состава, являются и показателями внутренней

¹ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели// http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force

этнической стратификации народов РБ. К тому же, по данным Башкортостанстата, в республике наблюдается рост бедности и увеличение доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума: с 10,4 % в 2013 году до 10,8 % в 2014 году и до 10,9 % 2015 году. А в этом году уже официальным показателем является цифра 12,6 %¹.

Фактором, обуславливающим основы развития стабильности межнациональных отношений и межкультурного взаимодействия, выступают показатели доступности образования на родных языках. В свое время, в начале 90-х годов XX века, центральные власти осознали значимость обеспечения доступности образования на родных языках для сохранения целостности самого государства. Культурный и образовательный суверенитет, представленный национальным субъектам федерации, стал больше необходимостью и условием обеспечения государственной целостности, нежели целенаправленной деятельностью для развития культурного и духовного статуса регионов, расширения поликультурного и мозаичного многообразия многонациональной страны. Предоставленный образовательный и культурный суверенитет в республике был использован максимально эффективно. Показателем этого являются статус башкирского и других языков населения республики, развитие образования на национальных языках, внимание республиканских властей на развитие этнических культур. Приведенная таблица из Концепции развития национального образования в Республике Башкортостан весьма показательна в степени доступности национальных языков.

**Основные показатели организации изучения родных языков
в Республике Башкортостан²**

Показатели организации изучения родных языков	Годы			
	2006-2007 учеб. год	2007-2008 учеб. год	2008-2009 учеб. год	2009-2010 учеб. год
I. Изучение родных языков обучающимися нерусской национальности, % в том числе	72,6	73	73	73

¹ Министерство труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. Итоги деятельности в 2015 году и задачи на 2016 год// http://mintrudrb.ru/upload/docs/shomik_2015.pdf

² Указ Президента РБ от 31 декабря 2009 года N УП-730 Об утверждении концепции развития национального образования в Республике Башкортостан // <http://docs.cntd.ru/document/935118883>

Показатели организации изучения родных языков	Годы			
	2006-2007 учеб. год	2007-2008 учеб. год	2008-2009 учеб. год	2009-2010 учеб. год
башкирского	98,8	99,4	99,9	99,9
татарского	58,6	58,8	54	54,1
чувашского	54,4	55,4	54	58
марийского	62,8	65,2	65,7	67,34
удмуртского	64,4	64,6	64,4	63,3
мордовского	22,3	24	25,2	26,9
белорусского	10,34	11,2	7,3	7,3
украинского	7,5	9,8	7,8	6,5
немецкого	51,8	54	55,8	63
латышского	21,8	26,5	33,3	22,4
польского	16,6	20,6	57,6	57,6
2. Изучение башкирского языка как государственного, %	97,26	98,4	99,3	99,6
3. Количество кабинетов родных языков, ед.	3300	3544	3456	3184
4. Подготовка учителей родных языков с высшим образованием, чел. в том числе	441	441	441	
по башкирскому языку	287	298	287	
по татарскому языку	125	120	125	
по марийскому языку	11	11	11	
по чувашскому языку	18	12	18	
5. Подготовка учителей родных языков со средним специальным образованием, чел. в том числе	140	226	288	
по башкирскому языку	87	100	161	
по татарскому языку	26	88	85	
по марийскому языку	15	14	12	
по чувашскому языку	0	13	12	
по удмуртскому языку	0	11	10	
по мордовскому языку (дошкольное отделение)	12	-	8	

Судя по приведенной таблице, в первом десятилетии XXI века были созданы все условия и предпосылки развития образовательного процесса на родных языках. Неравнозначность процентных показателей в данном случае, скорее всего, связаны не с административными ограничениями и ущемлениями прав и интересов отдельных этниче-

ских групп, а с их количественными показателями в общей структуре населения республики, концентрацией этноса в конкретной территориальной местности, отсутствием педагогов – носителей языка, создающими объективные предпосылки отсутствия обучения родному языку и на родном языке. Степень доступности родного языка в общем образовании, возможность подготовки учителей родного языка в средне-специальных и высших учебных заведениях обеспечивают условия преодоления противоречий в этнической стратификации в республике и, как следствие, способствуют снятию предпосылок межэтнического противостояния в социокультурной сфере. Как ущемление прав и интересов в вопросе языковой свободы, культурной и духовной самостоятельности, так и игнорирование условий обеспечения для сохранения национальной самобытности этносов, независимо от достигнутого уровня развития межнационального согласия, могут любое время обострить межнациональные противоречия. В большинстве своем межнациональные конфликты начинаются с обострения проблемы ущемления прав и интересов этноса в области языковой политики, культурной и духовной самостоятельности. Это связано с тем, что любое, даже незначительное событие в виде высказывания политиков в вопросе межнациональных интересов, легко может быть интерпретировано как посягательство на культурную и духовную свободу этноса. Поэтому язык и культура должны быть основным элементом выстраивания и управления процессами социальной стратификации многонациональных, поликультурных образований. Но, в последнее время наблюдаются тенденции, которые связаны с игнорированием национального фактора в образовательном процессе. Например, Постановление Правительства Республики Башкортостан от 21 февраля 2013 года № 54 О государственной программе «Развитие образования в Республике Башкортостан» (с изменениями на: 27.07.2016) ставит целью «обеспечить доступность качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития Республики Башкортостан, позволяющего максимально эффективно использовать человеческий потенциал и создать условия для самореализации граждан в течение всей жизни». В следующих за целью задачах нет уже таких пунктов, как «развитие национального самосознания, воспитание уважения к своему и другим народам, их истории и культуре; укрепление гражданских основ общества, гармонизация социальных отношений, обеспечение межнационального и межконфессионального согласия; создание благоприятных условий для диалога языков и культур как основы формирования полилингвальной толерантной языковой личности, спо-

собной активно развиваться в полиэтнической среде...»¹, которые провозглашались в Концепции 2009 года. Показателями такой тенденции являются негативные результаты развития национального образования, которые нашли отражение в итоговом отчете Министерства образования Республики Башкортостан за 2014 год, который размещен на официальном сайте министерства².

Организация изучения родных языков

Показатели организации изучения родных языков	Годы	
	2009-2010 учебный год	2014-2015 учебный год
Изучение родных языков обучающимися нерусской национальности, % в том числе	73	66,27
башкирского	99,9	98,3
татарского	54,1	44
чувашского	58	49,2
марийского	67,34	53
удмуртского	63,3	54,2
мордовского	26,9	29,5
белорусского	7,3	3,1
украинского	6,5	4
немецкого	63	7
латышского	22,4	23
Изучение башкирского языка как государственного, %	99,6	79,98

Приведенные официальные цифры говорят сами за себя. За 4 года наблюдается значительное снижение показателей, которые характеризуют тенденции развития этнических стратификационных процессов в сфере общего образования. Последствия этих показателей будут актуализироваться в перспективе, но они в любом случае будут негативно влиять не только на культурное и духовное развитие этносов, но и на развитие межнациональных отношений.

Рассматривая внешнюю и внутреннюю этническую стратификацию народов РБ по показателям уровня образования, следует привести

¹ Указ Президента РБ от 31 декабря 2009 года N УП-730 Об утверждении концепции развития национального образования в Республике Башкортостан // <http://docs.cntd.ru/document/935118883>

² Итоговый отчет о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования Республики Башкортостан за 2014 год// <https://education.bashkortostan.ru/documents/269609/>

некоторые цифровые данные. Статистические данные говорят о том, что население республики по стратификационным показателям по уровню образования отстает как от средних показателей по России, так и ПФО. По данным Башкортостанстата на 1000 жителей республики приходится 175 человек с высшим образованием, тогда как для ПФО и РФ эти показатели составляют 204 и 234 человека соответственно. По данным показателям Республика Башкортостан в ПФО занимает 12 место, а по Российской Федерации – 75. При этом следует отметить, что наблюдается положительная динамика в уровне образования населения республики – по показателям 1989 года РБ занимала 84 место, а в 2002 года – 77. Весьма важным показателем внутренней этнической стратификации является удельный вес лиц с высшим образованием в общей структуре данного этноса. За последние 20 лет темпы роста численности башкир – специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве в 1,7 раза превосходили средний показатель в республике, что позволило в значительной мере увеличить удельный вес специалистов с высшим образованием у титульного этноса по сравнению с другими этническими группами. У следующих народов этническая стратификация по семи группам специалистов складывается так, что удельный вес специалистов с высшим образованием выше удельного веса данного этноса в общей структуре населения: у башкир – учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, юристы; у русских, татар и других национальностей этот показатель или соответствует их удельному весу среди населения республики, или ниже. У башкир наблюдалось отставание по трем специальностям: инженеры, экономисты и лица творческих профессий.

По мнению исследователей, на характер и динамику межнациональных отношений в современном мире значительное влияние оказывают этническое самосознание и этническая стратификация. Необходимость изменения этнической стратификации назрела и в мире, и в регионах, и в отдельных странах, она находит свое отражение и в этническом самосознании, ведет к межнациональным конфликтам там и тогда, где и когда пытаются насильственным, несправедливыми и беззастенчивыми методами менять существующее положение или сопротивляются его изменению. Этнический фактор проявляется и в межнациональных отношениях в Башкортостане, где они складывались на протяжении длительного времени. На всем протяжении исторического развития отношения между народами, населяющими Башкортостан, были, в основном, дружественными, хотя и были трудности: возникали противоречия, осложнения во взаимоотношениях некоторых народов.

Однако в целом на всем протяжении истории отношения между народами были благоприятными. Противоречивое, неоднозначное межнациональное наследство народы Башкортостана получили от послеоктябрьского периода. Хотя в эти годы в межнациональных отношениях были достигнуты определенные позитивные сдвиги, в их развитии было немало и негативного. Это русификация образования и, как следствие, в значительной мере культуры. За годы перестройки и реформирования многое в межнациональных отношениях начало меняться в лучшую сторону. Возникло и приобрело широкий размах национальное движение, направленное на решение назревших национальных и межнациональных проблем. На этот процесс влияет много факторов. Среди них существенное место занимают социальные факторы. От того, как будут решаться в республике социальные проблемы, как будет идти ее социальное развитие, зависит в немалой степени и динамика межнациональных отношений.

Социальное развитие республики на рубеже XX и XXI вв. определилось преимущественно действиями двух мощных факторов. Первый – переход к рыночной экономике, подвергающий экономическую основу общества кардинальным изменениям. Она становится качественно иной, что ведет к глубоким переменам в социальной сфере. Второй фактор – развивающийся процесс реального наполнения государственного суверенитета Республики Башкортостан. В этот период роль республики в решении социальных проблем значительно возросла. Переход к рынку породил всеобъемлющий, системный кризис российского общества, который охватил и социальную сферу. Двойкий процесс на рубеже тысячелетий, характеризующийся расширением культурной, духовной самостоятельности многонациональной республики в общем и каждого этноса в отдельности, с одной стороны, и падением производства и существенным снижением жизненного уровня населения – с другой, сильно повлиял на все показатели стратификации полиэтнического общества. Стратификационные сдвиги в экономической, социальной, культурной и духовной областях в республике не вылились в межнациональные противоречия. Несомненно, понадобится немало времени, прежде чем жизненный уровень большей части населения начнет повышаться. В Башкортостане есть все условия для решения этих и других социальных проблем. На характер и формы проявления межнациональных процессов влияет то обстоятельство, что в Башкортостане отсутствует ряд факторов, которые в других регионах служат причиной острых межвластно-этнических и межнациональных конфликтов. Так, этносы Башкортостана не подверглись де-

портации, численность представителей депортированных народов невелика; в республике нет территориальных споров между населяющими её народами; в политике и практической деятельности государственных органов отсутствует дискриминация этносов и граждан из-за национальной принадлежности; отсутствует сколько-нибудь существенная разница в жизненном уровне лиц разных национальностей и другие подобные им факторы. Наоборот, в Башкортостане действуют немало таких факторов, которые являются позитивной объективной основой мирного сосуществования, совместной деятельности в сфере культурного и духовного развития республики. К данным факторам следует отнести: наличие трех крупных взаимоуравновешивающих этносов – башкир, русских, татар; общую длительную историю экономического, социального и духовного развития на общей территории; совместное противостояние национальному и социальному угнетению в прошлом; постоянные тесные контакты на бытовом уровне; высокий удельный вес межнациональных браков; взаимный опыт согласования возникающих проблем; общность экономических, социальных, политических, экологических и культурных интересов и многие другие.

К существовавшим ранее факторам, которые порождают межнациональные проблемы, добавились и некоторые новые, возникшие уже после перехода к рынку и реформирования государственных структур, связанных с усилением и централизацией власти. При этом наряду с реальными факторами, есть и такие, которые можно отнести к потенциальным, так как они существуют в виде возможности и могут реализоваться только при определенном ходе событий. Два главных фактора являются ведущими для нормального функционирования и развития межнациональных отношений народов Башкортостана: во-первых, реальный культурный и духовный суверенитет многонациональной республики, развиваемый и поддерживаемый на уровне республиканских и центральных властных структур, во-вторых, решение социально-экономических противоречий, связанных не только с уровнем жизни населения, но с механизмами распределения результатов экономической деятельности, вопросами сохранения промышленных предприятий за регионом и справедливого использования природных ресурсов республики. Только качественное преобразование всех сфер общества, укрепление государственного, культурного и духовного суверенитета РБ, решение проблем социально-экономического развития и справедливости распределения результатов экономической деятельности способны создавать благоприятные условия для решения возникающих межнациональных проблем. В свою очередь, улучшение межнацио-

нальных отношений будет оказывать позитивное воздействие на укрепление государственного, культурного и духовного суверенитета народов РБ. Под воздействием внешних факторов, международной ситуации, тенденций внутригосударственного реформирования вертикали власти на федеральном уровне наблюдается пересмотр основных пунктов Федеративного Договора, что реально привело к ослаблению суверенитета национальных республик, нивелированию условий и предпосылок возрождения народов. Становятся реальными опасения, что могут быть предприняты попытки приторможения процесса возрождения и развития народов, из чего следует необходимость переосмысливать и расширять деятельность федеративных и местных государственных органов, политических движений и партий, общественных организаций, направленных на решение проблем и противоречий межэтнических отношений и связанных с ними вопросов этнической стратификации многонациональных образований. Недопустим пересмотр основных пунктов Договора Российской Федерации и Республики Башкортостан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики, заложившего принципы реального наполнения государственного суверенитета национальных республик, подлинного обновления федеративного Российского государства при сохранении его единства и целостности. Свое время провозглашение государственного суверенитета Республики Башкортостан обеспечило качественно новые условия решения межнациональных проблем и противоречий. В межнациональных отношениях этот Договор стал новым этапом, создавшим благоприятные возможности для их гармонизации. Благодаря провозглашению государственного суверенитета РБ, заключению Федеративного Договора и подписанию приложения к нему удалось начать качественное развитие башкирской национальной государственности, многонационального государства народов Башкортостана. Эти преобразования заложили основы управления и регулирования процессами этнической стратификации многонациональной Республики Башкортостан, позволяя выравнивать стратификационные показатели этнического в сфере образования, культуры.

Второй фактор стабильности межнациональных отношений связан с решением социально-экономических проблем, преодолением разрыва в стратификационных показателях этносов и выравнивания внешнего и внутризтнического, республиканского и российского различий в сфере материального благополучия местного населения. Данный фактор в определенных условиях может стать основным источни-

ком в противоречиях межнационального характера. И, как следствие, те достижения в сфере культурного, образовательного и духовного суверенитета, проявившиеся как пробуждение национального самосознания народов, приостановление процесса дестнизации, неуклонное стремление к достижению равенства, справедливости, официальное осуждение многих ошибок, извращений и преступлений в национальной политике и практике, совершенных в годы тоталитарного режима, принятие ряда документов, направленных на решение этнических и межнациональных проблем, возникновение национально-культурных объединений, существенное усиление внимания государственных органов к решению национальных и межнациональных проблем и др., окажутся недостаточными для успешного регулирования и управления процессами межнациональных отношений в многонациональном Башкортостане. Противоречия социально-экономического характера, существенный разрыв в стратификационных показателях материального благополучия на этническом и территориальном уровне, неравномерность или закрытость доступа к источникам материального производства и природных ресурсов, взаимоотношения центра и периферии при распределении результатов экономической деятельности региона могут стать предпосылками новых негативных явлений и сложностей в национальной сфере. Разрыв в социально-экономических стратификационных показателях способствуют усилению противоречий в остальных сферах межнациональных отношений, замедляя решение неотложных национальных и межнациональных проблем, оживляя шовинистические и националистические элементы, усиливая сложные проблемы равноправного функционирования языков и культур всех народов, уменьшая реальные гарантии равных прав и свобод всем гражданам независимо от национальности и фактических условий для реализации национально-культурных потребностей всех этносов республики. Трудности и препятствия на пути преодоления противоречий социально-экономического характера первоначально проявляются как межвластно-этнические противоречия, то есть противоречия между отдельным этносом и властными структурами. Но на определенном этапе развития этих противоречий, когда национальные проблемы саморазвития данного этноса затрагивают интересы другого (других) народа, они порождают межнациональные проблемы, возникающие на стыке взаимоотношений между этносами. По официальным статистическим показателям Республика Башкортостан среди остальных регионов РФ по доходам на душу населения находится в третьей десятке, при этом за чертой бедности живут чуть более 12 % населения респуб-

лики. Критерием определения уровня бедности выступают показатели прожиточного минимума, который во II квартале 2016 года в расчете на душу населения определен в размере 8839 рублей, а для трудоспособного населения – 9363 рубля, пенсионеров – 7167 рублей, детей – 9018 рублей¹. Приводя данные статистические показатели, следует отметить, что они весьма условны и не отражают реальную ситуацию экономического благосостояния населения. В действительности разрыв между верхней и нижней планкой доступности источников материального благополучия очень велик – семнадцатикратная разница в доходах 10 % самых богатых и 10 % самых бедных резко меняет значение средних доходов населения республики. Отраслевое отличие в доходах и, как следствие, территориальная разница, который этнически характеризует уровень благосостояния населения в республике, в корне своем несет источники и предпосылки противоречий в этнической стратификации и межнациональных отношений.

Подводя итог, следует уточнить, что исторических корней для межнациональной розни в Башкортостане нет или они очень слабы. Нет каких-либо сложных, запутанных проблем, которые служили бы питательной почвой для конфликтов. Наоборот, сильны традиции совместной борьбы за национальное и социальное освобождение, существует общность социально-экономических и политических интересов, что служит решающей основой для взаимной терпимости, взаимопонимания, сотрудничества и дружбы между народами, живущими в республике. В Башкортостане межнациональные отношения не носят острого, конфликтного характера. В целом межнациональные отношения между народами Башкортостана на современном этапе характеризуются как отношения взаимопонимания, согласия, сотрудничества, взаимообмена, дружбы. Выражением усиления связей и сотрудничества народов является и растущее сотрудничество между их национально-культурными объединениями и движениями, политическими партиями. Но будет ошибочным считать, что, не решая проблемы, которые усиливают межэтнические противоречия, не управляя межнациональными отношениями, добрососедство и мирное сосуществование народов многонационального Башкортостана продолжит свое логическое прогрессивное развитие. Исторически сложившееся межнациональное, социальное и культурное единодушие народов, понимание

---

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Среднемесячная заработная плата работников предприятий и организаций в Республике Башкортостан по видам экономической деятельности январь-август 2016 года/http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/

лики. Критерием определения уровня бедности выступают показатели прожиточного минимума, который во II квартале 2016 года в расчете на душу населения определен в размере 8839 рублей, а для трудоспособного населения – 9363 рубля, пенсионеров – 7167 рублей, детей – 9018 рублей¹. Приводя данные статистические показатели, следует отметить, что они весьма условны и не отражают реальную ситуацию экономического благосостояния населения. В действительности разрыв между верхней и нижней планкой доступности источников материального благополучия очень велик – семнадцатикратная разница в доходах 10 % самых богатых и 10 % самых бедных резко меняет значение средних доходов населения республики. Отраслевое отличие в доходах и, как следствие, территориальная разница, который этнически характеризует уровень благосостояния населения в республике, в корне своем несет источники и предпосылки противоречий в этнической стратификации и межнациональных отношений.

Подводя итог, следует уточнить, что исторических корней для межнациональной розни в Башкортостане нет или они очень слабы. Нет каких-либо сложных, запутанных проблем, которые служили бы питательной почвой для конфликтов. Наоборот, сильны традиции совместной борьбы за национальное и социальное освобождение, существует общность социально-экономических и политических интересов, что служит решающей основой для взаимной терпимости, взаимопонимания, сотрудничества и дружбы между народами, живущими в республике. В Башкортостане межнациональные отношения не носят острого, конфликтного характера. В целом межнациональные отношения между народами Башкортостана на современном этапе характеризуются как отношения взаимопонимания, согласия, сотрудничества, взаимообмена, дружбы. Выражением усиления связей и сотрудничества народов является и растущее сотрудничество между их национально-культурными объединениями и движениями, политическими партиями. Но будет ошибочным считать, что, не решая проблемы, которые усиливают межэтнические противоречия, не управляя межнациональными отношениями, добрососедство и мирное сосуществование народов многонационального Башкортостана продолжит свое логическое прогрессивное развитие. Исторически сложившееся межнациональное, социальное и культурное единодушие народов, понимание

---

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Среднемесячная заработная плата работников предприятий и организаций в Республике Башкортостан по видам экономической деятельности январь-август 2016 года/http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/

II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. К вопросу о понятиях «менталитет» и «ментальность»

Состояние и уровень развития межнациональных отношений в поликультурных, многонациональных социальных пространствах определяется, с одной стороны, этническим самосознанием, которое одновременно содержит в себе как предпосылки для стабилизации межэтнического взаимодействия субъектов социального процесса в едином социальном пространстве, так и условия для возникновения межнациональных противоречий. Другим фактором, непосредственно влияющим на состояние межэтнического взаимодействия и сосуществования, является исторически сложившаяся в этносе и конкретном индивиде совокупность качеств, включающих систему ценностей и ценностных ориентаций, эмоциональные, культурно-нравственные, умственные особенности, составляющие национальный характер. Единство этнического самосознания и национального характера в конкретном представителе этноса и в этносе в целом обеспечивает онтологические основы культурной, духовной, национальной и конфессиональной мозаичности многонациональных образований, формируя условия для сохранения самобытности каждого этноса и целостности данной многонациональной социальной действительности. Недопущение межэтнических противоречий и эффективность преодоления возникающих межнациональных конфликтов во многом определяется тем, как при этом учитываются особенности национального характера, этническое самосознание каждого этноса многонационального образования. В условиях многонациональной России особенно важно знать особенности не только русского национального характера, но и сосуществующих других этносов, их положительные и отрицательные черты. Хотя, при многих обстоятельствах особенности русского характера больше всего влияют на развитие межнациональных отношений и его состояние. В данном случае, акцентирование внимания на русский национальный характер, не принижает значимости психологии других народов. По результатам переписи 2010 года русские в стране составляют 80,90 % населения страны¹, и, следовательно, во всех национально-

¹ Всероссийская перепись населения 2010. Том 1. Численность и размещение населения// http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_togi1612.htm

территориальных образованиях, во всех социальных процессах, в том числе и межнационального характера, русский фактор играет основную роль. Позиция русской части населения единого многонационального пространства по спорным и конфликтным вопросам во многом определяет дальнейшее развитие ситуации.

По мнению многих исследователей, сегодня существует явное противоречие между объективной ролью русского народа и состоянием его национального сознания и поведения. Не менее существенно противоречие между тем, что русский народ думает, говорит о себе, о своем государстве, и тем, что он делает или позволяет делать с собой. Поэтому комплексное изучение национальной сущности русских, особенностей их менталитета актуально как для теории, так и для практики. Показателем актуальности могут служить два примера, временные расстояния между которыми 16 лет. Иногда, очевидно, для того, чтобы попасть в волну «демократизма национальных проблем», говорят не о русском, а о российском менталитете. Вряд ли такой подход был оправдан тогда и сейчас, сегодня он, во всяком случае, преждевременен. Вне сомнения, правы участники международного форума русской интеллигенции «Культура и общество: взаимные обязательства на пороге нового тысячелетия»¹, проведенного в Санкт-Петербурге 19-21 мая 2000 года. По их мнению, когда подчеркивается, что Россия – многонациональное государство, то применяется термин «российский». Когда же речь идет о традициях, о том, что сложилось исторически, что воспринимается во всем мире, уместнее понятие «русский». Так уж вышло, что мир знает именно русскую культуру вне зависимости от анкетных данных тех, кто ее создавал. По истечении 16 лет ту же проблему соотношения понятий «русский» и «российский» подняли на государственном уровне. Бывший глава Министерства по делам национальностей и федеративным отношениям РФ Вячеслав Михайлов в Астрахани, где 31.10.2016 года проводилось заседание Совета по межнациональным отношениям с участием Президента РФ, предложил перейти от Указа Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» к закону «О российской нации и управлении межэтническими отношениями». Реакция Президента РФ была однозначной, который сказал: «Хорошее предложение. Но что точно совершенно можно и нужно реализовывать – это прямо над этим нужно подумать и в практическом плане начать работать – это закон о рос-

¹ Камша В. Разговоры в Юсуповском дворе. В Санкт-Петербурге прошел форум русской интеллигенции // Кулиса ИГ, 2000, № 9.

сийской нации»¹. Научная общественность очень осторожно комментирует возможные последствия принятия такого закона – проблема не нова и имеет свою советскую историю.

Понятие «российская нация» встречается и в работах В. А. Тишкова, которая характеризуется сосуществованием многих этнических наций – русских, тувинцев, башкир, осетин, якутов, татар, чукчей, корейцев, украинцев, евреев, армян и др., абсолютно на равных включенных в главную, но уже не этническую, а гражданскую российскую нацию. Все они в равной степени россияне с абсолютно одинаковыми гражданскими, экономическими и политическими правами и обязанностями. Это российская нация, которая имеет сходство, но и определенное отличие от понятия российский народ. Российский народ – это территориальное сообщество, а российская нация – сообщество гражданско-политическое. Российская нация, как и любая другая гражданская нация, обладает некоторыми основополагающими признаками – проживает в едином национальном государстве, скрепленном общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны². Идея российской нации основана на гражданско-политическом единстве населения многонациональной страны, которое становится возможным благодаря хозяйственно-экономической, культурно-духовной целостности населения. Здесь следует уточнить, хозяйственно-экономическая целостность не подразумевает только территориальные и отраслевые связи, а речь идет о том, что насколько экономика направлена на удовлетворение потребностей и интересов каждого конкретного члена единого сообщества. Поэтому формирование российской национальности возможно как восходящее от индивида, представителя конкретного этноса, этноса в целом стремление к единению и целостности, но никак не наоборот, нисходящее желание центральной власти объединить население и этносы, которые хотя и территориально являются гражданами одной страны. Необходимы новые мотиваторы идентификации индивида, обеспечивающие возможности надэтнической культурной, духовной и ценностной консолидации этносов. На сегодня таких мотиваторов нет, хотя как исключение можно было бы выделить внешнеполитическую ситуацию вокруг России. В любом случае, рассматривая

¹ Владимир Путин призвал разработать закон о российской нации// www.aif.ru/society/vladimir_putin_prizval_razrabotat_zakon_o_rossiyskoy_nacii

² Согрин В.В. Что есть российская нация и российский народ (Обобщающая работа В.А. Тишкова)// Общественные науки и современность. 2011 № 1, - С. 117-125

идею российской нации, необходимо представлять возможность формирования единой, выходящей за пределы этничности, целостной ментальности населения многонационального пространства, общего менталитета.

Понятия «ментальность» и «менталитет» только входит в социально-политический лексикон, но именно эти понятия, как нам кажется, вносят новые акценты в анализ межнациональных отношений и предпосылок межэтнических противоречий. По мнению П. Г. Бойдаченко и О. Е. Власовой, понятие «менталитет» введено в научный оборот немецкими исследователями, разрабатывающими теорию психологии народов. Немецкие ученые М. Лацарус (1824-1903) и Х. Штейнталь (1823-1899) на основе исследований в области этнографии и языкознания сформировали новую научную дисциплину – психология народов. Основная идея теории немецких ученых заключалась в том, что единство происхождения и среды обитания «все индивиды одного народа носят отпечаток особой природы народа на своем теле и душе», при этом «воздействие телесных влияний на душу вызывает известные склонности, тенденции, свойства духа, одинаковые у всех индивидов, вследствие чего все они обладают одним и тем же народным духом»¹. Под народным духом они понимали психическую идентичность индивидов, составляющих основу самосознания представителей определенной, конкретной нации. Содержательной стороной народного духа выступают язык, своеобразие мифологии, исторические основы моральных норм, специфические черты культуры, сложившейся в процессе историко-культурного развития психологии народа.

Эти идеи были подхвачены и развиты В. Вундтом. По мнению этого немецкого философа, психолога, основу содержания сознания индивида составляет ментальность, формируемая в процессе исторического развития народа. Он выступает против идеи идентичности индивидуального и народного сознания. «Как сознание индивида не сводится к исходным элементам ощущения и чувства, а представляет собой их творческий синтез, так и народное сознание есть творческий синтез индивидуальных сознаний, в результате которого возникает новая реальность, обнаруживающаяся в продуктах сверхличностной деятельности – языке, мифах и морали»².

¹ Бойдаченко П.Г., Власова О.Е. Экономическая активность и деловитость личности (особенности формирования в условиях российской ментальности). - М. 1996.

² Психология народов. История социологии в Западной Европе и США// <http://pedagog-social.ru/-istorija-sociologii-v-zapadnoj-evrope-i-ssha.html>

Обращение к проблеме психологии народов привели исследователей к необходимости изучения культуры народов и индивидуального сознания, с последующей концептуализацией теоретических основ этнического сознания. Проблему этнического сознания невозможно было решать на уровне психологической науки и изучение вопроса расширяется лингвистическими, социально-философскими, этнографическими, антропологическими исследованиями. Возникли новые области научного знания исторической и социальной психологии, этнической психологии, культурной антропологии.

Серьезное исследование национального менталитета немцев проведено Э. Дюркгеймом в работе «Германия превыше всего. Идеология немцев и война», имеющей в современных библиографических источниках уточненное название: «Немецкий менталитет и война. Германия превыше всего»¹. Э. Дюркгейм подчеркивает, что все поведение Германии во время первой мировой войны «есть следствие известного умственного и душевного уклада». Характеристиками этого уклада Дюркгейм считает «вызывающий нрав», «воинственность воли», «воинное презрение к международному и всякому человеческому праву» и др. «Эти многочисленные проявления немецкой души, как ни реальны в своем многообразии, стоят все в зависимости от одного психического и идейного фона, что и создает их единство. Они все служат лишь разнообразным выражением одного и того же душевного уклада»².

Проблемы психологии народа, душевного уклада, национального менталитета, или национального самосознания, в XX в. разрабатывались многими отечественными исследователями – философами, социологами, психологами. В конце XIX и начале XX в. российскими философами, психологами и литераторами были опубликованы десятки работ по психологии национального самосознания. Известные споры между славянофилами и западниками были дискуссиями, в которых так или иначе довлела проблема национального менталитета, характера русского народа. Сегодня в трудах многих исследователей термин «менталитет» все чаще заменяет понятия «национальное самосознание», «национальный характер», иногда встречается понятие введенное В. Вундтом – «психология народа».

В работах Е. А. Ануфриева и Л. В. Лесной подчеркивается, что как социологическая категория «Менталитет – это обобщенное социально-психологическое состояние субъекта (народа, нации, народности, человека), сложившееся в результате исторически длительного и

¹ Дюркгейм Э. Германия превыше всего. Идеология немцев и война. - М., 1917.

² Там же.

устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-экономических и культурных условий проживания. Складываясь, формируясь, вырабатываясь исторически и генетически, менталитет представляет собой устойчивую совокупность социально-психологических качеств и черт, их органическую целостность, определяющую все стороны жизнедеятельности данной общности и составляющих ее индивидов, так или иначе проявляясь в самых разных аспектах их духовной и материальной жизни, в специфике их государственности. Менталитет является личностно-общностной категорией, содержание которой определяется образом личности и влиянием общества»¹. Л. В. Лесная менталитет характеризует не только как этническое сознание, но и определяет его как социально-психологическое состояние, формируемое под воздействием многих внешних факторов и влияющее на характерные качества и черты носителя данной ментальности.

Наряду с понятием «менталитет» широко применяется другое понятие «ментальность». Методически четко и ясно эти понятия не разведены, что несомненно связано с недостаточной разработанностью проблемы. Как синонимы «менталитет» и «ментальность» обычно употребляются в работах, посвященных анализу ментальности конкретных социальных групп. Авторы при этом ориентируются на поиск конкретных рекомендаций по вопросам учета ментальности при решении тех или иных социальных проблем. Так, например, В. А. Сонин, анализируя проблему индивидуальной ментальности, пишет, что «менталитет является спонтанной объективирующей духовности человека, а в российской традиции он наиболее связан с русской душой, русской идеей»². Он больше говорит о менталитете личности, считая, что «этимология слова «менталитет» – умственное состояние, выраженное на личностном уровне и на социальных общностях, интегрирующее и аккумулирующее сплав социального самосознания личности, образ мышления». Здесь же он употребляет и другой термин – «ментальность», считая, что сегодня она выступает основным характеризующим признаком личностной сущности индивида, его направленности. Личностная сущность индивида, проявляясь как социальное мышление и поведенческий акт человека, которые объединяются им в ментальность, состоит из трех уровней:

- 1) ментальность государственная;

¹ Лесная Л.В. Менталитет и ментальные основания общественной жизни. Социально-гуманитарные знания. 2001, с.139

² Сонин В.А. К проблеме профессиональной ментальности педагога // *Magister*, 1998, № 2.

- 2) ментальность национальная;
- 3) ментальность семейная.

Основательную попытку разграничить понятия «менталитет» и «ментальность» предприняли самарские ученые. По их мнению, «ментальность» – духовные и интеллектуальные возможности, потенции индивидов и различных социальных субъектов. Менталитет – реальный, актуальный стиль, характер, способ мышления и духовной жизнедеятельности, присущий определенному социуму, т. е. различным социальным группам, нациям, народам и обществу, а также элитам, партиям, государствам, эпохам, человечеству. Ментальность – это гибкие, вариативные психические процессы, состояния и формы духовной деятельности, миропостижения и веры, а также инвариантные, априорные компоненты, слои и структуры, свойственные различным социальным субъектам и индивидам, различным социальным группам и обществу. Менталитет – это результат деятельности и влияния различных социальных субъектов, реальных носителей ментальностей разных степеней общности, глубины и широты, обладающих как инвариантными, так и изменчивыми компонентами, как типичными общими чертами, так и своей спецификой – исторической, психологической, интеллектуальной, научной, религиозной и т. п.»¹. Типов ментальности, по их мнению, гораздо меньше, чем видов и форм менталитета. Можно выделить три типа ментальности – индивидуальная, групповая (коллективная) и общественная – и 20 видов и форм менталитета, в числе которых: семейный, групповой, профессиональный, этнический, классовый, государственный, эпохальный, планетарный (общечеловеческий) и др.

Совершенно иную точку зрения на соотношение менталитета и ментальности, а значит, и на понимание их сущности, высказывают Е. А. Ануфриев и Л. В. Лесная. По их мнению, менталитет означает совокупность устойчивых, исторически сложившихся в достаточно большие промежутки времени социально-психологических характеристик, выражающих отношение социального субъекта к себе и окружающим. Это определенная направленность сознания, самосознания и деятельности. Соотношение менталитета и ментальности сводится к следующему: в отличие от менталитета под ментальностью следует понимать частичное, аспектное проявление менталитета не столько в умонастроении субъекта, сколько в его деятельности, связанной или

---

¹ Дрепа Г.Н., Дытриев А.Н., Дытриева Э.Я. Ментальность и менталитет российского общества: к анализу механизмов рефлексивного взаимодействия// Российское сознание: психология, культура, политика - Самара, 1997.

вытекающей из менталитета. Из сказанного следует вывод: в повседневной жизни, рассматривая человека, приходится сталкиваться с ментальностью, но не с менталитетом. При этом для теоретического анализа, пишут они, «важнее последний», следовательно, для выработки практических рекомендаций, поиска путей и способов развития данного феномена рациональней использовать понятие «ментальность».

И. Г. Дубов в статье, опубликованной в 1993 г. в журнале «Вопросы психологии», сделав обзор, содержащихся в работах российских и зарубежных ученых дефиниций, приводит следующую психологическую характеристику: «Менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающихся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях, и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других»².

Философская концепция менталитета находит отражение в работе Н. И. и Н. Н. Губановых. Эпистемологический статус понятия, как отмечают авторы, остается «самым загадочным из вновь возникших слов». Несмотря на сложившуюся научную традицию, наличие большое количества определений, категория «менталитет», «её гносеологический статус остаётся весьма неопределённым»³. Выявление сущности понятия «менталитет» они связывают выделением особенного из единичного. Подобный подход позволяет раскрывать сущность этноменталитета, которая заключается социально-психологическом, культурно-творческом и иррационально-подсознательном различиях определенного этноса от других этносов. Данные различия раскрывают не только источники духовного многообразия социальной действительности, но и показывают предпосылки единичного, собственного миропонимания этноса в целостной картине мира, присущей для каждого индивида и всех этносов.

Как видим, в литературе существуют различные подходы к пониманию сущности менталитета и ментальности. Вполне очевидно, что

---

¹ Лесная Л.В. Менталитет и ментальные основания общественной жизни. Социально-гуманитарные знания. 2001, с.139

² Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. - 1993. - №5.

³ Губанов, Н. И., Губанов Н. Н. Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 22–32.

какая-то ясность в этом вопросе появится после создания теории менталитета, описывающей с разных сторон сущностные характеристики этой исключительно наукоемкой и междисциплинарной духовной субстанции. На данном этапе каждый ученый выбирает подход в соответствии с рамками своей науки и задачами исследования. Многие из приведенных выше определений нам не подходят, поскольку они рассматривают одну достаточно узкую, чаще всего психологическую сторону менталитета.

В дальнейшем мы будем опираться на подход, выработанный в публикациях Е. А. Ануфриева и Л. В. Лесной, корректируя его в каждом конкретном случае. Их позиция более точно характеризует данные понятия. Рассматривая отдельного индивида, профессиональную группу, по нашему мнению, следует употреблять понятие «ментальность», потому что оно, проявляясь с определенного ракурса, предстает структурным элементом менталитета. Исследуя большие социальные образования, такие как общество, этнос, нация, необходимо уже использовать понятие «менталитет», так как уже речь идет о совокупности факторов, связанных общественно-культурологическими, природными, рационально-иррациональными, эмоционально-психологическими сферами человеческой сущности, сложившихся в течение длительного исторического времени. Совокупность названных факторов, составляя ядро менталитета общества, нации, этноса, находит отражение в тех социальных образованиях, которые образуются для решения повседневных задач или реализации актуальных для конкретного индивида потребностей. Использование понятий «ментальность» и «менталитет» при исследовании социальных процессов в многонациональных, поликультурных пространствах, национально-территориальных образованиях позволяют более подробно раскрывать сущность межнациональных отношений и межэтнических противоречий.

2.2. Отечественные мыслители и философы о русском менталитете

Когда в стране не только отдельные ученые, но и сама власть говорила о формировании единой российской нации, о национальном «единстве в многообразии», в котором соотносятся гражданская и этнические нации, обращение к русскому менталитету приобретает особую актуальность. Этапы становления любой нации связаны с формированием этноменталитета. И образование российской нации, если даже как гражданско-политического сообщества, требует изначально условием наличие определенного этноменталитета, способного созда-

вать предпосылки идентификации индивида. Формирование такого суперотноса большинством исследователей рассматривается как необходимое условие преодоления предпосылок межнациональных противоречий внутри многонационального, поликультурного социального образования, решения внутри- и внешнеполитических целей и задач национального государства с выражением интересов максимального количества граждан. В этом отношении идея духовного единства многонационального государства не нова.

К вопросам национального самосознания, характера русского народа обращались многие российские мыслители. Эти вопросы, как известно, в XIX в. были центром жесткой полемики славянофилов и западников. Своеобразным активизатором этой полемики был П. Я. Чаадаев, на высказывания которого до сих пор любят ссылаться радикальные западники и другие критики русского национального характера. Оговоримся сразу, что в наши задачи не входит анализ его взглядов и даже комментарии его первого «Философского письма», рассмотрим только некоторые моменты. Этому есть ряд причин. Анализу первого философского письма, а оно единственное из восьми, опубликованных при жизни автора, – посвящены сотни и даже тысячи публикаций. Как писал Аполлон Григорьев: «Письмо Чаадаева... было той перчаткою, которая разом разъединила два дотоле, если не соединенные, то и не разъединенные лагеря мыслящих и пишущих людей. В нем впервые неотвлеченно поднят был вопрос о значении нашей народности ... особенно, до тех пор мирно поконившейся, до тех пор никем не тронутой и не поднятой»¹. Несмотря на внимание к поднятой П. Я. Чаадаевым проблеме, усилившееся в 60-70-х годах в среде советской «кухонной» интеллигенции, его взгляды многим не только не поняты, но и не известны. Дело в том, что, как отмечает Б. Н. Тарасов в комментарии к полной публикации творческого наследия Чаадаева, первое «Философическое письмо» с его тезисами и выводами может быть прочитано велед за седьмым как его логическое продолжение. «Издательская и читательская судьба философских писем складывалась так, что единство их целостного восприятия было резко нарушено, что порождало и продолжает порождать неадекватные, а порой и противоречащие друг другу истолкования творчества Чаадаева»². В силу этого анализ взглядов П. Я. Чаадаева требует специального исследования. Напомним кратко только некоторые из положений.

¹ Григорьев А. Эстетика и критика. – М., 1980.

² Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М.: Современник. 1989.

В первом «Философическом письме» П. Я. Чаадаев подчеркивает: «Мы, можно сказать, некоторым образом народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок». Далее он отмечает: «Мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдельных поколений, которые сумеют его понять; ныне же мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке»¹.

Нет сомнения, что если сегодня кто-либо дал бы такую оценку какому-нибудь народу, то мыслящие люди, независимо от того, к какому политическому лагерю они принадлежат, назвали бы эти взгляды, как минимум, праворадикальными, вызванными не стремлением понять сущность явления, не критичностью и тем более не сожалением о судьбе народа, а обычной ненавистью. Он в первом «Философическом письме» дает и более жесткие оценки. «Мне кажется, — писал П. Я. Чаадаев, — что в нашем взгляде есть какая-то странная неопределенность, что-то холодное и неуверенное, напоминающее отчасти физиономии тех народов, которые стоят на низших ступенях социальной лестницы. В чужих странах, особенно на юге, где физиономии и так выразительны и так оживлены, не раз, сравнивая лица моих соотечественников с лицами чужеземцев, я поражался этой немотой наших лиц». Дальше о том, что у нас «В наших головах нет решительно ничего общего; все в них индивидуально и все шатко и неполно. Полное равнодушие к добру и злу, к истине и ко лжи и именно это лишает нас всех могущественных стимулов, которые толкают людей по пути совершенствования; нам присущи кое-какие добродетели молодых и малоразвитых народов, мы уже не обладаем зато ни одним из достоинств, отличающих народы зрелые и высококультурные»². Вряд ли кто будет спорить, что сегодня это называется расизмом, шовинизмом. Следует отметить, что П. Я. Чаадаев вообще не стеснялся в выражениях при оценке наций и народностей. Вот его «перл»: «некоторые отупелые племена, сохранившие лишь внешний облик человека»³. Сегодня это — лексика шовинизма. Один из авторов слышал сходную оценку русского народа на международном симпозиуме «Культура в трансформируемый период», проведенном в 1997 г. в Юрмале по программе фонда Сороса. Там присутствовали представители разных стран — США, Швеции, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии и др. А нападал на русских,

---

¹ Там же

² Там же

³ Там же

подчеркивая их неполноценность, изначально врожденные негативные качества, представитель... Белоруссии. Он договорился до того, что если русский женится на белоруске, латышке, польке, то дети обязательно будут нравственно ущербные, недоразвитые, агрессивные и т. п. В качестве доказательства этот «ученый» ссылаясь на пример А. Лукашенко, который якобы потому ведет антинародную и антинациональную политику, что «по точным сведениям» является побочным сыном цыгана. Еще раз скажем: это не позиция мыслителя, аналитика, а ненависть, вырвавшаяся, может быть, в самом деле у психически нездорового человека. Подчеркивая это, мы хотим предостеречь неискушенного читателя от поспешной увлеченности внешне правильными, казущимися просто критическими высказываниями П. Я. Чаадаева. Безусловно, определенная справедливость в оценке Чаадаевым негативных особенностей русского характера есть. Сходные черты отмечали и другие философы. Но высказывания Чаадаева – это не анализ чрезвычайно важной, болезненной для народа крайности национального характера, проведенный в трудах Н. Бердяева, И. Ильина, Н. Лосского и др. Иначе, откуда бы взялся следующий приговор: «Тусклое и мрачное существование, лишенное силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании... Мы живем одним настоящим, в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя»¹.

Известно, что П. Я. Чаадаев был далеко не последовательным в своих высказываниях. «В процессе развития чаадаевская мысль, – пишет Б. Н. Тарасов, – претерпевала существенные изменения (причем все положительные знаки в ней меняются на противоположные, а логика – от предпосылок до выводов – принимала обратный характер». Судьбу Чаадаева принято считать трагической, а реакцию Николая I на «Философическое письмо» крайне жестокой. Не будем говорить о том, до каких границ можно отстаивать свои убеждения: кто-то избрал в качестве примера жизненную позицию Дж. Бруно, другой считает более верным отказ от своих взглядов Н. Галилея. Уже в «Апологии сумасшедшего», опубликованной после «Философических писем», читаем: «...у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на возникшие

---

¹ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М.: Современник. 1989.

вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибунами человеческого духа, человеческого общества»¹. И еще, в той же публикации: «Есть великие народы, – как и великие исторические личности, – которые нельзя объяснить нормальными законами нашего разума, но которые таинственно определяет верховная сила провидения: таков именно наш народ».

В «Апологии сумасшедшего» и в других своих последующих статьях, в письмах П. Я. Чаадаев фактически развивает теорию своего друга, известного славянофила А. С. Хомякова. «В истории России, писал А. С. Хомяков, есть много примеров неграмотности, взяток, междоусобной вражды, бунтов и т. п. Но не меньше в ней обратных примеров. В основании нашей истории, развивал свою мысль А. С. Хомяков, нет пятен крови и завоєваний, а в традициях и преданиях нет уроков несправедливости и насилия, ненависти и мщения. Эти-то лучшие инстинкты души Русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться»². Подытожим сказанное. Статьи и письма П. Я. Чаадаева полны логических противоречий. Противоречия присутствуют не только в временных рамках творчества и жизни философа, но и в пределах одной и той же работы. Он, подобно Янусу Полуэктовичу Невструеву из «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, был одновременно и А и У-Янусом, причем один из них постоянно выступает учителем другого. «Мысль философа, – пишет Б. Н. Тарасов в предисловии к книге П. Я. Чаадаева, – не эволюционировала, а пульсировала, развивалась поступательно-возвратно... Сложность и необычность фигуры Чаадаева состоит в том, что он... подобрал в свое творчество разнородные вопросы, волновавшие и славянофилов и западников. Одна голова «орла» (Чаадаев сравнивается с двуглавым орлом на гербе России) смотрела на Запад, ожидая от всеобъемлющей и целенаправленной внешней деятельности людей благотворного преобразования их внутреннего мира; другая – на Восток, надеясь, что углубленная духовная сосредоточенность и соответствующее душевное расположение человека гармонизируют весь строй его отношений со всем окружающим»³.

¹ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. – М.: Современник. 1989.

² Там же

³ Лосский Н. О. Характер русского народа: научное издание / Н. О. Лосский. - М. : Издат. Совет Русской Православной Церкви. 2005. - 335 с.

Таким образом, пытаясь осмыслить особенности характера русского народа, его ментальность, не следует обращаться к П. Я. Чаадаеву как авторитету в этой области, цитировать его, чтобы подтвердить свои наблюдения, рассуждения. На одну цитату из его статьи всегда найдется противоположное высказывание, возможно даже в этой статье. Его сочинения не отличаются объективностью, он не аналитик, он – путаник. Рассмотрим, какие черты национального самосознания выделяли два крупнейших, на наш взгляд, исследователя этой проблемы – Н. А. Бердяев и Н. О. Лосский. Оба ученых, как впрочем и большинство других исследователей, отмечали, что ведущей характеристикой русского народа была и остается религиозность.

Николай Лосский своей книги «Характер русского народа», рассматривая проблему национального самосознания отмечает «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа – есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, то есть такого добра, которое осуществимо лишь в царстве Божьем»¹. Он русский менталитет, внутреннее душевное состояние русского человека связывает добротой, определяющей все его душевные порывы: «Русский народ весьма одарен способностью к высоким формам опыта, более значительным, чем чувственный опыт. К числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит чуткое восприятие чужих душевных состояний. Отсюда получается живое общение даже и мало-знакомых людей друг с другом»... «Русские люди всех слоев общества вели между собою философские беседы о смысле жизни, о Боге во все периоды истории России, но это философствование они не доводили до того систематического завершения, которое естественно ведет к желанию выразить его в литературном труде»². В третьей главе своей работы Н. О. Лосский обращается к чувствам и воле русского народа. Темперамент и менталитет, определяющие характерные черты русского народа, согласно Н. О. Лосскому, связаны с ценностями, которые вызывая чувства, обуславливают волю. «Волевой процесс всегда направлен на ценности бытия, приобщение к ценностям всегда связано с чувством и даже нередко с эмоциями и аффектами. Поэтому, говоря о свойствах воли русского народа, нужно вместе с тем говорить и о чувствах его. К числу первичных, основных свойств русского народа принадлежит могучая сила воли. Отсюда становится понятною страстность многих русских людей. Страсть есть сочетание сильного чувства

¹ Лосский Н.О. Характер русского народа: научное издание / Н. О. Лосский. - М. : Издат. Совет Русской Православной Церкви. 2005. - 335 с.

² Там же

и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше ценность, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей, обладающих сильной волей. Отсюда понятна страстность русских людей, проявляемая в политической жизни, и ещё большая страстность – в жизни религиозной. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности»¹. Характеристика русского народа, данная Н. О. Лосским, в полной мере характеризует не только внутреннее состояние человека, но и объясняет особенности межэтнического взаимодействия многонационального населения России того времени. Он объясняет противоречивость политической жизни многонациональной страны, которой в ее истории были характерны и религиозные восстания народов России, и совместная борьба за независимость, активное и героическое участие в войне с иноземными захватчиками. Страстность, как характерная черта населения, была и остается фактором, влияющим на состояние межнациональных отношений.

По мнению Н. О. Лосского, даже малочисленные ценности, к которым он, в частности, относит накопление собственности, может превратиться во всепоглощающую страсть человека, независимо какой бы сильной волей он не владел. «Эта страсть становится тем более могущественною, что она естественно сочетается с другой страстью, с властолюбием: богатство дает человеку власть над многими людьми и возможность легко удовлетворять свои желания в действительности или воображении, как это описано в «Скупом рыцаре» Пушкина. Сочетание этих двух страстей обнаруживается в тех печальных явлениях, которые часто встречались в купеческом быту, – в самодурстве и семейном деспотизме»². Независимо от того, сколько бы времени не прошло с той поры, когда Н. О. Лосский писал эти строки, они остаются актуальными и в наши дни. Менталитет, этническая черта русского человека действительно несет в себе противоречивость, которая проявляется не только в сильной воле и страсти. Характер русского народа, включающий в себя страсть и сильную волю, одновременно несет в себе и «обломовщину». «Не противоречит ли это явление, довольно часто встречающееся в русской жизни, утверждению страстности и волевой силы русского народа?» – задает он вопрос. И отвечает: «Лица, преувеличивающие влияние социальных условий на характер и поведение людей, объясняют лень Обломова развращающим влиянием

¹ Там же

² Лосский Н.О. Характер русского народа: научное издание / Н. О. Лосский. - М. : Издат. Совет Русской Православной Церкви. 2005. - 335 с.

крепостного права. В указании на это условие есть доля правды, но она очень мала. Леность и пассивность встречались на Руси не только среди помещиков и приниженных крепостным правом крестьян, они встречались и встречаются также во всех других слоях русского общества. Поэтому нужно объяснить такие черты характера более глубокими причинами, чем крепостное право¹. Леность, по Н. О. Лосскому, выступает видом зла, имеющим свои предпосылки в природе человека. «Для понимания наиболее значительных случаев этого порока отдадим себе отчет в том, какое отношение существует между целями наших поступков и средствами для достижения целей. Мы живем не в Царстве Божием, а в упадочном царстве существ, эгоистических в большей или меньшей степени. Не Бог, а мы сами своим эгоистическим поведением создали систему природы, полную несовершенств и разных видов зла, в которой такое существенное значение имеет материальная телесность, возникающая как следствие взаимного отталкивания существ друг от друга. И мы сами обладаем такою материальною, а не преобразованною телесностью»².

Русская черта, согласно Н. О. Лосскому, сочетает в себе несочетаемое: чувство долга, ответственности, формирующие добросовестность и точность, сосуществуют с «обломовщиной». «Частичная обломовщина выражается у русских людей в небрежности, неточности, неряшливости, опаздывании на собрания, в театр, на установленные встречи. Богато одаренные русские люди нередко ограничиваются только оригинальным замыслом, только планом какой-либо работы, не доводя ее до осуществления. Давно уже было замечено, например, что беседа с западноевропейским ученым дает то, что им выражено в его трудах, а общение с русским ученым оказывается, обыкновенно, гораздо более содержательным и более полным новых мыслей, чем его печатные труды»³. Свобода, физическая и духовная, справедливость, совершенное добро, как внутренняя потребность русского народа сосуществуют в нем с их противоположностями. «Великая Российская империя с абсолютно монархической властью создавалась не только благодаря усилиям правителей ее, но и благодаря поддержке со стороны народа против анархии. Какие слои народа содействовали этому? Искание абсолютного добра и связанное с ним служение высшему началу побуждает целые слои русского народа подчинить свою свободу госу-

---

¹ Там же

² Там же

³ Лосский Н.О. Характер русского народа: научное издание / Н. О. Лосский. - М. : Издат. Совет Русской Православной Церкви. 2005. - 335 с.

дарству, как необходимому условию обуздания зла; таковы духовенство, купечество и военные люди»¹. Ссылаясь на высказывание западных исследователей, Лосский отмечает, что русскому и вообще славянам свойственно стремление к свободе; не только свободе от иностранного народа, но и свободе от оков всего преходящего и бренного. Среди европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти, среди русских богатый часто смотрит на бедного со стыдом. В русском живо чувство, что собственность владеет нами, а не мы ею, что владение означает принадлежность чему-то, что в богатстве задыхается духовная свобода².

Н. О. Лосский к числу «первичных, основных свойств русского народа» относит его «выдающуюся доброту», «одинаково часто встречающуюся и у простолюдинов и во всех слоях общества». Она проявляется во всех его слоях в отсутствии злопамятности. Нередко русский человек, будучи страстным и склонным к максимализму, испытывает сильное чувство отталкивания от другого человека, однако при встрече с ним, в случае необходимости конкретного общения, сердце у него смягчается, и он как-то невольно начинает проявлять к нему свою душевную мягкость, даже иногда осуждая себя за это, если считает, что данное лицо не заслуживает доброго отношения к нему³.

Н. О. Лосский, подчеркивая, что добротой характеризуюсь русский народ, одновременно может проявлять жестокость, которая часто сопровождает повседневную жизнь. «Существует много видов жестокости, и некоторые из них могут встречаться, как это ни парадоксально, даже и в поведении людей, вовсе не злых по своей природе. Жестокость, как средство устрашения преступников, есть один из видов этого явления. Русский крестьянин в прежние времена считал кражу лошади одним из самых страшных преступлений: нищета, губительный голод всей семьи могли быть следствием потери лошади. Поэтому крестьяне, поймав конокрада, иногда не только убивали его, но еще и предварительно жестоко истязали, чтобы другим не повадно было»⁴. Н. О. Лосский, как бы даже оправдывая жестокость, присущую в бытовой сфере, не рассматривает ее как явление социальной действительности, как необходимое условие социальных отношений. Доброта и жестокость, сосуществуя в русском человеке, разграничиваются справедливостью. Поликультурность российской государственности и выте-

---

¹ Там же

² Там же

³ Там же

⁴ Там же.

кающие из нее социальная действительность и социальные отношения, присущими им добротой или жестокостью, всегда основывалась на специфическом понимании справедливости. Противоречия, несущие в себе межэтнические черты, возникали не как националистическое противостояние, а как выход за рамки установленных норм и правил справедливости, хотя эти нормы и правила не основывались на либеральных идеях, а вытекали из специфического понимания справедливости.

Специфическое понимание справедливости русского народа, согласно Н. О. Лосскому, формируется многогранностью его способностей. Русский человек характеризуется противоречивыми чертами, в нем сосуществуют высокая религиозная одаренность и высшие формы опыта, основанные на наблюдательности, способность теоретизировать реальную действительность и обращенность к практическому уму, поглощенность повседневными мелочами, обремененность бытом и творческие порывы, стремление к красоте, необузданная артистичность и способность переигрывать себя в жизни. Все эти противоречивые черты несет в себе каждый человек, как крестьянин, так и поэт, как в жизни, так и в творениях великих произведений искусств.

Н. О. Лосский, выделяя сосуществование любви к возвышенным размышлениям и практического ума в русском характере, приводит пример, как практическая его часть привела во второй половине XIX в. Россию быстрому развитию промышленности. «Советское правительство, став в наше время насаждать преувеличенный национализм, старается с комическим усердием доказать, что все изобретения совершены в России. Однако не надо забывать, что некоторые важные изобретения сделаны действительно русскими; вспомним, например, электротехника П. Н. Яблочкова (1847-1894), А. С. Попова, изобретателя беспроволочного телеграфа, или в наше время Зворыкина (электронный микроскоп, участие в разработке телевидения). Сметливость русского крестьянина и рабочего давно уже замечена даже и иностранцами»¹. Данная характеристика Н. О. Лосского русского народа показательна в том плане, что раскрывает сосуществование в каждом носителе русской культуры противоречащих друг другу черт, тем самым не позволяя делать только однозначные выводы. Неоднозначность, многоликость исторического процесса, социальных взаимодействий и общественных отношений в России не что иное, как следствие многогранности русского человека. Многогранность межкультурного взаимодействия, сохранность культурного многообразия, в том числе и этниче-

¹ Лосский Н.О. Характер русского народа: научное издание / Н. О. Лосский. - М. : Издат. Совет Русской Православной Церкви. 2005. - 335 с.

ского, результат русского характера, который не только не поддерживал, но и часто противостоял официальной великоросской идеологии российской власти.

Опираясь на высказывание В. Соловьева о том, что у всех значительных народов возникает идея мессианства, следующей значительной чертой русского характера Н. О. Лосский называет «мессионизм и миссионизм». Значимость данного идеала он связывает с христианским универсализмом, способным нести положительное содержание благодаря универсальным духовным ценностям религии. Н. О. Лосский подробно останавливается на необходимости «сочувственно вживаться в чужие культуры, постигать их как свою собственную и таким образом воспитывать друг друга своим творчеством»¹. Способность сочувственно вживаться в чужие культуры очень точно характеризует особенности не только русского характера, но и объясняет устойчивость социальной организации многонационального общества. «Природная оригинальность и мощь народного характера обеспечивает ему сохранение своеобразного национального лица, в какую бы тесную связь с другими народами он ни вступал». Однако и «у сильного народа есть отдельные слабые индивидуумы; мало того, как бы ни был могуч национальный характер, бывают в историческом процессе тяжелые годы внешних и внутренних потрясений, истощающих силы народа, и в такие периоды может развиться недоверие к себе и опасная подражательность. Поэтому в деле сохранения и развития национального своеобразия, кроме природной мощи народа, нужно еще содействие национального воспитания и образования. К сожалению, современная педагогика еще не выработала разумной системы национального воспитания. Обдумывая вопрос о такой системе, необходимо отдавать себе отчет в том, что сущность характера и национальной культуры, как и все индивидуальное, не выражима в отвлеченных понятиях»². Н. О. Лосский в стремлении понимать и воспринимать чужую культуру, сосуществующую территориально рядом, видит источник сохранности и развития национальной культуры, этнического характера, потому что чужая культура способствует глубже понимать сущность собственной культуры. Он выступает сторонником развития культурного многообразия и сосуществования национальных культур, являющихся предпосылками взаимного духовного и культурного обогащения соседствующих культур. Данная мысль подтверждается реальной исто-

¹ Лосский Н.О. Характер русского народа: научное издание / Н. О. Лосский. - М. : Издат. Совет Русской Православной Церкви. 2005. - 335 с.

² Там же.

рией развития мозаичной многокультурной российской духовной действительности.

Переходя к явным недостаткам характера русского народа, Н. О. Лосский отмечает, что русский человек несет в себе безграничный экстремизм и максимализм, которые в сочетании «с узостью и бедностью атеистического исторического материализма», объясняют, небывалую жестокость истребления в процессе Октябрьской революции и последующих за ней событий всех подозреваемых во вражде к новой власти, коммунизму. «Именно характер русского человека при утрате им подлинной религии и замене ее псевдорелигией создал ужасы большевистской революции, и потому нам с сокрушением приходится признать, что особенности этой революции суть порождение русского духа. Мы не имеем права сваливать вину на какие-то посторонние русскому духу влияния. Высокие достоинства русского народа при извращении их дают особенно возмутительное зло: *corruptio optimi pessima* (порча наилучшего дает наихудшее)»¹.

К негативным чертам русского характера относится и «недостаток средней области культуры»... «Материальная культура стоит в России на низком уровне развития. Русский народ до сих пор не овладел грандиозной территорией своего государства так, как это сделали, например, американцы в Соединенных Штатах. Некоторым извинением этого недостатка могут служить большие трудности овладения природой в стране с таким климатом, как в значительной части России, где, например в Сибири, огромные пространства мало пригодны для культуры вследствие вечной мерзлоты». «Но даже и в Европейской России в местах, благоприятных для жизни, очень мало позаботился русский народ об удобствах для удовлетворения повседневных нужд. В России, например, очень мало хороших дорог; сельское население пользуется большей частью крайне неудобными проселочными дорогами. Особенно поражает грязь и беспорядочность деревенских улиц»². Н. О. Лосский завершает свой анализ оценкой двух явных недостатков русского характера – нигилизма и хулиганства. Для него непривлекателен даже «внешний вид многих нигилистов – небрежная одежда, лохматые волосы у мужчин, стриженные, плохо причесанные волосы девушек, грубые манеры». Содержание поведения нигилистов «было еще более отталкивающим: практика свободной любви без заботы о ребенке, могущем явиться следствием ее, в имущественных отноше-

¹ Там же.

² Лосский Н.О. Характер русского народа: научное издание / Н. О. Лосский. - М. : Издат. Совет Русской Православной Церкви. 2005. - 335 с.

ях нечто вроде правила «все мое – мое и все твое – тоже мое», защита своих прав без признания своих обязанностей, кощунственное отрицание религии и т. п. свойства»¹.

Основные положения теории Н.О. Лосского об особенностях русского характера, русской ментальности позволяют понимать суть культурного и духовного развития многонациональной России. Подчеркнем, что его исследование основано на всестороннем использовании и анализе высказываний практически всех отечественных и зарубежных исследователей этого вопроса, а также писателей, публицистов, политических деятелей. Н.О. Лосскому удалось раскрыть не только характер русского народа, но и показать логику и внутренние закономерности сосуществования народов. В этом сосуществовании с многовековой историей, было все: духовное и идейное единение в условиях внешних угроз и внутренние конфликты, несущие в себе неконтролируемую жестокость, терпимость, понимание чужой культуры и конфессиональные противоречия. Христианизация окраин, которая имела место в нашей истории, прежде всего, было политикой государства по сохранению целостности, нежели стремление уничтожения этнического и культурного многообразия.

Рассмотрим мнение по этой проблеме другого крупнейшего философа – Н. А. Бердяева. Взгляды Бердяева о сущности русского характера «разбросаны» по многим книгам; основные положения изложены в книге «Судьба России», составленной философом в 1918 г. на основе статей 1914-1918 гг. Н. А. Бердяев сразу отрицательно оценил октябрьский переворот, считая, что «русский народ не выдержал великого испытания войной. Он потерял свою идею... Русский народ не захотел своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совершил внутреннее предательство»². Чтобы возродить Россию, необходимо «перевоспитание русского характера. Мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими»³. Сборник основан на этой позиции, в нем преобладает критический подход к оценке сущностных характеристик русского народа начала XX в. Отметим, что в дальнейших работах Н. А. Бердяева этот подход несколько смягчился.

По Н. А. Бердяеву: «Россия – самая безгосударственная страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не

---

¹ Там же.

² Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.

³ Там же.

умевший устраивать свою землю»¹. Отмечая характерную особенность русской истории, Бердяев пишет: в ней «не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери»². Но для русского человека государство не представлялось ни лонем матери, ни коллективом, он никогда не стремился строить государство. «Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная. Пассивная, рецетивная женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории»³. Нежелание или неспособность русского народа строить свою государственность Н. А. Бердяев объясняет его стремлением быть свободным от государства, от забот устроить порядок в своей земле. Русский человек не думает о свободном государстве или собственной свободе в государстве, ему ближе свобода от забот о земном устройстве. Отреченность от государства, по мнению Н. А. Бердяева, есть источник смирения и терпения. Русский народ страдал и страдает очень много, но всегда ответом является смиренное терпение. Именно смиренное терпение делает Россию святой и эта святость способна сосуществовать с грехом. «Россия грешна, но и в грехе своем она остается святой страной – страной святых, живущих идеалами святости»... «Русский человек упоен святостью, и он же упоен грехом, низостью. Смирренная греховность, не дерзающая слишком подыматься, так характерна для русской религиозности. В этом чувствуется упоение от погружения в теплую национальную плоть, в низинную земляную стихию. Так и само пророческое мессианское в русском духе, его жажда абсолютного, жажда преображения оборачивается какой-то порабощенностью»⁴. Н. А. Бердяев характеризует русский менталитет, как особенный тип восприятия действительности, где одновременно сосуществуют, уживаются противоположности. Эти противоположности не ущемляют человеческое в русском, а наоборот, возвышают, одухотворяют в нем личностное и духовное начало. «Россия как бы всегда хотела лишь ангельского и зверского и недостаточно раскрывала в себе человеческое. Ангельская святость и зверская низость – вот

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

вечные колебания русского народа, неведомые более средним западным народам»¹. При этом звериная низость никогда не выступала самостоятельным началом, она сосуществовала со святостью, в сумме которые всегда давали нравственную снисходительность не только самому себе, но и окружающим. Снисходительность к самому себе и окружающим Н. А. Бердяев рассматривает не как недостаток, превращающийся при стечении обстоятельств во вседозволенность, а как внутреннюю духовную организацию русского человека, несущую в себе ядро нравственности. «Я верю – пишет он, – что ядро русского народа нравственно-здоровое». При этом сетует, что это нравственно-здоровое, не единственное качество русского человека, ему присущ дуализм. Главное, при сосуществовании противоположностей, не всегда преобладает «светлое». «Но в нашем буржуазно-обывательском слое не оказалось достаточно сильного нравственного гражданского сознания, нравственной и гражданской подготовки личности. Перед этим слоем стоят не только большие испытания, но и большие соблазны. Русский человек может бесконечно много терпеть и выносить, он прошел школу смирения. Но он легко поддается соблазнам и не выдерживает соблазна легкой наживы, он не прошел настоящей школы чести, не имеет гражданского закала. Это не значит, что так легко соблазняющийся и уклоняющийся от путей личной и гражданской честности русский человек совсем не любит России. По-своему он любит Россию, но он не привык чувствовать себя ответственным перед Россией, не воспитан в духе свободно-гражданского к ней отношения»². Характеристика Н. А. Бердяева русского народа очень точно показывает внутреннюю сущность существования и сосуществования многонациональной и многокультурной России, которую невозможно обозначить однозначно – в этой сущности многонационального взаимодействия и единства много иррационального, неподдающегося логическому или прагматическому объяснению. Источником данного единства и целостности выступает не давление о возможном насилии в виде государственного устройства, не расчет для обеспечения собственного выживания, а некая обоюдная невидимая внутренняя связь между народами, исходящая от каждого конкретного человека независимо от национальной принадлежности.

Иррациональные источники единства и целостности многонационального российского народа подтверждаются Н. А. Бердяевым на примере русско-польских отношений, имеющих не только единую ис-

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.

² Там же

торию взаимоотношений в рамках общей государственности или соседствующих стран, но и общее славянское происхождение. Эти отношения он характеризует как взаимозависимость и противостояние русской и польской души. Этот дуализм взаимозависимости и противостояния особое проявление имело в определенные этапы исторического взаимодействия, и, что самое интересное, мы сейчас сами являемся свидетелями обострения этого дуализма. Слова Н. А. Бердяева актуальны сегодня как никогда «Старая ссора в славянской семье, ссора русских с поляками, — пишет он, — не может быть объяснена лишь внешними силами истории и внешними политическими причинами. Источники вековой исторической распри России и Польши лежат глубже. Духовные причины этой вражды и отталкивания, разделяющих славянский мир, — это, прежде всего, распри двух славянских душ, родственных по крови и языку, по общеславянским расовым свойствам и столь различных, почти противоположных, с трудом совместимых, неспособных друг друга понять»¹. Историческое распри, вражду и отталкивание между поляками и русскими Н. А. Бердяев объясняет различием психотипа двух народов, заключенного в духовном восприятии действительности. Он отмечает: «Русский народ в своих низах погружен в хаотическую, языческую еще земляную стихию, а на вершинах своих живет в апокалиптических чаяниях, жаждет абсолютного и не мирится ни с чем относительным. Совсем иная душа польская. Польская душа — аристократична и индивидуалистична до болезненности, в ней так сильно не только чувство чести, связанное с рыцарской культурой, неведомой России, но и дурной гонор. Это наиболее утонченная и изящная в славянстве душа, упоенная своей страдальческой судьбой, патетическая до аффектации. В складе польской души русских всегда поражает условная эlegantность и сладость, недостаток простоты и прямоты и отталкивает чувство превосходства и презрения, от которых не свободны поляки»². Сущность русского менталитета очень показательна во взаимоотношениях между русскими и поляками, в которой проявляются первоосновы и условия взаимодействий не только между родственными по происхождению народами, но и вообще сосуществования с любым народом, оказавшимся по определенным причинам во взаимоотношениях. Он отмечает причину противостояния русской и польской души: «В прошлом колонизация и латинизация русского народа была бы гибелью его духовной самобытности, его национального лица. Польша шла на русский Восток с чувством своего культур-

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. — М.: Советский писатель, 1990.

² Там же

ного превосходства», или «Русский духовный тип казался полякам не иным духовным типом, а просто низким и некультурным состоянием»¹. И на примере взаимоотношений русского народа с польским, у Н. А. Бердяева можно увидеть основу сосуществования, поликультурного и многонационального единства России, отмечающего, что «Польский же народ должен почувствовать и понять душу России, освободиться от ложного и дурного презрения, которому иной духовный склад кажется низким и некультурным»².

Таковы основные взгляды Н. О. Лосского и Н. А. Бердяева о сущности русского менталитета и национального характера, о его проблемах и дальнейшей судьбе. В их анализе нет прямого объяснения тех вопросов и проблем, которые интересуют нас – источники и первопричины сосуществования и развития поликультурной и многонациональной социальной действительности, которая имеет уже многовековую историю в России. Вместе с тем их характеристика русской души раскрывают иррациональные стороны феномена многонациональной России. Как видим, ни тот, ни другой философ не выделяет в качестве одной из черт русского характера расчет или личную выгоду, то есть экономическую активность, деловитость и рациональность. Единство многонациональной и поликультурной России и сосуществование народов имеют более глубокие корни, чем прагматизм и рациональность, они основаны на духовных, иррациональных, логически необъяснимых устремлениях каждого конкретного субъекта данной социальной действительности. Идентификационная стратегия субъекта данной социальной действительности оказывается намного шире своей этнической, культурной, гражданской, социальной принадлежности. Эта идентификационная стратегия лежит за гранями всех перечисленных полей самоопределения, накладываясь на идентификационные параметры других народов, с которыми сосуществует субъект.

Сосуществование этносов и поликультурность социальной действительности в России многими русскими философами объяснялось широтой идентификационной стратегии субъекта и слабости личностных параметров идентификации. В частности С. Булгаков³, К. Леонтьев⁴, В. Розанов⁵, В. Соловьев⁶ и другие русские философы

---

¹ Там же

² Там же

³ Булгаков С. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. Т. 1-2 - М., 1993.

⁴ Сборник статей К. Леонтьева «Восток, Россия и славянство» // Леонтьев К. Сборник сочинений. Т. 1-2 - М., 1912.

⁵ Розанов В.В. Легенда о великом инквизиторе. – СПб., 1911; Он же. Мимолетное. – М., 1994.

⁶ Соловьев В. История и будущность теократии. – СПб., 1912;

XIX и начала XX вв. отмечали, что русскому духу свойственна коллективная ответственность, а значит и особое понимание личной ответственности, зачастую характеризующееся стремлением переложить ответственность за общественные дела на других, стоящих у власти. Противоречие между заботой о своем народе, любовью к своей стране и стремлением принимать решение в общественных вопросах, между готовностью умереть за свою Родину и желанием ежедневной, постоянной деятельности ради будущего всегда остро стояло перед каждым человеком. Любовь к своей Родине, забота о своем народе всегда присутствовало в каждом русском человеке, но эти чувства всегда проявлялись по-разному в зависимости от того, что речь шла о героическом начале или повседневном труде. Подобные взгляды высказывались и в развернувшейся в конце XIX в. дискуссии между литераторами «западниками» и «славянофилами», причем по этому вопросу принципиальных разногласий между непримиримыми сторонами не было. Проблема русского революционного максимализма, сформированного как идея героического начала в личности, подробно разработана в выпущенном в 1909 г. сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи». Сходная точка зрения неоднократно высказывалась виднейшими исследователями древнерусской культуры Г. К. Вагнером и Д. С. Лихачевым. Специфику трактовки личной ответственности правомерно искать в традициях русского левого радикализма, которому издавна было свойственно противопоставление общественного интереса – личному, будущего – настоящему и прошлому, сознательного – стихийному и т. п. Леворадикальное понимание, переносящий акцент с личностного начала на процесс революции, было свойственно не только современникам С. Нечаева – М. Бакунину, П. Кропоткину, П. Ткачеву, народолюбцам, но и первому марксисту Г. Плеханову, и всем, кто вместе с В. Лениным осуществлял революционный переход России к новому строю, даже многим представителям литературы и искусства. Данная специфика русского радикализма отмечал еще Н. Бердяев: «Вы, русские радикалы, – писал он, – всегда в глубине души думали, что нет ничего выше, как революционный социализм, что революционер-социалист представляет самый высший человеческий тип, но что вы сами по слабости своей и связанности своей житейской средой не можете стоять на этой высоте»¹. И представление о личности, революционере-социалисте не предполагало этнического начала. Тезис Троцкого, что только революция создает личность, разделяли в

¹ Бердяев Н. Философия неравенства. Письма к друзьям по социальной философии. Второе изд. испр. – Париж, 1970.

20-х годах и те, кто вел с ним непримиримую борьбу по многим вопросам. После революционные события, в частности и благодаря деятельности З. Валидова, возникает вопрос о территориальном устройстве нового государства, обостряя национальный фактор и проблему взаимоотношений этносов в едином поликультурном пространстве.

Отсутствие в России противовеса левому радикализму, традиционные мечтательность, преобладание романтического начала и максималистические устремления русской революционной интеллигенции стали той благоприятной «российской почвой», на которой развивалось деформированное положение марксизма, что «только учение о революционных драмах истории, через которые в море крови движется дух прогресса, как учение о неотвратимых судьбах, о неотвратимости мировой пролетарской революции». Такой подход соответствовал сложившимся в России моральным нормам и принципам нравственных отношений. Особенность нравственных отношений в России обусловлена ее географическим положением и спецификой развития религиозных моральных норм. «Россия есть великий и цельный Востоко-Запад... — отмечает Н. Бердяев. — Русское православие — оригинальное явление русского духа, оно очень отличается от греческого... Русский народ получил иное религиозное воспитание, чем народы Запада. Русский народ религиозно воспитан в культе святых и святости. Православная Церковь дала русскому народу возможность вынести его тяжелую историческую долю. Но православное религиозное воспитание не давало того закала личности, той самодисциплины души и культуры души, которые давало на Западе католическое религиозное воспитание, а по-своему и протестантское»¹. Бердяев также отмечает, что в «строении великого русского государства был какой-то надрыв, какое-то нездоровье, ненормальные отношения народа и власти. Народ нуждался во власти над собой и чувствовал инородность власти. Народ был безвластен, анархичен, и народ поддерживал, санкционировал власть самодержавную, неограниченную. Незрелость в России общественных классов и сословий и совершенно исключительное развитие начала бюрократического и было недостатком мужественности в народе, мужественной активности и самостоятельности»². Аполитичность народа, отсутствие устремленности к власти в какой-то мере также определили особенности межнациональных отношений в полиэтническом и поликультурном обществе.

¹ Там же

² Бердяев Н. Философия неравенства. Письма к друзьям по социальной философии. Второе непер. изд. — Париж, 1970

Об этой особенности русской культуры говорят и многие современные исследователи. С. С. Аверинцев считает специфическое чувство нравственной свободы «необходимым признаком всего, что является русской мыслью. Оно оборачивается постоянным недостатком свободы в составе русской жизни. Русская мысль не привыкла доверять той свободе, которую обеспечивают в конституции»¹. Для русского человека антиномии, заключенные во власти над людьми со времен Илариона, автора первого из дошедших до нас творений отечественной литературы «Слова о Законе и Благодати», представляли собой не задачи рассудка, постигаемые умом, а были мучениями для совести. Изучая «Слова о Законе и Благодати», считает В. Кожин, можно доказывать, что в нем уже начинает складываться та ценностная логика России и мира, человека и истории, истины и добра, которое гораздо позднее, в XIX – XX вв., воплотилось с наибольшей мощью и открытостью в русской классической литературе и мысли². «Наша опасность заключена в вековой привычке перекладывать чуждое бремя власти на другого, отступаться от него, уходить в полную невинность безответственности»³ – отмечает С. С. Аверинцев. Менталитет русского народа, характеризуемый исследователями как чувственный и противоречивый, объясняет событийность межэтнических отношений, развивающихся не всегда равномерно.

Особое место в русском философском наследии по проблемам национального характера занимают труды И. А. Ильина. Это, пожалуй, самый цитируемый (хотя далеко не прочитанный, а значит и не совсем понятый) российский мыслитель. На него ссылаются ученые, политические деятели, публицисты, а также люди, стоящие в стороне от политических баталий. Можно сказать, что проблемы Родины, патриотизма, русской нации и др. так или иначе затрагиваются во всех работах И. А. Ильина. Вместе с тем есть некоторые из них, которые следует выделить. В первую очередь к ним относятся речи Ильина, произнесенные с 1926 по 1933 г. в Берлине по случаю ежегодно отмечавшегося эмиграцией Дня русской культуры, приуроченного к дате рождения А. С. Пушкина. Ильин говорит о долге, вновь и вновь повторяющемся в русской истории страдании народа, о грядущем воскресении русского народа, о его кажущемся внешнем умалении – в окружении обступивших его равнодушных и занятых собою народов, – о неизбеж-

¹ Аверинцев С. К характеристике русского ума //Новый мир, 1989. №1

² Кожин В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи//Вопросы литературы, 1988. № 12.

³ Аверинцев С. Византизм и Русь. Два типа духовности. Статья вторая//Новый мир, 1988. № 9.

ном торжестве щедрой, молодой еще силами, закаленной тяжкими Божьими испытаниями народной душе¹.

В 1940-1941 гг. И. А. Ильин организует регулярное тематическое издание «Заочные чтения» и выпускает цикл статей под общим названием «О грядущей России». В 1956 г. 215 выпусков «Заочных чтений» были изданы в Париже, составив знаменитый двухтомник И. А. Ильина «Наши задачи»². Еще следует отметить шесть лекций И. А. Ильина, прочитанных им в 1941-1944 гг. в Швейцарии под общим названием «О русской культуре»³. И. А. Ильин неоднократно подчеркивал важность патриотизма, его духовность. В работе «О Родине» он подчеркивает, «человек не может не любить свою Родину, если он не любит ее, то это означает, что он ее не нашел и не имеет». И дальше: «Родина обретается именно духом. Родина есть духовная реальность. Чтобы найти ее и узнать, человеку нужна личная духовность». Однако, основываясь на этом и сотне других подобных высказываниях, не следует зачислять И. А. Ильина в автора, необоснованно воспевающего патриотизм. Он был далек от воспевания, И. А. Ильин – истинный патриот своей родины, но патриот-аналитик, высоко оценивающий лучшие качества каждого народа. В работе «Путь духовного обновления», в главе «О национализме», Ильин подчеркивает: «Любить свой народ и верить в него, верить в то, что он справится со всеми историческими испытаниями, восстанет из крушения очистившимся и умудрившимся, не значит закрывать себе глаза на его слабости, несовершенства, а может быть, и пороки. Принимать свой народ за воплощение полного и высшего совершенства на земле было бы сущим тщеславием, болезненным националистическим самомнением»⁴. Здесь же, в сноске, И. А. Ильин отмечает, что есть народы, у которых такой патриотизм традиционно преобладает. Завершает свои размышления однозначным выводом: «...любить свою родину не значит считать ее единственным на земле средоточием Духа, ибо тот, кто утверждает это, не знает вообще, что есть Дух, а потому не умеет любить и дух своего народа; его удел – звериный национализм. Нет человека и нет народа, который был бы «единственным» средоточием духа, ибо дух живет посвоему во всех людях и во всех народах. Истинный патриотизм и национализм есть любовь не слепая, а зрячая; и парение ее не только не чуждо добру, и справедливости, и праву, и, главное, Духу Божию,

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2 – М.: Русская книга, 1996.

² Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 2. Кн. 1 и 2. – М.: Русская книга, 1993

³ Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2 – М.: Русская книга, 1996.

⁴ Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Русская книга, 1993.

но есть одно из высших проявлений духовности на земле»¹. Понимание И. А. Ильина понятия национализма характеризует особенности сосуществования народов в едином социальном пространстве. Он, как и предыдущие авторы, анализированные в работе, подтверждает преобладание духовного начала в межкультурном и межнациональном диалоге народов многонационального социального образования. Рассматривая патриотизм и национализм, он не разделяет народы, а, наоборот, через эти понятия показывает источники единства народов, основанные на идее духовной осознанности. И. А. Ильин подчеркивает, что «патриотизм слепого инстинкта лучше, чем отсутствие какой бы то ни было любви к родине; и возражать против этого могли бы только фанатики интернационализма. Однако ныне пришло время, когда такой, чисто инстинктивный патриотизм, сводящийся у некоторых народов к самой наивной националистической гордыне и к самой откровенной жажде завоеваний, готовит человеку неизмеримые опасности и беды; ныне пришло время, когда человечество особенно нуждается в духовно осмысленном и христиански облагороженном патриотизме, который совмещал бы страстную любовь и жертвенность с мудрым трезвением и чувством меры, ибо только такой патриотизм сумеет разрешить целый ряд ответственных проблем, стоящих перед современным человечеством...»².

И. А. Ильин в национализме видит многообразие мира, с этим понятием связывает будущее человечества, потому что национализм является источником духовного развития народов. Он отмечает: «Каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от природы (а это значит – и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца вселенских. И у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, осуществляя его, мы исполняем наше историческое предназначение, отречься от которого мы не имеем ни права, ни желания»³. Согласно И. А. Ильину – с ним нельзя не согласиться – у каждого народа историческое предназначение творить драгоценное многообразие, которое выражается в его самобытности. «Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горю-

¹ Там же.

² Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Русская книга, 1993.

³ Там же.

ет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... Он по-своему возносится духом и кается. По-своему организуется. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости; иной характер; иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом: у каждого народа иной, особый душевный уклад и духовно-творческий акт»¹. Слова И. А. Ильина в полной мере описывает веками сложившиеся в России этнокультурные отношения – духовная и культурная свобода всегда была условием внутренней стабильности государства. Попытки ограничения духовной и культурной свободы, предпринимаемые государством в определенные исторические этапы, всегда выливались в различные формы противостояния. Те же попытки русификации или христианизации регионов, в том числе и Башкортостана, заканчивались восстановлением «драгоценного своеобразия», существующего культурного и бытового уклада, духовной и культурной самобытности. И. А. Ильин неоднократно подчеркивает значимость для духовного развития нации и личности национализма, который, по его мнению, «есть любовь к духу своего народа, и притом именно к его духовному своеобразию»². Развитие истинного национализма, считал И. А. Ильин, возможно только при духовном понимании родины, а для этого «необходимо осуществить в себе патриотическое самосознание». Духовное богатство России он видел в ее многонациональности, где каждый народ получал духовную и культурную свободу, основанную на идее равенства. Он подчеркивал: «...нелепость и фальшь предлагают те, кто допускает, что русский народ есть какой-то особенный вселенский народ, который призван не к созданию своей творчески-особливой, содержательно-самобытной культуры, а к претворению и ассимиляции всех чужих, иноземных культур. Это есть новое отречение от своего национально-индивидуального духовного лица»³. Способность любого народа сохранять свое национально-индивидуальное духовное лицо и возможность его обогащать, необходимое условие реализации истин-

¹ Там же.

² Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Русская книга, 1993.

³ Там же.

ного национализма. Менталитет русского народа, согласно И. А. Ильину, содержит в себе все предпосылки для осуществления истинного национализма в каждом русском человеке и в народах, сосуществующих в едином социальном пространстве. Его идея об истинном национализме, присутствующем в русском менталитете, способствует выстраивать логическое объяснение сложившихся межнациональных отношений в многонациональной и поликультурной России.

Стремление к духовной свободе, как свойство русского менталитета, согласно И. А. Ильину, связано тем, что русскому народу пришлось «быть срединным народом между Европой и Азией, сдерживать натиск азиатских кочевников, переносить крайности, их господство, не утрачивая при этом себя и не изменяя своей идее, вытравливать чужеродное и впитывать его, чтобы спасти таким образом себя и европейскую культуру от новых гуннов, чтобы воспринять, наконец, ото сна и приняться за ткань новой, своей, скорее византийской, чем с римским налетом культуры и тем самым создать вдохновенную, по-древнегречески волнующую христианскую восточнославянскую культуру»¹. Далее следует весьма серьезный вывод, важность которого усиливается при анализе того исторического периода, когда Россия становилась на защиту других народов, не спрашивая их согласия на это, зачастую не считаясь с пожеланиями других народов. «Было бы, конечно, национально-политической наивностью, если бы русский народ за свою оборонительно-наступательную вахту на Востоке ожидал или добивался от европейских народов благодарности, дружбы или благожелательного отношения вроде того, что «мы вас спасли, мы заплатили за это чудовищную цену, застопорились в своем развитии, отстали в цивилизации – теперь вы должны нас пощадить, ни в коем случае не нападать на нас, не грабить, не пытаться завоевать» и т. д. Вопросом, бывают ли отдельные люди благодарны друг другу, задаваться не стоит: каждый судит об этом в меру собственного опыта. Что касается международных отношений, то истории ужасно мало известно о таких «сентиментальностях», как благодарность, братство и верность»². Но, то, что территория современной России в историческом прошлом подвергалась воздействию внешних сил повлияло не только на взаимоотношения с западом, а также формировало специфику сосуществования ее народов. Очень часто внешнее воздействие становилось фактором духовного и культурного единения народов, в основе которого были чувства патриотизма и истинного национализма.

¹ Там же.

² Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. I. – М.: Русская книга, 1993.

Мимо внимания И. А. Ильина не проходит определенная культурная отсталость русского народа, он отнюдь не настаивает на преимуществах русской культуры, но верит, что народ решит эту проблему. «Первый немецкий университет был основан в Праге в 1334 году. Эта была академическая культура, насчитывавшая шесть-девять веков. В России первый старейший университет был основан в 1755 году и, следовательно, насчитывает всего 189 лет. Уже только по этой причине Россия не может претендовать на то, чтобы европейские критерии «цивилизации» и «прогресса» без обиняков применялись в дальнейшем к русскому положению дел. Вдумчивый исследователь всегда принимает во внимание своеобразие и особую судьбу народа, и только легковесная и безответственная мысль пытается все уравнивать»¹. И в другой работе, где рассматриваются «главные национальные проблемы России»: «Россия в своей истории предстает запоздалым, кое-где отсталым в правовом, научном и техническом отношении, лишенным наследия и одиноким народным духом, на который смотрят свысока, язык которого отвергается как нечто трудное и своеобразное и о котором можно доверительно рассказывать всяческие небылицы. На самом же деле живет и, несмотря ни на что, развивается великое государство с его своеобразной духовностью, своеобразной культурой...»². Многие отрицательные черты русского народа И. А. Ильин объясняет влиянием татаро-монгольского нашествия, породившим «полный крах домонгольской культуры, искусства и т. д.». И. А. Ильин пишет: «...сказались вынужденная совместная жизнь и смешение кровей. Монгольские корни, как мы считаем, имеет 12 % от общего числа населения в России; раньше все было совсем по-другому, трагически по-другому. Монголы – это раса прошлого, русское народное ядро – нет. В целом отношение монголоидности и славянства на Руси представляло собой протекающий столетиями процесс ассимиляции монголов, вытеснения их славянами; однако неизбежным был и обратный процесс ассимиляции: отдельные монгольские слова, в частности такие, которые по своей тональности не кажутся отвратными славянскому уху и речевому аппарату, укоренились и русифицировались; вошли в обиход и некоторые манеры, церемониалы, обычаи: так, наши предки стали прибегать к пыткам в ходе следствия, вырыванию ноздрей (как у каторжанников), отрезанию языка (то же) и к другим страшно позорным вещам, не говоря уже о кое-каких предрассудках, шаманских заклинаниях и т. д. С кровью наследовался и темперамент, те или иные склонности, вкусы,

¹ Там же.

² Там же.

запальчивость, но и искусство верховой езды, выдающиеся скулы, кое-что в одежде и пр.»¹. Татаро-монгольским нашествием И. А. Ильин объясняет неделовитость, непрактичность русского человека. «В ходе столетий народ привык относиться к своему состоянию как к чему-то ненадежному (уже заранее уступая) и к чужой собственности так же безразлично, как и к своей, не заботясь о бережливости и экономии, безнадежное «завось» завладело душою народа, равно как и легкомысленная и снисходительная трактовка хищнических бесчинств; отсюда недостаток твердого лояльного правосознания в личном, так же как и в общественном плане, флигельное обращение с правопорядком и его элементарными законоуложениями».

Уделяя много внимания вопросам возможности расчленения России, И. А. Ильин категорически возражал против государственного строительства на принципах федерализма. «Такие пространства, такое число народностей, таких склонных к индивидуализму людей можно сплотить исключительно централизованным единым государством, можно удержать исключительно авторитарной (не путать с тоталитарной) формой правления»². В какой-то мере он предопределил ситуацию распада России на отдельные государства, пытался найти причины, порождающие межнациональное противостояние. Он пишет: «Не следует закрывать себе глаза на людскую вражду, да еще в исторически-мировом масштабе. Не умно ждать от неприятелей – доброжелательства. Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении. Им нужна Россия с убывающим народонаселением, что и осуществляется за последние 32 года. Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволеии, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия расчлененная, по наивному «свободолюбивая», согласная на расчленение и воображающая, что ее «благо» – в распаденнии. Но единая Россия им не нужна»³. И. А. Ильин, обращаясь к истокам мирного сосуществования многонационального и поликультурного единого общества в России, заключенных в духовных и творческих свободах каждого народа, допускает возможность расчленения и распада страны. Но силы, разрушающие единство и целостность этнической и культурной мозаики

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Русская книга, 1993.

² Там же.

³ Там же.

государства, не внутренние, а внешние: с одной стороны, сплоченность народов, возникающая на основе духовного единства, согласно И. А. Ильину не может разрушаться из-за межэтнических противоречий внутри страны, а с другой – роль государства заключается именно в том, чтоб не допускать нездоровый национализм, который возможен как склонность к индивидуализму отдельных субъектов. Он четко ставит границы между творческой и духовной свободой и свободолобием, которые различаются тем, что первое обеспечивает единство и целостность многонациональной России, а второе – разрушает это единство. И. А. Ильин категорически выступал против искусственного или насильственного расчленения России, доказывая естественность и историко-культурную необходимость единства народов многонациональной страны. Он писал: «Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен, и не искусственно сложенный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями – духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена»¹. Допуская возможность насильственного распада единой страны, вызванную не стремлением народов к расчленению или недостаточностью культурной и духовной свободы народов, а под воздействием внешних факторов и сил он писал «Когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг «Народы бывшей России, расчленяйтесь!», то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои крепкие руки «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране; или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия. Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст

¹ Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Русская книга, 1993.

себя с головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смуты, тот «Мальстрем нечисти», на который мы указали; тогда отдельные части ее начнут искать спасения в «бытии о себе», т. е. в расчленении»¹. Слова, написанные в конце 40-х гг. XX века, оказались пророческими. Доказательством их стал распад СССР, когда миллионы людей пострадали из-за возведения границ, национальной политики новообразованных государств, межнациональных противоречий в спорных территориях. Эти проблемы до сих пор полностью не урегулированы и периодически дают о себе знать.

Анализируя сущность русского национального сознания, или русского менталитета, отметим, что идеология послеоктябрьского периода в своей основе не соответствовала ведущей особенности русского характера – преобладанию духовного над материальным. Коммунисты вели ожесточенную борьбу с религией, этнической и культурной самобытностью многонациональной страны. Концепция «вторичности сознания» активно использовалась для уничтожительной критики религии и идеализма. Идея вторичности духовной жизни облегчала партийно-государственному аппарату управление миллионами людей. Действительно, если бытие, экономический базис первично, если бытие формирует нового человека, то все силы живущих поколений должны быть брошены именно на создание материально-технического базиса. Причем, любой ценой. Именно это и делалось на практике. Не случайно о «человеческом факторе производства» в бывшем СССР вспомнили только в начале 70-х годов. Хотя задолго до этого, в 20-е годы, о нем писали специалисты по НОТ и психологии труда, эта традиция была прервана. В СССР до конца 60-х годов вопрос о влиянии политики, идеологии, морали культуры на развитие экономики практически не возникал. Оставался он и вне внимания науки.

Подводя итог проведенного в этой части книги анализа, отметим, что русская общественная мысль нашего времени полна парадоксов. Все согласны с тем утверждением, что мы отстали. Отстали и в технической, и в культурной сфере. Различия в оценках и мнениях лишь в том, насколько мы отстали. Если вопрос стоит о техническом отставании, то догонять следует активно, заимствуя технические идеи, технологии, конструкции. Образцом в этом для нас могут явиться страны восточно-тихоокеанского региона или Саудовская Аравия, блестяще демонстрирующие, что нет ни малейшей необходимости отка-

---

¹ Там же.

зываются от собственного вероисповедания и культуры для того, чтобы перенять лучшее у других государств. Неправоммерно, по нашему мнению, говорить о какой-то «социальной отсталости» русского менталитета: он просто иной, чем западный, самобытный. Вместе с тем эту самобытность не следует переоценивать и возводить в особое достоинство. Каждая нация имеет свои легенды о происхождении, об историческом бытии, о месте среди других народов. В этих легендах, в особенностях их культурного бытования, в степени их влияния на умы политиков и граждан и следует искать связь между внутренней жизнью нации, то есть внутренней политикой национального государства, и поведением нации по отношению к другим народам. Носителям и теоретикам русской ментальности – интеллигенции – больше нельзя оправдывать нашу бедность и отсталость наличием особых пути и миссии России. «Особый путь – это всего лишь выражение комплекса национальной неполноценности, который упорно пытаются навязать русским. У русской нации миссия такая же, как и у всякой другой»¹, – сохранение нации здоровой, духовно богатой и способной создавать условия своего перспективного развития. А перспективы многонациональной России могут быть основаны на духовном и культурном богатстве, в основе которого во все времена существования страны была мозаичная и поликультурная реальность, и материально-техническом соответствии экономики мировым стандартам. Многонациональный народ имеет огромный духовный и культурный потенциал, только нужны условия, чтоб этот потенциал был реализован. На сегодня не достаточно принимать Стратегии национальной политики или национальной безопасности, а необходимы создание реальных условий, чтоб в полной мере реализовать основные пункты этих стратегий.

---

¹ Кольев А. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. — 800 с.

III. ИСТОЧНИКИ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В МИРЕ И ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

3.1. Основные положения конфликтологии и возможности их применения в современном социальном пространстве многонациональной России

Конфликт как социальное явление представляет собой феномен, который непосредственно проявляется на уровне каждого, конкретного субъекта социальных отношений, независимо от всех стратификационных показателей, включая возрастные, образовательные, экономические, этнические. Субъект, переживая состояние противостояния интересов, не всегда осмысливает значение данного социального явления для развития социальной реальности, в рамках которой происходит его жизнедеятельность. Но, управление социальными процессами, выстраивание социальных технологий, способные минимизировать противоречия в социальных процессах, требуют поиск путей и способов эффективного предотвращения конфликтных ситуаций. Социальные технологии, направленные на предотвращение конфликтных ситуаций, могут основываться только на анализе источников и предпосылок противостояния интересов, сложившихся в обществе, с выстраиванием возможных алгоритмов их преодоления.

Социальная реальность и связанные с ней конфликтные ситуации, намного богаче и шире тех классификаций и объяснений, которые сложились в научной литературе. Поэтому поиск ответов в научной литературе не всегда помогает. Сложилась ситуация, что на страницах научных журналов и в материалах научных конференций, посвященных проблемам социальных конфликтов, уже начались споры, не имеющих своего предмета, разгорелась полемика о дефинициях. По приблизительным подсчетам, в отечественной литературе насчитывается более сотни определений понятия «конфликт». Иногда «новое» понятие конструируется путем перестановки слов из двух-трех уже утвердившихся понятий, в других случаях создается сложное построение, в котором современные социальные конфликты определяются исключи-

тельно противостоянием двух идеологий и их носителей – старой и новой элиты. Вместе с тем подобные коллизии, несмотря на их значимость в социально-политической жизни, – лишь малая толика человеческих конфликтов, преодолевать которые приходится каждому.

В научной литературе сложились различные подходы к конфликту, его природе. Особенность исследований конфликта на Западе заключается в том, что при объяснении их природы исследователи обычно рассматривают проблему с психологической и социально-психологической позиции. Такой подход дает исследователю возможность анализировать и систематизировать источники и предпосылки конфликта на основе конкретного фактического материала, выстраивая систему различных конфликтных ситуаций, в которых оказывается человек. Создаваемая подобным образом логическая модель конфликта направлена, прежде всего, на решение проблемы на уровне микро-групп, хотя проблема возникает как противоречие больших социальных групп. Данный подход не только критически воспринимался нашими исследователями, а просто отвергался. Даже в лучших работах 70-х годов, в которых конфликты рассматривались с позиций психологии, подчеркивалось, что западные авторы уходят от изучения реальных причин, порождающих конфликты, ограничиваются изучением проявлений, а не сущности конфликтов¹. Подобного рода критическое отношение, которое отвергает выводы и рекомендации западной науки, остается характерной особенностью современных отечественных исследователей. Естественные для ученых сомнения, самокритика, признание западными исследователями неудовлетворительного с позиций научных требований состояния исследований проблем конфликтологии, подтверждают, по мнению некоторых отечественных авторов, их собственный вывод, будто проводимые исследования, оставляют за границами более существенные источники и предпосылки конфликтов, основанные на материально-экономических противоречиях.

Конфликты представляют собой специфическую форму социальных взаимоотношений, участниками которых являются субъекты единой социальной действительности – индивиды, большие или малые группы и организации. В большинстве своем конфликты представляют собой нормальное явление социальной действительности, а не «патологическое отклонение» участников общественной жизни. Единство конфликта и сотрудничества, противоречия интересов и согласие выступает естественным условием жизнедеятельности общества. «Кон-

---

¹ Шарков Ф. И., Сперанский В. И. Общая конфликтология. Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко. М. 2015

фликт может быть определен как социальное отношение между двумя или большим числом сторон, цели которых реально или предположительно несовместимы; это всегда столкновение интересов, которые характеризуют ценностные ориентации и потребности конфликтующих»¹. Субъекты конфликта понимают противоречия и несовместимость своих интересов и потребностей. Именно осознание несовместимости конечных целей формирует первоисточник конфликтных ситуаций, обеспечивая последним реальное бытие. Осознание противоречий определяет не только характер, но и интенсивность конфликта, которая определяется степенью взаимной враждебности, нетерпимости конфликтующих сторон.

Взаимная враждебность, нетерпимость конфликтующих сторон в конфликтологии принято называть «социальной напряженностью». Социальная напряженность характеризуется как «состояние потенциальных участников социальных конфликтов, выражающееся в эмоциях, настроениях, взглядах, суждениях и поведении, характеризующих беспокойство, неуверенность, страх, агрессивность, недоверие, жестокость, и характеризует состояние психики, сознания и поведения социальных субъектов»². Характер социальной напряженности, ее значимость и влияние на социальные процессы определяются степенью вовлеченности субъектов социальной действительности в конфликтную ситуацию. Социальная напряженность может проявляться как противоречия частного или всеобщего характера. В первом случае речь идет о противоречиях частного характера. Потенциальным участником социального конфликта может выступать отдельный индивид, социальная группа, интересы которых пересекаются с интересами другого индивида, социальной группы или социального института, при этом субъекты не претендуют на пересмотр существующих или сложившихся социальных норм. Суть социальной напряженности определяется внутренними противоречиями в состоянии психики, сознания и поведения социальных субъектов в рамках сложившихся социальных норм, общественных идеалов и ценностных ориентаций. Во втором случае, социальная напряженность представляет состояние взаимоотношений между социальными общностями или общностями и социальными институтами, направленное на изменение существующих норм социальной действительности. Причины и предпосылки ущемления интересов и противоречий рассматриваются не на уровне социальных субъектов

---

¹ Там же.

² Черепкова Н.В., Саркисян К.Р. Социальная напряженность: причины возникновения и форма проявления// Современные наукоемкие технологии. №10, часть 1. 2013

или институтов, а на уровне социальных регуляторов и норм. Всеобщий характер социальной напряженности определяется тем, что охватываются все социальные группы единого социального пространства, все сферы общественной жизни и, как следствие, возникает кризис общественных отношений. Кризис общественных отношений проявляется как массовое недовольство общественными процессами, стремление пересмотреть социально-экономические параметры общественного развития, противоречия в направлениях национального и этнокультурного развития, столкновение точек зрения на реформирование государственных институтов.

Ситуация, которая сложилась в СССР в начале 90-х годов можно характеризовать как социальную напряженность, охватившую все стороны социальных отношений. Результатом глобального кризиса общественных отношений стал распад Советского Союза, который сопровождался относительно мирным государственным переворотом в масштабах всей страны в ее отдельных регионах. Могли быть и другие варианты: от масштабных вооруженных столкновений, по сравнению с которыми гражданская война в Грузии на рубеже 1991-1992 гг. могла показаться незначительным эпизодом, до маскирующегося за лозунгами расширения демократии возврата к авторитарной системе.

Социальная напряженность в Советском Союзе в начале 90-х годов проявлялась в состоянии всей социальной системы, которая характеризовалась возникновением и ростом противоречий в отношениях и интересах политических элит, формированием новых социальных групп и институтов, недовольством населения социально-экономической ситуацией и неопределенностью политического и правового развития. Но основным фактором, оказывающим влияние на дальнейшее развитие страны, становятся противоречия в интересах политических элит, которые проявлялись как конфликт интересов между национальными политическими элитами, с одной стороны, а с другой – политическими элитами и населением всей страны. На этапе распада СССР удовлетворенными оказались только интересы национальных политических элит бывшего Советского Союза. Интересы миллионов людей, имеющих иную национальную принадлежность, в новых государственных образованиях ни как и ни кем не были учтены. Новые политические элиты новых государственных образований, решая политические проблемы, исходя из собственных интересов, заложили предпосылки новых социальных напряженностей, которые и в настоящее время остаются актуальными в постсоветском пространстве.

Источниками и предпосылками социальной напряженности всегда выступают социальные противоречия, возникающие как взаимоисключающие друг друга тенденции в процессе развития различных явлений. Не все и не всегда социальные противоречия перерастают в социальную напряженность. Противоречия, прежде всего, выступают синергетическим основанием саморазвития социальной действительности, объективным условием прогрессивного развития общества и общественных отношений. В большинстве своем социальные противоречия разрешаются путем согласованного преобразования сложившихся социальных регуляторов и норм, не достигая открытой конфронтации интересов различных социальных сил, не дорастая до состояния необратимых социальных противоречий и процессов, не вызывая дестабилизации социальной системы. Социальные противоречия являются естественным и необходимым условием функционирования и развития социальной действительности, присутствуя и проявляясь в разной степени в зависимости от многих факторов общественных отношений. При этом количество и степень обострения социальных противоречий определяет характер социальной напряженности в обществе. Социальные противоречия, сложившиеся в Советском Союзе, по мнению многих отечественных исследователей, могли быть решены в пределах единой социальной и политической системы, то есть, существующие противоречия не были обострены настолько, что их решение предполагало разрушение государственной целостности. Противоречивость сложившейся в то время ситуации заключается именно в том, что интересы политических элит оказались выше интересов всей социальных общностей и системы, но при этом не нашлись силы, способные выразить интересы большинства.

В научной литературе принято социальную напряженность рассматривать на микро-, или макроуровнях, что мы охарактеризовали как частную или всеобщую. Микроуровень социальной напряженности рассматривается обычно как противоречия в малых социальных группах, тогда как макроуровень характеризуется обхватом всех подсистем общества: социального, политического, экономического и духовного. И, соответственно, противоречия макроуровня приводят той социальной напряженности, которые могут приводить структурной трансформации всех подсистем общества. События, связанные с распадом Советского Союза, привели к трансформации всех подсистем общества – отказу существующей до этого времени социальной структуры общества, появлению новых государственных образований, смене экономической модели, пересмотру всей системы духовных и социальных цен-

ностей. Все преобразования, проведенные после распада СССР, как бы соответствуют теоретическим изысканиям, но оставляют огромное количество вопросов. Невозможно утверждать, что распад Советского Союза способствовал преодолению социальной напряженности, соответствовал интересам и потребностям социального большинства, помог решить социально-экономические проблемы, позволил ускорить культурное и духовное развитие.

В любом случае, события начала 90-х годов XX века в нашей стране должны были иметь и объективные причины. Невозможно отрицать накопленные противоречия социального, экономического, политического и духовного характера, которые особенно обострились во второй половине 80-х годов. Социальная действительность характеризовалась игнорированием или отрицанием социальных противоречий, экономическими проблемами, тотальным контролем духовной и культурной сферы. «На уровне общества скрытая социальная напряженность сопровождается падением авторитета государственных и политических структур, массовым недовольством системой распределения, кризисом мотивации труда («ничегонеделание» становится нормой поведения на работе, старые стимулы к труду не помогают решить проблему и т. д.)¹. Проблемы, нерешенные по мере их возникновения, начинают приобретать открытую форму социальной напряженности, проявляясь как межнациональные конфликты, конфронтация политических элит, конфликты экономического и политического характера. Но эти аргументы не обосновывают соразмерность средств и методов решения проблемы социальной напряженности в стране в начале 90-х годов.

Поиск решения проблем, связанных с социальной напряженностью, приводит к понятию «социальный конфликт». Эти два понятия содержательно очень близки, но они не равнозначны, по крайней мере для большинства исследователей. Социальная напряженность в научной литературе раскрывают такими терминами, как противоречия, противостояние социальных групп, борьба и столкновение идей и интересов, несоответствие целей, неудовлетворенность потребностей. Существуют несколько позиций и подходов к социальной напряженности и социальному конфликту. Ни один из подходов эти два явления не рассматривает самостоятельно, разница заключается в степени их взаимосвязи. Некоторые авторы отмечают идентичность социальной напряженности и конфликта, другие авторы конфликт рассматривают

---

¹ Шарков Ф. И., Сперанский В. И. Общая конфликтология. Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко». М. 2015

как завершающий этап социальной напряженности, который выступает формой или способом снижения или преодоления социальной напряженности. Существует также подход, который признает определенную самостоятельность данных явлений, отмечая при этом, что социальная напряженность всегда предшествует социальному конфликту. Но, в отличие от представителей второго подхода, эти авторы утверждают, что не всякая социальная напряженность завершается социальным конфликтом. Вариантов преодоления социальной напряженности больше, и она может быть решена средствами и методами, противоположными социальному конфликту. Эти три подхода относительно хорошо отражены в научной литературе. Например, для Ю. В. Платонова «социальная напряженность – это конфликт (противоположность) интересов социальных групп, в том или ином виде она присутствует всегда и проявляется в личностных и межличностных интересах»¹ тогда как для В. О. Рукавишникова, «социальная напряженность – это сторона, индикатор социального кризиса, конфликта. Она возникает, когда кризисные явления еще не проявляются в предельно обнаженном виде, когда отсутствует отчетливо осознаваемое противостояние по линии «мы – они», и исчезает лишь тогда, когда кризис разрешен или конфликт исчерпан»². В отличие от В. О. Рукавишникова, выделяющего конфликт как часть социальной напряженности, Ю. В. Платонов социальную напряженность называет конфликтом. А у С. С. Соловьева социальная напряженность – это «негативное отношение преобладающей части общности к актуальным явлениям и процессам и наличие с ее стороны конкретных практических действий, которые способны привести к деструктивным изменениям в обществе»³.

Анализируя приведенные выше подходы, следует отметить, что социальная напряженность не является социальным конфликтом и они не идентичны. Эти понятия несут различное семантическое содержание:

во-первых, любая социальная напряженность предшествует социальному конфликту;

во-вторых, не в каждой социальной напряженности логическим завершением является социальный конфликт;

в-третьих, в социальном конфликте, в отличие от социальной напряженности, противостояние интересов различных социальных

¹ Платонов Ю.В. Социальные конфликты на производстве // Социс. 1991. № 11. С. 20.

² Рукавишников Ю.В. Пик напряженности под знаком белого коня // Социс. 1990. № 10. С. 14.

³ Соловьев С.С. Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 69.

групп приобретает реальные очертания, выражаясь в виде конкретных поступков, действий и деятельности принудительного характера, направленных на удовлетворение потребностей отдельной социальной группы;

в-четвертых, в социальном конфликте основным фактором решения противоречия становится организованная и целенаправленная деятельность.

Конфликт – всегда является следствием социальной напряженности и усиливается в условиях, когда не принимаются меры к преодолению предпосылок и источников напряженности или когда исчерпываются возможные варианты компромиссного решения противоречий. Усиление социальной напряженности в обществе всегда увеличивает вероятность конфликтов, уменьшая возможности ослабления противоречий в интересах и потребностях противостоящих индивидов или социальных групп. Хотя конфликт не является естественным состоянием социальной действительности, но представляет одну из распространенных форм взаимодействия субъектов, социальных групп и институтов единого социального пространства, в основе которого лежат противоречия индивидуального и социального, объективного и субъективного характера.

Конфликт – явление социальное, поскольку происходит в обществе, между людьми. Иногда высказывается мнение, что добавление к понятию «конфликт» определения «социальный» по сути дела стирает исключительно общественную специфику конфликтов, допуская существование конфликтов несоциальных, т. е. биологических, поскольку в них тоже имеют место острые и многообразные противоречия, связанные выживанием, сохранением вида. Это мнение подкрепляется следующим рассуждением: в природе нет конфликтов, поскольку в ней отсутствуют столкновения сознательно преследуемых и отстаиваемых интересов и целей, следовательно, конфликт – всегда явление социальное, происходящее только в обществе, а термин «социальный конфликт» – обыкновенная тавтология. В нашей трактовке определение «социальный» подчеркивает, что в конфликте основным составляющим является его общественная природа, связанная с столкновением материальных и духовных интересов и потребностей индивида, социальных групп и связанных с ними целей, ценностных ориентиров и социальных норм. Следует согласиться с В. И. Володиным, что социальный конфликт представляет собой «столкновение интересов различных социальных групп, частный случай проявления социального противоречия, одна из его форм, характеризующаяся наличием выра-

женного противостояния общественных сил или проблемы, которая является ядром конфликта, а также осознанием носителями конфликтной ситуации (конфликтующими группами) своих противоположных интересов и целей деятельности»¹.

Конфликт, как явление социальной действительности, представляет собой многоуровневый и охватывающий все стороны общественной жизни феномен. Многоуровневость и всесторонность конфликта проявляется в том, что он может происходить в каждом элементе социальной структуры отдельно или одновременно, включая микро-, макро- и мезоуровни, во всех сферах человеческой деятельности, имеющих определенную значимость для субъектов социального процесса. Конфликты, происходящие на мезоуровне, способны разделить все человечество на противостоящие друг другу силы, основными и объективными источниками которых будут выступать идейные, идеологические противоречия. Многие исследователи, внешнею причину, объективно оказавшую влияние на распад Советского Союза, видят именно в идеологической напряженности геополитического масштаба, которая периодически dorастала до скрытых или даже открытых форм конфликта. Названная внешняя причина, вызывая нарушение функциональности единого социально-экономического, политического и культурного пространства, привела к внутреннему сопротивлению населения и негативному отношению к распаду государства. Предпосылки экономической и политической несостоятельности СССР, возникшие под воздействием внешних факторов, вместе с политическими ошибками руководства, оказались сильнее идеологического, культурного единства населения страны. Неоднозначность и противоречивость оценки предпосылок распада СССР заключается в том, что внешний конфликт, происходящий на мезоуровне, не находит отражение на низших уровнях социальной структуры. Цель одной из сторон геополитического конфликта, непосредственно преследующая идею разрушения политического, экономического, идеологического и культурного единства противоположной стороны, не лежит в основе социальных конфликтов, происходящих на макроуровне, то есть на уровне населения СССР. Конфликты второй половины 80-х годов XX века на макроуровне, связанные с политико-правовыми противоречиями, проблемами межнациональных отношений не преследовали цель формирования новых государственных образований. Источники конфликта интересов населения единого социального пространства не совпадали интересами политиче-

¹ Социологический справочник / под ред. В.И. Воловича. Киев: Политиздат Украины, 1990. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/1106/word/konflikt-socialnyi>.

ской элиты страны. В. О. Рукавишников, рассматривая предпосылки и источники конфликта внутри единого социального пространства, а в нашем случае таким пространством выступает страна, выделяет противоречия объективного и субъективного характера¹. Переплетение объективных и субъективных противоречий проявляется в том, что среди населения преобладающим становится настроение недовольства в жизненно важных сферах общественной жизни, которое выражается в утрате доверия к политике властей, усилении пессимистических оценок будущего. На определенном этапе развития социальная напряженность в обществе, проявляющаяся как настроение недовольства, перерастает в массовые действия в виде формирования общественно-политических движений, идейно противостоящих существующей власти, усиления противоречий в политической элите, роста протестных движений и политизации населения². Выделенные В. О. Рукавишниковым черты, были характерны в 80-е годы XX века для СССР, но среди этих черт отсутствуют объективные предпосылки распада страны. Утверждение об отсутствии объективных предпосылок связано не с отрицанием социально-экономических, политических, идеологических противоречий, а направлено на поиск ответа на проблему о безальтернативности событий 1989–1991 годов и возможности вариативного развития единой страны.

Поднимая вопрос об альтернативах и вариантах развития социальной системы, следует отметить, что большинство исследователей проблем социальной, социально-политической напряженности, конфликтов, исходят из того, что определенный уровень напряженности выступает обязательным условием прогрессивного развития общества, социальных отношений. У И. В. Пирогова³ определенная социальная напряженность является естественным состоянием общественного развития и способствует поиску решений сложившихся социальных противоречий и социально-экономическим, политическим преобразованиям и реформам, позитивно влияя на социальные процессы. Из сказанного следует, что и в Советском Союзе социальная напряженность могла стать необходимым условием для прогрессивного развития единого государства, а не предпосылкой разрушения целостности страны. Как отмечает Д. Ротман: «Социальная напряженность может возникать

¹ Рукавишников В.О. Социально-политическая ситуация и общественное мнение (Россия, середина 1992 г.) // Социологические исследования. 1992. № 11. С. 47–57.

² Рукавишников В.О. Пик напряженности под знаком белого коня // Социологические исследования. 1990. № 10. С. 13.

³ Пирогов И. В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: дис. канд. социол. наук. – М., 2002.

и интенсивно развиваться вплоть до социального взрыва под пропагандистским, искусственно созданным воздействием, хотя при этом экономическая составляющая обязательно должна присутствовать»¹. Распаду СССР предшествовала определенная социальная и политическая напряженность, связанная экономическими и некоторыми политическими противоречиями, но его распад не был результатом социального взрыва и неоспоримых объективных предпосылок.

Понимание неоднозначности факторов, влияющих на события в СССР в конце ее истории, приводит различному объяснению источников распада страны. Существуют много подходов, расписывающих предпосылки и источники распада СССР, но каждый из этих подходов признает многофакторную обусловленность социально-политической напряженности, от уровня которой зависит вероятность конфликта и его масштабы. «Комплексная каузация социально-политической напряженности – это совокупность факторов и причин, их взаимодействия и взаимовлияния, которые формируют ситуацию и способствуют её эскалации»². Комплексный характер социально-политической напряженности, способной перерасти до состояния конфликта, предполагает возможность и необходимость классифицировать источники и предпосылки напряженности и конфликта несколькими группами, основными из которых являются политические, социально-экономические и идеологические. Источники и предпосылки политического характера включают в себя правовые, политико-институциональные и геополитические факторы. В основе социально-экономических источников и предпосылок лежат социальные, экономические и демографические противоречия. Идеологические факторы социально-политической напряженности и конфликта проявляются как этнические, конфессиональные, культурные, исторические и коммуникативные противоречия. По отдельности эти факторы способны порождать напряженность, но не способны перерасти в конфликт. В каждом конфликте перечисленные факторы будут присутствовать, при этом определенный фактор будет выступать преобладающим, непосредственно определяя его характер. Неоднозначность объяснения распада СССР и наличие множества противоречащих друг другу концепций объясняется тем, что авторы основным считают тот или иной фактор, определяющий обострение остальных факторов.

¹ Ротман Д. Поле социальной напряженности // Свободная мысль. 2008. № 6. С. 78.

² Мошенок И.Н. Психосемантическая феноменологическая модель групповой политической напряженности // Инженерный вестник Дона. 2010. № 1. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2011/403>

При этом следует понимать, что любая классификация социально-политической напряженности и конфликта является условной. Каждый конфликт, независимо от первичных предпосылок и источника, характера будет иметь присущие только ему черты. А социально-политическая напряженность и последующие за ней конфликты, которые привели к распаду страны, тем более будут различаться по многим принципиальным моментам. Согласно А. Рапопорту, не только факторы, рассмотренные выше, определяют различия конфликтов. Он считает, что характер конфликта, независимо от размеров и факторов, определяется, прежде всего, соотношением интересов конфликтующих сторон¹. Соотношение интересов тесно связаны ожидаемыми результатами и в зависимости от этого конфликт приобретает характер борьбы, игры или дебатов. Полемизируя с Т. Шеллингом, А. Рапопорт стремился показать, что в конфликтах наравне с непримиримыми противоречиями сторон, которые он характеризовал как «борьбу», могут быть «дебаты», направленные на поиск компромисса и консенсуса. В конфликтах, основной стратегией которых является «игра», изначально противостоящие стороны не предполагают и не допускают разрушение самой системы. Конфликт в данном случае основан на определенных правилах и изначально условием является соблюдение этих правил. Концепция конфликта А. Рапопорта, противопоставленная идеи «глобальной битвы» Т. Шеллинга, была направлена на потенциальные «дебаты» и «игры» в международных отношениях. Рассмотрение распада СССР, как результат международных отношений и политики непримиримого противостояния межгосударственных интересов, объясняет события конца 80-х – начала 90-х гг. XX века, но не раскрывает позицию населения многонациональной страны. В международных отношениях, независимо от ситуации и времени, все три уровня сосуществовали и сосуществуют, функционировали и функционируют, следовательно, рассматриваемые события должны быть объяснены причинами и предпосылками иного характера. В нашем случае эффект несамодостаточности внешних факторов проявляется в полной мере.

У многих авторов конфликт, независимо от сферы, масштабов и характера, рассматривается как необходимая предпосылка преобразований, которая является условием движения социальной системы, формирования актуальных форм институционализированного сосуществования противоборствующих сторон. Например, у Л. Козера «конфликт препятствует окостенению социальных систем, вызывая стрем-

---

¹ Рапопорт А. Борьба, игры, дебаты. - М., 1962. - 298 с.

ление к обновлению и творчеству»¹. Подобное понимание роли конфликтов в социальном развитии основывается на определенных допущениях – изначально предполагается способность противостоящих сторон на самоограничение своих интересов и готовность на консенсус при принятии окончательных решений. Утверждение немецкого социолога Р. Дарендорфа, что «конфликты незаменимы как фактор всеобщего процесса социального изменения. Там, где их нет, или они подавляются, или, по видимости, разрешаются, изменение замедляется или останавливается»², основывается на идеи управляемого конфликта, где благоразумному результату предшествует состязательный процесс, предполагающий право и возможность каждой стороны конфликта аргументировать собственную позицию. Но проблема заключается в том, что не всегда складывается ситуация, где есть возможность и способность конфликтующих сторон паритетно принимать решения. Всегда в условиях противостояния интересов принятию решений влияют многие факторы, особенно связанные с властными полномочиями, административным ресурсом одной из сторон конфликта. Подобная ситуация особенно сильно проявляется в межнациональных конфликтах, в которых одновременно переплетаются различные факторы.

В социально-гуманитарной науке нет всеобъемлющей теории межнациональных конфликтов. Опубликованные в последнее время исследования на этот счет и сделанные на их основании выводы, представляют две крайности: одна – показать межнациональные конфликты как источник возрождения этнических групп, другая – отрицание конфликтов как естественного состояния системы. Задача науки, на наш взгляд, заключается в том, чтобы объективно оценить сложившуюся ситуацию, избегая крайностей.

Настоятельная потребность в разработке проблем межнациональных конфликтов связана, по крайней мере, с тремя проблемами:

во-первых, конфликты, особенно межэтнические, в последние годы охватывают многие регионы мира, а в нашей стране имеются предпосылки их обострение, причем формы проявления их увеличиваются и приобретают разнообразные черты, а степень выражения – острая;

во-вторых, в изучении этих процессов преобладает прагматизм, поскольку недостаточно развита теория;

в-третьих, сам процесс исследования носит, как правило, вторичный или «заказной» характер.

¹ Котер Л. Функции социального конфликта // Современная зарубежная социология. М., 1993. С. 15.

² Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 14.

Отмеченные выше концепции социальных конфликтов позволяют с этих позиций исследовать межнациональные конфликты, являющиеся одним из типов социальных конфликтов. За период исследования проблемы сложились различные подходы к определению понятия «межнациональный конфликт». Так, В. А. Тишков под этническим конфликтом понимает организованные политические действия, общественные движения, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых противостояние происходит по линии этнической общности¹. Такое понимание конфликта является, по-нашему мнению, узким. Нельзя сводить межнациональные конфликты к массовым беспорядкам, сепаратистским выступлениям и т. п. Более продуманным нам представляется понимание этнических конфликтов В. Парето, считающим, что национальные движения добиваются равных с остальными народами прав. Исходя из изложенных выше точек зрения, представляется правомерным дать следующее определение межнационального конфликта. Межнациональный конфликт представляет собой особый тип социального конфликта, который выражается в противоречии интересов, взаимной неприязни, эмоциональной враждебности и противоречивых состояниях и действиях этносов по отношению друг к другу. Присущие к социальным конфликтам черты проявляются и в межнациональных конфликтах. Специфика же выражается в том, что их субъектами являются этнические общности. Но межнациональные конфликты имеют присущие только им специфические черты:

- это конфликты между этносами как особыми типами социальных общностей, между этносами и этническими группами и государственными органами, выражающими интересы определенных народов;
- наряду с социально-экономическими и политическими чертами они имеют и национальный аспект;
- конфликтующие стороны отстаивают интересы, связанные с этническими проблемами, хотя часто в конфликте наличествуют и социально-экономические, политические вопросы;
- они нередко приобретают религиозные оттенки;
- во многих случаях имеют исторические корни и вытекают из элементов этнической памяти;
- принимают острый характер при резком и существенном изменении сложившейся этнической, этнополитической, экономической и социальной стратификации;

---

¹ Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4. С.8.

- чаще всего носят более острый и непримиримый характер по сравнению с другими социальными конфликтами;
- как правило, активное участие в разрешении конфликта, а иногда в самом конфликте, принимает государство;
- разрешение их является более трудным и протекает медленнее, чем в случае других социальных конфликтов;
- их последствия проявляются длительное время, особенно в исторической, этнической памяти, национальной психологии этноса.

Существуют различные межнациональные конфликты. Пока нет обобщенной теории, которая дала бы их более или менее полную классификацию. В порядке постановки вопроса для исследования ниже предлагается вариант классификации конфликтов. В этносоциологии существует понятие дифференциации конфликтов, представляющее один из методологических подходов к классификации межнациональных конфликтов. При их анализе по этому основанию следует учитывать три дифференцирующих критерия.

Первый – количественная дифференциация. Хотя конфликт всегда возникает между, как минимум, двумя сторонами, имеют место случаи, когда активной стороной, завязавшей и обострившей конфликт, является этнически определенное меньшинство или большинство. Понятия «большинство» и «меньшинство» в данном случае относительны. Этнос, составляющий большинство всей страны, редко является большинством во всех её регионах. В некоторых регионах в ходе исторического развития складывается такая ситуация, когда национальное большинство на территории проживания меньшинства само становится меньшинством, например, сербы в Косово или болгары в населенных турками провинциях страны. В случаях же отделения некоторых регионов от государства прежнее большинство и меньшинство могут поменяться ролями, как это случилось с русскими в бывших союзных республиках СССР.

Второй критерий дифференциации конфликтов – качественные признаки конфликтующих сторон. Эти критерии могут быть абсолютными, например, благосостояние одной стороны выше, чем другой, и это порождает конфликт, или относительными, когда одна сторона считает себя по формальным признакам выше другой или, наоборот, полагает, что её эксплуатируют, угнетают или дискриминируют.

Третий критерий – мотивация. Под ней подразумевают необходимость различать подлинную этническую мотивацию или искусственное использование этнических символов.

Классификация межнациональных конфликтов проводится по многим показателям:

во-первых, по роли в обществе межнациональные конфликты принято разделять на позитивные и негативные. Позитивные способствуют прогрессу общества, решению этнических проблем в интересах всех заинтересованных сторон; негативные ведут к регрессу, к углублению противоречий в отношениях между этносами, не способствуют решению назревших проблем;

во-вторых, по отношению к конституциям и законам межнациональные конфликты могут быть легитимными и незаконными. В легитимных конфликтах субъекты решают свои проблемы в рамках норм, установленных в конституции и законах. Незаконными являются конфликты, в которых нарушаются конституция и законы;

в-третьих, по формам борьбы межнациональные конфликты характеризуются как насильственные, в которых достижение ожидаемых результатов применяется насилие, вплоть до летального вооружения и мирные. По последствиям непредсказуемыми являются насильственные формы борьбы, и, к сожалению, они часто применяются в стремлении решать межнациональные противоречия. Примерами вооруженного конфликта являются войны в Чечне, Абхазии, Южной Осетии, мирного конфликта – в Квебеке;

в-четвертых, по участвующим субъектам конфликты являются моно- и полинациональными, когда конфликтуют между собой два или более этносов. Выделяют также властно-национальные конфликты, когда имеет место конфликт между государственными органами и этносами;

в-пятых, различают конфликты вертикальные и горизонтальные. Вертикальные конфликты, например, происходят по линии «федеральная структура – национально-территориальное образование»; к горизонтальным относятся конфликты в национально-территориальных образованиях.

Межнациональные конфликты могут классифицироваться и по другим основаниям, однако, и те, которые были обозначены выше, свидетельствуют об их многообразии. Особенности проявления межнациональных отношений в многонациональной стране показывают разнообразие этих отношений, зависящих от исторических традиций, особенностей экономического, политического, культурного развития общества.

В науках, исследующих межнациональные конфликты, используют понятия «субъект», «участник» и «посредник» конфликта. Субъектами, вызывающими конфликт, являются разные по своему положе-

нию этносы. Этнический конфликт, развязываемый большинством, имеет место, когда представители определенного этноса проявляют неприязнь и враждебно ведут себя по отношению к меньшинству, которому для этого порой достаточно быть «иностранцем», «чужаком», «пришельцем». С другой стороны, инициатором этнического конфликта может выступить и этническое меньшинство, когда чувствует, что его угнетают, ущемляют в правах, в то время как большинство, возможно, и не осознает проблем этого меньшинства, например, в случае с болгарскими турками. Известны случаи, когда конфликт развязывает этническая группа, которая по численности почти не уступает противоборствующей стороне, как в Боснии и Герцеговине, где численность хорватов, сербов и албанцев примерно одинакова. В большинстве случаев, однако, действует модель «большинство против меньшинства»; инициатор – одна из сторон, которая поднимает проблемы и выдвигает требования. Субъектом межнационального конфликта может быть и нация в том понимании, которое утверждается в западной социологии.

Понятие «нация – государство» нашло поддержку в широких кругах социологов в ходе его научного обсуждения, хотя подходы специалистов к определению такого субъекта этнополитики, как нация, продолжают оставаться неоднозначными. Некоторые исследователи характеризуют нацию как самосознаваемую политическую общность. Сохраняют свои позиции социологические трактовки, по которым нация – это социальный феномен коллективной жизни с определенным уровнем межсубъектного сознания, не сводимой только к объективным условиям своего существования (территория, классово-социальная структура, общность происхождения, язык) или другим уровням межсубъектного сознания. Здесь нация отождествляется с обществом по достаточно развернутому спектру характеристик.

Симптоматично сведение к «политической сущности» понятия нации южноафриканским политологом Д. Котце (Стелленбошский университет). В его трактовке нация – это группа людей, считающих себя политическим единством и стремящихся к политическому самоопределению, то есть к созданию собственного суверенного независимого государства¹. При всех оттенках в трактовке понятия «нация» западные ученые едины в признании неразрывной связи нации с государственно-политическим образованием. Данные выводы популярны на Западе, и термин «нация – государство» становится уже общепризнанным.

---

¹ Votze D. Nationalism: A comparative study. - Cape Town, 1981.

Субъектом межнационального конфликта могут быть этнические группы. В зарубежной науке существует большое разнообразие в подходах к определению понятий «этническая группа» и «этничность». Изучение их потребовало разработки новых подходов, прежде всего междисциплинарных, с участием таких дисциплин, как философия, социология, антропология, история, политология.

Американский профессор социологии и антропологии Дж. М. Йингер в середине 70-х годов XX века предложил следующие критерии определения этнической группы: «1) данную группу считают отличной от других по сочетанию следующих черт: язык, религия, родина предков и культурное наследие; 2) члены группы также считают себя отличными от других и 3) они участвуют в общей деятельности на основе общего происхождения (реального или мистического) и общей культуры»¹. Каждый из этих факторов, обращает внимание Йингер, является переменным, поэтому на основе такого определения можно разработать «шкалу» этничности – от полной до нулевой.

Широкое определение этнической группы дает А. Смит: «Этническая группа представляет собой объединение, которое заявляет об общем для всех членов происхождении и общей истории и которое, в силу этой традиции, имеет общие черты культуры и общую территорию, а также характеризуется чувством солидарности между членами группы. Такого рода историко-культурные образования существовали с эпохи неолита и, пока религия определяла культуру, героический миф происхождения у таких групп тесно переплетался с чувством божественного предопределения и более высокого по сравнению с другими группами достоинства»².

Обратимся к оригинальной теории Л. Н. Гумилева о «пассионарном толчке», объединившем людей в этническое ядро. Для объяснения ученый прибегает к непривычной терминологии, вводя понятие «комплиментарность». «Люди объединяются по принципу комплиментарности, – рассуждает Л. Н. Гумилев. – Комплиментарность – это неосознанная симпатия к одним людям и антипатия к другим... Внутриэтническая комплиментарность, как правило, полезна для этноса, являясь мощной охранительной силой. Но иногда она принимает уродливую, негативную форму ненависти ко всему чужому: тогда она именуется

¹ Yinger J.M. Ethnicity of complex societies: Structural, cultural and characterological factors/The uses of controversy in sociology. - N.-Y., L., 1976.

² Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Прагмекс, 2004. - 466 с.

шовинизмом»¹. Вряд ли можно назвать это толкование удовлетворительным.

При междисциплинарном исследовании этничности возможно «двойное», одновременно культурологическое и ситуационное определение этнической группы. Так, А. Кози определяет этничность как «общность людей, разделяющих определенные нормы поведения и составляющих часть более широкого социального целого»². Важной особенностью этнической группы как субъекта национально-территориальных образований является четко выраженная групповая принадлежность.

Самостоятельным субъектом межнациональных конфликтов выступает и государство, особенно когда возникает конфликт между ним и определенной этнической группой или этносами, как это имело место в Чечне. Участниками конфликта могут выступать этносы, этнические группы, государственные органы, политические партии, общественные организации, вооруженные и другие группы людей, отдельные индивиды. Посредником в таких конфликтах выступают государство, государственные деятели, политические партии, международные, региональные и другие общественные организации и деятели религиозных организаций, старейшины, авторитетные в обществе люди (ученые, деятели литературы и искусства) и др.

Очевидно, общие контуры адекватной современным условиям конфликтологии межнациональных отношений могут быть разработаны на основе глубокого и всестороннего изучения реальных конфликтных процессов. Межнациональный конфликт возникает и развивается там, где между этносами обостряются противоречия интересов и целей, существенные для действующих в данной ситуации субъектов. Сложная мозаика таких объективно существующих противоречий, обусловленных различием положения, интересов соперничающих сторон, составляет конфликтную ситуацию, которая может предопределяться различными факторами.

Исходя из типологии социальных конфликтов, разработанной Л. Козером, вычлениают два фундаментальных критерия, служащих для типологизации конфликтных ситуаций, в том числе и межнациональных конфликтов. Первый из них – нарушение или разрыв связей внутри целостной социальной общности, что препятствует её нормальному функционированию. Второй – уровень системной организации, на ко-

¹ Гумилев Л. Этнос и антиэтнос // Звезда, 1990, № 2.

² См. Williams B. Class act: Anthropology and race to nation across ethnic terrain.

тором разворачивается конфликт: либо это вся социальная система, либо только одно из её многочисленных звеньев.

Конфликтная ситуация выступает в качестве объективной основы межнационального конфликта. Но чтобы он разразился, недостаточно только наличия конфликтной ситуации, необходимо еще присутствие реального конфликтного поведения, определенных способов соперничавшего, враждебного, противоборствующего и тому подобного взаимодействия конфликтующих сторон, а это означает, что развязывание конфликта предполагает наличие и активное участие в данной системе потенциальных групп риска, способных на конфликтные действия. Следовательно, понимание сущности и значимости конфликта станет достаточно полным и отчетливым, если определены такие группы и выявлены условия, при которых они могут развернуть конфликтные действия.

В исследовании межнациональных конфликтов существенным должен стать:

- анализ субъектов конфликта, который предполагает анализ положения этноса в этнической стратификации;
- социологический анализ исследуемого этноса, включающий изучение его реальных интересов на данном этапе;
- изучение положения и взаимоотношений этнических групп внутри этноса и состояния взаимоотношений его социальных групп;
- исследование политических партий, общественных организаций и их лидеров, их позиций и степени конфликтогенности.

Эти четыре направления социологического анализа этносов, между которыми предположительно могут возникнуть конфликтные ситуации, дают возможность выявить потенциальных субъектов активного конфликтного действия. Но чтобы такие действия совершились, необходимо, подчеркнем еще раз, наличие объективно конфликтной ситуации, т. е. ряда предпосылок и условий, развитие которых способно привести к конфликту. Наиболее существенным из таких условий является наличие противоречий между целью, интересами, убеждениями, характеризующихся признаками недовольства, недопонимания, соперничества, столкновения друг с другом.

Изложенные в предварительном порядке особенности конфликтной ситуации и поведения позволяют сделать вывод, что, обращаясь к исследованию конфликта, мы имеем дело со сложным феноменом, который в его возникновении, развитии и разрешении можно понять как противоречивое взаимодействие ряда объективных и субъективных факторов. При таком системном в своей сущности подходе

определяющие факторы можно разделить на три типа: общие (коренные), особенные и частные (единичные). Решающее значение среди них имеют общие факторы, порождающие множество особенных и единичных причин. Поэтому анализ конфликтных ситуаций должен быть связан в первую очередь с анализом коренных причин их возникновения.

Изучение мнений о коренных причинах межнациональных конфликтов, содержащихся в отечественных и зарубежных исследованиях, показывает их чрезвычайное разнообразие, а также противоречивость и полярность точек зрения на сущность и происхождение конфликтов. Характерен большой разброс природы причин конфликтов. Не отличается четкостью и корреляционная связь многих из них с общественными событиями. Нередко механизм корреляции в определениях отсутствует, либо он настолько расплывчат, что использование его может привести к полярно отличающимся выводам.

При анализе причин межнациональных конфликтов плодотворны идея гомеостатизма и структурно-системный подход к исследованию социально-экономических процессов. В этом случае логической основой формализованной методики анализа конфликтных ситуаций могут служить следующие исходные положения.

По виду причинно-следственных связей все конфликты в межнациональных отношениях в национально-территориальных образованиях можно разделить на объективно мотивированные и случайные. Мотивированный конфликт является гомеостатической реакцией элементов системы на отклонение их положения в структуре системы, нарушающее ее равновесие и гомеостаз. Случайность же объективно обусловленного события конфликтных действий объясняется тем, что конфликтная ситуация, возникшая как результат эволюционного или скачкообразного положения этноса (его объективных характеристик), оказывает влияние на поведение этноса и его групп. Базируясь на приведенных положениях, можно сделать следующее заключение: мотивированные конфликты в межнациональных отношениях являются закономерным следствием исторического развития и субъективной деятельности людей, приводящих к нарушению структурно-системного равновесия между этносами, в их положении в обществе и государстве.

Существуют различные точки зрения на роль межнациональных конфликтов. Принципиальным в теоретико-концептуальном плане считается вопрос о том, является ли конфликт аномалией или это нормальное явление для общества? На наш взгляд, верна позиция исследователей, которые утверждают, что конфликты – нормальное социаль-

ное явление. Другое дело, какую роль играют конкретные межнациональные конфликты. Некоторые склонны считать, что только негативную. Мы солидарны с теми исследователями (Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Маркс), которые полагают, что конфликты могут играть как позитивную, так и негативную роль в обществе. Позитивная роль межнационального конфликта состоит в том, что он является условием разрешения этнической проблемы и преобразований, имеющих позитивное комплексное экономическое, социальное и политическое значение. Так, позитивную роль сыграли конфликт индийского народа с английскими колонизаторами, конфликт болгар с Турцией, сопровождавшийся образованием самостоятельного болгарского государства, и многие другие конфликты.

Л. Козер придает приоритетное значение интегративным последствиям конфликтов, которые, как он неоднократно подчеркивает, усиливают адаптационные возможности данной системы. Он, в частности, показывает, что чем острее конфликт, тем сильнее его воздействие на все сегменты каждой втянутой в него общности, тем больше содействует он укреплению структурной сплоченности членов групп, принимающих участие в конфликтных действиях. Он же установил, что усиление адаптивности и интеграции системы является последствием подвижности структуры¹. Чем подвижнее структура, в которой происходит конфликт, чем чаще происходят конфликты и чем они слабее, тем вероятнее, что изменения системы в результате приведут к более глубокой ее адаптации и интеграции.

Вместе с тем межнациональные конфликты нередко играют и негативную роль в обществе, как, например, конфликты между сербами и хорватами, осетинами и ингушами и др. Как и всякие конфликтные социальные действия, межнациональные конфликты оказывают деструктивное воздействие на общество, государство, приводят к дезинтеграции или разрушению. Р. Дарендорф установил, что чем острее протекает конфликт, тем больше структурных изменений и реорганизаций вызывает он в системе. Когда участвующие в конфликтных действиях этносы и этнические группы оказываются достаточно организованными и мощными, чтобы его разжечь и длительное время поддерживать, а еще больше – эскалировать сильный разрушительный конфликт, тогда, считает Р. Дарендорф, наиболее вероятно, что он приведет к реорганизации системы².

¹ Coser L. The Functions of Social Conflict. - N.-Y., 1956.

² Dahrendorf R. Forward a Theory of Social Conflict/Journal of Conflict Resolution. - 1958.

Итак, два крупнейших исследователя в области конфликтологии (Р. Дарендорф, Л. Козер) сконцентрировали свое внимание на различных дихотомически расходящихся последствиях конфликта. Здесь имеется методологическая основа для исследователей межнациональных конфликтов. Так, одно из методологических положений заключается в том, что дезинтегративные процессы, ведущие к глубинным изменениям в системе, приводят к ее реорганизации, другое – в том, что рост интегративных компонентов ведет к наращиванию адаптивных способностей рассматриваемой системы.

Последствия конфликтов столь же разнообразны, как разнообразны и порождающие их конфликтные ситуации. Они обусловлены и объективно существующими внутренними особенностями систем, в которых протекают, и степенью эмоционального накала участников конфликта, и разнообразием участников, их интересов и целей, а также функциями, которые выполняют различные конфликты. Фактически функция конфликта зависит, с одной стороны, от специфических особенностей интересов, вызвавших противостояние этносов, а с другой – от определенных качественных характеристик субъекта, от уровня сплоченности этноса, степени осознания им своих интересов и целей, его эмоциональной возбудимости и т. п.

В связи с тем, что конфликт немыслим без противостояния различных сторон, его развязывание и развитие может содействовать более четкому различию между враждующими сторонами. В зависимости от остроты конфликта участвующие в нем этносы, по мере обострения конфликтного противостояния, все более отчуждаются друг от друга. Вместе с тем, разграничение интересов и целей, разделяющих противостоящие в конфликтной ситуации стороны, неизбежно приводит сторонников каждой из них к более четкому осознанию объединяющих их в одну общность целей и интересов в качестве своих собственных, разумом воспринятых и эмоциями усиленных. А это приводит к еще одному важному последствию социального конфликта – к усилению солидарности этносов, вовлеченных в конфликтное взаимодействие. Так, по мере нарастания масштабности и остроты межнациональных конфликтов в СССР становилось все более ясным, что в условиях сохраняющейся жесткой политики конфликты становятся все более враждебными. Именно это произошло в армяно-азербайджанском конфликте, когда было осуществлено перенесение враждебности на всех представителей противостоящего этноса включая женщин, детей и стариков. Подобное развертывание конфликтных процессов приводит к двум последствиям. Первое из них заключается в том, что обостряю-

щиеся противостояние, доходящее до вооруженных столкновений враждебных сторон с применением разных видов оружия, вплоть до артиллерийских установок и ракет, все более сужает возможности достижения разумных компромиссов и тем самым мирного, хорошо взвешенного, учитывающего интересы обеих сторон разрешения конфликта. Такая ситуация делает конфликт не только более длительным и разрушительным, но и создает предпосылки для возникновения новых конфликтов. Второе последствие эскалации масштабного конфликта, в который оказались втянутыми сначала две республики, входившие в Союз ССР, а затем и два самостоятельных государства, состоит в том, что столь мощное противостояние оказало сильное дестабилизирующее воздействие на другие республики. Из сказанного следует, насколько сложно подчас выявить подлинную природу межнациональных конфликтов и отделить последние от социальных конфликтов иной природы. Вместе с тем не следует упускать из виду, что в различного рода конфликтных ситуациях не меньшую роль по сравнению с этническими группами играет само государство, а если учесть его более значительные материальные, политические, военные и другие ресурсы, то следует признать, что оно выступает, по крайней мере, в качестве равного субъекта этнополитики¹.

В процессе разрешения межнациональных конфликтов особое значение имеют ответы на следующие вопросы: кому противостоят политизированные этносы? чьи интересы они затрагивают?

Межнациональный конфликт в обществе выполняет ряд функций. Для их анализа может быть использована классификация функций конфликта, предложенная Л. Козером в монографии «Функции социального конфликта». По его мнению, функциями конфликта являются:

- группообразные, установление и поддержание нормативных и физических границ группы;
- установление и поддержание относительно стабильной структуры внутригрупповых и межгрупповых отношений;
- интеграция и идентификация, социализация и адаптация индивидов, и групп; получение информации об окружающей социальной среде;
- создание и поддержание баланса сил и, в частности, власти, социальный контроль;
- нормотворчество;
- создание новых социальных институтов².

¹ Котанджян Г.С. Граница согласия - конфликта. М., 1992.

² Козер Л.А. Функции социального конфликта. М.: Изд-в Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. - 205 с.

Перечисленные функции характерны для любого конфликта вообще. Межнациональные конфликты могут выполнять любые из приведенных функций и, кроме того, ряд специфических функций, в частности, а) деструктивные, негативные и б) конструктивные, позитивные. В зависимости от источников противостояния, степени остроты противоречий враждующих сторон, конфликт способен оказать деструктивное, разрушительное воздействие. В этом состоит его первая негативная функция. Вторая выражается в том, что он способен принести дисфункциональные эффекты, т. е. вызвать такие последствия, которые затрудняют либо вовсе делают невозможным достижение целей субъектом конфликтного действия.

Конструктивная функция конфликта способна стать необходимым катализатором предстоящих изменений, содействовать лучшему решению назревших проблем. В большинстве случаев более выгодным для обеих противоборствующих сторон является не наращивание конфликтных действий, а их деэскалация, связанная с поисками взаимоприемлемых решений, позволяющих рассмотреть функции межнациональных конфликтов в более широкой социальной панораме, не ограничиваясь негативными оценками и адекватными им эмоциями. Дело в том, что как причины конфликтов, так и особенности их развертывания, пути и способы их разрешения весьма многообразны, вследствие чего они могут выполнять в развитии национальных отношений не только деструктивную, но и конструктивную, позитивную функцию.

Межнациональные конфликты – сложные, иногда длительные по срокам процессы. Они имеют свои этапы возникновения и развития. Им предшествует снижение уровня правовой культуры, ослабление нравственных основ взаимоотношений между этносами и возникновение дисгармонии в межнациональных отношениях, т. е. ухудшение отношений между представителями различных национальностей, появление элементов неприязни и взаимной отчужденности, ослабление сотрудничества, взаимопонимания и согласия. Ухудшение нравственных основ межэтнических отношений наиболее остро проявляется в межличностных отношениях, в сферах политики и быта. Снижение уровня правовой культуры относится не только к гражданам, переставшим соблюдать законы, но и к государственным структурам разных уровней, нарушающим права граждан, этносов, республик и других национально-территориальных образований.

Межнациональный конфликт развивается по этапам, имеет стадии своего развития. Основные элементы возникновения и развития межнационального конфликта представлены в схеме 1.

**Предметно-логическая структура возникновения
и развития межнационального конфликта**

В условиях перестройки и последующего перехода к рыночному обществу в России и ряде других стран СНГ вспыхивали разной силы и длительности конфликты. Среди республик СССР наибольшая активность национальных движений проявляется в Прибалтике. Интенсивность и организованность деятельности радикального крыла национальных движений Прибалтийских республик была направлена на выход из состава СССР и оформление независимых государств – Латвии, Литвы, Эстонии. В условиях нарастания противоречий у центра не оказались механизмов урегулирования и устранения источников идейного противостояния. Попытки сопротивления центробежным силам центральных властей лишь увеличили мобилизационный потенциал национальных лозунгов, что способствовало обретению этими движениями националистического характера. По весьма близкому сценарию развивалась ситуация и в Молдове. Оппозиционная Москве и коммунистической партии Народный фронт однозначно требовал не только статус государственного молдавскому языку, но и полной государственной независимости. Но в отличие от Прибалтийских республик, были силы, оппозиционные Народному фронту, что привело к образованию территорий, где произошли вооруженные столкновения, последствием которых стало формирование Приднестровской и Гагаузской республик.

Но более драматичными оказались национальные движения в Закавказье. Конфликт, который начался как стремление определить статус Нагорного Карабаха постепенно превратился в межнациональную, а затем и межгосударственную войну. И в Грузии события вначале развивались в варианте, более близком к Прибалтийскому. Но на дальнейшее развитие событий и их характер в Грузии оказало влияние факт применения против массового выступления населения с лозунгами национальной демократии регулярных войск в Тбилиси 9 апреля 1989 г. Стремление решения проблемы силовым методом еще сильнее обострило ситуацию. К тому же в Грузии на дальнейший ход событий и обострение национального вопроса существенно повлияли грузино-осетинские и грузино-абхазские противоречия, которые превратились в вооруженные столкновения, превращаясь в национальные войны. Последствием этих межнациональных противоречий и конфликтов обострение ситуации не только в самом Закавказье, но и на территории Северного Кавказа.

Среднеазиатский регион бывшего СССР вместе с Казахстаном продемонстрировали новые варианты национальных движений и национально-этнических конфликтов. Несмотря на ряд вспышек, включавших в себя столкновения национального характера, в многонациональ-

ном Казахстане ситуация развивалась относительно спокойно. Наиболее драматическим образом разворачивались события в Таджикистане, где вспыхнула и приняла ожесточенные формы война, унесшая тысячи жертв.

Практика показывает, что межнациональные конфликты тесно связаны с экономическими, социальными, политическими и культурными процессами. Социологический анализ конфликтов предполагает определение особенностей положения этносов во всех сферах общественной жизни по наиболее существенным социальным и этническим признакам, таким, как статус, распределение материальных благ; доступ к власти, ценностям образования, науки и культуры; мера включенности в социально-политические действия и др.

Научная концепция о конфликте – это целостная система представлений об особой форме столкновения социальных субъектов, когда в рамках существующих юридических, социальных и идеологических норм и установлений невозможно деблокировать острую форму их противоборства, разрешить противоречия их функционирования.

3.2. Исторический опыт и мировая практика решения национальных проблем

Мы живем во взаимосвязанном и взаимозависимом мире, в котором взаимодействует более двухсот государств с различными, зачастую взаимоисключающими интересами. Но внутри этих государств и между ними действует еще один важнейший фактор – этносы с их специфическими национальными и межнациональными интересами и противоречиями.

В современном мире насчитывается свыше 2 тыс. различных народов, хотя в литературе встречаются и другие цифры – 3 и даже 4 тыс., начиная от самых малочисленных, в которых насчитывается несколько сот человек и кончая более чем стомиллионными. Самыми малочисленными считаются андаманы-минкопин в Индии, тоала в Индонезии, ботокуды в Бразилии, алакалуфы и ямака в Аргентине, а наиболее многочисленными – китайцы, американцы, русские, бенгалцы, японцы, бразильцы¹.

Этническая пестрота многих государств, разбросанность и смешанность проживающих в них народов всегда вызывали настоятельную необходимость искать и часто находить наиболее приемлемые и безболезненные формы межнационального общежития и взаимодей-

---

¹ Страны мира. Факты и цифры. Санкт-Петербург. - М. 2000.

ствия. В ходе длительной исторической практики накоплен бесценный позитивный и негативный опыт решения национальных и межнациональных проблем. И в этой связи мы не можем рассматривать сложнейшую обстановку, возникшую в нашей стране в национальной сфере, изолированно от мировой ситуации и мирового опыта в области национальных отношений.

Долгие годы в нашей стране считалось, что нам нечему учиться у других, что, напротив, наш опыт решения национального вопроса является универсальным, он может быть перенесен на почву любой страны и там успешно применен.

Несомненно, в историческом опыте решения национальных и межнациональных проблем в Российской империи и СССР было немало положительного, изучение и использования его с учетом своих особенностей способствовало и будет способствовать созданию условий для развития многих этносов и установлению дружеских отношений между ними. Однако попытки ряда стран слепо копировать наши подходы и принципы в национальной политике обернулись потерями для них, последствия которых сказываются до сих пор. Не было учтено, по крайней мере, два фактора:

во-первых, сложность национального вопроса во многом определена его объективным содержанием. Как показал, в частности, опыт стран Восточной Европы, межнациональные отношения имеют свою специфику и тесно переплетаются с экономическими, социальными, политическими и культурными факторами, непосредственно испытывают на себе как положительное, так и отрицательное влияние исторических традиций и особенностей психологического склада взаимодействующих народов;

во-вторых, в опыте Российской империи и СССР были негативные стороны. Их игнорирование нанесло в ряде стран ущерб практике решения этнических проблем.

Для России, как и для других стран СНГ, исторический опыт нашей когда-то общей страны имеет неопределимое значение. Изучая и позитивное, и негативное, можно хорошо решать многие проблемы и избежать ошибок в этой тонкой сфере общественных отношений. Вместе с тем в деятельности по созданию условий для возрождения и развития этносов и улучшению межнациональных отношений многое может дать также изучение и использование мирового опыта.

Данный параграф содержит попытку рассмотреть и оценить опыт решения и пути предотвращения национальных и межнациональных проблем некоторых государств Восточной и Западной Европы,

Канады и Соединенных Штатов Америки. На примере других стран лучше видны достижения и просчеты в национальной политике собственной страны, что очень важно при выработке верного курса на преодоление глубочайшего кризиса в межнациональных отношениях в современной Российской Федерации в целом и входящих в ее состав республиках. В этой связи немалый интерес представляет для нас опыт решения национальных проблем в ряде государств Восточной Европы, в которых, как и в России, осуществлялся переход к рыночному обществу и проводились демократические преобразования.

В условиях распада биполярной системы международных отношений значительного обострились межнациональные противоречия в Восточной Европе, причины которых уходят еще в Версальскую систему мирных договоров, созданную по результатам Первой мировой войны. Но, некоторые проблемы межнациональных отношений имеют еще более глубокие исторические корни.

После Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгерской империи и появления целого ряда новых государств, а также вследствие серьезных передвижек границ вне пределов многих стран оказались значительные группы их этносов. Все это создало предпосылки для будущих конфликтов, как между восточно-европейскими странами, так и внутри них, между населяющими их народами. Почти у каждой из этих стран имелись территориальные претензии друг к другу. После Второй мировой войны, несмотря на то, что некоторые из национально-территориальных проблем отпали, все их полностью решить не удалось. Более того, попытка распутать клубок оставшихся проблем и возникших новых посредством наложения сталинской модели решения национального вопроса зачастую приводила к противоположным результатам, еще более запутывая ситуацию.

Начавшиеся в восточно-европейских странах преобразования носили на первых порах (1945-1948 гг.) общедемократический характер и способствовали определенному смягчению межнациональных и межгосударственных противоречий. Ни одна политическая партия не могла в тех условиях рассчитывать на успех в борьбе за власть, если бы выдвинула в своей программе шовинистические и националистические лозунги, ибо они полностью были дискредитированы в годы Второй мировой войны. Происшедшие в последующий период события, приход к руководству в государствах Восточной Европы коммунистических и рабочих партий создали новую обстановку в этом регионе. В сфере национальных отношений начала воплощаться в жизнь новая концепция национальных проблем, что дало определенные позитивные результаты. Вме-

сте с тем уже в первые послевоенные годы стали осуществляться ошибочные подходы к решению национального вопроса – с администрированием, методами насилия, игнорированием экономических, социальных, политических, культурных и исторических особенностей каждой страны. Все это создало основы для будущих конфликтов между этими странами и между этническими группами внутри них.

Разумеется, в каждой из восточно-европейских стран в области национальных отношений сложилась своя специфическая обстановка, требующая специального анализа. В рамках данного параграфа представляется полезным на примере некоторых стран мира рассмотреть особенности национальной политики и практики и вытекающие из них уроки.

Непросто складывалась межнациональная ситуация в Румынии. На особенностях расселения и национальном составе населения страны отразилось длительное иноземное господство. С XI века до конца Первой мировой войны закарпатские земли (Трансильвания, Банат, Кришана, Марамуреш) входили поочередно в состав Венгрии, Австрии, Австро-Венгрии, поэтому в закарпатских землях нерумынское население составляет от 1/4 (Трансильвания, Марамуреш) до 1/3 (Банат, Кришана) всего населения. В середине 1990 г. общая численность населения Румынии составляла 22,6 млн. человек, из них румыны – 20 млн. 700 тыс. (88,8 %), венгры – 1 млн. 750 тыс. (7,5 %), немцы – 350 тыс., цыгане – 230 тыс., украинцы – 55 тыс., сербы – 35 тыс., русские – 32 тыс. человек. Среди верующих преобладают православные (около 90 %), имеются католики (главным образом венгры) и протестанты (преимущественно немцы)¹.

Национальная политика румынского руководства на протяжении послевоенных десятилетий реализовалась в несколько этапов развития. После окончания Второй мировой войны коммунистической партией Румынии был взят курс на последовательное соблюдение национальных прав и прежде всего в отношении к наиболее крупному – венгерскому национальному меньшинству. В 1945 г. было учреждено министерство по делам национальных меньшинств, тогда же был издан закон о национальных меньшинствах, запрещавший проводить выяснение этнического происхождения граждан с целью применения к ним дискриминационных мер, предписывавший необходимость использования родного языка в судопроизводстве и обеспечивавший возможность получения образования на родном языке².

¹ География Румынии. Природа, климат, население, флора и фауна Румынии//GECONT.RU

² Язькова А. Из опыта решения национальных проблем в некоторых социалистических странах Восточной Европы // Советское государство и право, 1989, № 11.

Конституция Румынской Народной Республики 1952 г. гарантировала права национальных меньшинств и провозгласила создание Венгерской автономной области, имевшей свое административное управление, избираемое населением области, и включила в ее состав 10 административных районов. Большинство проживающих в этой области (77 %) были венграми, 20 % – румынами и 3 % – представителями других национальностей. Примерно таким же было и представительство жителей среди депутатов народных советов и государственных служащих автономной области. Обучение на всех ступенях образования велось на национальных языках.

Однако в конце 60-х годов в национальной политике РКП наступили резкие негативные изменения, связанные с приходом к власти в 1965 г. Н. Чаушеску (избранного на пост первого секретаря ЦК РКП вместо умершего Г. Георгиу-Деж). В результате введения в 1968 г. нового административного деления Муреш-Венгерская область (так она стала называться согласно Конституции 1965 г.) была упразднена. Вместо областей и районов вводилось деление на уезды, причем с таким расчетом, чтобы ни в одном из них венгерское население не преобладало. Так, в уезде Муреш, ранее являвшемся центром венгерских поселений в Румынии, численность венгров составила менее 50 %. В эти годы РКП отказалась от термина «национальные меньшинства», заменив его термином «совместно проживающие национальности». Главным и единственным критерием подхода к решению проблем совместно проживающих национальностей провозглашалось их экономическое и социальное равенство с основной нацией, что должно было отвечать центральной линии в национальном вопросе – обеспечению интеграции бывших национальных меньшинств в единую румынскую нацию.

В «эпоху Чаушеску» права национальных меньшинств систематически и неуклонно урезались. К концу 1989 г. была почти полностью ликвидирована сеть детских дошкольных заведений, школ и вузов на венгерском языке. Повсюду названия городов, населенных пунктов, улиц заменялись с венгерских на румынские. С 1988 г. начала осуществляться грандиозная программа создания к 2000 г. 550 агропромышленных городов, куда под предлогом «обеспечения лучших условий для общего повышения уровня развития села» переселялись обитатели тысяч небольших деревень¹.

---

¹ Чаушеску Н. Доклад на совместном заседании пленума центрального комитета Румынской коммунистической партии, органов рабоче-революционной демократии, массовых и общественных организаций. Бухарест, 28 ноября, 1988// Приложение к журналу «Румыния», 1989, № 1.

В рамках программы организации новых агропромышленных центров началась ликвидация сотен сел с венгерским и немецким населением. Переселяя в агрогорода, представители национальных меньшинств уже не имели возможности обучаться на национальных языках и развивать свои обычаи и традиции, поскольку в этих городах учреждения сферы образования и культуры действовали только на румынском языке.

Политика «румынизации» венгерского меньшинства привела в конце 80-х годов к обострению отношений между Венгрией и Румынией, вместе с тем она значительно усилила тенденцию к нарастанию межнациональных противоречий в стране. Сразу после победы декабрьской революции 1989 г. в Румынии местные граждане, венгры, объединились в Венгерский демократический союз (ВДС), стали требовать возвращения им прав, которых они были лишены при Чаушеску, а именно: воссоздания сети учебных заведений с преподаванием на венгерском языке, в том числе восстановления венгерских лицей и университета в Тыргу-Муреше и Клуже, восстановления названий населенных пунктов, улиц, вывесок на венгерском языке, предоставления права национальным меньшинствам на самоопределение.

Эти требования вызвали раздражение у части румынского населения. В противовес ВДС был создан союз под названием «Румынский очаг». Его лидеры рассматривали желание венгров добиться раздельного воспитания и образования на всех уровнях – от детского сада до университета – как «стремление к сепаратизму», как «враждебное отношение к румынскому языку», «нелояльность по отношению к румынскому государству». «Румынский очаг» считал, что венгерская часть населения требует не прав, а привилегий. Запутанность клубка межнациональных противоречий, отсутствие у противоборствующих сторон желания его распутать, пойти на компромисс, а также стремление различных политических сил и их лидеров использовать националистические и шовинистические настроения в своих политических целях – все это привело к трагическим событиям в городе Тыргу-Муреш, находящемся в самом центре Трансильвании.

В «эпоху Чаушеску» широко использовались накопившиеся за столетия националистические чувства многих румын, это позволяло «отцу румынского народа» находить широкую поддержку его политике «румынизации» венгерского населения.

События в Тыргу-Муреше начались 15 марта 1990 г., когда отмечалась очередная годовщина начала венгерской революции 1848 г. В этот день венгры, в том числе и приехавшие из соседней Венгрии, воз-

ложили венки с красно-бело-зелеными лентами (венгерскими национальными цветами) к памятнику погибшим в революции. Воинственно настроенная часть венгров распевала песни, выкрикивала лозунги, оскорбляющие национальные чувства румын, сбивала таблички с названиями улиц и магазинов на румынском языке, заменяя их венгерскими. 18 марта начались ответные выступления румынского населения, а 19 и 20 марта произошли кровавые столкновения. Итогом этих столкновений стала гибель трех человек и около 500 раненых. В город были введены войска и объявлен комендантский час.

В Румынии предстоит длительная, кропотливая, продуманная работа по решению национальных проблем, по улучшению межнациональных отношений. Очевидно, что программа урегулирования межнациональных противоречий в этой стране должна предусматривать глубокие и последовательные демократические преобразования во всех сферах материальной и духовной жизни страны, с максимальным учетом интересов населяющих ее народов.

Венгерская Республика считается, в отличие от бывшей Югославии и Румынии, страной одной нации. Национальные меньшинства (учитываемые только по родному языку) составляли на середину 1987 г. лишь 0,7 % населения страны, насчитывавшего 10 млн. 115 тыс. чел. Венгров проживает 10 млн. 560 тыс., хорватов – 15 тыс., словаков – 10 тыс., немцев – 10 тыс. человек¹. Однако венгерская статистика не учитывает в качестве национального меньшинства цыган, которых проживает в стране, по неофициальным данным, около 800 тыс. человек². По вероисповеданию среди верующих венгров две трети – католики, почти одна треть – протестанты (кальвинисты и лютеране)³. После Первой мировой войны территория Венгрии была уменьшена на 67,3 %, численность населения сократилась на 58 %. В результате за пределами государственных границ осталось около 3 млн. венгров. После Второй мировой войны границы остались без изменений.

В 1945-1968 гг. в национальной политике страны были допущены серьезные ошибки, являвшиеся, как правило, следствием неkritически воспринятого опыта решения национального вопроса в СССР, а также результатом вмешательства Сталина во внутренние дела других стран. Так, осуществлялось насильственное переселение народов внутри страны и за ее пределы (немецкого населения), подвергались репрессиям представители народов Югославии в период ухудшения от-

¹ Страны мира. Факты и цифры. Санкт-Петербург. - М. 2000.

² Эхо планеты, 1990, № 7.

³ Страны и народы. Зарубежная Европа. Восточная Европа. М., 1980.

ношений с этой страной. На основании тезиса о слиянии наций при строительстве социализма предпринимались шаги по ускоренной ассимиляции проживающих в Венгрии народов. В сентябре 1988 г. политбюро ВСРП, рассмотрев вопрос о положении национальных меньшинств, осудило допускавшиеся ошибки и искажения в национальном вопросе. В последующие годы была проделана большая работа по урегулированию национальных проблем.

Активную роль в национальной политике стали играть местные и областные советы, которые включали в свой состав представителей национальных меньшинств. При советах начали действовать национальные комиссии и подкомиссии, информировавшие о проблемах меньшинств готовившие практические рекомендации по их решению. В 1970 г. было принято постановление Отечественного народного фронта об обеспечении пропорционального представительства национальных меньшинств в государственном собрании, советах и органах народного фронта. В 1972 г. внесены изменения в Конституцию Венгрии, содержащие гарантию прав национальных меньшинств и предполагающие пропорциональное представительство национальных меньшинств в государственном собрании, расширение их прав в образовательной, культурной, кадровой и других сферах. Немцы, хорваты, румыны и другие граждане Венгерского государства получили гарантированную возможность развивать свою национальную культуру, использовать родной язык на всех уровнях образования – от дошкольного до высшего. Получили они также и право поддерживать и развивать контакты с теми странами, где проживает основная часть их этноса.

В этой связи уместно обратиться к прошлому позитивному опыту, накопленному СССР и Венгерской Республикой в отношении обеспечения национально-культурных прав венгров, проживающих в СССР. На территории СССР в 1987 г. проживало 175 тыс. венгров, из них в Украинской ССР – 164 тыс., или 95 %, в том числе в Закарпатской области УССР – 135 тыс., или 83 % венгерского населения СССР. В Ужгороде издавалась ежедневная газета на венгерском языке, были расширены приграничные связи. С 1 марта 1989 г. вступило в силу соглашение, по которому все жители Закарпатья и сопредельной с ним области Сабольч-Сатмар Венгерской Республики могли без дополнительных формальностей, получив лишь вкладыш в свой паспорт, пересечь границу (сроком до 30 дней) на автомобиле, велосипеде и даже пешком. В Закарпатье функционировало 50 венгерских школ, а также 30 русско-венгерских и украинно-венгерских. При Ужгородском уни-

верситете был создан центр хунгарологии, наладивший активные связи с Венгрией.

Историческая практика свидетельствует: ошибки, необдуманные действия руководства той или иной страны в области национальной политики могут послужить причиной резкого ухудшения обстановки в обществе, всплеск межнациональных и межрелигиозных противоречий. Рассмотрим это на примере Болгарии. Из общего числа жителей Болгарии – 8, 24 млн. человек (на середину 1997 г.) основную часть – 96,7 % составляют болгары. Кроме них в стране живут цыгане – 200 тыс. человек, а также турки, армяне и некоторые другие народности.

С 1984 г. в Болгарии, являющейся благополучной с точки зрения межнациональных и межрелигиозных отношений страной, начала осуществляться под руководством Тодора Живкова насильственная кампания по присвоению мусульманам болгарских имен. Целью данной политики было ускорение процесса ассимиляции населяющих страну этносов в единую болгарскую нацию. Эта кампания явилась грубой политической ошибкой, обернувшейся накатом политических страстей, крупными экономическими потерями, обострением отношений с соседней Турцией.

Предпринятая Т. Живковым попытка создания «этнически чистой, монолитной болгарской нации» привела к выезду из страны в 1989 г. свыше 300 тыс. мусульман, проживающих преимущественно в сельскохозяйственных районах, в результате чего сельскому хозяйству и экономике Болгарии был нанесен огромный ущерб. Государственный совет НРБ вынужден был издать указ о гражданской мобилизации в мирное время, поскольку 100 тыс. человек оставили свои рабочие места. К уборочным работам лета 1989 г. была привлечена армия, а также рабочие, служащие и учащиеся из Софии, Варны и других городов.

Новое руководство Болгарии сразу же после прихода к власти приняло 28 декабря 1989 г. решение об отмене кампании по присвоению мусульманам болгарских имен. Однако ситуация в стране продолжала оставаться острой. Наиболее радикально настроенные мусульмане выдвинули требование политической автономии мусульман в виде создания автономных районов. Эти планы получили название «Кипрский вариант».

Экстремистски настроенные лица православного вероисповедания в свою очередь считали, что автономия мусульман в Болгарии недопустима. На митингах ими выдвигается требование решить спор путем референдума (результаты которого можно предположить заранее).

Найти выход из сложившейся ситуации должны помочь переговоры с участием всех заинтересованных сторон.

Какие основные уроки могут быть извлечены из опыта стран Восточной Европы? Анализ происходивших и происходящих в них процессов в сфере межнациональных отношений, показывает, что в основе комплекса возникающих в этой связи проблем лежат как объективные, так и субъективные факторы. Первая группа факторов связана с территориальным размежеванием государств в Европе по итогам Первой, а затем и Второй мировых войн. Произошедшие в 1989-1990 гг. крупнейшие политические изменения в странах Восточной Европы, приход к власти в них новых общественных сил привносит в сферу межнациональных и межгосударственных отношений новые элементы.

Уже давно назревшие реформы экономической и политической систем требовали своей реализации, что в какой-то мере ослабили межнациональные противоречия. Расширение ЕС в свою очередь позволило создать прочные основы для развития стабильных межнациональных отношений. Не подлежит сомнению, что без демократизации в экономической и политической сферах невозможно достичь подлинного национального равноправия.

Однако практика преобразований, начавшихся в конце 80-х и 90-х годах в странах Восточной Европы и в России, свидетельствует, что переход от тоталитарной, административно-командной системы управления экономическими и социально-политическими процессами осуществлялся небезболезненно. В частности, повсюду смена модели общественного строя сопровождалась временным ухудшением экономического положения и в связи с этим реальной или кажущейся экономической дискриминацией одних наций по сравнению с другими. Одновременно происходило усложнение и накопление экологических проблем, пути разрешения которых представителями различных наций нередко рассматривались с диаметрально противоположных позиций. Свою лепту в обострение межнациональных отношений вносили и нерешенные проблемы в социальной сфере, создающие условия для обвинений в национальной дискриминации.

Наряду с этими причинами немаловажное негативное воздействие оказывали субъективные ошибки и деформации в области национальной политики, допущенные в предшествующие годы: игнорирование национальных интересов и традиций отдельных этносов, ограничения в развитии и распространении национальных языков и обычаев, в изучении истории и культуры различных народов. Негативное воздействие на всю атмосферу национальных отношений оказывала низкая бытовая культу-

ра межнационального общения. Зачастую лозунги о необходимости интернационального воспитания людей так и оставались лозунгами, а интернациональное воспитание было пущено на самотек практически во всех восточноевропейских странах. Больше того, окружающая людей действительность часто резко контрастировала с провозглашаемыми лозунгами и призывами. В условиях тоталитарных режимов национализм под видом национального патриотизма часто служил орудием политического господства и сознательно использовался для укрепления власти и привилегий одних наций по отношению к другим. Исподволь разжигались недоверие, предвзятость и вражда между народами. Поэтому не случайно национализм и шовинизм сегодня имеет место быть в ЕС и различных странах Восточной Европы. Следует отметить, что в условиях демократических преобразований в национальной политике этих стран допускались большие ошибки, что иногда также служило причиной ухудшения межнациональных отношений.

Значительный интерес для нас представляет опыт стран Западной Европы и Северной Америки, имеющих длительную историю развития наций и регулирования межнациональных отношений. Этот опыт весьма противоречив и неоднозначен. С одной стороны, наблюдаются частые конфликты на этнической почве. Достаточно упомянуть проблему Ольстера в Великобритании, Квебека в Канаде, конфликт между греческой и турецкой общинами на Кипре. С другой стороны, именно целый ряд стран Запада дает поучительный пример удачного разрешения многих проблем в национальном вопросе. Поэтому особенно важно учитывать положительный опыт «развязывания тугих узлов» межнациональных противоречий и создания условий для развития этносов.

Особое внимание привлекает постановка и разрешение многих аспектов национального вопроса в таких странах, как Финляндия, Швейцария, Бельгия и Соединенные Штаты Америки.

Население Финляндии на середину 1998 г. насчитывало 5 млн. 14 тыс. чел., из них: финны – 4600 тыс. (93,3 %), шведы – 300 тыс., саамы – 5 тыс. чел. и др. Финны составляют компактное большинство населения почти на всей территории страны. Только на Аландских островах и в некоторых прибрежных районах Похьянма и Усима преобладают шведы. В отдельных северных и северо-западных областях обитают древнейшие жители страны – саамы. По вероисповеданию преобладают лютеране. Около 2 % верующих принадлежат к православной церкви¹.

---

¹ Страны и народы. Зарубежная Европа. Общий обзор. Северная Европа. - М., 1981.

Финляндию смело можно назвать страной, где родилась и успешно действует модель самоуправления, почти оптимально соотносящая интересы малочисленной национальной группы (в данном случае шведской) с суверенитетом государства. Доказательством этому могут служить Аландские острова, населенные фактически исключительно шведами и пользующиеся широкой автономией в составе Финляндии. На островах проживает 24 тыс. человек. В 1809 г., как и континентальная Финляндия, острова были присоединены к России.

В первые годы после провозглашения независимости Финляндии в 1917 г. отношения между континентом и архипелагом складывались непросто, господствовало взаимное недоверие. Подавляющая масса аландцев требовала присоединения к Швеции. Так, в 1917 г. под обращением к шведскому правительству на этот счет поставили подписи 96 % дееспособных жителей острова. В ответ в мае 1920 г. финский парламент принял закон об автономии архипелага, однако сами островитяне его не поддерживали. Возникли серьезные осложнения в отношениях между Швецией и Финляндией. По предложению Великобритании «аландский вопрос» был передан на рассмотрение Лиги наций. В июне 1921 г. Совет Лиги подтвердил финский суверенитет над Аландами. Одновременно была подчеркнута необходимость обеспечения национальных гарантий местному населению и придания островам нейтрального, демилитаризованного статуса. Когда согласованные между Швецией и Финляндией гарантии были одобрены финским парламентом, население Аландов признало закон об автономии.

Официальным языком на архипелаге стал шведский, только на нем ведутся делопроизводство и преподавание в школах. На островах действует юридический институт «регионального гражданства», по которому уроженцы Аланд получают его автоматически. Только граждане архипелага имеют право избирать и быть избранными в местные органы власти, владеть на островах землей, заниматься предпринимательской деятельностью.

Главный орган местного самоуправления – ландстинг (30-местный аландский парламент). Он имеет право издавать законы, касающиеся деятельности полиции, органов здравоохранения, просвещения, культуры, административного управления, транспорта и связи, развития промышленности. Изданные ландстингом законы утверждаются президентом республики Финляндии. Он имеет право вето, но только в двух случаях: когда аландский парламент вышел за рамки своей компетенции или когда затронуты интересы внутренней либо внешней безопасности страны. Следует отметить, что при утверждении общенациональных

законов право вето у президента не ограничено никакими условиями – он может воспрепятствовать вступлению в силу любого законопроекта. Президент же назначает и губернатора, который представляет на Аланда центральную власть, однако кандидат обязательно должен пользоваться доверием аландцев. Поэтому его кандидатуру главе государства представляет ландстинг. За пределами законодательной деятельности аландского парламента остаются таможенная и валютная системы, уголовное и гражданское право, судопроизводство, оборона.

Хорошее функционирование аландской модели в значительной степени обусловлено, с одной стороны, разумной линией самих аландцев, которые не допускают в своих действиях экстремизма, а с другой – сбалансированной политикой Хельсинки, стремлением центрального правительства найти компромиссные варианты, отвечающие интересам, как всей страны, так и национального меньшинства. Показателем сдержанности аландцев служит их реакция на попытки экстремистской группировки «Фриа Оланд», выступающей за независимость Аландских островов, завоевать места в парламенте архипелага.

Помимо Аландских островов, основная масса 300-тысячного шведского населения живет в континентальной Финляндии. Равноправное положение в обществе финно- и шведоязычной групп населения было юридически закреплено в конституции 1919 года. Важнейшим элементом реального равноправия является двуязычие, ставшее за 80 лет неотъемлемой чертой жизни страны. Финский и шведский языки, согласно принятому в 1922 г. закону о языке, являются государственными и сосуществуют на равных правах.

Двуязычие соблюдается как на бытовом уровне (все таблички с названием улиц и вывески, все рекламные объявления и т. д. делаются на двух языках), так и в официальной сфере. Так, судопроизводство ведется на двух языках, на шведском и финском одновременно выходят все законы. На двух языках составляются все предложения, которые правительство выносит на рассмотрение парламента. Ряд категорий государственных служащих, а также специалистов, обязан хорошо владеть обоими языками, к ним относятся: врачи, фармацевты, официанты, продавцы и другие работники сферы обслуживания. Специальные правительственные распоряжения регулируют применение двух языков в церкви и в вооруженных силах страны. Оба языка обязательны для изучения в школах вне зависимости от того, на каком из них преподаются другие предметы.

По языковому принципу классифицируются и все финские коммуны – первичные единицы административного деления страны. Если

языковое меньшинство составляет 8 и более процентов населения или достигает 3 тысяч человек, коммуна считается двуязычной, что заставляет местные власти брать на себя дополнительные обязательства по обеспечению национальных прав меньшинств. Из 464 коммун 26 являются шведоязычными, 39 – двуязычными, остальные 299 – финноязычными.

Помимо языковой сферы, равенство между финской и шведской общинами scrupulously соблюдается и во всех других сферах. В эпоху шведского господства, которое продолжалось в Финляндии свыше 600 лет, вплоть до 1809 года, шведы занимали здесь высшие ступени социальной лестницы. Однако в наши дни разница в статусе двух общин практически нивелировалась. Так, в целом по стране работодатели составляют 2,2 % населения, а среди шведской части населения – 2,8 %. Финские шведы активно участвуют в политической жизни страны. Интересы данной общины представляет, прежде всего, Шведская народная партия. Это буржуазная партия центристского толка, но она опирается на все слои населения. В составе парламента партия образует пятую по величине фракцию – 12 мест из 200. Еще пять шведоязычных депутатов избраны от других партий и один от Аландских островов. В правительстве представителям общины принадлежат 3 из 18 министерских портфелей.

В рамках фолькетинга – парламента Финляндии – с 1919 г. действует Шведский фолькетинг Финляндии – своего рода неофициальный шведский парламент на общественных началах. Его функции заключаются в том, чтобы способствовать принятию в государственных институтах одних решений и непринятию других, если они почему-то не устраивают меньшинство. Члены этой группы стараются оперативно реагировать на поступающие от шведского меньшинства жалобы о нарушении его национальных прав, это позволяет избегать нагнетания межобщинной напряженности и конфликтов. В результате все возникающие проблемы удается свободно, открыто обсуждать и держать под контролем.

Специальные отделы по работе со шведоязычным населением действуют в политических партиях, в профсоюзах, общественных организациях. Свои профессиональные объединения имеют говорящие по-шведски фермеры, кооператоры, государственные служащие.

В полной мере удовлетворяются запросы финских шведов в духовной сфере. В частности, к их услугам – собственные научные, культурно-просветительские, религиозные, спортивные организации и учреждения. В районах проживания шведов насчитывается более ста

музеев, четыре шведских профессиональных театра. С учетом соотношения финского и шведского населения подбирается литература в библиотеках коммун. На шведском языке ежегодно выпускается около 600 наименований книг и выходит 212 общеполитических газет и около 300 различных периодических изданий. Шведский отдел государственного телевидения ежедневно выпускает в эфир несколько передач, показывает кинофильмы с субтитрами на шведском языке. Передачи ведутся по обоим общенациональным каналам, то есть могут приниматься на всей территории страны. В Финляндии имеются как целиком шведоязычные вузы, так и двуязычные, в результате шведы имеют возможность получать образование на родном языке, с детского сада вплоть до университета.

Таким образом, подводя краткий итог, следует подчеркнуть, что причины отсутствия межнациональных разногласий в Финляндии надо искать не только в исконном уважении представителей различных национальных общин друг к другу, в их стремлении идти на взаимные компромиссы и уступки, но и в том, что законы, регулирующие межнациональные отношения, не только декларируются, но и неукоснительно и скрупулезно выполняются и в центре, и на местах. Особого внимания заслуживает опыт предоставления шведскому языку статуса государственного, практика организации деятельности органов местного самоуправления на Аландских островах и представительства шведов в государственных органах страны.

Большой интерес представляет также опыт Швейцарской Конфедерации. Здесь при всем многообразии и многоплановости проблем возникающие, казалось бы, неразрешимые и острые вопросы решаются спокойно, вполне цивилизованными средствами. Это относится и к государственному устройству, и к языковым проблемам, и к вопросам развития национальных культур народов, проживающих на ее территории, и другим этническим проблемам.

Население Швейцарии в 2017 г. насчитывает 8 509370 человек, из них швейцарцы – 80 % (из них говорящих по-немецки – 65 %, по-французски – 20 %, по-итальянски – 10 %); 20 % населения – иностранцы (в основном граждане ЕС и стран бывшей Югославии)¹. За 700-летнюю историю существования конфедерации в Швейцарии не сформировалась общность на основе единой этнической принадлежности. «Языково-этнические различия населения страны еще очень четкие: каждый из четырех швейцарских народов представляет собой отдельную

---

¹ Население Швейцарии // <http://countrymeters.info/ru/Switzerland>

этническую общность, отличающуюся национальным самосознанием, языком и культурным своеобразием. Вместе с тем каждый житель Швейцарии осознает не только свою этническую и кантональную принадлежность, но и государственную общность, выражающуюся в едином самоназвании – швейцарцы – и в общих чертах их культуры»¹.

Само расположение Швейцарии в центре Европы, на перекрестке важнейших международных путей, в окружении сильных и некогда воинственных соседей сформировало современный облик страны, сделав ее местом, где мирно уживаются три языка – немецкий, французский, итальянский. Четвертый национальный язык – ретороманский не является государственным. Причина заключается в том, что этот язык состоит из пяти диалектов, которые настолько отличаются друг от друга, что их вполне можно назвать самостоятельными языками. Именно это обстоятельство служит препятствием тому, чтобы ретороманский язык стал государственным. Иначе пришлось бы переводить все официальные документы, акты, парламентские дебаты не на три, а на восемь языков, что невероятно осложнило бы делопроизводство на федеральном уровне. Языковое разнообразие, уживающееся на весьма ограниченной территории (площадь Швейцарии соответствует границам Московской области), позволяет сосуществовать и изобилию национальных культур. Из 26 кантонов и полукантонов страны в 19 преобладает немецкий язык, в 6 – французский и в одном – итальянский.

Будучи целиком самостоятельными административными единицами, кантоны отличаются друг от друга по социально-экономическим и по культурно-языковым характеристикам. При этом каждый из кантонов тщательно оберегает себя от малейшей возможности утверждения сильной единоличной власти или возвышения одного кантона над другими.

Швейцарские кантоны на деле представляют собой настоящие маленькие государства, объединенные в Швейцарскую Конфедерацию. В каждом из них свое правительство и свой парламент, свои судебные власти. Стабильность страны как союза государств обеспечивается тщательно отлаженной системой распределения законодательных и исполнительных функций между федерацией и кантонами. Статья 3 основного закона – федеральной конституции Швейцарской Конфедерации гласит, что «кантоны являются суверенными в той мере, в какой их суверенитет не ограничивается федеральной конституцией. Каждый кантон осуществляет все права, которые не делегированы федеральной

---

¹ Население Швейцарии // <http://pandia.ru/371892/>

власти. Со своей стороны, – подчеркивается далее, – федерация гарантирует кантонам неприкосновенность их территории, суверенитет в рамках, установленных 3-й статьей основного закона, конституционные законы и права граждан»¹.

Конституция предусматривает четыре основных уровня полномочий. К первому относятся сферы, по которым и законодательное право, и управленческие функции находятся целиком в ведении федеральных органов. Это вооруженные силы, таможенная служба, государственные финансы, телеграфная и телефонная связь, железные дороги и судоходство. Второй охватывает сферу деятельности кантонов – охрану общественного порядка, включая полицию, решение социальных вопросов, например оказание помощи маломужским слоям населения. Третий – это вопросы, по которым общие принципы и рамки деятельности определяются федеральными законами, а их конкретные формы реализации, как и способы контроля, остаются в ведении кантональных властей: трудовое законодательство, гражданское и трудовое право, транспорт, социальное страхование. Четвертый уровень полномочий охватывает сферы деятельности, где теоретически и практически перекрещиваются законодательные и исполнительные функции как федеральных, так и кантональных властей; к ним относятся налогообложение, дорожное строительство, народное образование, радио и телевидение. Кстати, поддерживаемые государством такие общественные институты, как радио и телевидение, также позволяют создавать надежную базу для существования многоязычия. Во всех лингвистических районах – в немецкой, французской и итальянской частях Швейцарии – действуют свои радио- и телевизионные станции.

Система школьного образования также способствует сохранению «единства в многообразии» Швейцарской Конфедерации. Вопросы обучения находятся, прежде всего, в ведении кантонов. В стране отсутствует централизованный орган для руководства образованием, и каждый кантон имеет собственную систему образования. Один и тот же предмет преподается по-разному в разных кантонах, однако, в тесной увязке с конкретной ситуацией в кантоне и конфедерации в целом. Кантоны правомочны устанавливать сроки начала учебного года, издавать свои учебники по многим дисциплинам. Такая самостоятельность позволяет успешно решать и проблемы многоязычия, поскольку в большинстве школ, помимо родного, существует факультативное преподавание одного из трех национальных языков Швейцарии. Обучение

¹ Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 года// http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss-r.htm

дополнительным языкам ведется на добровольных началах. Демократический характер системы образования в стране уже с детства позволяет воспитывать не только любовь к родному кантону, но и уважение к другим.

Каждый швейцарец может изъясняться на любом из четырех национальных языков, однако там, где по роду деятельности ему необходимо знание, кроме родного, еще и других языков, в его распоряжении находится обширная и эффективная система очных и заочных языковых курсов. Нередко плату за обучение на курсах берет на себя предприятие, на котором трудится молодой человек.

В законодательных актах нет никаких ограничений или обязательств граждан по языковому признаку. Лишь в 107 статье Федеральной конституции подчеркивается, что в составе федерального суда обязательно должны быть представлены все три государственных языка – немецкий, французский и итальянский.

В Швейцарии наиболее ярко проявляется стремление разрешать неизбежно возникающие споры и конфликты путем компромиссов и максимального учета интересов партнеров. Показателем такого подхода служит та терпимость и то внимание, с которыми федеральные и кантональные власти относятся к деятельности существующих во многих кантонах групп и движений в защиту родного языка, диалекта, культуры. Некоторым из них выделяются федеральные субсидии, которые составляют нередко значительные суммы, например, для «Лиги романши» – свыше 600 тыс. франков в год.

Не подвергается запрету и деятельность автономистов из разных движений, таких, например, как движение «Свободная Женева», выступающее за выделение этого кантона из состава Швейцарской Конфедерации. С помощью средств массовой информации местные власти дискутируют с представителями данного движения, формируют общественное мнение против него, но не запрещают его как таковое.

Немаловажную роль в качестве своеобразного связующего фактора в области национальных отношений разных языковых групп играет также религия. Так, один из самых больших по территории кантонов – Вале разделен по лингвистическому признаку на две части – немецкоговорящую (Верхнее Вале) и франкоговорящую (Нижнее Вале). Однако в этом кантоне не наблюдается случаев национальной розни, и во многом благодаря тому, что 90 % населения Вале – католики.

Таким образом, Швейцарская Конфедерация представляет собой удачный образец решения проблем в сфере межнациональных отношений. Ее пример может быть воспринят и нами, поскольку этой стране

удалось на протяжении многих десятилетий избежать острых коллизий, связанных с ее конфедеративным устройством и сложным, многообразным национально-языковым составом. Наибольшего внимания из опыта Швейцарии заслуживают такие элементы национальной политики и практики, как функционирование трех государственных языков при обязательности изучения только одного из них, широкая автономность (суверенитет) кантонов, честное и взаимособлюдаемое делегирование и распределение полномочий и функций между государственными и муниципальными органами разных уровней.

Важные позитивные сдвиги в урегулировании сложных проблем в межнациональных отношениях сложились и в Бельгии. В январе 1989 г. в стране была осуществлена реформа, явившаяся во многом решающим рубежом на долгом и трудном пути к перестройке системы государственной власти на основе принципов федерализма. По реформе исполнительная и законодательная власть перестала быть монополией «центра», то есть брюссельского правительства и общенационального парламента. Новая конституционная формула, положенная в основу перестройки государственной власти, была выработана в ходе многочисленных кризисов. Их главная причина – из года в год углублявшийся конфликт между фламандцами, говорящими на нидерландском языке (5 млн. человек, или 50,4 % населения Бельгии в 1978 г.) и франкоязычными валлонами (3 млн. 900 тыс. человек, или 39,3 % населения страны). Помимо этих двух основных национальных групп в Бельгии проживают: итальянцы – 280 тыс., французы – 120 тыс., немцы – 90 тыс., испанцы – 70 тыс., турки – 65 тыс., голландцы – 60 тыс. человек. Страна издавна делится на две языково-территориальные зоны – северную, фламандскую (провинции Антверпен, Лимбург, Западная и Восточная Фландрии и северная часть Брабанта) и южную, валлонскую (провинции Льеж, Эко, Намюр, Люксембург и округ Нивель провинции Брабант)¹.

Фламандско-валлонский межобщинный конфликт имеет достаточно длительную историю. Еще в XIX в. фламандцы стали выдвигать требования официального признания нидерландского языка, считавшегося тогда в Бельгии всего лишь диалектом. Эти требования с особой силой звучали и в годы Первой мировой войны, поскольку тогда солдатами – в основном фламандцами – командовали исключительно франкоязычные офицеры. Реакция валлонов на введение нидерландского языка в целом была спокойной и даже оборонительной, поскольку, по их мнению, за судьбу французского языка, считавшегося между-

---

¹ Бельгия// <http://global-echo.ru/Regions/98.html>

народным и широко распространенным, можно было не беспокоиться. Тем более, что преимущество всегда было за французским языком, распространение которого поддерживалось социально-культурным влиянием соседней Франции.

Однако, после Второй мировой войны ситуация в стране начала быстро меняться. Фландрия, длительное время отстававшая от Валлонии в экономическом отношении, стала энергично выходить вперед, ее промышленность и население растут более высокими темпами, чем в Валлонии. Положение же во франкоязычных областях меняется к худшему. Промышленность Валлонии, основанную на добыче угля и металлургии, охватила кризис, связанный с незавершенностью структурной перестройки. Этот кризис сопровождался массовой безработицей в рядах валлонского рабочего класса. Сокращение рабочих мест обострило общественно-политическую обстановку в стране, и, по меткому замечанию газеты «Монд», у валлонцев стал складываться комплекс экономической неполноценности. Не случайно именно в данный период в ход пошли требования регионального и политического характера. Напряжение нарастало со стороны обоих «полюсов». В 60-е годы фламандцы выдвинули требование закрыть отделение Лувенского университета на французском языке, находящегося во фламандской зоне; была проведена связанная с этим серия массовых демонстраций и даже организован «поход на Брюссель». В результате это отделение пришлось перевести в Валлонию. Реакцией жителей Валлонии стал отказ изучать фламандский язык, вместо которого вторым языком становится английский или немецкий.

Происходит размежевание и в политической сфере по национальным признакам. Так, «Социально-христианская партия с 1969 г. организационно делится на валлонское и фламандское крыло, которое получило название Христианско-народной партии. Бельгийская социалистическая партия также состоит из валлонской и фламандской организации. Из Либеральной партии свободы и прогресса в 1976 г. вышли валлонские представители и в 1977 г. создали новую партию – партию реформ и свободы Валлонии, ныне носящую название Реформистская либеральная партия. Заметную роль в политической жизни страны играют чисто националистические партии, например, Народный союз (Фольксонин), возникший на основе слияния фламандских националистических организаций и Валлонское объединение, охватывающее валлонские националистические партии»¹. Коммунистическая партия

---

¹ Бельгия// <http://global-echo.ru/Regions/98.html>

Бельгии, признавая важность национального вопроса и сохраняя организационное единство, все эти годы направляла усилия на преодоление противоречий между фламандцами и валлонами, выступая за демократизацию общественной жизни, за преобразование Бельгии из унитарного государства в федерацию трех регионов – Фландрии, Валлонии и Брюсселя – с предоставлением им широкой автономии.

Дальнейшее обострение межобщинных отношений могло привести к серьезной политической, экономической и социальной дестабилизации бельгийского общества. Поэтому в 70-х годах в стране начался длительный процесс пересмотра всей системы межнациональных отношений, значительные изменения были внесены в конституцию. В частности, в оборот были введены понятия культурных общин, обеспечена защита интересов франкоязычного меньшинства, осуществлен ряд реформ государственного устройства. Но эти преобразования не позволили преодолеть межобщинные споры. Один такой конфликт в поселке Фулон в октябре 1987 г. обернулся общенациональным политическим кризисом, самым затяжным в истории страны; он продолжался пять месяцев и привел к отставке коалиционного правительства Бельгии. Суть инцидента заключалась в том, что мэр поселка Фуден Жозе Аннар, валлон по национальности, категорически отказался изучать нидерландский язык и никто, даже правительство, не смогло переубедить мэра изменить свое решение.

Осуществленная в январе 1989 г. реформа системы государственной власти должна была исключить повторение подобных конфликтов. Премьер-министр Бельгии Вильфрид Мартенс назвал данную реформу «самой важной в истории страны со времени основания бельгийского королевства в 1830 году».

В новых законах местные органы получили право издавать постановления, имеющие силу закона на их территории. Центральное правительство передало исполнительным органам национальных общин и регионов полномочия в решении вопросов образования, здравоохранения, энергетики, транспорта, занятости и научных исследований. Местные власти получили и соответствующие бюджетные ассигнования. Эти новые права существенно дополнили и расширили уже имевшиеся ранее на местах полномочия и средства в сфере культуры, спорта, туризма, охраны окружающей среды, сельского хозяйства. В ходе дальнейших реформ, которые предусматривается осуществить в ближайшие годы, за правительством в Брюсселе сохраняются лишь полномочия в области внешней и валютно-финансовой политики, национальной обороны и обеспечения правопорядка.

Бельгийский вариант решения проблем межнациональных отношений может быть использован, с известными корректировками, и для снятия остроты в сфере национальных конфликтов в других странах, в том числе и СНГ. В этом опыте заслуживают внимания такие моменты: решение всех вопросов путем сохранения единства и целостности государства, решение проблемы языка и других этнических вопросов на основе равноправия, проведение реформы государственного управления с расширением полномочий местных органов и некоторые другие.

Значительные изменения во всех сферах испанского государства произошли после смерти Ф. Франко в 1975 г. Модель автономизации в какой-то степени помогла достижению консенсуса политических сил Испании при принятии новой Конституции страны. Вместе с тем одним из серьезных недостатков конституции 1978 г. является наличие формулировок, допускающих различное толкование. Так, она не дает возможности точно определить значение термина «национальность». Многие участники конституционного процесса понимали под этим термином только территорию и население трех «исторических автономий» – Каталонии, Страны Басков и Галисии.

Проанализировав Конституцию, можно прийти к выводу, что под указанным термином следует понимать любой регион, население которого имеет культурные и лингвистические отличия от основного этнического компонента страны – кастильцев. Главное здесь – самоидентификация населения региона как национальности. Отсутствие точного определения данного термина в Конституции приводило и приводит к серьезным конфликтам вокруг автономии Андалусии, Валенсии, Канарских островов и ряда других регионов, что чревато опасностью выделения регионов с этнонациональной спецификой из общего контекста автономизации страны.

Термин «национальность» имеет в испанском языке значение, отличающееся от принятого в нашей науке, где им принято называть определенную этническую группу. Испанский регионализм как «национальное движение» является полинациональным. В движении населения Каталонии, Страны Басков и Галисии, которое называется национальным, все более широкое участие принимают представители любых этнических групп, проживающих на данной территории, в силу чего это движение является «национальным» в смысле полинациональным, в смысле отстаивания права региона на самоуправление – движением, в котором участвуют все этнические группы региона.

В регионах со смешанным этническим составом населения стремление к самоуправлению поддерживает не только давний имя

региону этнос, но и значительная часть граждан, к нему не принадлежащих. В этой связи следует более точно характеризовать эти движения как полиэтнические региональные.

Важным рубежом в создании «государства автономий» стал 1981 г., когда было подписано соглашение между ведущими политическими силами того периода: Союзом демократического центра и Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП), что позволило ускорить процесс автономизации. Вместе с тем, в новой обстановке, сложившейся после прихода к власти ИСРП в 1982 г., когда уже укрепился демократический режим, соглашение об автономиях стало тормозом децентрализации страны. Руководство ИСРП, связанное договоренностями, не могло приступить к дальнейшим преобразованиям взаимоотношений между центром и регионами.

Проанализировав процесс преобразования Испании из жестко централизованного государства в государство, состоящее из автономных сообществ, необходимо отметить, что подобное развитие событий способствовало снятию остроты во взаимоотношениях центра и регионов, избавлению новых сообществ от мелочной опеки столичных органов, более быстрому решению местных проблем, и в конечном итоге консолидации испанского общества.

В 80-х годах сильно изменилось отношение испанцев к вопросам децентрализации страны. Не только значительная часть политической элиты, но и испанское общество в целом осознало необходимость дальнейшей децентрализации путем развития «государства автономий» и, что не менее важно, заявило о своей готовности к ней. В конце 80-х годов в Испании сложилась качественно новая обстановка, которая характеризовалась постоянно усиливавшимся давлением автономных сообществ на центральное правительство с целью приобретения большей самостоятельности в решении своих проблем. Однако лидеры ведущих политических сил страны, очевидно, еще не были готовы пойти навстречу интересам регионов. Подписанное в феврале 1992 г. соглашение об автономиях между ИСРП и Народной партией не предоставляет реальных возможностей для разрешения нарастающего конфликта между центром и регионами. Можно выделить несколько факторов, влияние которых может привести к значительным переменам в «государстве автономий». Среди них:

- ухудшение экономической ситуации и неспособность центральной власти найти пути выхода из кризиса;
- сложность структуры государственного управления в результате незавершенности строительства «государства автономий»;

- наличие обширной законодательной базы для повышения уровня самоуправления регионов;
- накопление автономными сообществами опыта самоуправления в ходе строительства «государства автономий»;
- различия в степени самостоятельности между сообществами, в то время как конституция провозгласила их равенство;
- нарастание в регионах недовольства торможением развития «государства автономий»;
- образование в Европе ряда новых государств;
- развитие процессов регионализации государств в рамках Европейского Сообщества.

Вместе с тем имеются и факторы, способные поменшать дальнейшему росту самостоятельности регионов Испании. Лидеры Каталонии и Страны Басков делают все возможное, чтобы не встать в общий строй испанских автономий. Безусловно, эти регионы обладают рядом особенностей, которые следует тщательно учитывать. Тем не менее дальнейшее сохранение разрыва в уровне самоуправления разных регионов может привести к дестабилизации обстановки в стране. Если постепенное выравнивание положения автономных сообществ (не на словах, а на деле) вновь будет отложено в долгий ящик, если в ближайшее время не будут намечены ориентиры дальнейшего развития «государства автономий», Испанию ждут серьезные испытания и в этой сфере, которые обострят и без того сложную политико-экономическую ситуацию. Не исключено и возникновение острого политического кризиса, так как ни одна партия в ближайшие годы, судя по всему, не будет иметь необходимого большинства в парламенте.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о весьма скорых изменениях в степени самостоятельности регионов, чему в определенной мере способствуют внешние факторы. Тенденция передачи многих функций, считавшихся ранее прерогативой государства, надгосударственному институту – Европейскому Сообществу – не привела автоматическому усилению самостоятельности регионов в решении своих внутренних проблем. Предположения, высказываемые некоторыми авторами, о том, что «единая Европа» может послужить препятствием к дальнейшей автономизации Испании, лишены оснований. Скорее можно допустить, что действие этого фактора способно положительно повлиять на дальнейшее преобразование системы государственного управления Испании в сторону усиления самостоятельности регионов.

Попытки определить форму будущего государственного устройства Испании предпринимались неоднократно. Многие исследователи

и политики приходят к выводу о федеративных перспективах этого государства. Некоторые предпосылки для подобного варианта уже созданы. Испания – политически децентрализованное государство, ее регионы имеют свои законодательные и исполнительные органы. Кроме общенациональной юридической системы созданы соответствующие системы в регионах. Началось пока еще робкое преобразование сената в палату автономных сообществ. Однако дистанция до федерации еще очень велика. Что же касается надежд некоторых лидеров Каталонии и Страны Басков на то, что автономные сообщества Испании включатся в Европейское Сообщество, чуть ли не минуя испанские государственные структуры, то они вряд ли являются позитивными и реальными. Попытки такого рода могут взорвать Испанию, да и вряд ли кто-либо из крупных политиков всерьез просчитывает такие шаги. Всем общественно-политическим течениям Испании понадобится немалое мужество, способность отказаться от собственных амбиций ради завершения строительства «государства автономий» в наиболее приемлемой для этой страны форме – федерации равноправных регионов. Федеральный выбор может способствовать решению многих проблем современной Испании.

Отмеченные выше национальные проблемы отражают специфику развития отдельных стран Западной Европы. В этих государствах есть и определенные общие проблемы, среди которых ряд новых этнических проблем, возникших в связи с широким привлечением дешевой рабочей силы иммигрантов, прибывающих на заработки в развитые капиталистические государства в основном из развивающихся стран. Так, в странах континентальной Европы в 1989 г. проживало около 13 млн. иностранцев, из которых 5,5 млн. человек – рабочие. Большинство из них (около 90 %) сосредоточено во Франции, ФРГ, Бельгии, Нидерландах, Швеции и Швейцарии¹.

А в настоящее время «численность иностранцев, проживающих в странах ЕС, составляет внушительную цифру. На 1 января 2015 года больше всего иностранцев было в Германии (7,5 млн), Великобритании (5,4 млн), Италии (5,0 млн), Испании (4,5 млн) и Франции (4,4 млн), что составляет от 6 % во Франции до 10 % в Испании. Однако есть еще те, кто европеец лишь по паспорту. Так, на 1 января 2015 года число людей, живущих в ЕС, которые родились за пределами ЕС, составило 34,3 млн.»². По мере концентрации и приобретения гражданства, быв-

¹ Загладина Х. Национально-расовые отношения в странах Запада // МЭМО, 1989, № 6.

² Грядет исчезновение Европы? Демографическое исследование// <http://www.demographia.ru/node/1240>

шие иммигранты начинают играть все более заметную роль в политической жизни стран пребывания, составляя значительную долю избирателей во многих избирательных округах. Например, небелые британцы активно влияют на результаты выборов в 85 округах Великобритании. Это сопровождается ростом этнического самосознания иммигрантов, выражающегося в борьбе против ассимиляции со стороны господствующего этноса, за сохранение культурно-бытовых особенностей и традиций, против всех видов дискриминации.

Подобная тенденция будет только усиливаться. Прогнозы исследователей, по крайней мере, позволяют об этом говорить.

Миграционные потоки в европейские страны (прогноз)

Страна	2010		2030	
	тыс. чел.	% от населения	тыс. чел.	% от населения
Австрия	475	5,7	799	9,3
Бельгия	638	6,0	1 149	10,2
Дания	226	4,1	317	5,6
Финляндия	42	0,8	105	1,9
Франция	4 704	7,5	6 860	10,3
Германия	4 119	5,0	5 545	7,1
Греция	527	4,7	772	6,9
Ирландия	43	0,9	125	2,2
Италия	1 583	2,6	3 199	5,4
Люксембург	11	2,3	14	2,3
Нидерланды	914	5,5	1 365	7,8
Норвегия	144	3,0	359	6,5
Португалия	65	0,6	65	0,6
Испания	1 021	2,3	1 859	3,7
Швеция	451	4,9	993	9,9
Швейцария	433	5,7	663	8,1
Великобритания	2 869	4,6	5 567	8,2
Итого	18 267	4,5	29 759	7,1

Анализ показывает, что почти во всех странах Запада обострение межнациональных противоречий вызвано фактически сходными причинами, во многом связанными с происходящей структурной перестройкой экономики, сопровождающейся ростом безработицы, сокращением ассигнований на социальную сферу, вытеснением за рубеж освобожденных из производства иммигрантов. В условиях НТР резко упал спрос на неквалифицированную рабочую силу. Это обернулось подлинной трагедией для рабочих-иммигрантов и национальных

меньшинств, составляющих основную массу занятых малоквалифицированным трудом. В результате уровень безработицы среди данных категорий наемных работников в среднем в 2 раза выше, чем в целом по каждой стране Запада. Многие негативные последствия, порождаемые структурными преобразованиями экономической сферы, болезненно сказываются на жизни и труде не только национальных меньшинств и иммигрантов, но и широких народных масс доминирующей нации. Такая экономическая ситуация ведет к усилению национально-расовой дискриминации, трансформации экономических конфликтов в межнациональные.

Одна из причин сложившейся ситуации – низкий уровень образования многих представителей национальных меньшинств. Так, в ФРГ более половины детей иммигрантов не могут получить среднее образование. Высшее же образование недоступно для абсолютного большинства приезжих из-за высокой стоимости обучения. Таким образом, неравенство возможностей в сфере образования, особенно высшего, влечет за собой неравенство шансов на получение квалифицированной, престижной и высокооплачиваемой работы.

Особенно тяжелым является положение нелегальных иммигрантов, лишенных в странах пребывания элементарной правовой защиты. Речь идет о многих миллионах людей. Ориентировочные расчеты показывают, что, например, в Италии их 1,5 млн., а в США – 12 млн. человек. Эти люди подвергаются безжалостной эксплуатации; часто попадая в отчаянную ситуацию, они не имеют возможности выразить свой протест, ибо в любой момент могут быть выдворены из страны. Только из Франции в 1983-1987 гг. было отправлено 46 тыс. иностранцев, ежегодно эту страну не по своей воле покидает 12-15 тыс. человек.

Обострению межэтнических конфликтов во многих странах Запада способствует деятельность правых сил, разжигающих вражду и ненависть к иммигрантам, особенно к выходцам из стран Африки, Азии и Латинской Америки. Экстремистским группировкам нередко удается объединить под своими расистскими лозунгами часть молодежи и деклассированных элементов. Не остаются равнодушными к призывам «Долой иностранцев!» многие в западном обществе. Так, в ФРГ, по данным опроса, проведенного Институтом общественного мнения в Алленбахе, 45 % граждан высказались против высокой доли иностранцев в населении, 75 % – одобрили ограничения на их приезд. Во Франции 40 % французов поддерживают демагогические заявления лидера крайне правого Национального фронта Ле Пена о том, что «иммигранты истощают французскую экономику».

Нерешенность проблем национальных меньшинств, игнорирование правящими кругами их социокультурных прав и интересов приводят к активизации деятельности националистических партий, таких, как Уэльская националистическая партия, Квебекская партия и др. Некоторые из этих партий выдвигают лозунги и борются за отделение национальных районов и создание самостоятельных государств. К ним относятся Ирландская республиканская армия, баскская националистическая организация ЭТА в Испании, «Фронт национального освобождения Корсики». Данные движения создали свои вооруженные организации и пытаются методами насилия и террора добиться своих целей. Однако многолетняя практика свидетельствует, что насилие ведет в тупик. Оно лишь обостряет национальные и расовые проблемы, имея своим следствием многочисленные жертвы и обоюдную ненависть конфликтующих сторон. В странах Западной Европы и Северной Америки есть и другие этнические проблемы. Наблюдаются весьма частые конфликты на этнической почве. Достаточно упомянуть проблемы Ольстера в Великобритании, Квебека в Канаде, продолжающий сохранять свою остроту конфликт между греческой и турецкой общинами на Кипре.

В США также существует немало национальных проблем (в частности, проблемы индейцев, мексиканцев и некоторых других этносов и этнических групп), а также межнациональных проблем в области гармонизации отношений между неграми и американцами белой расы. В Турции и Ираке острой является курдская проблема, злободневные национальные проблемы имеются в Индии, Пакистане, Иране, Ливане, Шри-Ланка, Китае и ряде других стран.

Даже краткий обзор положения дел в сфере межнациональных отношений позволяет сделать вывод о нерешенности многих аспектов национального вопроса на востоке Европы и в развитых странах Запада. Вполне очевидно, что данное обстоятельство оказывает и будет оказывать свое влияние на многие процессы, происходящие в мире. По нашему мнению, в XXI веке в Азии и Африке, и в ряде других регионов национальные и межнациональные проблемы будут в эпицентре общественной жизни, еще предстоит пройти длительный путь их решения.

Отмеченные выше проблемы носят этнический характер. В Европе и Северной Америке есть и опыт федерализма, который не носит национального характера, но представляет для нас интерес, ибо в России большинство субъектов федерации суть не республики, а края и области.

3.3. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве как следствие несовершенства национальной политики КПСС и советского государства

Вопросы развития управления процессами межнациональных отношений и на сегодняшний день остаются насущными. Показателем того, что государство и власть осознают существование проблемы, являются принятая 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹ и функционирующий Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Заседание Совета по межнациональным отношениям, которое состоялось в Йошкар-Оле в июле 2017 года, было посвящено реализации на региональном и муниципальном уровнях стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Выступая на заседании Совета, В. Путин отметил: «Опросы показывают: каждый пятый житель России считает деятельность местной власти в сфере межнациональных отношений недостаточно эффективной. Обращаю на это внимание муниципалитетов. Эскалация большинства конфликтов происходит в первую очередь из-за неспособности их предотвращать и своевременно решать именно на местах. Целесообразно ввести во всех органах местного самоуправления ответственных за сферу межнациональных отношений, так, как это сделано на федеральном и на региональном уровнях, и в целом активнее распространять лучшие существующие в нашей стране практики, в том числе по реализации Стратегии государственной национальной политики»². Несмотря на истечение большого количества времени после распада СССР, предпосылкой которого стала политика управляющей элиты государства, проблема управления межнациональными отношениями остается на том же государственном уровне. Для того чтобы осознать, какие изменения необходимы в сфере национально-государственного строительства и в межэтнических отношениях в российских регионах и национальных республиках, следует учесть уже имеющийся печальный опыт реформирования СССР.

Как решала национальные проблемы советская власть, коммунистическая партия, известно. Особенно отчетливо их методы прояви-

¹ Указ Президента N 1666 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»// <http://base.garant.ru/70284810/>

² Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по межнациональным отношениям// www.itv.ru/news/2017-07-20/329185-vladimir_putin_v_yoshkar_ole_provel_zasedanie_soveta_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam

лись в период агонии системы: в апреле 1989 г. в Тбилиси, в январе 1991 г. в Вильнюсе и Риге. Нельзя не согласиться с А. Дашдамировым¹, что и на этом трагическом историческом фоне январские события 1990 г. в Баку выделяются особым драматизмом. Это была целенаправленная военно-политическая акция устрашения целого народа, изначально противозаконная, осуществленная с грубейшими нарушениями союзной и республиканской конституций, установленных законом процедур и условий принятия решения о введении чрезвычайного положения на территории той или иной союзной республики. В результате этой акции погибло около двухсот мирных жителей, сотни людей стали инвалидами из-за полученных ранений.

Принято считать, что национально-этнические конфликты в СССР начались во второй половине 80-х годов с декабрьских событий в Алма-Ате. Несколько раньше произошли межнациональные столкновения в Якутске, но они не получили широкого резонанса. Межнациональное противостояние началось не вдруг, не случайно, его предсказывали еще Н. Бердяев, В. Розанов, Г. Шпет и другие русские философы. Первые признаки назревающих конфликтов заметили еще в начале 60-х годов ученые, официально считавшиеся диссидентами. Отталкиваясь от названия известного романа Джорджа Оруэлла «1984», историк А. Амальрик дал прогноз распада СССР в нашумевшей статье «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»². Он предостерегал общественность от эйфории по поводу «дружбы народов» и «всеобщей любви к старшему брату» и предсказал, что именно межнациональные противостояния приведут к распаду СССР уже в 1984 г.

Анализу генезиса межнациональных конфликтов в СССР и постсоветском пространстве посвящено много исследований. По нашему мнению, наиболее корректный и полный анализ свое время произвел А. Г. Здравомыслов³ несмотря на истечение значительного времени. Ряд авторов критикует релятивистскую теорию нации, обосновываемую в монографии А. Г. Здравомыслова. Не вдаваясь в полемику по этому вопросу, которая может далеко увести от задач данной книги, отметим, что иногда полемика ведется оппонентами А. Г. Здравомыслова некорректно, ненаучными способами. Так, например, М. О. Мнацаканян пишет, что для Здравомыслова «харак-

¹ Дашдамиров А. Январская трагедия в Баку: десять лет спустя. // Содружество НГ. 2000. № 1.

² Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину: Анатомия застоя / Сост. и общ. ред. Т. А. Нопкина. - М., 1994.

³ Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. - М., 1997.

терными являются постоянная подмена понятий, логические противоречия... Автор так и не привел ни одного научного аргумента в защиту своей позиции...избегает четкости и ясности...»¹.

Рассмотрим кратко историю межнациональных конфликтов, опираясь на монографию А. Г. Здравомыслова. Первые признаки неблагополучия в межнациональных отношениях появились в декабрьских (1986 г.) событиях в Алма-Ате, связанных со сменой руководства в Казахстане: «брежневей» Д. Кунаев был решением ЦК КПСС смещен, и в республику направили Г. Колбина опытного партийного функционера своего времени.

Подобная практика смены руководства различных уровней была характерной в стране. Но, когда произошло смещение Д. Кунаева, уровень общественного и национального самосознания населения изменился. Данное событие в Алма-Ате оказалось весьма показательным – оно продемонстрировало болезненность мероприятий, связанных с переменами во властных структурах. Болезненное восприятие перемен в Казахстане было обусловлено вопросами национального самосознания. Назначение Центром Г. Колбина, русского по национальности, на основную партийную должность Казахстана как бы демонстрировало, что с точки зрения Москвы в Республике нет национальных кадров, способных на достойном уровне осуществлять управление и решать перестроечные задачи.

Интерпретация алма-атинских событий в духе межнационального конфликта (в то время как суть его заключалась в перераспределении властных полномочий) привела к тому, что вопросы национальной принадлежности приобрели болезненный характер: любой бытовой конфликт, возникавший между лицами разной национальности, стал рассматриваться как результат межнациональной напряженности.

Следующие события национального характера, после Казахстана произошли в Армении. Драматические столкновения в Нагорном Карабахе (НКАО) произошли в феврале 1988 года и связаны были предстоящим пленумом Центрального комитета Коммунистической партии (5 января 1988 г.). В этом пленуме в резкой форме был критикован К. Демирчян, занимающий должность первого секретаря ЦК КП Армении. Затем произошел кровавый погром в Сумганте, принесший первые жертвы молоху разгоравшегося радикального национализма. В отличие от алма-атинского конфликта в той «горячей точке» имел гораздо более многогранный характер. События в Сумганте уже невоз-

¹ Мишакянц М.О. Этносоциология нации, национальная психология и межнациональные конфликты. – М., 1998.

можно было отнести к разряду беспорядков. Это был самый настоящий погром армянского населения толпой, потерявшей человеческий облик. Официально признанное число жертв сумгаитского погрома составляло 32 человека. События были восприняты руководством страны и общественностью как нечто немыслимое. Они не укладывались в существовавшие теоретические схемы: с той и другой стороны столкнулись две формы национализма, отношения между которыми все более приобретали характер взаимоисключения и взаимоотталкивания. Руководители республик очень скоро перестали общаться между собой и возложили надежды на разрешение конфликта с помощью Центра, который таким образом был поставлен перед выбором: чтобы действовать эффективно, он должен был принять чью-либо сторону. После ряда встреч с народными депутатами республик и интеллигенцией в Москве было принято решение о введении особого управления в НКАО. Однако вскоре выяснилось, что оно не может удовлетворить конфликтующие стороны прежде всего потому, что коммуникации НКАО шли через Азербайджан. Народный фронт Азербайджана перекрыл эти коммуникации и организовал блокаду Армении. Временный комитет особого управления не мог обеспечить прекращения блокады НКАО и Армении.

Рассматривая общие моменты и характерные черты казахстанских и закавказских событий, А. Г. Здравомыслов справедливо отмечает следующее:

1) в том и другом случаях имело место нарушение сложившегося баланса власти в данных регионах. в обоих случаях задевались интересы первых руководителей республик;

2) попытки изменить ситуацию в высших органах местной власти инициировались Центром. Суть дела заключалась в том, что Центр – высшее руководство страны, – неудовлетворенный мерой лояльности и активностью местных кадров, пытался найти фигуру, которая в большей мере отвечала бы новому общеполитическому курсу, нежели действующие кадры;

3) активным субъектом действия становилась мятежная толпа, готовая крушить все на своем пути, – толпа, которая подчиняла себе эмоции и чувства каждого ее участника;

4) связь между инициирующими моментами (намерениями Центра и сопротивлением им) и действиями толпы долгое время оставалась непроясненной. Но эта задача не научного, а криминального исследования, которое не было осуществлено. Во всяком случае, последующие комиссии по казахстанскому инциденту констатировали связь

между тем, что из Москвы в Алма-Ату ушла зашифрованная телеграмма, оповещавшая о созыве пленума ЦК КПСС Казахстана, и деятельностью добровольных агитаторов, посетивших студенческие общежития накануне беспорядков.

Различие же состояло в том, что в Казахстане удалось отрегулировать конфликт, а в Нагорном Карабахе он сравнительно быстро превратился в массовое двустороннее насильственное действие, а затем – в войну и долгое противостояние между сторонами, ставшими в последующем независимыми государствами, которые были союзными республиками СССР.

События в Казахстане и республиках Кавказа представляли собой явления одного уровня и характера и стали показателями неспособности Центра принимать управленческие решения и адекватно реагировать на проблемы национальной политики. Неспособность своевременно и адекватно реагировать на эти события привели к территориальному расширению и дальнейшему обострению данной проблемы.

Распространение идеи национальной демократии привело к тому, что события перешли на новый уровень и начали приобретать все более трагичный характер – события 9 апреля 1989 года в Тбилиси стали первым опытом использования регулярных войск применения войск против мирных митингующих. I съезд народных депутатов Советского Союза, инициировавший разбирательство этих событий, констатировал малоприглядную ситуацию применения регулярных войск – большую часть жертв подавления событий составляли женщины. Реальным результатом стал не только крах авторитета местных официальных руководителей, но и быстрый рост антимосковских и антиармейских настроений. По сути дела, именно в тот момент партийное руководство Грузии потеряло кредит доверия и утратило легитимность. Многочисленные демократические организации – партии, общества и движения, образовавшиеся в Грузии в 1988-1989 гг., – сходились в одном вопросе: о необходимости освободиться от «имперской зависимости» от СССР.

Одновременно с закавказским фронтом национально-этнических конфликтов весьма жесткая ситуация для союзного руководства складывалась и на западном направлении. Речь идет, прежде всего, о Прибалтике, где зонами конфликта стали территории, которые были включены в состав СССР в 1940 г. в результате сговора пакта Молотова-Риббентропа. К 1988 г. во всех странах Прибалтики начали складываться массовые движения, ставившие своей целью восстановление независимости Латвии, Литвы и Эстонии на основе их выхода из

СССР, т. е. возвращение к статусу этих государств, существовавшему в межвоенный период. Наиболее активная часть национальной интеллигентной элиты балтийских стран, объединявшаяся вначале вокруг творческих организаций, решила испытать перестройку выдвижением лозунга воссоздания национальных государств. Решение такой задачи позволило бы этим странам осуществить естественное сближение с западными странами и воссоединиться с их диаспорами, разбросанными в скандинавском регионе и в США.

Начавшаяся в конце 80-х годов конфронтация привела к кровавым столкновениям в январе 1991 г. в Вильнюсе и Риге, стимулировавшим развитие ситуации не только в Прибалтике, но и в Закавказье и ставшим начальной точкой фактического распада СССР, который завершился в декабре 1991 г. С разной степенью интенсивности схожие противостояния начались в Молдавии и Средней Азии. Если в этот период в Казахстане, Туркменин, Киргизии, Узбекистане практически не возникало радикальных национальных движений и не было серьезных коллизий, то в Таджикистане гражданская война, разразившаяся на почве клановых идеологических интересов, приобрела ожесточенные формы.

Существует утверждение, что волна национализма, разрушившая СССР, была порождена гласностью и перестройкой. Другими словами, бытовым языком: во всем виноваты М. Горбачев и Б. Ельцин. Первый создал основу для развала СССР, второй осуществил его и стимулировал стремление регионов к развалу России, провозгласив в полемическом угаре: «Берите суверенитета, сколько проглотите». Но в данном случае следует согласиться с А. Г. Здравомысловым, считающим, что волна национализма стала итогом развития противоречий, накопившихся в результате воздействия латентного национализма, который не может быть отождествлен ни с «имперским сознанием», ни с «имперским мышлением», ни с «имперской политикой». Выдвижение на первый план «имперской идеи» и обвинения в «имперском мышлении» явились средством политической мобилизации, своего рода атрибутом национализма и национально-демократических движений¹.

В советский период, особенно в 70-х годах, сложилась амбивалентная, двойственная политическая практика. С одной стороны, существовала доктрина дружбы народов. Данную доктрину не следует воспринимать как полное лицемерие. Она в значительной мере способствовала мирному сосуществованию не только армян и азербайджанцев, но и

¹ Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1997.

всех народов Союза ССР на протяжении нескольких десятилетий. С другой же стороны, сама организация государственной жизни, в основании которой лежали интересы республик, содействовала практическому формированию национальных интересов в них. Открытый национализм или даже намеки на него неукоснительно преследовались. В то же время любая доминирующая национальная группа – вопреки официальной доктрине и опираясь на практику реальных взаимоотношений в ряде регионов – проводила политику постепенного ущемления интересов недоминирующих национальных групп. Наряду с официальной доктриной существовала неафишируемая практика латентного национализма. После распада СССР ухудшилось социально-экономическая ситуация во всех бывших союзных республиках. Наиболее яркий пример этому – Украина, где есть основные полезные ископаемые, развитая промышленность, хорошие климатические условия для сельского хозяйства. Раньше на Украине расхожей была шутка, что причина плохого уровня жизни в том, что «москапи наше сало едят». Сейчас сало остается на Украине, но уровень жизни там не лучше, а даже хуже, чем во многих российских регионах. На фоне последних событий в Украине видно, что национальная политика на государственном уровне не пролонгировалась очень долгое время, и более того, используется различными политическими течениями для обострения ситуации и осуществления борьбы за власть. В условиях борьбы за власть нет сил, стремившихся решать эти проблемы, хотя каждый политик понимает, что эту насущную проблему будет необходимо решать, как только появятся первые признаки определенной стабильности.

А вот данные о социальном самочувствии граждан когда-то благополучной Литвы в начале 2000-х годов, полученные каунасским ученым Р. Повилайтисом. Свои доходы считают достаточными всего 5 % из 800 опрошенных, слишком малыми – 39 %, ниже грани нищеты – 13,5 %, постоянно голодают – почти 5 %. Больше половины семей имеют автомобиль, но на культурных мероприятиях (концерт, театр, выставка и т. д.) 55 % всех опрошенных бывают раз в несколько лет. Только 3,9 % чувствуют себя в жизни уверенно; на помощь государства, в случае беды, рассчитывают всего 3,9 %, на костел – 3 %; 30 % уверены, что им никто не поможет. Только 8,3 % верят, что жизнь в Литве в ближайшее время улучшится, противоположного мнения придерживаются 55 %; 45 % готовы навсегда уехать зарубеж, если там будет возможность устроиться, еще 26 % размышляют об этом же. Согласно данным, представленным в апрельском отчете 2017 года премьер-министра Саулюса Сквернялиса, в прошлом году из Литвы эмигри-

ровали 50 тыс. 333 жителя, что на 5 тыс. 800 больше, чем в 2015 году (44 тыс. 533), и на 13 тыс. 712 больше, чем в 2014 году (36 тыс. 621). В документе отмечается, что к 2016 году из страны эмигрировал миллионный житель, при этом все население составляет всего 2,5 миллиона человек. Угроза экономики страны заключается в том, что в последние два года каждый третий эмигрировавший был в возрасте 20–29 лет, а каждый четвертый – в возрасте 30–39 лет¹. При всех этих приведенных цифрах о состоянии экономики, проблема межнациональных отношений и национальных меньшинств остается открытой.

Причина экономического спада в постсоветском пространстве заключается в том, что экономические связи разрывались без учета интересов сторон и под влиянием политической конъюнктуры. Однако политики бывших советских республик склонны сваливать всю вину на Россию, на то, что русские использовали их природные богатства, не развивали промышленность и т. п. Сторонникам этой точки зрения можно привести слова Войцеха Ярузельского, сказанные в беседе с журналистами «Новой газеты»: «Мои соотечественники не однажды слышали от меня аргумент, какой я привожу в споре с националистическими кругами: если Польша, как они утверждают, была колонией Советского Союза, то пусть назовут мне еще такую колонию, где колонизированные жили бы лучше колонизаторов. Вспомните для сравнения Англию и Индию. В Польше так не было. Конечно, она испытывала на себе советское давление, порой диктат, но это не эксплуатация: и в самые трудные времена полякам жилось лучше русских»².

В бывших советских республиках, вне сомнения, жилось «лучше русских». Об этом следует не забывать местным националистам, упорно формирующим образ врага в лице то ли косматого медведя, то ли вообще рогатого русского язычника. Советскую политику в своих республиках осуществляли, как правило, местные выдвиженцы, часть из которых не просто участвовала в формировании этой политики на уровне Центра, но и все семьдесят лет правления большевиков была активным инициатором многих революционных преобразований. Безусловно, это не снижает вины именно русского народа, но и не снимает ответственность с других не менее активных участников строительства

---

¹ Литовский диссидент: Сейчас в Литве гораздо хуже, чем при СССР // <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/31/litovskiy-dissident-seychas-v-litve-gorazdo-huzhe-chem-pri-sssr>

² Свобода, хлеб - и не надо трезниц. Беседа Валентина Осковского с Войцехом Ярузельским // Новая газета. 1999. № 48.

«... измов». В нашей истории слишком много эпизодов, не поддающихся объяснению.

Перечисленные события в последующем стали непосредственными причинами распада СССР, которому способствовала неспособность Центра решать возрастающие национальные проблемы. Более того, уже внутри самой России, ставшей самостоятельным государством, формировались центробежные силы. Это показало, что внутренние противоречия национального характера в многонациональной России остались и требуют решения.

Анализируя национальные проблемы России, так или иначе сталкиваешься с проблемами Чечни. Но оценка чеченских событий требует не просто отдельного внимания, а объединения усилий специалистов различного профиля – политологов, социологов, социальных психологов и др. Здесь мы только отметим некоторые моменты, являющиеся, по-нашему мнению, узловыми в анализе межнациональных конфликтов в реформируемой России.

Как бы ни называла события в Чечне официальная пропаганда и примыкающая к ней поспешающая интеллигенция, это была война. Очень жестокая, возможно невиданная по своей жестокости война. Не борьба с боевиками, с терроризмом и зарвавшимися бандитами, а война с чеченским народом, не залечившим еще прежние исторические раны. Значительная часть народа была одурманена и заражена несбыточными сепаратистскими и безумными религиозными идеями. Но ответная реакция Москвы значительно превышала разумные пределы.

Чеченская война породила новый термин – «зачистка». Это слово хотя и редко употреблялось, но занимало свое место в русском языке. У В. Даля «зачистка» предполагает работу с материалом; «зачищать» значит заравнивать отделкою, запемзывать, захвощать, заполировать. В словаре Д. Ушакова «зачистить» – это загладить, заполировать, вычистить. И дальше добавление: вагоны после выгрузки лошадей. Теперь с нелегкой руки военных теоретиков «зачистка» применяется по отношению к людям.

Чеченская война законным образом не была объявлена. Как тогда называть происходящее там? Конечно же не зачисткой, не борьбой с бандформированиями: наряду с террористами, причем в значительно большей пропорции, погибают мирные жители – старики, дети, женщины. Фактически реализовался принцип этнической ответственности: виноваты все, кто так или иначе оказался рядом с бандитами. По праву гордящаяся своей духовностью Россия взяла на вооружение отнюдь не моральный принцип: с бандитами по бандитски. И сейчас, по истече-

нии значительного времени после завершения войны, многие моменты чеченских войн завуалированно преподносятся и объясняются необходимостью государственной целостности России, благодаря которой суверенитет каждой нации многонациональной страны сохраняется. Вопросы соотношения морали, принципов человечности и целесообразности остаются открытыми и требуют дальнейшего осмысления.

Показательно то, что в конце февраля 2000 г. в Швеции по телевидению показывали сюжет о Чечне. Представители российского военного командования там говорят: «Боевики предлагают нам переговоры, но мы ни на какие переговоры не пойдем. Мы их будем уничтожать, пока всех не уничтожим». На шведский язык их высказывания не перевели. Диктор, потупив глаза, сказал после сюжета: «Извините, что нет перевода». Потому что «всех уничтожим» на шведский не переводится. Слова такие есть, но сказать так нельзя. В шведское сознание это не укладывается, поэтому не может быть выражено вербально.

События в Чечне, особенно вторая война, резко подорвали авторитет России на международной арене. Справедливости ради следует отметить, что жесткая оценка Запада сложилась не сразу. На начальном этапе конфликта, когда чеченские боевики начали открытую агрессию в Дагестане, официальные круги США и Европы заняли сдержанную позицию, исходя из позиции «данный конфликт внутреннее России». Суть данной позиции заключалась в том, что на начальном этапе Запад выжидал, вырабатывая собственную оценку событий. Так не могло долго продолжаться и уже в августе 1999 года в заявлениях ЕС и США появились призывы не применять в Дагестане «чрезвычайной военной силы». В последующем, когда федеральные войска начали антитеррористические операции в Чечне, западные страны заняли открытую антироссийскую позицию, обвиняя Россию в умышленной эскалации обстановки и осмысленном нарушении прав человека. В октябре 1999 года Европарламент в своем заявлении призывал Россию приступить к «политическому диалогу, а не наращиванию насилия», «уважать международные принципы в области прав человека» и «прекратить российскую военную интервенцию» в Чечне. Россию обвинили в уничтожении мирного населения, разрушении объектов гражданского назначения, что стало основанием наложения санкций и приостановки кредитования Международным валютным фондом и Всемирным банком.

В ультимативной форме на сессии ПАСЕ 24-28 января 2000 г. было объявлено требование к России: «Немедленно остановить несо-

размерные военные действия в Чечне, использование новобранцев, немедленно начать политический диалог с выбранными чеченскими руководителями с целью достижения полного прекращения огня и всеобъемлющего политического разрешения конфликта»¹. В апреле 2000 г., на очередной сессии ПАСЕ, эти оценки и угрозы, как известно, были подтверждены, т. е. сохранилась позиция пункта первого документа, представленного на заседании Совета министров иностранных дел Евросоюза, в котором говорится: «Масштаб российского военного вмешательства в Чечне не может быть оправдан как чистая антитеррористическая операция. Комитет, полностью осуждая террористические акты и попрание прав человека и международных гуманитарных законов, совершенных чеченскими бойцами, осуждает максимально жестким образом непропорциональное использование силы российскими федеральными войсками.

В результате неразборчивого и непропорционального использования силы невинные мирные жители в Чечне становятся жертвами самых серьезных попрааний таких фундаментальных прав человека, как право на жизнь, свободу и безопасность»².

Завершение XX в. охарактеризовалось нарушением внешнеполитического баланса на Кавказе в ущерб России. Нельзя забывать, что нашу жестокость осуждают не единичные политики, генетически злостно настроенные против России, а, к сожалению, и значительная часть населения как традиционно рыночных, так и бывших социалистических стран.

В начале 2000 г. практически все крупные населенные пункты Чечни были взяты под контроль. Потом началась массовое уничтожение больших групп военных. Боевики, имеющие более чем шестилетний опыт войны, перемещались мобильными отрядами по 15-20 человек, каждый из которых контролировал определенный участок горной местности. Война стала партизанской, отголоски которой постоянно дают знать о себе и сейчас в новостных лентах, несмотря на то, что прошло много времени после завершения войны.

Размышляя о чеченских событиях, нельзя не обратиться к истории. Событийное и ситуативное сходство на лицо, несмотря на то что, между событиями полтора века с лишним. Свое время императором России на Северный Кавказ был направлен генерал Паскевич с целью

¹ О конфликте в Чечне// http://www.coe.int/Tir/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2000%5d/%5bJanv%5d/Rek1444.asp#TopOfPage

² Конфликт в Чеченской Республике// http://www.coe.int/Tir/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2000%5d/%5bAvril%5d/Rek1456.asp#TopOfPage

физического уничтожения чеченцев, который сменил Ермолова. Генерал Паскевич в своем отчете писал: «В Чечне только то место наше, где стоят войска, но стоит им сдвинутся, как это место перестает быть российским. Содержание российских войск в Чечне обойдется не дешево, чем боевые действия, не говоря уже о том, что все российские гарнизоны будут находиться на осадном положении».

Весь опыт Кавказской войны 1852-1856 гг., в которой Чечня выступала детонатором, показывает, пишет один из известных политиков 90-х годов XX в. О. Попцов, что народ, живущий и поныне по законам кровной мести, исповедующий ислам и такие нормы как газават, оказались в крайней стадии конфликта, никогда не примет идеи безоговорочной капитуляции¹. По мнению О. Попцова, критически оценивающего военные действия в Чечне: «Полицейская операция по искоренению бандитизма в каком-либо городе, на какой-либо территории конституционно правомерна, если федеральный центр предложил несколько вариантов цивилизованной жизни, использования трудовых ресурсов, а вот погрязший в пороках город вопреки этому выбрал бандитизм. Ничего подобного не было. Все, что началось в Чечне, есть следствие неумелого управления страной, где национальные проблемы имеют тысячелетнюю историю. Извечная российская болезнь, – сокрытие своей неумелости за образом врага, которого сначала придумывают, а потом начинают бороться с ним»². Чечня, действительно, дала нам очередной раз образ врага, с помощью которого можно оправдать собственную неполноценность, неспособность организовать свою жизнь.

В годы, когда шла Чеченская война, многие обозреватели писали о невозможности с какой-то точностью предсказать, чем кончится война в Чечне, объясняя тем, что никогда не будет ясно, какой момент можно считать концом противостояния. Например, Акрам Муртазаров как-то горько обронил в «Новой газете» «Война в Чечне – это война до добровольного присоединения к России» обосновывая свои слова тем, что в отличие от многих других народов, чеченцы никогда добровольно не присоединялись к России. Решение по Чечне должно быть приемлемым и для народов Чечни и для России. Народ победить нельзя.

Анализируя историю и современное состояние Чечни в Общей газете от 20 апреля 2000 г., Д. Фурман писал: «Хотя наша власть вряд ли понимает, что в конечном счете независимость Чечни неизбежна и

¹ Попцов О.М. Тревожные сны шарковой свиты// <http://www.rulit.me/books/trevozhnye-sny-carskoj-svity-read-20580-7.html>

² Там же.

отпустить ее все равно придется, она вполне может понимать, что и полное покорение Чечни, ее интеграция в структуры Российской Федерации исключены и что управлять Чечней Москва никогда не сможет. Степень реальной независимости в значительной мере определяется психологическими и культурными факторами и может совершенно не совпадать с формальным статусом. Но чеченцы – наиболее культурно и психологически чуждый русским, наиболее непокорный и наиболее ненавидящий (теперь еще больше, чем когда-либо) Россию народ. В какой-то мере Чечней могла управлять самодержавная и советская тоталитарная Россия, но нормальной частью, хотя бы относительной частью хотя бы относительно демократической России она быть не может. Поэтому включение Чечни в Россию может быть лишь формальным и символическим (формально она и сейчас – субъект РФ), а фактически она будет жить по своим законам»¹. С той позиции, когда во дворе уже 2017 год, насколько можно утверждать, что вышеприведенные авторы ошиблись? Для того, чтоб констатировать их ошибки в прогнозах российско-чеченских отношений, необходимо утверждать, что национальный вопрос исчерпан и власть способна своевременно решать возникающие противоречия.

После известных Хасавюртовских соглашений многие считали, что решение чеченского вопроса найдено. В заявлении о принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской республикой, подписанном в присутствии главы группы содействия ОБСЕ, говорилось, что стороны исходили «из общепризнанного права на самоопределение, принципов равноправия, добровольности, свободы волеизъявления, укрепления межнационального согласия и безопасности народов». Один из авторов этой книги тогда восторженно писал: «В этих документах представители России (равно как и чеченские) делают существенный шаг вперед в разработке правовых основ суверенитета этносов. В них российская сторона не только подтвердила закрепленный в Конституции Российской Федерации принцип равноправия, но и провозгласила принцип свободы волеизъявления, добровольности и права народов на самоопределение».

Мирный период продолжался недолго. И опять неясно, кто виноват. Обе стороны сваливают вину друг на друга, их политические амбиции явно оказались выше.

Известен аргумент, «оправдывающий» нападение чеченских боевиков на Дагестан: «Если Россия хочет присоединить Чечню против

---

¹ Фурман Д. Москва и грозный движутся в сторону Хасавюрта. //Общая газета. 2000. № 16.

ее воли, почему бы нам с Дагестаном не проделать то же самое». Не менее интересно по этому поводу мнение писателя А. Приставкина, пожалуй лучшего знатока чеченской проблемы, автора популярной повести о чеченской трагедии 1944 года «Ночевала тучка золотая»¹. Вот, что он сказал журналистке «Общей газеты»: «Их родину мы сами превратили в логово террористов, разрушив там всё, оставив массу безработных, не имеющих ничего, кроме автомата. Но большинство-то там – просто нормальные люди». И дальше «Мы уже 150 лет ведем там войну. Сейчас не вторая война, и в 95-м была не первая. Чеченцев нельзя покорить, не убив всех. Сталин попытался это сделать. Еще раньше – Ермолов. Один из ермоловских офицеров писал о чеченцах примерно так: они сейчас отдали свои селения. Не потому, что они слабые, и не потому, что они не хотят умирать. Они отдали, чтобы их дети и женщины остались в живых. Каждое селение – наше, пока мы там стоим, стоит уйти, и оно уже не наше. И никто не понимает этой простой тактики. Они будут прорастать, потому что их дети там. Их жены там. Сегодня та же проблема. Победить эту нацию нельзя. А что делать? Сперва перестать убивать. Не воевать до полной победы ради результатов разных выборов, а вложить туда мощные средства, создав там нормальную жизнь»². Решение проблемы, предложенное уже тогда, показало, насколько оно верно. Каждый, кто хотя бы немного интересуется основами взаимоотношений и мира между Москвой и Чечней, понимает на чем этот мир держится.

«Трудно представить, – пишет А. Приставкин, в другой тьме³, – что, стирая с лица земли целые населенные пункты на территории самой России, подвергая малый народ Чечни из-за горстки террористов уничтожению, кто-то может претендовать на высочайшее звание русского воина. В том самом высокопатриотическом звучании», в каком его видел и воспел Жуковский. Приведенные А. Приставкиным противоречия, характерные в годы покорения Кавказа, свою актуальность не потеряли в Первой и Второй чеченских войнах.

«Ермолов не жалел хлестких слов, – продолжает А. Приставкин – говоря о Чечне. Но в ответных письмах Александр I смягчал суровый нрав генерала, призывая его к «кроткому», то есть мирному решению вопроса. Нынешние теоретики войны, а их всегда хватает, когда нужно попасть в тон с властью, пытаются из всех сил изобразить чеченцев как некий разбойный народ, который не может

¹ Приставкин А. Ночевала тучка золотая. – М., 1989 г.

² Осуждение на жизнь. Интервью с Анатолием Приставкиным // Общая газета. 2000. № 52.

³ Приставкин А. Ермолов как зеркало русского генералитета // Общая газета. 2000. № 15.

жить иначе. Но, подбирая весьма тенденциозно высказывания разных деятелей о национальных качествах чеченцев, где в основном звучат такие слова, как «грабители», а чаще – «разбойники», никто не хочет видеть, что нигде: ни у Ермолова, ни у Шамиля, ни у иных наших воинствующих предков – не употребляется слово «бандит». А чаще звучит уважительное «горец»¹. В словах А. Приставкина проявляется понимание двойственности смысла войны – она была направлена на сохранение государственной целостности России или несла в себе и иные цели? Называя целый народ «грабителями» и «разбойниками», планировать дальнейшее мирное и дружественное сосуществование невозможно.

«Слово «бандит», по свидетельству А. Приставкина, появляется вместе с советской властью. В 1921 г. прозвучало в устах дагестанских большевиков: «Бандитское движение в Чечне...». Сразу подхваченное в Москве и утвержденное Сталиным это несправедливое слово живо до нынешних времен. Чем это закончилось, мы уже знаем: трагическим переселением народа (да не одного) и орденами, а потом развенчанием тех орденов и осуждением геноцида народов самой историей»². Подобное отношение целому этносу и эскалация событий ужесточает народ, уничтожая возможности мирного решения проблем. Некоторые исследователи считают, что сама власть не смогла перебороть предпосылки Второй чеченской войны, хотя условия для этого были.

Специалисты, современники этих событий, считали, что до начала Второй чеченской войны 70 процентов населения хотело и было готово пойти на контакт с Россией³. Теперь это уже позади. Гибель мирных граждан, мародерство, разрушение сел и городов не забудутся, все это, наложенное на предшествующие обиды, создает непреодолимое противостояние потомков в будущем. Нельзя не согласиться с Борисом Кагарлицким, «что России нужен не просто мир в Чечне, нужна полная смена геополитических ориентиров. А для этого России нужна Чечня. Но не в качестве оккупированной территории или враждебного государства. Формула чеченского урегулирования будет порождена преобразованием нашей политической и общественной системы. В противном случае всех нас – и в Чечне, и в России – ждет лишь череда катастроф. Просто отделить Чечню от России невозможно, как невозможно и «просто» присоединить ее к России. Мы уже не сможем «просто» сосуществовать. Нам предстоит быть либо врагами, либо союзни-

¹ Там же.

² Там же.

³ Беловенский Д. Непроходимый блокпост // Литературная газета. 2000. № 13.

ками»¹. Война в Чечне и события связанные с ней позади, произошла как бы и смена геополитических ориентиров, но остаются вопросы союзничества, точнее, на чем это союзничество основано. «Режим Кадырова абсолютно авторитарный. Он не слушает никого кроме Путина, и никто не может ничего ему сказать. Путин и Кадыров зависят друг от друга... И это устраивает Путина, потому что формирует определенный баланс. Если баланс нарушится, это может привести к вооруженному конфликту. Уход Путина вновь поставит вопрос принадлежности Чечни к Российской Федерации. Стабильность Чечни опирается лишь на страх»².

Жестокость событий в Чечне во многом определялось тем, что там шла война гражданская, значит война без правил, в которой чеченцы Гантемирова воссали против остальных чеченцев. И это противостояние, отражаясь на взаимоотношениях людей в России, представляет собой вопрос более чем принципиальный. Они чувствуют вину за то, что война продолжается, другие считают, что происходящее в Чечне – возрождение национального достоинства. На одной чаше весов – совесть и стыд, гуманизм в самом истинном смысле слова, на другой – гордость великороссов.

Здесь мы вплотную подошли к основной проблеме, а точнее – к непоправимой беде, порожденной чеченской войной. Эта проблема лежит в сфере нравственности и самосознания народов. Средства массовой информации, вся мощная идеологическая машина государства была наполнена призывами к истребительной войне с Чечней. Несмотря на неотмененный мирный договор, некоторые политические деятели выдвигали требование применить оружие массового поражения. Это фактически был призыв к геноциду и, как ни странно для народа, пережившего ужасы фашизма и сталинизма, он находил массовую поддержку.

Нельзя не согласиться с утверждением аналитиков о том, что, если бы даже кто-то принял решение о тотальном избиении всех чеченцев, выполнить его на практике в современной России было бы невозможно. Борис Кагарлицкий в подтверждение этого тезиса приводит следующие рассуждения: «Для осуществления геноцида нужны совершенно иной аппарат власти и иное состояние общества. И гитлеровская Германия, и сталинский Советский Союз были достаточно

¹ Кагарлицкий Б. Россия – Чечня: любовь до гроба. // Новая газета. 2000. № 5.

² Сегодня в Чечне всем страшно! Провозглашает Олег Хабиррахимов рассказывает об ужасах в Чечне под железной рукой Рамзана Кадырова// <http://inosmi.ru/russia/20150425/227706635.html>

консолидированными обществами, их репрессивные органы и вооруженные силы были идеологически мотивированы и не слишком коррумпированы. А главное, народ поддерживал власть и готов был разделить с ней ответственность за ее действия. Иное дело сегодняшняя Россия. Жаждающие крови и «национально мыслящие» интеллектуалы вряд ли согласятся своими руками убивать женщин и детей. Более того, они даже не решатся взять на себя моральную и политическую ответственность за подобные действия. А геноцид как раз всегда основан на коллективной ответственности, которая распространяется на многие поколения – это ощутили на себе и немцы, и турки. К нашему величайшему счастью, мы сегодня на это не способны»¹. Несмотря на истечение 17 лет слова Б. Кагарлицкого не утратили своей актуальности.

Все это так. Но массовая поддержка жестокости не может не отразиться на самосознании и нравственном облике народа. Для устранения деформаций в сознании понадобится не десятилетие, а гораздо больше лет, и характеризующийся высокой духовностью народ может превратиться в изгой цивилизованного человечества.

В 2000 году специалисты фиксировали появление в массовом сознании страха перед исламом. Как минимум, пятеро из ста опрошенных москвичей считали ислам враждебной религией. Исследования показывали, что интенсивность национальной нетерпимости превышает религиозную вдвое, а антимусульманскую – в шесть раз (по данным социологов МГУ). В анонимных сочинениях старшеклассники ряда московских школ объясняли свою ксенофобию тем, в частности, что «черные», «чужие» вытесняют их родителей с работы².

Необходимость жестоких карательных мер по отношению к Чечне нередко оправдывалась тем, что во многих странах, где есть проблема национальных меньшинств – в Стране Басков в Испании, в северной Ирландии, на Корсике, десятилетиями идут вооруженные столкновения, но ни Мадрид, ни Лондон, ни Париж не дают и не дадут требующим суверенитета меньшинствам отделиться, создать новое государство. Тем не менее ни в одной из названных и других странах не уничтожаются города и села, не проводится массовая зачистка населения. Есть более серьезное возражение – Косово. Придерживающимся этого довода следовало бы определиться: осуждаем мы или нет косовские события, гибель мирных граждан. Если да, то нравственность и

¹ Кагарлицкий Б. Грозный пал. Вперед! - Москва?// Новая газета. 2000. № 5.

² Буйда Ю. 10 главных слухов России// Новая газета. 2000. № 3.

духовность народа не должны нам позволять делать непотребности только потому, что это делали другие, сегодня осуждающие нас.

Для многих Чечня – это отчетливый образ врага. А формула взаимоотношений с врагом у нас сложилась давно: его уничтожают. Эта позиция уже перешла в другие сферы общественной жизни, в обществе все больше ностальгии по твердой руке, портреты Сталина и других карателей уже норма на улицах Москвы.

Группа Санкт-Петербургских деятелей литературы и искусства (Я. Гордин, Д. Гранин, Б. Никольский, Я. Самойлов, Б. Стругацкий, М. Чулаки), среди которых оказался и юрист – председатель российского комитета адвокатов в защиту прав человека Ю. Шмидт, в 1994 г. обратилась с открытым письмом к президенту Б. Ельцину¹. Это письмо, наполненное заботой о контроле за преступностью, совершенно игнорирует проблему прав человека, что возмутило даже выдавших виды юристов. Вот, что написано по этому поводу в редакционной статье журнала «Государство и право»: «В письме, напоминающем по стилю «воплъ души», содержатся безотлагательные требования: ввести обязательную регистрацию граждан в местах их временного проживания по всей России, в ночное время патрулировать города армейскими нарядами, снижать наказания исполнителям преступлений, помогающим следствию изобличать их организаторов, использовать негласные оперативно-технические данные в качестве доказательства в суде, перейти к тюремному содержанию осужденных, «как это принято в большинстве стран», шире практиковать пожизненное одиночное заключение и т. д. и т. п. Создается впечатление, что рукой интеллигентов водил полицейский вахмистр, или тюремный надзиратель, или кто-то, очень заинтересованный, подсунул им текст, смысл которого они не смогли понять, либо подписали его «не глядя». Эти наивные люди думают, что полицейско-карательные меры спасут Россию от преступности, и не понимают, что ее причины – в большой экономике, утрате моральных устоев, культе насилия, деградации части молодежи, физической и моральной, и в других пороках общества, устранить которые не могут ни репрессии, ни тюрьмы»².

Чеченская война сделала позицию непримиримости довлеющей. В марте 2000 г. в телевизионной программе Б. Ноткина выступал певец И. Кобзон. Разговор шел о необходимости борьбы с преступностью и коррупцией, о морали и нравственности в нашей повседневной жизни.

¹ Сегодня. 5 февраля 1994.

² Частная жизнь (Правовые аспекты)/Государство и право. 1999. № 1.

В связи с этим Кобзон с нескрываемой грустью вспоминал советское время, когда все «было так хорошо, мы пели песни хором, гуляли по ночам, целовались в подъездах, окна были настежь, страха не было». На замечание Ноткина, что в это время арестовывали людей, Кобзон, не долго думая, ответил: «Ну это касалось политиков». В ответ телеведущий напомнил о ГУЛАГе, но Кобзона это несколько не смутило, и он тут же возразил: «А что ГУЛАГ? ГУЛАГ работал на страну. Заключение дело делали».

Вот еще один пример. Весною 2000 г. в газете «Монд» было опубликовано письмо французского философа Андре Глюксмана и примкнувших к нему двухсот интеллектуалов под названием «Ужас бродит по Европе». Письмо было посвящено действиям России в Чечне. 3 апреля 2000 г. российские деятели культуры – кинорежиссер Н. Михалков, скульптор З. Церетелли, пианист Н. Петров, вице-президент РАН Н. Лаверов, певец А. Градский и др. распространили свой ответ на это письмо, который надо читать и помнить. Как справедливо отметила О. Седакова, это «отпор врагу» в духе 37 года¹. Основное содержание сводится к незамысловатому тезису: «На Западе не знают и не любят Россию». А раз так, значит, противостояние с Западом должно стать нормой нашей жизни. История помнит, что это было и каков результат противостояния цивилизованному миру. Нас не будут больше понимать, если мы будем вечно стоять в стойке боксера.

Возвратимся к чеченской войне. Существует точка зрения, несколько противоположная мнению Б. Кагарлицкого о геноциде. Вот точка зрения по этому поводу доктора исторических наук, чрезвычайного и полномочного посла в отставке В. Ступинина²: геноцид возможен, и «военная победа» такой ценой тоже возможна. Судя по всему, к тому и идем. Геноцид чеченского народа не какая-то отдаленная перспектива, за которую еще только «выскажутся» либеральные и «национально мыслящие» интеллектуалы и кровожадные обыватели.

Наше государство, продолжает В. Ступинин, давно уже занимается истреблением чеченцев, может быть и не тотальным, но весьма ощутимым для этого народа. При этом оно обходится без принятия каких бы то ни было компрометирующих решений. Война даже не объявлена. И любое беззаконие прикрывается фарисейскими эвфемизмами. А чеченцы гибнут, изгоняются с родной земли, лишаются исторической памяти. Люди вполне конкретной национальности, и именно

¹ Седакова О. Страдающие отпором. Чем «Бомонд» ответил «Монду» // Новая газета. 2000. № 15.

² Ступинин В. Марш-бросок к геноциду // Общая газета. 13-19 апреля 2000 г. № 15

этой национальности. Потому и есть все основания говорить об этноциде как одной из главных разновидностей геноцида. Геноцид в отношении чеченского народа, по мнению В. Ступишина, является свершившимся фактом, и, по большому счету, известны главные обвиняемые, которые заслуживают своего Нюрнбергского процесса. Нет только коллективного, общенародного осознания той моральной и правовой пропасти, в которую попало наше недоразвитое и совсем не гражданское общество и государство, так и не ставшее правовым и демократическим. А при нынешних политических тенденциях нашей стране и надеяться, выходит, не на что.

Приведенные выше материалы из периодической печати времен Первой и Второй чеченских войн и последующих за ней несколько лет четко демонстрируют внутреннее состояние российского общества и его отношение к войне. Были различные подходы, понимание путей решения проблемы, но во всех признается жестокость данной войны, хотя ее кто-то оправдывал, а кто-то резко осуждал. Не смотря на то, что уже давно завершилась война в Чечне, мира нет, и самое главное, нет внутреннего ощущения этого мира в обществе. «Дело в том, что многолетний российско-чеченский конфликт не разрешен, он загнан вглубь. Сегодня мир в Чечне можно назвать миром в минимальном значении слова – отсутствия войны. Вместо реального политического решения и интеграции региона в общероссийскую действительность все последние годы мы наблюдали имитацию этих процессов. В результате та модель урегулирования ситуации в Чечне, которая существует сейчас, не способна привести к долгосрочному миру. Эту модель можно трансформировать бескровно, точнее это пока еще можно сделать с минимальными всплесками нестабильности»¹.

Чеченская война – одна из самых жестоких карательных акций в истории человечества. Она может завершиться только временным успехом – и все вернется на круги своя, как после 1944 г. Очевидно, наступит время, когда русским интеллектуалам будет стыдно за сегодняшнюю военную истерию. Она, несомненно, уйдет в прошлое, а может, к сожалению, только их потомки, поймут, что чеченцы не враги, что они не хуже русских, они просто – другие. С иным менталитетом, с иной терпимостью к фрустрации, т. е. к ущемлению своих притязаний, потребностей, устремлений.

Проблемы становятся неразрешимыми, когда политики в силу своих амбиций уклоняются от переговоров или стремятся навязать пе-

---

¹ Чечня все больше отделяется от России. Новая газета. № 68 от 1 июля 2015 г.

переговоры «по своим правилам». Б. Ельцин отказался в свое время от переговоров с Д. Дудаевым, когда еще было можно предотвратить бескомпромиссную войну. За то, что была упущена возможность мирного решения чеченского вопроса, несут ответственность политики обеих сторон. Без осознания этого общество не будет застраховано от роковых последствий радикализма, нетерпимости, политической амбициозности, заслоняющих жизненные интересы народа.

Подытоживая сказанное о Чеченской войне, отметим, что в обыденном сознании существует стойкое заблуждение, что чеченскую проблему можно решить силовыми методами, если действовать решительно, «как Сталин». Очень отчетливо эта позиция выражена на страницах «Независимой газеты» И. Стрелковым. Мировая история только XX века знает десятки партизанских войн и свидетельствует: выиграть такую войну может любая из противоборствующих сторон. Отечественный опыт также богат и разнообразен. И нам есть, что вспомнить. По самым скромным подсчетам, с конца Гражданской войны и до развала СССР страна пережила не менее десятка антипартизанских войн. Вот наиболее известные из них: растянувшаяся почти на 20 лет борьба с басмачеством в Средней Азии; «разоружение» Северного Кавказа (включая весьма тяжелые и кровавые операции в Чечне) в 30-х годах; борьба с бандформированиями в Чечне и Ингушетии в 1942-1944 гг., завершившаяся депортацией; Западная Украина и Прибалтика с ее «лесными братьями» в послевоенные годы; наконец десятилетняя война в Афганистане. И это не считая нашу «шефскую» помощь во Вьетнаме, Лаосе, Никарагуа, Эфиопии, Анголе и т. п. Даже поверхностный анализ, подчеркивает И. Стрелков, свидетельствует, что на своей собственной территории наша государственная машина всегда находила силы подавить вооруженные наступления партизанского характера¹.

Один из принципиальных уроков межнациональных противоречий в республиках СССР, Чеченской войны – историческая исчерпанность, контрпродуктивность насилия в политике, использования силового давления властью в решении политических проблем. Политические противоречия, расхождения, столкновения интересов и амбиций – неустраняемый элемент политического процесса. Но это давно уже не значит, что противоречия должны разрешаться исключительно путем жесткой конфронтации и насилия.

Повторимся: это глубокое заблуждение обыденного, а точнее, обывательского сознания. Сталин не решил чеченскую проблему, не

¹ Стрелков И. Чем чревата бесконечная амнистия боевикам? Независимая газета. 4 апреля 2000 г.

добился победы в борьбе с партизанами Прибалтики, Западной Украины и т. п. Он просто временно загнал эти проблемы вглубь, передал решать их другим поколениям. Мало того, именно его «победа» над целыми народами породила сегодняшнюю русофобию. Свое начало сталинские методы имеют в так называемой «ленинской национальной политике», когда в первые годы советской власти волюнтаристски проводились границы между республиками без учета мнения населения Нагорного Карабаха и Нахичевани, Бухары и Самарканда, Оренбуржья и Казахстана и т. п. Результатом этой политики стало ожесточение межнациональных противостояний на рубеже XX-XXI веков.

3.4. Самоидентификация и восприятие народами друг друга как фактор напряженности в межнациональных отношениях

В постмодернистских обществах в условиях быстрых смен сценариев социальной действительности встревоженность проблематичностью самоидентификации индивида зародилась в среде психологической науки и в последующем актуализировалась во всех сферах социально-гуманитарной науки. Тогда и приходит понимание, что самоидентификация индивида необходима не только для адаптации и интеграции в сложившуюся социальную действительность, но и для формирования духовной целостности и самости субъекта, на основе этнокультурной самобытности. Этнокультурная самобытность нации в поликультурном пространстве, как социальная память, вырабатывается объективной историко-культурной реальностью в течение длительного времени и поэтому способна обеспечивать, с одной стороны, культурную преемственность, а с другой – духовное выживание в условиях постоянного инокультурного и псевдодуховного давления на индивида. Любой этнос, доживший до настоящего времени, пережил в своем историческом развитии множество случаев внешнего воздействия на социально-экономические, политические и даже духовные основания собственной самобытности, но именно способность этноса самоидентифицировать своих представителей в соответствии со сложившимся духовным стержнем, обеспечивала его выживаемость. Но в XX веке кардинально изменились условия и предпосылки противоречий этнокультурной и национальной самоидентификации индивида. Анализ современной ситуации самоидентификации индивида показывает, что основные противоречия возникают не только под влиянием внешних факторов, насильственно навязанных извне в виде инокультурных и псевдодуховных начал, но и

внутренним искажением духовных потребностей представителя этноса, приводящим к подмене его духовных ценностных представлений и ориентиров теми установками и целями, которые способны удовлетворять утилитарные интересы. На все стороны жизни любого общества, в том числе и жизнедеятельности этносов, основное влияние оказывает прагматика – приоритетное значение приобретает та система ценностей, которая способна производить практический результат и отвечает прагматичным потребностям индивида.

После распада СССР все чаще на митингах и в выступлениях радикалов в средствах массовой информации начинает звучать требование: «Россия для русских!». Нам представляется, что в этом плане был прав Р. Абдулатипов, считающий, что «идеология развала и разгона Советского Союза сконцентрирована в понятии «нацмен»; он подчеркивает, что совершенно неправильно и однобоко объяснять распад Советского Союза одним лишь «пробуждением национального самосознания»¹. Процессы, связанные с распадом Советского Союза в начале не были связаны этническими и этнополитическими причинами. Преобладающим фактором событий все таки были социально-экономические, и главное, политические причины. Источником распада страны стали не культура или народы, а «политики и политиканы», которые использовали этнический вопрос для привлечения массы в центробежные процессы.

В период распада и в последующие за ним годы в России наблюдается процесс роста национализма. Начинают открыто функционировать крайние националистические организации, которые при стечении обстоятельств были готовы осуществлять насильственные действия в отношении представителей других наций и сил правопорядка. Как отмечает руководитель Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, генерал-майор милиции С. Гирько в настоящее время в стране орудуют более 150 радикальных группировок неонацистской направленности. Несмотря на все усилия со стороны властей «В настоящее время в России наблюдается заметный рост националистических настроений, доказательством чему служит не только деятельность русских националистических группировок и организаций, но и миллионы поданных за ЛДПР голосов, значительная часть которых принадлежат националистически настроенным избирателям, а также активизация сепаратистских настроений в национальных республиках Российской Федерации»².

¹ Абдулатипов Р. Этот укус смертелен. Мой ответ националистам//НГ. Сценарии. 2000. № 4.

² Ильченко Д.А., Смирнова Н.П. Проблема национализма на современном этапе развития общества // Право и современные государства. 2015. №1. С.87-98

Националистические тенденции в России усилились в конце 90-х годов XX века и, по мнению исследователей данной проблемы, остается одним из влиятельных факторов в политической жизни страны. Национализм влияет не только на принятие государственных политических решений, но часто становится фактором устрашения или политического прикрытия в процессе борьбы за власть различными политическими целями. Несмотря на многовековую историю существования многонациональности и поликультурности национализм в нашей стране часто выступает разменной монетой в политических процессах, что влияет на его специфику. А. Верховский, определяя специфику русского национализма, пишет, что он странным образом не соответствует роли русских как народа имперской метрополии. Он основывается преимущественно не на чувстве превосходства, а на страхе перед более сильными врагами. Именно так устроен миф антисемитизма. Наверное, поэтому антисемитизм легко сдал позиции другой ненависти – к кавказцам. Кавказофобия имеет сегодня более реальные основания, чем юдофобия. Каждый из нас, наверное, вспомнит примеры, когда люди, казалось бы никогда не допускавшие даже условных антисемитских высказываний, легко позволяли себе грубые выпады в адрес чеченцев или азербайджанцев¹.

Еще в начале 2000-х годов Р. Абдулатипов, полемизируя с Александром Севастьяновым, отмечал, что, по его мнению, лозунг «Россия для русских» не лучшие, чем тот, который провозглашал в свое время Гитлер: «Германия для немцев». Помню, пишет он, и Гамсахурдия мне доказывал, что его лозунг «Грузия для грузин» отвечает интересам грузинского государства. «Чечня должна стать чеченским государством», – говорил Дудаев. Где проходят реальные границы этих государств сегодня и каково положение народов, взбудораженных националистами? Суть в том, что права и свободы гражданина не должны быть ограничены по национальному, религиозному, расовому или иному признаку, а национальная принадлежность не должна давать гражданину какие-либо преимущества по отношению к другим гражданам². Начало строительства федеративного демократического государства в России отождествлялось предоставлением свобод, связанных национальной самобытностью и культурой. В 90-х годах так и произошло – идея национальной и культурной самобытности воплощалась политическими решениями субъектов Федерации. Но, сравнивая степень функциональности национальных идей при принятии экономических, политических и социально-

¹ Верховский А. Национализм – это даже не чувство превосходства, а страх перед более сильным. //Общая газета. 1999. № 52

² Абдулатипов Р. Этот укус смертелен. Мой ответ националистам//НГ. Сценарии. 2000. № 4.

культурных решений на уровне субъектов Федерации в 90-х годах и в настоящее время, приходится констатировать, что субъекты утратили свои полномочия. Для примера можно привести ситуацию с национальными языками и их преподаванием в школах. Формально нет никаких ограничений, нет директив или законов, отменяющих право этноса на свой язык и культуру, но нет и средств для реализации данных прав. Невозможность реализовать идеи национальной и культурной самобытности приводит к усилению влияния националистических идей, основанных уже не на праве и свободе, а на завоевании и насилии. Это естественный процесс, заложенный в индивида, который в течение всей своей жизни ищет стратегии своей самоидентификации.

Проблема культурной и национальной самоидентификации индивида в поликультурном пространстве особую актуальность приобретает во второй половине XX века. Общество в своем развитии пережило множество кризисов, но трансформационные процессы в современном социуме затрагивают духовные основы жизнедеятельности не только отдельного человека, но и целых народов и национальностей, обостряя проблему существования культурного и духовного многообразия социальной действительности. Неуправляемые трансформации в постмодернистских обществах, связанные с разрушением механизмов этнокультурной и национальной самоидентификации индивида, несут в себе реальные угрозы утраты исторического и духовного единства этноса, отчуждения собственных культурных и этических традиций, подмены этнических нравственных ценностей. Длительное сосуществование этносов в едином социальном пространстве, позволило этносам выработать механизмы не только взаимодействия, но и обеспечения языковой, культурной целостности и духовной самостоятельности. Но в сложившихся условиях и темпах развития современного общества, этносы не успевают вырабатывать адекватные ответы на трансформационные вызовы духовных основ жизнедеятельности этноса, приемлемых для нормального функционирования механизмов этнокультурной и национальной самоидентификации индивида, что приводит к неспособности индивида разграничивать собственное и чужое в поликультурном пространстве. Современные реалии требуют не только регуляцию процессов духовного развития индивида, но и возникает необходимость управления механизмами его этнокультурной и национальной самоидентификации посредством формирования оптимальных условий трансляции, освоения и осмысления этнических духовных основ, способствующих становлению этноориентированного самосознания представителей этноса.

Чтобы понять, по каким основаниям в реальной жизни проводится деление на «своих» и «чужих», обратимся к данным социологических исследований, показывающих, как самоидентифицируются отдельный индивид и целые народы и как они выглядят в глазах других, тех, кто находится с ними в постоянных контактах.

Вначале обратимся к социологическим исследованиям, проведенным в России. Среди подобных работ следует выделить междисциплинарное исследование З. В. Сикевич «Национальное самосознание русских», проведенное на стыке этнологии, социологии, истории, политологии, что дает автору возможность проанализировать процесс изменения национального сознания и самосознания русских в момент разложения традиционных стереотипов и формирования нового национального характера¹.

В первой части работы «Народ и государство» речь идет о русских как о титульном народе Российского государства. Здесь автор рассматривает народ сквозь призму этнической истории и политики России, «ибо русских не без основания считают одним из самых «державных» народов Земли». Вторая часть – «Русские сегодня» – полностью посвящена анализу результатов комплексного исследования «Национальное самосознание русских» (Санкт-Петербург, 1994 г., репрезентативная выборка), дополненных материалами опроса жителей четырех регионов России и Украины («Советский менталитет в русском сознании». 1995 г., квотная выборка). Данные исследования советского менталитета, включающие в выборку, кроме Петербурга, еще и российскую глубинку (г. Мичуринск Тамбовской области), «столицу» донского казачества (г. Новочеркасск) и один из центров компактного проживания русских на Украине (г. Черновцы), позволили автору прийти к выводу, что региональная обусловленность этнических проявлений заметно уступает половозрастным и социальным факторам.

Таким образом, респондент как бы сам составлял образ модальной личности своего народа. Данный вопрос привлек внимание 71,3 % опрошенных. Всего было названо 304 автостереотипа, в том числе 230 понятий и 74 оценочных суждения, развернутых в предложения, которые содержались в 2125 ответах. Если попытаться представить «образ» типичного русского, составленный коллективными усилиями участников опроса (своего рода моральную личность), то мы получим следующий портрет.

---

¹ Проблемы национального самосознания русских: этнические стереотипы населения/Серия: Социологические исследования в России: материалы социологических центров и служб.-М., 1998

Портрет русского человека (В % к числу ответивших на вопрос)

Качества		% ответивших	Качества		% ответивших
1.	Доброта	37,6	10.	Открытость	8,4
2.	Терпение	22,1	11.	Пьянство	7,6
3.	Гостеприимство	18,4	12.	Отзывчивость	7,4
4.	Трудолюбие	17,4	13.	Простота	7,4
5.	Лень	12,4	14.	Щедрость	6,5
6.	Дружелюбие	12,0	15.	Честность	6,0
7.	Широта души	10,4	16.	Терпимость	6,0
8.	Патриотизм	9,5	17.	Сострадание	5,4
9.	Доверчивость	9,5	18.	Безалаберность	5,3

Таким образом, наиболее популярными качествами, отмеченными респондентами, являются доброта, терпение, трудолюбие, гостеприимство и лень. При этом хотелось бы отметить, что, во-первых, из пяти наиболее часто называемых качеств только одно носит в себе ярко выраженный отрицательный характер, а остальные четыре в русской культуре вполне однозначно трактуются как положительные. В целом же по таблице соотношение еще более категорично: из 18 качеств 15 респондентами были отмечены как положительные и 3 как отрицательные. А во-вторых, любопытен тот факт, что даже в первых пяти характеристиках мы можем найти явное противоречие: лень идет сразу следом за трудолюбием, что, как может показаться на первый взгляд, довольно сложно совместить.

Интересные результаты получены Фондом «Общественное мнение» на основе результатов общероссийского опроса в феврале 1995 г. Так, данные, полученные в контексте современных дискуссий о «русском вопросе» и русской нации (см. таблицу 2), как считают И. М. Клямкин и В. В. Лапкин, мало соотносятся с умозаключениями тех идеологов и политиков, которые прогнозируют судьбу русской нации и стремятся ускорить ее формирование, опираясь на такие качества русского народа, как «приоритет духовного над материальным», антипотребительская идеология, «вера в общечеловеческую миссию России», тяготение к «высшим смыслам и ценностям»¹. Конечно, неправомерно было бы сразу же исключить подобные качества русских из списка им присущих, но довольно красноречив тот факт, что в подавляющем большинстве русский народ не верит в свою особую «об-

¹ Клямкин И.М., Лапкин В.В. Русский вопрос в России. «Политические исследования». 1995, № 5, стр. 78-96

щечеловеческую миссию», и стремление к «поискам правды, высшего смысла» указывается сравнительно немногими. Как отмечают те же авторы, в данном отношении несколько выделяются лишь представители частного сектора и интеллигенция (некоторые категории работников бюджетной сферы, специалисты с высшим образованием), которая по этой части выделялась всегда, а также – но уже в противоположную сторону – нынешние учащиеся и студенты, которые обеспокоены поиском «высшего смысла» меньше других. На основании этих данных авторы делают вывод о том, что отвлеченный («метафизический») идеализм русской интеллигенции, похоже, действительно становится достоянием истории, а на смену ему идет, скорее всего, вариант некоего синтеза прагматизма и идеализма.

Таблица 2

Качества, отличающие русский народ от других народов (Данные в %)

	Можно ли считать, что какие-либо из перечисленных качеств отличают русский народ от других народов? Если да, то какие именно?										
	Воля к свободе, независимости	Национальное единство, сплоченность	Готовность переносить трудности и испытания	Вера в особое историческое предназначение, историческую миссию	Готовность к защите отечества любой ценой	Стремление к поиску правды, высшего смысла	Великий глас	Славное прошлое, героическая история	Готовность жертвовать личными интересами ради государства	Ничего из этого не отличает	Затрудняюсь ответить
Население в целом	30	21	61	12	49	20	29	40	21	6	9
Директора	28	13	75	17	47	22	32	46	40	3	4
Председатели	36	27	71	14	62	22	34	44	32	2	2
Предприниматели	19	10	65	15	46	26	36	49	26	6	4
Фермеры	36	18	67	20	54	29	36	47	23	5	1
Управленцы	30	19	56	12	47	18	27	37	21	9	10
Офицеры	31	16	69	11	55	18	42	57	37	4	3

Можно ли считать, что какие-либо из перечисленных качеств отличают русский народ от других народов? Если да, то какие именно?

	Вера в свободу, независимость	Национальное единство, сплоченность	Готовность переносить трудности и испытания	Вера в особое историческое предназначение, историческую миссию	Готовность к защите отечества любой ценой	Стремление к поиску правды, высшего смысла	Великий язык	Славное прошлое, героическая история	Готовность жертвовать личными интересами ради государства	Ничего из этого не отличает	Затрудняюсь ответить
Рабочие	33	20	62	11	48	17	26	40	21	7	10
Колхозники	29	18	51	13	46	19	28	32	18	12	8
Бюджетники	27	22	67	12	50	24	27	38	26	9	5
Студенты	23	19	63	13	52	9	37	42	17	4	4
Пенсионеры	30	24	61	15	53	23	34	45	23	5	9
Безработные	33	13	59	14	37	24	32	36	24	5	7
Мужчины	34	21	60	12	50	19	30	44	22	7	8
Женщины	27	21	62	12	48	21	29	37	21	6	9
Начальное образование	22	21	53	16	52	21	26	36	21	11	12
Неполное среднее	25	18	56	9	43	19	31	39	19	5	14
Среднее образование	29	19	59	10	46	15	26	37	15	6	10
Среднее специальное образование	33	23	63	14	51	21	30	41	23	6	7
Высшее образование	33	21	66	15	54	29	36	45	29	6	5
16-25 лет	29	19	56	12	47	14	30	41	17	7	8
26-35 лет	27	20	60	14	43	19	24	36	21	8	10
36-45 лет	29	20	66	9	49	19	27	37	17	5	7

Представление россиян о том, какие признаки обязательны для русского человека (Данные в %).

	Обязательными признаками русского человека являются											
	Говорит на русском языке	Вместе с родными языками	Вместе с родными языками	Считает себя русским	Любит русскую культуру, обаяние, традиции	Придерживается традиционной морали	Живет в России	Любит Россию, считает ее своей Родиной	Вместе с общими русскими признаками	Вместе с языком родным	Вместе с языком родным	Вместе с русскими чертами
Население в целом	80	56	51	79	84	43	32	87	24	51	22	50
Директора	84	45	31	76	83	27	18	93	14	45	10	45
Председатели	75	53	47	79	84	37	32	92	21	55	25	48
Предприниматели	79	33	31	80	79	29	14	82	13	38	12	40
Фермеры	79	60	47	81	82	44	28	92	16	52	27	53
Ученые	79	48	38	79	85	23	17	87	20	45	19	45
Офицеры	80	51	38	73	77	27	23	88	14	46	15	52
Рабочие	79	58	53	79	87	42	30	86	20	52	18	48
Колхозники	81	61	54	78	81	45	35	90	22	50	26	52
Бюджетники	77	53	45	77	84	39	25	83	22	48	16	44
Студенты	76	55	54	75	87	36	23	84	22	58	21	53
Пенсионеры	85	64	61	85	89	55	44	90	33	54	30	58
Безработные	78	52	44	83	86	45	30	89	34	42	23	57
Музыканты	80	55	50	79	82	37	31	87	24	49	23	49
Женщины	80	56	52	80	85	48	33	87	23	53	22	51
Начальники	89	76	72	90	91	61	49	93	37	57	40	62
Образование												

	Обязательными признаками русского человека являются													
	Готовит на русском языке	Извест российское право- досто	Извест в иностране язык— русский	Считает себя русским	Любит русское искусство, обычаи, традиции	Признается чуждо- стиной язык	Живет в России	Любит Россию, считает ее своей Родиной	Извест обоим русским языкам	Извест одному русскому языку	Извест русскому языку иностран- ному	Извест русскому языку иностран- ному	Участие в этнокультурно- материальных или со- циальных	Участие в этнокультурно- материальных или со- циальных
Нижнее среднее	83	63	68	84	89	50	37	92	33	55	30	54	32	33
Среднее образование	80	56	53	79	83	40	32	86	21	50	20	51	26	26
Среднее специальное образование	79	52	43	75	82	41	31	84	22	49	20	47	26	26
Высшее образование	76	47	42	83	84	39	24	89	19	49	20	46	26	26
16-25 лет	78	50	50	77	81	31	25	85	22	51	22	48	20	20
26-35 лет	78	51	43	76	81	44	27	85	19	46	19	45	25	25
36-45 лет	77	56	48	80	82	42	29	86	19	50	16	46	26	26
46-55 лет	81	56	49	80	87	40	32	87	24	50	24	53	28	28
старше 55 лет	84	61	59	82	87	52	42	88	31	53	28	57	33	33

Как показывает статистические данные, критериями самоидентификации русского человека, в большинстве своем, основывается территориальной и государственной общности, родным языком и культурой. Интересен также тот факт, что при возможно разном наполнении понятия «русский характер» (этническом, культурно-психологическом) упор на данный признак значительными группами респондентов в качестве обязательного весьма симптоматичен. И. М. Клямкин и В. В. Лапкин не исключают возможности того, что мы имеем дело со специфической реакцией на вторжение в привычный и устоявшийся уклад принципиально иной и непривычной экономической и политической культуры и, соответственно, иных и непривычных стандартов поведения и типа личности, которые выглядят чуждыми, несовместимыми с традицией, «нерусскими».

Идентичный опрос общественного мнения была проведена ВЦИОМ в 2013 году¹. Один из вопросов опроса был «Кого бы Вы могли назвать русским?». Респонденты, отвечая на вопросы, должны были выбирать один из 8 предложенных ответов. Ответы расположились следующим образом:

Таблица 36

Кого бы Вы могли назвать русским? (в %)

1	Того, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры	35
2	Того, кто русский по происхождению, по крови	16
3	Того, для кого русский язык является родным	14
4	Того, кто честно трудится во благо России	11
5	Того, кто считает себя русским	10
6	Того, кто придерживается русской православной веры и ее традиций	6
7	Того, кто проживает на территории России	5
8	Затрудняюсь ответить	2

Сопоставление данных середины 90-х годов XX века и 2013 года показывают, что основным критерием представлений о русском человеке и в первом, и втором случае выступает внутренние ощущения самого человека.

Представляют интерес данные опроса, проведенного РНИСиНП летом 1995 г. на выборке в 1464 человека в 12 регионах России, о том, как в сознании россиян фиксируется и рационализируется понимание

¹ Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы// wciom.ru/index.php?id=238&uid=114379

национальной принадлежности¹. Анализ показывает, что наибольшее число голосов собрали сакральная и этно-историческая трактовка национальной принадлежности. Но А. Г. Здравомыслов обращает внимание и на тот факт, что более 1/10 из всего массива респондентов склоняются к суждению об устарелости самого понятия «национальность», а при 31,5 % выражающих безразличие к фиксированию национальности в паспорте и 23, 1 % считающих, что она там записываться не должна, можно говорить о некоторой тенденции преодоления этнического понимания нации в пользу ее гражданского толкования.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие из приведенных ниже высказываний полнее всего выражают Ваше понимание национальности?»

Суждения	% к числу опрошенных
Национальность дана человеку от природы или от Бога и менять ее нельзя	48,6
Благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, о Родине и ее истории	48,2
Каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью	41,2
Национальность – это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей	16,4
Не только в будущем, но уже и сейчас понятие национальности в значительной мере устарело	11,8
Человек вправе сам выбирать свою национальность	9,7
Национальность – это то, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу	6,3

Итогом глобального исследования существующих в обществе норм и запретов является коллективная монография под общей редакцией И. Г. Дубова². В ней анализируются данные опросов общественного мнения, проведенных в 1993 г. фондом «Общественное мнение» на выборке 3483 человека и в 1995 году ВЦИОМ на выборке в 1599 человек, которые были посвящены динамике целей и ценностей в различных половозрастных и социальных группах.

Статистические данные говорят о том, что доминирующей группой во всех группах являются традиционные русские ценности, одновременно с критическим отношением к ценностям советского периода

¹ Здравомыслов А.Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания русских// Социологические исследования. 1996. № 2.

² Дубов И.Г. Ментальность россиян. – М., 1997.

и ценностям западной культуры. Но авторы аналитической статьи, в которой приводятся эти данные, Клямкин и Лапкин отмечают, что подобное положение не является показателем массовой предрасположенности к русскому этническому национализму, а лишь указывает на то, что «образ нации и государства люди предпочитают искать не в зарубежном настоящем и не в советском прошлом, а в более глубинной отечественной традиции. Вместе с тем, они (данные) свидетельствуют о ненайденности этого образа...»¹.

Таблица 5

Ценностные ориентации социально-профессиональных и социально-демографических групп российского общества (данные в %)

Категории опрошенных	Ценности, на которые должна ориентироваться Россия							
	Только западные	Только традиционно русские	Только советские	Западные и традиционно русские	Западные и советские	Традиционно русские и советские	Западно-русско-советские	Затрудняюсь ответить
Население в целом	4	46	16	7	1	11	3	13
Директора	2	52	11	13	0	12	6	4
Председатели	1	43	25	1	1	20	4	4
Предприниматели	8	37	4	15	2	9	7	8
Фермеры	2	53	8	11	3	9	7	8
Управленцы	4	38	5	13	1	24	10	4
Офицеры	5	48	9	11	1	8	6	10
Рабочие	4	43	13	7	0	12	5	16
Колхозники	2	48	13	7	0	12	5	16
Бюджетники	1	47	21	6	1	7	3	13
Студенты	11	36	16	13	1	4	6	12
Пенсионеры	1	52	16	2	1	15	1	11
Безработные	4	46	10	11	0	8	3	15
Мужчины	5	46	14	7	1	9	4	12
Женщины	3	45	17	6	1	12	2	13
Начальное образование	2	42	25	1	0	14	3	13
Неполное среднее образование	2	50	15	3	0	15	4	10

¹ Клямкин И.М., Лапкин В.В. Русский вопрос в России. «Политические исследования». 1995, № 5, стр. 78-96

Категории опрошенных	Ценности, на которые должна ориентироваться Россия							
	Только западные	Только традиционно русские	Только советские	Западные и традиционно русские	Западные и советские	Традиционно русские и советские	Западно-русско-советские	Затрудняюсь ответить
Среднее образование	5	46	15	6	1	9	2	16
Среднее специальное образование	4	46	16	7	1	10	4	11
Высшее образование	3	44	13	13	0	10	4	12
16-25 лет	9	41	12	11	0	5	6	16
16-35 лет	6	43	13	7	1	9	4	16
46-55 лет	0	45	19	7	0	15	4	8
старше 55 лет	1	50	17	3	1	14	2	12

Любопытно, что наибольшую среди всех групп приверженность чисто западным ценностям высказывают студенты, а за ними предприниматели. В этой связи интересно сопоставить эти данные с данными таблицы 2, свидетельствующими, что именно студенты показали наименьшую склонность к поиску правды, высшего смысла в качестве отличительной черты русского народа. Наименьшую же приверженность западным ценностям проявляют председатели, бюджетники и пенсионеры. Наибольшую склонность к ценностям чисто советским проявили председатели, колхозники и бюджетники, а к западным и советским ценностям – фермеры, при том что ценности западные и советские популярностью практически не пользуются. На традиционно русские и советские ценности больше склонны опираться управленцы и председатели, а также люди от 46 лет и старше, на традиционно русские и западные – предприниматели, директора и студенты, а также люди от 16 до 25 лет.

В особом рассмотрении нуждается группа управленческой бюрократии, так как именно она является наименьшей приверженницей ценностей «чистых» и наибольшей – ценностей «смешанных». По мнению исследователей, это служит симптомом активного поиска бюрократией ценностных основ для консолидации в меняющихся обстоятельствах и сохранения лидерских позиций. И тот факт, что только в управленческой среде численность приверженцев "смешанных" ценностей превышает

численность приверженцев ценностей «чистых», говорит о более острой и осмысленной, чем в других группах, реакции чиновничества на новую реальность и новые задачи, связанные с формированием нации и строительством национального государства в России¹.

Если в описанном выше исследовании речь шла о ценностях индивидуальных, личностных и во многом интернациональных, то есть признанных практически в любом сообществе (вопрос лишь в степени), то интересным представляется также вопрос о ценностях, на которые, по мнению респондентов, должна ориентироваться Россия. Эти данные были получены на основе общероссийского опроса, проведенного проектом «Томская инициатива».² Анализ результатов исследований позволяют выстраивать иерархию ценностей и ценностных ориентаций мужчин и женщин.

Таблица 6

Иерархия ценностей и ценностных ориентаций мужчин и женщин

мужчины		женщины	
1.	обеспечить счастье моих детей	1.	обеспечить счастье моих детей
2.	иметь хорошую семью	2.	иметь хорошее здоровье
3.	иметь хорошее здоровье	3.	иметь хорошую семью
4.	иметь хорошую работу	4.	родить и воспитать сына/дочь
5.	понять смысл жизни	5.	дать своим детям хорошее образование
6.	быть честным, порядочным человеком	6.	прожить интересную, яркую жизнь
7.	родить и воспитать сына/дочь	7.	иметь материальный достаток

Представляет интерес рассмотреть и межполовые различия в системе ценностей, также мало изменившиеся за два года. Таким образом, стереотипные представления о мужчинах и женщинах, о мужской и женской психологии и о тех ценностях, которые традиционно полагают «женскими» или «мужскими», вполне подтвердились эмпирически.

М. В. Савва в своей монографии «Этнический статус» высказал интересное предположение, будто этносы, считающие, что их основные черты относятся к сфере теплоты и гуманизма, являются «низкостатусной группой» в конкретном сообществе. По его мнению, славяне сегодня осознают свою неспособность «конкурировать с этническими группами, приспособленными к жесткой конкуренции за материальные блага и соци-

¹ Там же.

² Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы/ Отв. ред. Рабов А.В., Курбангалеева Е.Ш. – М. 2003. – 488 с.

альный статус»¹. Он считает, что можно говорить о «специфическом комплексе неполноценности, понимании своей неспособности конкурировать с другими этническими группами в жестких правилах рынка»².

Этнические группы, имеющие комплекс неполноценности, испытывают неприязнь к этносам, для которых «наиболее частотны сплоченность, взаимная ответственность и взаимная помощь, традиционность». Далее М. В. Савва подчеркивает, что «приписывание себе в качестве основных добродетелей исключительно гуманистических, духовных идей является признаком относительно низкостатусной группы».

Эта точка зрения наверняка вызовет серьезные возражения. На наш же взгляд, она имеет серьезные основания. Другое дело, что на нее можно опираться только при анализе проблем своей нации, своего этноса. Этически недопустимо, некорректно по этому критерию анализировать проблемы другой нации, особенно если это касается народов, являющихся титульными нациями других государств. Можно и нужно гордиться духовностью своего народа, теплотой и широтой его национального характера. Нелепо выглядит утверждение, что «они материально обеспечены, живут лучше» потому, что духовно беднее. А вот мы, мол, такие хорошие, что для нас материальные проблемы на заднем плане, для нас главное коллективность, духовность, товарищество. Россиянам приписывать особую духовность, отличимую от духовности других народов, невозможно, тем более найти научное обоснование. Но, одновременно, по результатам социологических исследований и опросов³ общественного мнения можно констатировать, что криминализация и коррумпированность сегодняшней социально-политической жизни, резкое снижение интереса к духовно-культурным ценностям признается значительной частью населения. Респонденты также отмечают, как самокритику, неспособность обеспечить достойное существование себе, семье и всем членам общества на государственном уровне. Основной задачей респонденты признают необходимость научиться производить, вообще обучиться. Это не только забота отдельно взятой личности, но всего общества, государства, ибо эффективность его существования зависит от степени профессионального мастерства и просто обученности отдельной личности. Социологические данные Европейского социального исследования за 2014 год являются показательными в том смысле, что хорошо демонстрируют степень трансформации общественного мнения

¹ Савва М.В. Этнический статус (Конфликтологический анализ социального феномена) – Краснодар: Изд-во Кубанского университета, 1997.

² Там же.

³ Данные Европейского социального исследования (ESS) за 2014 год// <http://www.ess.ru/>

по сравнениями результатов исследования конца 90-х годов XX века и начала 2000-х годов.

Таблица 7

Соотношение удовлетворенности жизнью и экономическим состоянием

	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Насколько Вы удовлетворены нынешним состоянием экономики?
Совершенно не удовлетворен	2 %	9 %
1	2 %	5 %
2	3 %	9 %
3	7 %	15 %
4	7 %	13 %
5	19 %	20 %
6	13 %	10 %
7	19 %	8 %
8	16 %	3 %
9	6 %	1 %
Полностью удовлетворен	6 %	2 %
Затрудняюсь ответить	1 %	3 %
средняя	6,1	4,1

Таблица 8

Оценка уровня дохода респондентами

К какой группе по уровню дохода принадлежит Ваша семья?	J – 1st decile	4 %
	R – 2nd decile	6 %
	C – 3rd decile	6 %
	M – 4th decile	6 %
	F – 5th decile	9 %
	S – 6th decile	9 %
	K – 7th decile	12 %
	P – 8th decile	13 %
	D – 9th decile	12 %
	H – 10th decile	8 %
	Затрудняюсь ответить	16 %

По сравнению с предыдущими социологическими исследованиями в данных 2014 года¹ наблюдается изменение отношения к материальному благополучию. В таблице 7 наблюдается, что 1/5 респондентов видят

¹ Данные Европейского социального исследования (ESS) за 2014 год// <http://www.ess-eu.ru/>

связь между состоянием экономики вообще и своей удовлетворенностью в жизни. Но в первом и втором случае респонденты оценивают состояние экономики и своего благополучия как среднее. А крайние позиции таблицы показывают обратную корреляцию двух групп данных: только 2 % опрошенных совершенно не удовлетворены своей жизнью в целом, хотя при этом состоянием экономики не удовлетворены 9 % и наоборот – своей жизнью полностью удовлетворены 6 %, а экономикой – только 2 %. В следующей таблице наблюдается неоднозначность к материальному благополучию в обществе – 16 %, а это самая большая часть респондентов, не смогли оценить свой уровень дохода.

При этом определение и оценка своего материального благополучия в настоящем и ожидания в будущем не совпадают. Значительно большая часть опрошенных допускают возможность достижения материального благополучия и богатства в будущем. Стремление к достижению материального достатка и возможности оцениваются неоднозначно – 38 % респондентов напротив 20 %¹ хотели бы и видят себя в будущем богатыми.

Таблица 9

Отношение к материальному благополучию и богатству

Для него/ нее важно быть богатым	Очень похож на меня	13 %
	В значительной степени похож	25 %
	Немного похож на меня	25 %
	Чуть-чуть похож на меня	15 %
	Не похож на меня	13 %
	Совсем не похож на меня	7 %
	Затрудняюсь ответить	2 %

Социологические исследования разных лет, временной промежуток которых составляет до 20 лет, хорошо показывает изменения в структуре ценностных предпочтений населения. Эти исследования хотя и не проводились по одним и тем же лекалам, но позволяют делать вывод, что в критериях оценки своего благополучия фактор материального становится одним из основных показателей.

Обращение внимания структуре ценностных предпочтений современного российского общества и определение места материального благополучия в данной структуре неслучайно. Многие исследователи считают, что основным фактором межнационального согласия выступает общая и равноправная доступность этносам источников производ-

¹ Там же.

ства и средств распределения материальных благ, хотя духовная, социальная составляющая и политические полномочия при стечении определенных обстоятельств могут сыграть весьма важную роль. Другими словами межнациональный климат в полиэтническом обществе сильно подвержено влиянию таких факторов, как внутренняя оценка своего благополучия в общей иерархии ценностных ориентаций населения. На определенном этапе социальных отношений оценка своего индивидуального внутреннего состояния проецируется на различные социальные группы, в том числе этнические, создавая предпосылки для определенного поведения и деятельности.

Интересен тот факт, что в 1996 г. вышел двухтомник «Размышления о России и русских» в котором составителем С. К. Ивановым была сделана попытка систематизировать высказывания о русском человеке, представить его как уникальную живую личность в полноте противоречивых характеристик. Представления данного народа о самом себе включают понятия о том, как должно ему жить, чему он должен служить, каково его историческое призвание. Эти понятия всегда несут определенную степень идеализации¹. Другое дело – взгляд со стороны. Свидетельства иностранцев несут в себе следы страхов, чаяний, вытесненных желаний, которые вкладывались в представления о России – стране далекой, блаженной, страшной и манящей, стране чужого подсознания.

Для решения выбранных авторами данной книги задач не менее важное значение имеют высказывания о России, русском народе, звучащие с той стороны, откуда обычно слышались разглагольствования о великой и вечной дружбе между народами, т. е. из стран, когда-то составлявших одно, как показала история, искусственные государства. Безусловно, нельзя сравнивать неумное ликование среднеазиатских республик по поводу старшего брата со сдержанной благодарностью прибалтов за присоединение к «великой державе» в 1940 г. и последующую «экономическую помощь». В последнем предложении слово «благодарность», в отличие от двух последующих словосочетаний, не поставлено в кавычки сознательно: и политики, и ученые, и писатели всех тогдашних республик не упускали возможность для славославия. Не все, конечно, и не в разной мере, но многие. Об интернационализации и великой роли русского языка писали, в основном, национальные кадры. По пальцам можно сосчитать, кто занимался в большой науке национальными проблемами. Все роли, даже ключевые, были за национальными кадрами. Разница только в подходе к объекту исследования. Узбеки, та-

¹ Размышления о России и русских. Сост. предисл. С.К. Иванова. Т. 1, 2. – М.: Правда Интернешнл, 1996.

джики, армяне и грузины писали об интернационализации духовной жизни и о влиянии этого процесса на все социальные сферы. Прибалтийцы больше писали о влиянии русской литературы и советской науки, а процесс интернационализации рассматривали через анализ роли латышских стрелков в создании «нового общества», в очищении старой России от мрака и мрази царизма. Обществоведы на Украине занимались вопросами экономики, взаимосвязи промышленных республик; в кавказских республиках акцент делался на том, как развивалась любовь к индустриальному труду; прибалтийцы писали о политических процессах, как они по-новому пошли после 1940 г., как простой народ вздохнул полной грудью; в мусульманских республиках, кроме перечисленного, акцент в исследованиях делался на борьбе с религией, особенно с исламом, и на процессах раскрепощения женщин.

Данный феномен интересен тем, что за очень короткий промежуток времени все кардинально изменилось – в 90-х годах в ходе суверенизации бывших союзных республик происходит рост межнациональной напряженности, между субъектами межэтнических противоречий искусственно порождается образ врага. Именно в это время происходит формирование в массовом сознании ощущения ущемленности своего этнического статуса в общей структуре межнациональных отношений.

Вне сомнений, представление о русском народе как о враге № 1 формируются не без «помощи» национальных политических деятелей и средств массовой информации России. Для его преодоления нужна совершенно иная политика и тактика, другое понимание сложившейся в постсоветском пространстве ситуации. Убедительно об этом высказался участник тех событий бывший президент Латвии Гунтис Улманис: «Было бы кощунственно, подчеркнул он в интервью для группы российских журналистов, сейчас определять на весах, кто больше пострадал от советского режима – россияне и Россия или латыши и Латвия. Здесь оба народа пострадали, по-моему, настолько сильно, что никаких сравнений не нужно. Об этом необходимо просто сожалеть и не допускать в будущем. Я приношу извинения за случаи холокоста в период, когда государственности у Латвии не было. И я бы гордился Россией, если бы там тоже соответствующим образом оценили бы действия периода советской власти на территории балтийских стран. От этого мы ничего не потеряем, а лишь выиграем во взаимопонимании. Разные политики, к сожалению, стараются оценить эти разные периоды каждый в силу своих эмоций»¹.

¹ Улманис Г. Недоверие между Москвой и Ригой исчезнет // Независимая газета. 1998. 29 декабря.

Сходное проявляется и в поведении политической элиты постсоветских государств. Политикам кажется, что они проявляют национальное своеобразие, восстанавливают национальные особенности, а на деле идут путем создания образа врага. «Выяснение отношений» между вчерашними народами-братьями получило официальную поддержку во второй половине 80-х годов. Одной из первых спорных проблем стала проблема государственного языка. До этого времени в союзных республиках говорилось о приоритете русского языка, а билингвизм был объявлен нормой у ряда народов, в том числе и у таких крупных, как украинский и белорусский. Русский язык стал основным, с каждым годом становилось все меньше родителей, желающих учить своих детей в национальной школе. Коллизии в языковой сфере постсоветских стран в 90-е годы показали, что любовь к русскому языку – показная, обусловленная политико-идеологическим давлением. Как только тормоза были отпущены, начался реверс, голова и ноги поменялись местами. Если раньше политический работник в своем рвении усматривал национализм в разговоре двух земляков на родном языке, то теперь разговор на своем языке двух при третьем, не понимающем их язык, становится нормой. На государственном уровне это проявляется в жестком ущемлении русского языка. Языковые различия не становятся причиной конфликтов сами по себе, на них акцентируют внимание, когда объективно нет взаимоприятия, общей цели, отсутствуют взаимные интересы.

Объективно сложилось так, что к началу 80-х годов в СССР экономические противоречия стали преобладать над общими интересами. Последствия административно-командной системы хозяйствования стали ощущать все хотя и по-разному. Одни республики – характерный пример Туркмения – стали понимать, что служат сырьевым придатком. Центр обвинялся в том, что не строятся обрабатывающие предприятия, сырье вывозится, а коренное население не может найти элементарной работы. Из других регионов посыпались противоположные упреки. Грузия, например, упрекала Россию в том, что размещенные в республике металлургические и машиностроительные предприятия (Руставский металлургический комбинат, Зестафонский завод ферросплавов и др.) наносят непоправимый ущерб экологии. Прибалтийцы с помощью статистики и документальной хроники корректно показывали, насколько ухудшился уровень жизни по сравнению с 30-ми годами, а с Украины сыпались нападки за то, что «москалы поили наше сало». Справедливости ради нужно сказать, что жизнь показала, насколько были несправедливы упреки в том, что русские живут за счет нацио-

нальных республик. В итоге суверенизации и по истечении времени уровень жизни населения большинства республик бывшего СССР не повысился, а, напротив, резко снизился.

Можно сказать, что в социально-экономических отношениях между национальными республиками СССР к 80-ым годам был достигнут порог толерантности к фрустрации: все почувствовали, что их интересы ущемляются, что близок или достигнут предел терпения к ущемлению. Сходная ситуация сложилась и в политической сфере, где процессы активизировались хрущевской оттепелью и диссидентским движением времен Брежнева. Именно в это время на первый план выходит языковая проблема, проявляющаяся, прежде всего, в обострившейся необходимости начать движение за сохранение родного языка, а значит и национальных традиций.

В мае 1988 г. в Тбилиси была проведена выездная научная сессия Совета по координации при отделении литературы и языка Академии наук СССР «Литература и филологическая наука на этапе перестройки». Манана Гигинейшвили, поддерживая на этой сессии тезис о значении русского языка, аргументированно выступила против насаждения его «приоритета» перед родным языком и даже против билингвизма. Рассмотрим основные положения ее выступления, которые, по нашему мнению, значимы при анализе ситуаций и в других регионах. Большинство наших учреждений, научных институтов, говорила она, ведет работу на русском языке. В них нет даже грузинской пишущей машинки. Всего лишь в нескольких гуманитарных институтах можно получить справку на грузинском языке. Вся документация диссертаций составляется по-русски; сами диссертации либо пишутся на русском языке, либо переводятся. В средней школе родному языку и литературе отводится очень мало часов, а изучению истории Грузии и того меньше. Даже совещания с часоводами Западной Грузии проводятся на русском языке. Любое патриотическое начинание считается националистическим, а слово «национализм» превратилось в ругательное, осуждающее понятие. Делается все для утраты нашей национальной памяти, подчеркнула М. Гигинейшвили¹. Упомянутое событие 30 летней давности, когда существовал еще Советский Союз, созвучно теми языковыми и культурными коллизиями, которые происходят в современной России. Многие считают, что это естественный процесс, влияние факторов социально-экономического, политического и культурного развития любого общества, объясняя это тем, что нет внешних ограни-

---

¹ Гигинейшвили М. С. Святая святых // Литературная учеба. 1988. № 7.

чителей для языка, культуры. Но, следует сказать, что не достаточно только права на развитие языка, национальной культуры и духовности, необходимы условия, которые должны создаваться для этих процессов.

Подчеркнем характерную особенность межнациональных споров в постсоветском пространстве. Повсеместно идет процесс возрождения больших и малых народов. Особую формирующую роль при этом играет рефлекс своего этнического прошлого, выработанных данным народом идеалов. Это объективно обусловлено. Как отмечал еще в 50-х годах Флорин Знанецкий в монографии «нация создается группой интеллектуалов данного этноса, своего рода умственной аристократией данной эпохи, которая и вырабатывает политику культурных ценностей, долженствующую лечь в основание кристаллизующейся национальной культуры»¹. Вольно или невольно интеллектуалы приукрашают национальные особенности, не всегда замечая отрицательные черты. Это оправдано, поскольку фактически разрабатывалось желание, приближающееся к идеальным характеристикам. Однако должен настораживать, причем не только «оппонентов» из представителей другой нации, но и самих разработчиков тот факт, что «приукрашивание» своих национальных особенностей идет путем принижения других народов. Бахвалась своими «особыми качествами», национальные интеллектуалы как бы подчеркивают, что у других народов именно таких распрекрасных особенностей нет.

Рассмотрим подробно основные положения о чертах литовского национального характера, высказанные литовским философом Юозасом Гирнюсом в 40-ых годах и перепечатанные в 1990 г. еженедельником «Согласие»². Ю. Гирнюс подчеркивает, обращаясь к сравнению литовца с другими народами, мы имеем в виду их психологию, а не моральные воззрения: во-первых, моральная оценка допустима только в отношении отдельных личностей, но не народов; во-вторых, с моральной точки зрения психологические особенности нейтральны; их можно использовать во имя добра, но в равной мере они могут послужить и злу. И потому, если в ходе дальнейшего изложения некоторые понятия будут иметь и психологический, и моральный смысл, то всегда следует иметь в виду только первый. Прежде чем привести доводы Ю. Гирнюса с нашими комментариями отметим, что в работе нет ни одной характеристики, о которой не говорили бы как о черте своего этноса представители других национальных элит, в том числе и рус-

¹ Цитируется по: Касьянова К. О русском национальном характере. - М.: Институт национальной модели экономики. 1994.

² Гирнюс Юозас. Человечность как основная черта литовского характера // Согласие. 1990. № 33.

ские интеллигенты, особенно радикальная ветвь – славянофилы. Начинается работа Ю. Гирнюса с утверждения о том, что «основную черту литовского духа верно подметил еще в XI в. хронист Адам Бременский, характеризуя людей нашего края словом «человечный» – *homines humanissimi*. Эта черта – человечность – сохранилась в литовце и поныне, ибо дана ему от природы»¹. Конечно, не все народы могут сослаться на историка XI в., но вряд ли мы найдем такого политика, который не твердил бы об особой человечности своей нации. Именно гуманизмом объяснили и объясняют свои действия агрессоры перед нападением на страну, имеющую свое понимание гуманизма. Далее философ обращает свой взгляд на повседневную жизнь, на каждодневные обычаи литовской деревни. Любая наша деревня, утверждает он, словно единая семья, а все соседи – словно родственники. Литовец не способен замкнуться исключительно в кругу своей семьи. В свободное время он охотно навещает соседей, пусть и без особой надобности. Литовец говорит: «Надобно человеку с человеком встретиться». Побывать с человеком для литовца имеет такой же смысл, как для человека иных краев общественные развлечения. То значение, которое придается общению, пишет Ю. Гирнюс, объясняет и наше гостеприимство. Особое литовское хлебосольство широко известно. Каждая семья, отмечая праздники, старается как можно лучше принять своих гостей.

Читая эти строки, особенно последние, трудно удержаться от мысли, что речь идет о «нашем» русском, грузинском, туркменском, узбекском и другом народе. Но философ продолжает настаивать и в качестве доказательства приводит народный обычай «толоки». Данное слово, считает он, непереводаемо на западные языки, «ибо эти народы не знают толоки». В чем же своеобразие толоки? В оказании всей деревней помощи в строительстве дома, хозяйственной подсобки. Толока, подчеркивает Ю. Гирнюс, не просто трудовые отношения, поскольку взаимопомощь не связывается с вознаграждением. Угощение по случаю окончания работы и сердечное спасибо – вот и все вознаграждение. Предложить вознаграждение за толоку было бы оскорбительно.

Будучи серьезным исследователем, Ю. Гирнюс сравнивает литовца с его непосредственными соседями – русскими и пруссами. Природной сдержанностью, считает он, литовец отличается от прусса, а индивидуализмом – от русского. Это утверждение вряд ли кто оспаривает. Но сопоставление не всегда корректно. Для Ю. Гирнюса литовец, естественно, выше и тех и других, притом значительно. Русский, бу-

---

¹ Там же.

дучи человеком массы, отмечает философ, всегда искренен – и в любви и в ненависти. Ему все – братья. Гордая напыщенность для русского столь же мало возможна, как и для прусса – сердечность. Прусс, самодовольный индивидуалист, холодно высокомерен по отношению к низостоящим и столь же холодно послушен вышестоящим. Между тем литовец соединяет в себе и сердечность и гордость. Он сердечен, поскольку открыт человеку, и вместе с тем горд, поскольку знает себе цену как человеку.

Подчеркнем, что работа Ю. Гирноса основательна, автор старается избежать, как было процитировано выше, «моральной оценки народа», ищет философские, а не политические доводы. Кроме приведенных, в работе много других весьма серьезных наблюдений. И все же автор не избежал выпада, даже не выпада, – а атаки, нападения на целый народ. Понятно, что на русский. Если человечность, писал он, основывается на любви к человечеству, то жертвование одним человеком во имя счастья человечества – дело обыденное. В этом вся суть парадокса советского гуманизма – насилие над человеком во имя человечества. И в этом смысле большевизм не является, как иногда полагают, лишь внешним насилием над «хорошим» русским человеком, а скорее только одним из выражений русского гуманизма.

Но речь может идти только об отдельных моментах, а не о характеристике русского народа, также испытавшего на себе «прелести» Сибири и Колымы, порожденные большевизмом. Нельзя забывать, что большевизм – не чисто русское явление, как и нельзя считать собственно русской ту империю, которая конструировалась после 1917 г. Большевизм сформировался задолго до революции, и даже до 1903 г.; его создали ультралибералы и экстремисты всех национальностей, потомки которых через несколько десятилетий будут бороться за «единую общность – советский народ». Утверждая, что «большевизм – специфически русское явление», что Ленин – «представитель той же русской духовности, что и Достоевский, Соловьев», Ю. Гирнос не просто оскорбляет русский народ. Он заставляет еще активнее вертеться и без того шустрые мельницы русских национал-радикалов.

История показывает, что поиски ответа на подобные вопросы тщетны и лишь приводят к усилению межнационального противостояния, к массовым человеческим потерям. В этом плане показательны материалы Юриса Рудевскиса, названные «Культурно-исторический феномен России»¹, опубликованных в феврале 1998 г. в латвийской

¹ Рудевскис Юрис. Культурно-исторический феномен России//Независимая газета. 1998.18 марта.

газете «Национала неаткариба». Эти материалы были переведены и распространены в СМИ Латвии на русском языке, а затем опубликованы в «Независимой газете». Генеральная прокуратура Латвии после нескольких обращений в прессу возбудила уголовное дело по факту разжигания национальной вражды, несмотря на то что «Национала неаткариба» издается правлением входящего в правительственную коалицию национал-радикального объединения «Отечество и свобода», членом которого был тогдашний премьер-министр Латвии Гунтарс Красте.

Приведем только некоторые положения статьи Ю. Рудевскиса, отражающие настроения того времени. Справедливости ради следует отметить, что в самом конце статьи есть несколько строчек, слегка смягчающих агрессивный тон ультра-радикального автора. «Пока мы не можем, – пишет Ю. Рудевскис, – рекомендовать ничего толкового, чтобы улучшить русских в самой России. Это вопрос истории, возможно, протяженностью в несколько столетий. Рано или поздно этот народ поймет, насколько сожаления достойно и незавидно быть дикарями в то время, когда во всех остальных государствах развиваются идеи демократии, прогресса и человеколюбия. Я действительно не верю в то, что у России и русского народа нет будущего. Самые тяжелые болезни можно лечить, самые испорченные люди исправляются, и для России тоже, без сомнения, однажды засветит луч разума. Остается лишь спросить: когда это произойдет?»¹.

Начинается статья с резкого обозначения позиции автора. Ю. Рудевскис пишет: «Не только латышам, но и другим народам, которым судьба определила жить рядом с таким соседом, Россия вечно приносила только зло – смерть, геноцид, русификацию, насилие, сеяла все мыслимые и немыслимые пороки. В конце тысячелетия баланс не радует: с земной поверхности исчезли многие народы, убиты миллионы человек – эстонцы, чеченцы, поляки... А Россия по-прежнему угрожает существованию и безопасности всего мира, внешне кичась своей военной мощью, но не в состоянии прикрыть свою материальную и духовную наготу, нищету и тупость»². Свои упреки Ю. Рудевскис относит не только к России как государству, но и к большинству ее жителей, а точнее, практически ко всем русским, которые в его понимании «полностью соответствуют образу дегенерата Шарикова». Чтобы обосновать свое утверждение, автор обращается к истории России. Он

¹ Рудевскис Юрис. Культурно-исторический феномен России//Независимая газета. 1998.18 марта.

² Там же.

приводит в общем-то известные междоусобицы между древнерусскими племенами; факты насилия, совершенного князем Рюриком, его сыном Игорем и невесткой Ольгой, князем Владимиром и др.; подлинные имена Рюрика (Храдрик Халфларсон, сын фрисландского маркграфа), Игоря (Ингвар), Ольги (Хельга), что не мешает ему обвинять в грехах правителей всех жителей Древней Руси.

Далше идет толкование татаро-монгольского ига, анализ периода царствования Ивана Грозного и созданной им опричнины – прообраза КГБ и др. Не обойдены вниманием и попытки Петра I модернизировать Россию, и современная Московская патриархия, которая «является послушным инструментом в руках русских имперских кругов». Однобокая интерпретация фактов не дает читателю возможности воспринять и где-то здравую тревогу автора, вызванную тем, что Россия «продолжает проводить хищническую и никому не нужную колониальную политику, цена которой слишком высока: война в Чечне, фантастическая нищета и безысходность»¹.

Отметим, что в анализируемом тексте приводятся не новые то факты. О той же опричнине много лет назад писал Александр Янов, но выводы Ю. Рудевскиса своей агрессивностью, непримиримостью позиции далеко ушли от взглядов других авторов. Во всем виноваты русские, а причины – в особенностях их национального характера. «Взглянем на страницы газет, – восклицает Ю. Рудевскис, – Россия грозит, Россия вооружается, мигранты требуют второй государственной язык и двухобщиное государство, молятся на Рубикса и по воскресеньям собираются возле памятника Победы в Пардаутаве, пьют водку и поминают вшивую (!?) красную армию. Интеграция таких людей в латышское общество невозможна – можно допустить только противоположное: они с радостью интегрируют нас. И тогда через сто лет название латышей будет причислено к списку ассимилированных русскими племен и народов. Поэтому не позволим радужным иллюзиям овладеть нами и будем проводить целенаправленную и жесткую национальную политику»². Показательно то, что приведенные цитаты Ю. Рудевскиса отражают современное восприятие и отношение латышей к русским и России.

Проделанный обзор материалов 20 летней давности показывает – кардинальных изменений в понимании сути межнациональных отношений среди населения бывших республик Советского Союза не про-

¹ Рудевскис Юрис. Культурно-исторический феномен России//Независимая газета. 1998.18 марта

² Там же.

изошло. Речь в данном случае идет о том, что в большинстве бывших республик остается негативное отношение к тем межнациональным отношениям, которые были во времена Советского Союза и, как следствие, сохраняется такое же отношение к русскому населению в новообразованных государствах. Как отмечает *Financial Times* со ссылкой на исследование центра Euromonitor International «в 1994 году 33,7 % жителей Казахстана заявляли, что в повседневной жизни используют русский, в 2016 году таких было 20,7 %. Похожая ситуация в Эстонии (с 33,4 % до 23,4 %), Латвии (с 40,5 % до 29,8 %), Украине (с 33,9 % до 24,4 %) и Грузии (с 6,4 % до 1,1 %). Согласно исследованию, количество русскоязычных уменьшилось также в Азербайджане, Литве, Туркменистане и Узбекистане»¹. Обратная тенденция наблюдается только в Беларуси – там соотношение данных 50 % к 71 %.

Критически анализируя авторов из ближнего зарубежья или рассматривая статистические данные, необходимо отметить то, что их позиции не отличаются от взглядов тех русских «патриотов», которые считают себя представителями изначально высокودуховной, самой передовой в мире нации и поэтому презрительно относятся к любым «иногородцам», определяя их как «чужаков». На основе анализа материалов и мнения исследователей, можно утверждать о том, что причиной распада СССР становится утрата механизмов самоидентификации индивида. Причиной данной утраты выступают несколько моментов, с одной стороны возникают перед индивидом, представителем этноса, варианты самоидентификации, где основным критерием становится политические права и свободы этноса, а с другой – отсутствие у власти доступных и значимых для индивида стратегий его самоидентификации в рамках той государственности, в которой он находился до сих пор.

Суть проблемы межнациональных отношений сегодняшней России заключается именно в том, насколько функциональны механизмы самоидентификации гражданина в рамках российской государственности. Много факторов могут оказывать влияние на государственную целостность страны. Существуют реальные внешние угрозы, способные разрушить политическую и экономическую самостоятельность, но внутренние факторы, связанные с межнациональными отношениями и межэтническими противоречиями, несут в себе основные угрозы утраты самоидентификационных механизмов.

---

¹ В большинстве стран постсоветского пространства количество русскоязычных уменьшается// <http://gordonua.com/news/worldnews/v-bolshinstve-stran-postsovetskogo-prostranstva-kolichestvo-russkoyazychnih-umenshaetsya-issledovanie-183500.html>

Многозначащими являются данные, приведенные статистические данные в следующих таблицах.

Таблица 10

**Как на Ваш взгляд, за последний год изменились
межнациональные отношения в России?**

	2006	2008	2010	2011	2013
Они стали напряженнее, нетерпимее	36	24	32	39	49
Какими были, такими и остались	40	40	44	40	39
Стали более терпимыми	17	27	16	11	9
Затрудняюсь ответить	7	9	8	10	3

Таблица 11

**Как Вам кажется, в Вашем населенном пункте возможны или невозможны
конфликты, столкновения, массовые выступления по следующим причинам:
(в % от опрошенных)**

	Скорее возможны	Скорее невоз- можны	Затрудняюсь ответить
Межэтнические и межнациональные различия	41	53	6
Расхождение на бедных и богатых	38	58	4
Религиозно-конфессиональные различия	28	68	4
Политические, идеологические различия	25	69	7

Таблица 12

Как вы относитесь к идее «России для русских»?

	07.2002	08.2006	10.2008	11.2011	11.2012	10.2013
поддерживаю, её давно пора осуществить	17	17	15	19	15	23
её было бы не- плохо осуще- ствить но в ра- зумных пределах	38	37	42	40	41	43
отрицательно, это настоящий фашизм	28	28	25	23	23	19
меня это не интересует	10	11	12	11	14	9
затрудняюсь ответить	7	7	7	7	6	6

Какие чувства вы лично испытываете по отношению к выходцам из южных республик, проживающим в вашем городе, районе?

	12.2 002	11.2 005	12.2 008	12.2 011	11.2 012	03.2 013	10.20 13
уважению	3	2	4	1	3	3	3
симпатии	5	3	4	4	5	4	3
раздражение	25	20	14	15	21	23	25
неприязнь	28	21	14	20	21	25	30
страх	5	6	2	3	3	7	6
никаких особых чувств	39	50	61	57	46	43	39
затрудняюсь ответить	4	2	2	1	3	3	2

Таблица 14

Поддерживаете ли вы лозунг «хватит кормить Кавказ»?

	11.2011	01.2012	11.2012	05.2013	10.2013
определенно поддерживаю	28	22	26	20	35
скорее поддерживаю	34	35	39	35	36
скорее не поддерживаю	18	13	17	16	15
определенно не поддерживаю	6	7	6	16	3
затрудняюсь ответить	15	23	11	14	11

Таблица 15

Кого из нижеперечисленных людей Вы могли бы назвать русским – при условии, если он проживает в России много лет? (в % от опрошенных, любое число ответов)

Национальность	%	Национальность	%
Украинец, белорус	44	Таджик, узбек, киргиз	8
Татар, калмык, башкир	30	Чеченец, дагестанец, ингуш	7
Якут, хант, чукча	16	Кореец, китаец, японец	6
Армянин, грузин, азербайджанец,	10	Никого из перечисленных	36

Считаете ли вы, по большому счету, российскими следующие территории или нет? (в % от опрошенных)

	По большому счету, это Россия	По большому счету, это не Россия	Затрудняюсь ответить
Калининградская область	85	12	4
Курильские острова	74	20	6
Якутия	72	24	5
Татарстан	70	26	44
Крым	56	39	5
Дагестан	41	54	5
Чечня	39	57	4
Приднестровье	37	52	11
Абхазия	30	64	6
Южная Осетия	29	65	6
Украина	29	67	6

Таблица 17

Как Вы считаете, следует ли ограничить проживание на территории России...

	08.2 004	08.2 009	08.20 11	08.2 012	10.20 13
выходцев с Кавказа	46	38	39	42	54
китайцев	39	34	30	37	45
выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР	31	20	26	35	45
цыган	32	22	18	29	32
вьетнамцев	39	24	21	31	32
евреев	15	6	8	10	8
украинцев	8	7	5	6	5
всех наций, кроме русской	14	16	17	13	14
не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций	21	19	17	18	11
затрудняюсь ответить	5	14	15	9	8

Отношение к равноправию и праву самостоятельно принимать решения

	Для него/ нее важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались как с равным	Для него/ нее важно выслушивать мнение других, отличающихся от него людей	Для него/ нее важно самому принимать решение о том, что и как делать
Очень похож на меня	25 %	18 %	27 %
В значительной степени похож	34 %	33 %	36 %
Немного похож на меня	24 %	29 %	23 %
Чуть-чуть похож на меня	8 %	11 %	8 %
Не похож на меня	4 %	4 %	3 %
Совсем не похож на меня	2 %	2 %	1 %
Затрудняюсь ответить	2 %	2 %	2 %

Таблица 19

Опрос о безопасности и традициях

	Для него/ нее важно жить в безопасном окружении	Для него/ нее важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность	Он /она ценит традиции
Очень похож на меня	34 %	38 %	24 %
В значительной степени похож	35 %	34 %	33 %
Немного похож на меня	18 %	16 %	24 %
Чуть-чуть похож на меня	7 %	6 %	10 %
Не похож на меня	4 %	3 %	4 %
Совсем не похож на меня	1 %	1 %	2 %
Затрудняюсь ответить	2 %	2 %	2 %

Приведенная подборка результатов социологических опросов взяты из нескольких источников: часть материалов составляют данные Европейского социального исследования (ESS) за 2014 год¹ (таблицы 18, 19), часть из исследования ВЦИОМ «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы»² (таблица 11, 15, 16)

¹ Данные Европейского социального исследования (ESS) за 2014 год// <http://www.ess-eu.ru/>

² Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы// wciom.ru/index.php?id=238&uid=114379

и часть из выборки Левады-центра «Россияне о миграции и межнациональной напряженности»¹ (таблицы 10, 12, 13, 14, 17).

Анализ результатов опроса о современном состоянии межнациональных отношений и социально-психологической ситуации в стране позволяют делать определенные выводы:

1. Наблюдается рост обеспокоенности населения страны проблемами межнациональных отношений и возможности межэтнических столкновений. Как видно из таблицы 10 идет увеличение количество людей, которые считают, что межнациональные отношения стали напряженнее, нетерпимее – так считают около половины респондентов. Эти выводы подтверждаются и материалами таблицы 11 – вероятность конфликта на межнациональной основе намного выше, чем по экономическим или политическим причинам, считают опрошенные. Высокий процент вероятности межнациональных столкновений объясняется, скорее всего, тем, что речь идет о конфликтах бытового, случайного характера, нежели запланированного и политически мотивированного. По крайней мере, такой вывод следует делать по материалам остальных таблиц;

2. По мнению респондентов, самая большая угроза межнациональных конфликтов и межэтнических столкновений исходит больше из Кавказа или тех людей, которые не являются коренными жителями многонациональной страны. Как видно из таблицы 17, многие решение проблемы видят в ограничении проживания на определенных территориях. Данная таблица показательна в том смысле, что у населения страны растет антимигрантское настроение, недовольство с миграционной политики государства. Показателем недовольства миграционной политикой государства является пункт «не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций» в той же таблице, в которой наблюдается рост респондентов, выбравших данный ответ. При этом более 70 % опрошенных считают, что государство должно обеспечивать безопасность своих граждан (таблица 19);

3. Сложилось специфическое отношение к кавказским республикам и в особенности Чеченской республике. Как было показано в предыдущем параграфе данной главы и по материалам социологических опросов видно отношение населения к Чеченской Республике. 57 % опрошенных (таблица 16), а это самое большое значение из выборки включенных в список субъектов РФ, считают данный регион «по большому счету не Россией». Большая часть населения страны не

¹ Россияне о миграции и межнациональной напряженности// <http://www.levada.ru/2013/11/05/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti/>

идентифицирует ЧР с Россией, а самих чеченцев с русскими (таблица 14), при этом представителей других этносов, проживающих в национальных республиках, намного чаще относят русским. Многие считают, что «Центр покупает сепаратистский регион независимостью и деньгами. И это именно то, что происходит в Чечне уже более 10 лет»¹. В таблице 14 видно, что более 70 % респондентов категорически против особых финансовых взаимоотношений между Москвой и Чечней. Как результат – отторжение национальных республик Ингушетия, Дагестан, Чечня, субъектов РФ и нежелание признавать с ними ни территориальной, ни гражданской идентичности;

4. Происходит усиление националистических настроений и увеличивается количество сторонников идеи «Россия для русских». Мнение исследователей проблем межнациональных отношений по содержанию данной идеи разделяются, одни считают что рост националистических идей происходит из-за ухудшения отношения к мигрантам и основывается в обвинении последних в росте преступности или в том, что они порождают безработицу. Данная позиция доказывается и приведенными выше таблицами. Другие рост национализма видят в вызывающем поведении национальных меньшинств. Но здесь следует согласиться с утверждением, что «Нынешний российский пассивный и диффузный «национализм большинства» в своей основе – державный (тотальный), а не этнический (групповой)»².

5. Видимые противоречия в результатах социологических опросов показывают, что проблема самоидентификации в России актуальна. На идентификационные процессы оказывают вызовы, связанные с глобализацией, положением России в международной арене, миграционными процессами и неоднозначностью взаимоотношений центра и субъектов Федерации. С одной стороны, некоторые события, связанные с внешней политикой России, куда можно отнести конфликт 2008 года с Грузией, участие в решении сирийского кризиса, воссоединение Крыма, санкции против нашей страны, сильно повлияли на усиление гражданской идентичности – более 80 % россиян считают себя патриотами. С другой стороны – некоторые граждане и субъекты России, не говоря уже о людях, которые приехали на заработки, в представлениях россиян не оказываются в их идентификационных траекториях. Опасения респондентов о возможных межнациональных конфликтах, которые нашли свое отражение в таблицах 10, 11 и 15, оказывают негатив-

¹ Чечня все больше отдаляется от России// Новая газета. № 68 от 1 июля 2015 г.

² Дубин Б. «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян// Pro et Contra 2014 январь – апрель.

ное воздействие на идентификационные стратегии и механизмы в стране;

6. Четко выделяются основные факторы, на которые государство должно сосредоточить свое внимание для обеспечения стабильности и целостности российского общества. Значительная часть респондентов, отражающая настроение основной большинства, считает, что государство должно обеспечивать стабильность в стране. Приведенные материалы показательны в том смысле, что респонденты важным считают жить в безопасном окружении, которое государство должно и обеспечивать:

- путем ограничения проживания на территории России выходцев из Кавказа, Китая из бывших среднеазиатских республик СССР;
- создавая условия равноправия граждан;
- преодолевая расслоение на бедных и богатых.

Перечисленные вызовы реально угрожают формированию условий гражданской и территориальной целостности России. Этому есть логическое объяснение. Специфика России требует, что гражданская и территориальная идентификация должна стать следующей ступенью идентификационных процессов, которой предшествует национальная и культурная идентификация человека, основанная на его этнической принадлежности. Обеспечение условий самоидентификации человека на двух уровнях, с одной стороны, на уровне этнической и культурной самобытности и понимания своей национальной принадлежности в многонациональном и поликультурном пространстве, а с другой – гражданской и территориальной идентификации, необходимой для социально-экономического и политического развития каждого этноса в едином государственном образовании, формирует предпосылки мирного сосуществования этносов. И обеспечение целостности России возможно только тогда, когда политическая элита, власть будут создавать все условия для идентификационных процессов на обоих уровнях. К сожалению, в настоящее время наблюдаются попытки балансировать между этими двумя уровнями, что подтверждается противоречиями в результатах социологических опросов.

3.5. Этнокультурная и национальная самоидентификация индивида и ее детерминация национальными ценностями

Для полноты картины в понимании процессов идентификации рассмотрим идентификационные стратегии человека, основанные на системе ценностей. Как отмечали выше, гражданской и территориаль-

ной идентификации индивида должна предшествовать его этнокультурная и национальная идентификация. Концептуализация проблемы этнокультурной и национальной самоидентификации индивида на основе междисциплинарного подхода с применением теоретико-методологических подходов философии культуры и культурной антропологии позволяет адекватно оценивать сложившуюся социальную и культурную действительность современности и конструировать более оптимальные варианты самоидентификационных процессов в полиэтническом, многоконфессиональном и поликультурном пространстве.

Исследование ценностного мира, механизмов формирования ценностных ориентаций, взаимообусловленности ценностной картины мира и ценностных ориентиров индивида активизируется в связи с ускорением и модернизацией социальных отношений. Сама проблема изучения ценностного мира, системы национальных ценностей или отдельного индивида, представителя определённого этноса, культуры, актуализируется со времен расширения глобализационных процессов и миграционных явлений, нивелирующих поликультурное, многонациональное разнообразие социальной действительности. Стремление сохранить многообразие, поликультурность, многоязычие социального мира, основой которого является многонациональная мозаичная социальная действительность, привело к пониманию роли этнокультурной и национальной самоидентификации индивида. Национальная и этнокультурная самоидентификация индивида, его понимание своей национальной принадлежности, выступает единственным действенным механизмом преемственности национальных культур, языков и традиций. Необходимой предпосылкой самоидентификационных процессов становятся ценности и основанные на них ценностные ориентации, способные регулировать и направлять жизнедеятельность индивида. При этом произошли некоторые изменения в подходах к исследованию ценностей и ценностных ориентаций, как предпосылок самоидентификации индивида. До сих пор, система ценностей общества, существующая ценностная картина мира чаще рассматривались как духовные основы социума, а не как мотивационные механизмы общественного развития и в центре внимания аксиологов находились социальные, а не индивидуальные «значимости».

Ценность является наиболее общей категорией аксиологии, ориентирующей исследователей в нормативной проблематике философии. В современной аксиологической литературе интерпретация ценности как отправной точки идентификационных стратегий индивида носит многофункциональный характер. С одной стороны, ценность рассмат-

ривается исследователями как свойство предмета или явления удовлетворять потребности и интересы субъекта, что и придает ей смысловую нагрузку и значение. В свою очередь, с этого значения и смысла ценности раскрывается её идентификационная функциональность. С другой стороны, ценность, будучи образцом, идеалом, наиболее общим требованием или предельно общей оценкой, рассматривается в качестве практической нормы, т. е. требования, воплощённого в опыт, как единство объективного и субъективного в поведении индивида, направляющей его деятельность.

Существуют различные виды самоидентификации и в течение своей жизни каждый индивид реализовывает различные идентификационные стратегии. И каждая идентификационная стратегия основывается на соответствующих ценностях, которые в результате рефлексивных процессов приобретают характер ценностных ориентаций¹. В целом любой вид самоидентификации индивида, в том числе и этнокультурный и национальный, следует разделить на четыре основные сферы:

- а) сфера целеполагания, которая связана с целями, желаниями и стремлениями человека, т. е. ценностной смысловой установкой;
- б) должная сфера, связанная с должным отношением;
- в) оценочная сфера, в которой основное значение имеют оценочные критерии и позиции индивида, т. е. индивидуальные ценностные смыслы;
- г) сфера заинтересованного отношения.

Идентификационное содержание ценностей заключено в том, что они (ценности) выступают основанием отношения индивида к материальным и идеальным явлениям как значимым для его потребностей, интересов, идеалов, целей и обуславливают его активность, его способность преобразовать мир и преобразовывать самого себя. При этом у индивида ценности выступают системой координат – картой его природного и социального мира, с которой он регулирует своё поведение и деятельность. В этой ситуации ценности служат осмысленным нормативным содержанием самоидентификации. Ценности, как осмысленное содержание самоидентификационных значений, стимулируют индивида проделывать что-то важное, нужное, значимое для самого себя, но в то же время, положительно оцениваемое и обществом. В процессе осмысления ценностей индивидом активизируется их

---

¹ Лоскутнев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1996. - № 4. - 1997. - №1. - с. 25.

идентификационная функциональность. Эта идентификационная функциональность ценности, как бы «программирует» всю деятельность индивида на продолжительные сроки, определяет генеральную линию его поведения. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностей индивида, формируют его ценностные ориентации и образуют своего рода единство ценностного сознания и поведения, обеспечивая их последовательность и устойчивость, верность определённым принципам и идеалам. Поэтому ценностные ориентации, являясь важнейшим элементом внутренней структуры индивида, выступают основанием его идентификационных стратегий. Они формируются при наличии определенного жизненного опыта, закрепляются всей совокупностью его переживаний и ограничивают значимое, существенное для данного индивида от незначимого, несущественного. В этом смысле ценностная ориентация выступает важнейшим фактором, детерминирующим мотивацию самоидентификационных стратегий индивида.

Одним из видов идентификационных стратегий индивида является этнокультурная и национальная самоидентификация, неизменной константой которой становится идея духовного единства этноса, основанная на национальных ценностях. Идентификационный потенциал национальных ценностей, способный формировать в индивиде этническую принадлежность, заключен в том, что национальные ценности фиксируют факт психологической и социальной самобытности определенного этноса и его отличия от других аналогичных общностей, и предполагают единство всех членов определенного этноса, объединенных общими идеями, целями, установками. Национальные ценности являются, в этом отношении, не только совокупностью черт психики, потребностей, интересов, установок, ценностных ориентаций, убеждений и идеалов конкретного народа, которые, в конечном счете, определяют этнический характер, но и выступают методами, приемами и средствами достижения целей¹, формируя конкретную идентификационную стратегию и духовно-нравственные принципы всех представителей нации. Роль национальных ценностей в этнокультурной и национальной самоидентификации индивида заключена в том, что эти ценности общезначимы и общественно значимы одновременно для всех представителей этноса. Национальные ценности позволяют выделять из всей совокупности мотивов, потребностей, установок, ориентаций, оценок и мнений индивидов некие распространенные и общезначимые элементы, которые, во-первых, поддерживаются влиятельным множе-

---

¹ Вильданов Х.С. Аксиологическая эпистемология. – Уфа, РИО РУИМЦ МО РБ, 2009. – с. 289

ством представителей той или иной нации и, во-вторых, имеют большое значение с точки зрения выживания самой нации. Этнокультурная и национальная самоидентификация индивида, свою очередь, предполагает как сохранение и воспроизводство важных, характерных для определенной нации, общественных отношений, ресурсов, идей, установок, так и эффективные механизмы противодействия в ответ на дестабилизирующие воздействия извне и изнутри, обеспечивая выживание нации. Внутренние дестабилизирующие факторы в своем воздействии оказываются намного разрушительнее в своем влиянии на национальные ценности, что, прежде всего, связано с утратой чувства целостности и утратой этносодержащих оснований самоидентификационных стратегий представителей одного этноса.

Реализации самоидентификационных стратегий индивида способствует и аккумулятивная функция ценностей, а в нашем случае, национальных ценностей. Национальные ценности и соответствующие им ценностные ориентации накапливаются в ходе развития этноса, в чём и состоит их аккумулятивная функция. Каждая исторически конкретная нация характеризуется набором и иерархией собственных ценностей, система которых выступает в качестве основания этнокультурной и национальной самоидентификационной стратегии индивида. Основное значение аккумулятивной функции национальных ценностей в определении самоидентификационных стратегий заключается в невозможности самостоятельного продуцирования новыми поколениями всей совокупности ценностных императивов, обязательных для нормального функционирования этноса и жизнедеятельности отдельного конкретного его представителя. При этом национальные ценности постоянно трансформируются в процессе исторического развития этноса и, прежде всего, в предметно-практической деятельности его представителей, обеспечивая оптимальные условия жизнедеятельности этноса. Но трансформационные явления в системе ценностей базируются и формируются на основе аккумулярованных когда-то в этническом сознании национальных ценностей в форме дальнейшего развития уже имеющихся ценностей или отрицания того ценностного значения, которое было заложено в предметы или явления. Межпоколенная преемственность ценностей осуществляется благодаря ретранслирующей функции ценностных процессов этноса, когда происходит передача «полученных» знаний из национальных ценностных императивов на индивидуальный уровень, например, через воспитание, опыт, практику.

Этнокультурная и национальная самоидентификация индивида связана и с модальной функцией национальных ценностей. Модальную

функцию ценностных систем этноса следует рассматривать в двух аспектах. Она выполняет роль общественно необходимой меры жизнедеятельности индивида и общественно необходимого масштаба оценочного акта. Ценность и оценка в национальных ценностях связаны с сознательным и целенаправленным регулированием жизнедеятельности представителя этноса. Они представляют собой дополняющие друг друга формы этнической ориентации и регуляции. Связь между ними бывает различной в зависимости от характера оценочного акта. При ретроспективной оценке национальные ценности играют роль критерия, а при перспективной – по преимуществу выражают должное. Самоидентификационная функциональность национальных ценностей заключена в том, что они выполняют единую регулятивную роль. Когда модальная функция национальных ценностей выполняет роль общественно необходимой меры жизнедеятельности индивида, она является необходимым условием обоснования индивидуальных действий и поступков, а при выполнении ею роли общественно необходимого масштаба оценочного акта – средством их «измерения». Индивид, как представитель конкретного этноса, через модальную функцию национальных ценностей определяет этнически значимый критерий оценки, одобрения или осуждения прошлых, настоящих и будущих событий. Усвоенная индивидом модальная функция национальных ценностей проявляется как персонифицированная мера должного поведения и оценочного отношения, сформированных длительной историей и культурой этноса и обеспечивающих его выживание. Эта внутренняя мера имеет связь не только с избирательной стороной ценностной ориентации индивида, но главным образом с реализацией индивидуального деятельностного и оценочного акта. Программа жизнедеятельности индивида – это приведенное в действие сообразно конкретной ситуации ценностное знание. Национальные ценности, выработанные этносом в течении длительного времени, система ценностных знаний, обеспечивающая выживание этноса. Взвешивание, анализ ценностного знания, детерминированного национальными ценностями, совершается под воздействием общих и одинаковых масштабов и ценностных критериев, которые содержатся в функционирующих в этническом сообществе ценностных нормах.

Самоидентификационный потенциал национальных ценностей функционален настолько, насколько данные ценности способны формировать этническую ценностную действительность и ее актуальность для представителей этноса. Наличие ценностей, функционирующих на уровне жизнедеятельности этноса, раскрывает, прежде всего, три существенных момента этнической ценностной действительности:

а) качественно-количественную определенность национальных ценностей и ценностных ориентаций, их относительную устойчивость;

б) функциональную сторону универсального взаимодействия национальных ценностных феноменов, т. е. момент значения национальных ценностей для жизнедеятельности индивида, как представителя этноса, и нации в целом;

в) объективную возможность индивида в процессе самоидентификации осознавать национальные ценности, как относительно устойчивые общезначимые предметы и явления, посредством которых формы жизнедеятельности закрепляются в желаемом для этноса и отдельного конкретного индивида направлении.

При этнокультурной и национальной самоидентификации возникает сложная зависимость и взаимодействие индивида с заранее заданной системой национальных ценностей. Национальные ценности выступают отражением объективной реальности для индивида и в процессе самоидентификации возникает взаимосвязь этой объективной реальности с внутренним миром и индивидуальным сознанием субъекта. Здесь следует уточнить, сами ценности не являются независимо существующими в объективной реальности, а проявляются в акте трансцендирования, когда сознание и бытие становятся тождественны. Как справедливо отмечает Л. Н. Столович «... хотя ценности, «аксиологическая» предметность порождаются ценностным сознанием, они характеризуются своеобразной объективностью – *Wertobjektitaten*»¹. Самоидентификация представляет собой сложный и противоречивый процесс взаимодействия социализирующих и регулирующих жизнедеятельность индивида национальных ценностей с различными типами сознательно-психических и культурно-мировоззренческих процессов, образующих целостный личностный модус индивида, включающий потребности, интересы, убеждения, оценочные критерии, стремления, индивидуальный опыт. Этническое самосознание, формируемое в процессе самоидентификации индивида, представляет собой качественно новый синтетический результат, который получается при взаимодействии объективной окружающей действительности, представляющий собой предзаданную систему национальных ценностей, социальной среды и интересов и потребностей индивида.

Национальные ценности, как основание этнокультурной и национальной самоидентификации, на уровне конкретного индивида, представителя этноса, проявляется через интериоризацию «под которым

¹ Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. – М.: Республика, 1994. – с. 216

понимается процесс осмысления индивидом окружающего мира и формирование его адекватной модели»¹. Важные стороны ценностной интериоризации вскрывает аксиологическая интерпретация психологического феномена индивидуального смысла. Система индивидуальных смыслов и значений – две составляющие индивидуального сознания. Если ценностные нормы этноса проинтерпретировать как значения, необходимые для жизнедеятельности, а их присутствие в индивидуальном ценностном сознании – как индивидуальные ценностные смыслы, то ценностная интериоризация предстает как процесс движения ценностных императивов от формы значений к форме индивидуальных ценностных смыслов. Индивидуальные ценностные смыслы объясняют способ существования общих этнических ценностных норм в индивидуальном сознании. А переход ценностного смысла из сознания в план жизнедеятельности на индивидуальном уровне происходит благодаря ценностным смысловым установкам – опосредствующим звеньям, с помощью которых идеальные содержания ценностного сознания становятся реальной деятельностью.

Ценностная смысловая установка – своего рода стабилизатор направления жизнедеятельности, производящий выбор явлений, ситуаций через ценностное мировоззрение индивида и помогающий заметить в потоке информации, то, что наиболее важно для жизнедеятельности человека, придерживаясь которых человек сохраняет определенность, внутреннюю последовательность своего поведения². Жизнедеятельность как критерий оценки индивида вырабатывается во многом благодаря системе его ценностных установок. Ценностная смысловая установка является ценностно-психологическим «пусковым механизмом», помогающим перейти рубеж между ценностным сознанием и жизнедеятельностью. В структуре жизнедеятельности она относится к предшествующей работе сознания.

В процессе самоидентификации интериоризация национальных ценностей и экстериоризация индивидуальных свойств и качеств становятся основой жизнедеятельности индивида, обеспечивая его взаимосвязь с нацией. Благодаря аксиологической составляющей самоидентификационного процесса индивид формируется не как пассивный объект социализирующего воздействия ценности, а как активный социальный субъект – посредством своей собственной практической деятельности. Осмысление индивидом национальных ценностей и обу-

¹ Балацкий Е.В. Витальные ресурсы и контуры сознания// «Вестник Российской академии наук», №6, 2008.

² Опышанский В.Б. Личность и социальные ценности. – М.: Наука, 1983. – с. 156

словенная ими жизнедеятельность включается в механизм реализации данной системы ценностей. Внешняя детерминация заданной системой ценностей, внутреннее осмысление и формирование собственной модели социальной активности и объективированная жизнедеятельность представляют собой три аспекта единого и целостного самоидентификационного процесса.

Обращение к проблемам этнокультурной и национальной самоидентификации, как необходимой предпосылки сохранения и развития национальных культур, привело исследователей не только к национальным ценностям, но и к индивиду, способному мотивировать свою жизнедеятельность сообразно тем ценностным ориентациям, которые сформированы этносом и являются изначальным условием духовного богатства и социокультурной стабильности нации и каждого ее представителя. Аксиология за время своего существования смогла решить множество проблем, но нерешенными остаются проблемы, рассматривающие и выявляющие прямое взаимовлияние существующих в обществе систем ценностей и закономерностей социального развития, раскрывающих роль этих процессов в формировании ценностных ориентаций индивида¹. Определение механизмов взаимовлияния системы ценностей и социального развития, способствовало бы решению проблем сохранения и развития национальных культур, этнической самобытности и духовного многообразия социальной действительности. Выявление аксиологических оснований этнокультурной и национальной самоидентификации индивида является стремлением выявить функционирование этих механизмов.

Этнокультурной и национальной самоидентификации индивида способствуют национальные ценности, отражающие совокупность национально значимых свойств и качеств материальных и духовных явлений, общепризнанных большинством членов. Но, при этом необходимым условием этнокультурной и национальной самоидентификации индивида становится степень его приобщенности к национальным ценностям и понимание их значимости для его жизнедеятельности. Приобщенность и понимание значения национальных ценностей делает последние ценностными ориентирами индивида. Как точные, обоснованные и систематизированные представления о ценностных ориентациях и рейтинге значений, которые придаются тем или иным национальным, экономическим, политическим и культурным событиям, позволяют делать определенные выводы о существе, направленности и

---

¹ Файтуллин Ф.С., Вильданов У.С., Вильданов Х.С. Гносеологический анализ ценности и ценностных ориентаций. – М.: Наука, 2008. – 292 с.

интенсивности протекающих макро- и микросоциальных процессов общественного развития, так и ценностные ориентации индивида определяют его самоидентификационные стратегии. Ценностные ориентации индивида характеризуют личностные и надындивидуальные значимости. Они как духовные идеи высокой степени обобщения, отражают цели и конечные предпочтения индивида, т. е. критерии личностного выбора и осуществляют его активность, при этом неизменно сосредотачиваются на смыслообразующих, центральных элементах ценностной системы, ее «ядре». Степень этнокультурной и национальной самоидентификации индивида зависит от многих факторов, где главное значение приобретает место национальных ценностей в общей структуре ценностных ориентаций индивида. Индивид, живущий в современных условиях, вынужден осуществлять постоянный выбор, выстраивая приоритеты в своих предпочтениях, которые в свою очередь способствуют выработке не только стратегий поведения, но и самоидентификационных стратегий индивида. В этом отношении самоидентификационные стратегии индивида, в том числе и этнокультурные и национальные, могут быть разной степени интенсивности в зависимости от возраста, объективных предпосылок в виде социального окружения, условий жизни или государственной политики.

Ценностный мир индивида достаточно четко структурирован, он отражает устойчивые диспозиции, стимулирует его к избирательной социальной активности. Ценности в процессе жизнедеятельности индивида выступают как своеобразные указующие, или долженствующие стандарты, в соответствии с которыми индивид принимает решения об отношениях с самим собой, с другими людьми, с природой и окружающей действительностью. Совокупность ценностей и ценностных ориентаций составляют мотивационную сферу индивида, направляющую его осмысленное целеполагание и деятельность. Процесс этнокультурной и национальной самоидентификации подразумевает превращение национальных ценностей, способных определять целеполагание и деятельность индивида, в личностные смыслы и смысловые установки, выступающие звеньями единого ценностно-психологического феномена, в котором личностный ценностный смысл – ценностное содержание, а смысловая установка – форма (способ) его поведенческой реализации. Ценности направляют, организуют, ориентируют поведение индивида на определенные цели, которые обуславливаются его самоидентификационными стратегиями, и в тоже время детерминируют когнитивные процессы. Т.е., в нашем случае, национальные ценности выступают как образования мотивационно-потребностной сферы и ре-

гулируют поведение людей в рамках сложившихся установок национальной культуры, с другой стороны, национальные ценности выступают для индивида как некоторые этнически обусловленные критерии оценки действительности, в частности, других людей, а также и самого себя. Но как все это происходит? Попробуем ответить на этот вопрос.

Чтоб ответить на вопрос и раскрыть механизмы этнокультурной и национальной самоидентификации, рассмотрим структуру ценностного мировоззрения индивида, которая включает в себя:

а) когнитивный аспект, образующий духовные элементы, в число которых входят национально обусловленные ценностные знания, ценностное сознание, ценностная рефлексия, чувства, оценки, ценностные ориентации индивида и его ценностное мышление;

б) мотивационно-волевой аспект, содержащий в себе сформированные в процессе этнокультурной и национальной самоидентификации индивида ценностные мотивации, установки, убеждения, навыки ценностной деятельности и качества индивида. Сюда включаются элементы, характеризующие превращение ценностных знаний в реальные действия, определяющие механизм этого превращения;

в) практически-деятельный аспект, состоящий из определенного ценностно этноориентированного поведения и деятельности, соблюдения ценностно обусловленных этнических норм морали, этикета общения¹.

Процесс формирования этнокультурного мировоззрения индивида протекает как бы на этих трех уровнях одновременно, но не всегда синхронно и равномерно. Формирование теоретического этноориентированного ценностного сознания – это только первый уровень овладения субъектом национальными ценностями. Второй уровень – превращение знаний в убеждения индивида. Третий уровень – деятельный, т. е. реализация этноориентированных ценностных знаний и убеждений в деятельности, поведении в рамках сложившихся установок национальной культуры. Второй уровень движения к овладению национальными ценностями представляет собой переходную ступень от теории к практике. Этноориентированные ценностные убеждения – это только потенциальная готовность к действию в рамках сложившихся установок национальной культуры, его возможность, а не само действие, и формируются эти убеждения только в процессе деятельности.

Рассматривая аксиологические основания этнокультурной и национальной самоидентификации, необходимо особо выделить такой важный пласт в структуре индивида, как система его индивидуальных

---

¹ Вильданов Х.С. Аксиологическая этнотемология: – Уфа: РИО РУИМЦ МО РБ, 2009. – 356 с.

значений, включающая в себя всю совокупность представлений, впечатлений, символов, ценностных ориентаций и других элементов психического. Элементы этнокультурного опыта, как и общечеловеческого, в сознании индивида никогда не функционируют в чистом виде, а только в контексте неповторимого индивидуального опыта. Именно в процессе усвоения индивидом системы национальных значений происходит этнокультурная и национальная самоидентификация.

Таким образом, этнокультурная и национальная самоидентификация является процессом, посредством которой происходит интериоризация индивидом национальных ценностей, определение направленности своей жизнедеятельности, формирование собственных критериев оценок объективной реальности через призму этнических интересов и расширение внутринациональных связей и отношений.

IV. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

4.1. Сущность, принципы и условия эффективности социальных технологий

Начиная с последней четверти XX в., проблема социальных технологий приобрела большую теоретическую и практическую актуальность. Уровень развития техники, науки, управленческих кадров, компьютеризация и информатизация общества, а также многие другие факторы сделали необходимым и возможным осуществить функционирование и развитие общества на основе социальных технологий. В России значимость этой проблемы многократно усиливается в связи с переходным состоянием общества и необходимостью разрешения межнациональных конфликтов.

Задача технологизации управления социальными процессами актуализировалась в связи с распадом СССР и территориально-этническими конфликтами, а проблемы социального и политического характера современности требуют дальнейшего расширения областей применения социальных технологий. Народы бывшего Союза выбрали путь образования суверенных национальных государств. Однако, пожалуй, никогда и нигде в мире многонациональные государства не распадались с такой стремительной быстротой. Сама скорость этого процесса послужила одной из причин обострения межнациональной напряженности и до сих пор влияет на социальные и этнические процессы в стране. Ни в одной стране не наблюдалось такого неблагоприятного сочетания одновременно трех кризисов: экономического, политического и национального. Резкое падение уровня жизни населения усиливает социальную и межнациональную напряженность.

Ситуация, достаточно сложная сама по себе, усугубляется тем, что стремительная ломка межнациональных отношений в Российской Федерации осуществляется в большинстве случаев без предварительной разработки стратегии и тактики перемен, без учета вероятных последствий принимаемых решений и возможных альтернатив. А принятые стратегии и законодательные акты зачастую продолжают нести декларативный характер и не реализовываются ни на общероссийском

уровне, ни на уровне субъектов Федерации. Следствием этого становится разбалансированность экономической, социальной и политической сфер жизнедеятельности общества. Кроме того, новые реальности нашей жизни: активизация общественного мнения, демократизация, национальные конфликты, забастовки и т. п. – нуждаются в социологическом осмыслении. При этом описания или объяснения того или иного социального феномена оказывается недостаточно. Нужно глубоко заниматься моделированием и конструированием социальных процессов, создавать и внедрять в жизнь принципиально новые социальные технологии. Одним словом, научные, особенно гуманитарные знания, интеллектуальные технологии должны быть включены в механизм нормального функционирования общества, выработки и реализации политики государства, осуществления экспертизы принимаемых решений и научного оппонирования им.

Однако на этом неизбежном пути к преодоления источников социальных и межэтнических потрясений лежит тяжелый груз прошлого: низкий уровень политической и социологической культуры; невостребованность, а потому и неразвитость социологического знания; многочисленные стереотипы сознания, в том числе потребность в социальных иллюзиях и невосприимчивость к инновациям, технологическим проработкам идей; склонность к эйфорическим состояниям, экстремизму и демагогии и в то же время неспособность к конструктивной работе разума, препарирующего социальный факт, конфликт не только по его природе, но и в области возможных действий. Эти стереотипы мышления мешали и продолжают мешать разработке и реализации социальных программ (межнациональных отношений, проектов), которые без должной социально-диагностической и технологической проработки нередко превращаются в директивы, дискредитируя тем самым межнациональные отношения, которыми пользуется весь цивилизованный мир.

Очень важно отметить, что разработка и расширение сферы применения социальных технологий в управлении и моделировании социальных процессов становятся основным фактором способствующим стабильному развитию всех сфер социальной действительности. В настоящее время, на наш взгляд, необходима дальнейшая разработка теоретических вопросов социальных технологий, комплекса методов и организационных процедур, направленных на оптимизацию межнациональных отношений. Такие разработки окажутся эффективными в том случае, если они будут выполнены с учетом различных уровней социального знания: общей методологии, теоретических положений и конкретных методик.

Научная теория, методология и методика социальных технологий – важнейший фактор разрешения межнациональных конфликтов. Эти проблемы наиболее активно разрабатывались специалистами двух социологических учений – марксизма и структурного функционализма. В последние десятилетия в бывшем СССР многие вопросы были разработаны в трудах В. Афанасьева, В. Иванова, А. Кулагина, Г. Журавлева, В. Патрушева, Ж. Тощенко и др. На современном этапе развития отечественной социологической науки исследование проблем социальных технологий связаны с именами Ю. П. Аверина, С. Ю. Глазьева, Б. Н. Герасимова, В. И. Курбатова, О. В. Курбатовой, В. А. Лукова, Ю. М. Резника, В. М. Шаранова, Е. В. Шарановой, О. В. Шимельфенига и др.

Структурно-функциональный анализ социальных технологий выводит необходимость управленческих структур из объективного процесса усложнения общества и его дифференциации. Так, Т. Парсонс пишет: «В достаточно дифференцированной социальной системе управленческие звенья обычно не остаются неконтролируемыми или «ненаблюдаемыми»¹.

Вместе с тем, рассматривая функционирование управленческих структур на двух уровнях организации общественной системы – институциональном и социетальном, Т. Парсонс определяет и место их в государственности, в социальной системе. «Роль попечительного органа... заключается не столько в том, чтобы указывать исполнителям, что нужно делать – это составляет осуществление «прямой власти» над ними, – сколько в том, чтобы широко определить границы того, что они могут делать законно...» «... Правительство имеет определенные наблюдательные, регулирующие и поддерживающие функции по отношению ко всем более низким уровням организации в обществе... Оно является также главным органом, определяющим характер внешних ситуаций общества, особенно постольку, поскольку это касается сравнимых «национальных» единиц»².

Что вкладывается в понятие «социальная технология»?

Основание для определения содержания данного понятия лежит, на наш взгляд, в такой плоскости. В середине XX в., с развитием научно-технической революции, социальная технология выделяется в осо-

¹ Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: Проблемы и перспективы: Американская буржуазная социология середины XX века / ред. Г. Осипов. - М.: Прогресс, 1965.

² Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: Проблемы и перспективы: Американская буржуазная социология середины XX века / ред. Г. Осипов. - М.: Прогресс, 1965.

бую отрасль духовного производства, осуществляющую прямую связь с материальным производством и общественной жизнью, – социальное управление. И в этом русле «социальные» технологии выполняют два типа задач: во-первых, определение общих целей социального развития или отдельных социальных процессов; во-вторых, разработку норм, регулятивных кодексов, обеспечивающих нормальное функционирование общества.

Пока нет единого понимания данной дефиниции. В широком смысле, по мнению Э. Маркаряна, все средства регуляции жизнедеятельности человеческих коллективов, общностей, выраженные в соответствующих ценностно-нормативных системах и социальных институтах, могут быть охарактеризованы как социальная технология. В узком смысле под социальной технологией понимается процедурная и технологическая сторона прикладной социологии¹.

Н. Стефанов под сущностью социальной технологии понимает деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности. «Чтобы деятельность получила право называться технологией, – уточняет он, – необходимо, чтобы она была сознательно и планомерно расчленена на элементы, реализующиеся в определенной последовательности².

У М. Маркова – это способ реализации... конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательных, взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются однозначно... технологии создаются не для уникальных видов деятельности, а для многократно повторяющихся³.

Согласно В. Афанасьеву социальные технологии выступают элементом механизма управления и средством перевода абстрактного языка науки... на конкретный язык... достижения поставленных целей⁴.

Г. Иконникова полагает, что это научные методы, средства, операции поэтапного осуществления целей в результате искусно, умело (технологически!) организованной деятельности людей, механизм соединения знаний с условиями их реализации⁵. И многие другие дефиниции.

¹ Маркарян Э. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. - М.: Мысль, 1983.

² Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. Пер. с болг. - М.: Прогресс, 1976.

³ Марков М. Технология и эффективность социального управления. Пер. с болгарского - М.: Прогресс, 1982.

⁴ Афанасьев В. Человек в управлении обществом. - М.: Политиздат, 1977.

⁵ Иконникова Г. О понятии социальной технологии // Философские науки. - М., 1984.

Большое количество определений понятия обуславливается не только сложностью проблемы и ее актуальностью, но еще и объясняется тем, что оно находится на стадии научной разработки. Анализ понятия «социальная технология» в научной литературе позволяет говорить, что оно объединяет несколько значений, в том числе:

- сферу научных исследований и самостоятельную область научных знаний;
- методологию организации деятельности, направленной на преобразование социальных процессов и систем. Методология подразумевает формы, способы и средства целенаправленного взаимодействия субъекта и объекта социальных процессов и систем;
- социальный инжиниринг, или сфера научно-практической деятельности, предполагающая использование инженерных принципов при формировании и трансформации социальных институтов, организаций, различных систем управления, преобразовании социальных процессов и систем;
- оптимизация деятельности субъекта социальных процессов для достижения максимальных результатов при минимальных затратах в общественных отношениях.

Существенной научной проблемой остается и отсутствие единого или хотя бы общепринятого подхода к типологизации и классификации социальных технологий. Распространёнными социальными технологиями можно считать технологии прогнозирования социальных процессов и систем, технологии социального моделирования и технологии стратегий управления. Особое внимание в науке уделяется информационным технологиям управления социальными процессами и системами.

Понимание сущности социальных явлений, формирование оптимальной, многофункциональной универсальной технологии невозможно без исторического исследования, преследующего цель не только выявить социальные закономерности в контексте исторического времени, но и разложить на составляющие действующие в его процессах социальные силы, субъекты, выявить их последовательность, определить приоритеты. По сути, обращение к историческому опыту, осмысление законов и принципов социальной действительности, сами являются источниками универсальной социальной технологии. Любое научное обоснование политики государства и социальных процессов, их системности, целесообразности и предсказуемости базируется на технологизации исторических знаний социальной действительности.

Существующие подходы к пониманию сущности социальных технологий, определение возможного потенциала в управлении соци-

альными процессами показывают основные контуры научных исследований с использованием социальных исследований. Но совершенно не разработанной остается сфера применения социальных технологий в определении алгоритмов развития межнациональных отношений и преодоления противоречий в межэтнических конфликтах. При разработке определения понятия «социальная технология преодоления межнациональных конфликтов» необходимо исходить из общей теории социальных технологий, учитывая при этом специфику и сущность межнациональных конфликтов.

Исходя из современного состояния теории социальных технологий и понимания специфики и сущности межнациональных конфликтов можно дать следующее определение социальной технологии разрешения межнациональных конфликтов. Социальная технология разрешения межнациональных конфликтов – это теория, методология, методика, механизмы и процедуры анализа причин и субъектов межнациональных конфликтов, разработка алгоритмов и поэтапная реализация социального проекта прекращения конфликтных действий и перевода межнациональных отношений в русло согласования интересов и мирного легитимного решения возникших спорных проблем между этносами. Сущность социальных технологий в преодолении межнациональных конфликтов раскрывается через анализ составляющих ее элементов, способы организации деятельности субъектов по достижению поставленной цели, условия технологизации, основные принципы, признаки технологизации и др.

Структура социальных технологий преодоления межнациональных конфликтов может быть представлена как совокупность устойчивых связей между составляющими ее элементами. В их число входят: целевая установка, объект и субъект деятельности, организация и процесс деятельности, методология принятия решений и реализации алгоритмов развития процессов, информационное обеспечение. Исходным моментом в разработке и применении этой технологии выделяются теоретические, методологические, методические и процедурные аспекты деятельности.

Разработка и использование социальных технологий в межнациональных прежде всего направлена на решение следующих задач:

- формирование логически завершеного механизма регулирования межнациональных конфликтов;
- обеспечение оперативного применения необходимых управленческих нововведений в условиях обострения противоречий;
- составление прогноза и алгоритмов развития межэтнических противоречий в условиях конфликта;

- проектирование пошаговой и поэтапной деятельности по преодолению противоречий конфликта и условий бесконфликтного сосуществования субъектов межэтнического социального процесса;
- моделирование приемов и методов управления процессом разрешения конфликтов.

При определении содержания и функций, проектирования шагов и этапов, моделирования алгоритмов социальных технологий необходимо исходить из совокупности предпосылок и источников возникновения и развития межнационального конфликта. В общем виде она представлена на схеме.

Технологии диагностики межнационального конфликта
(Примерная модель структуры основных элементов)

Причины возникновения конфликта	*Политические; *Экономические; *Социальные; *Территориальные; *Национально-культурные; *Исторические; *Религиозные; *Экологические
Факторы возникновения конфликта	*Феномен национального самосознания; *Скопление опасной критической массы причин; *Наличие конкретных политических сил, способных использовать конфликт для реализации определенных целей
Цели конфликтующих сторон	*Обретение политической власти; *Формирование государственности и механизмов самоопределения; *Решение проблем социально-экономического, культурно-языкового, территориального, правового, конфессионального характера
Алгоритмы решения конфликта	* Позиция силы – победа одной из сторон над другой; * Компромисс – замораживание конфликта без преодоления противоречий; * Консенсус – завершение конфликта с согласованием позиций сторон; *Гармонизация межнациональных отношений

Уровень понимания социальных технологий при организации преодоления предпосылок и источников межнациональных конфликтов отражает глубину нашего реального знания:

во-первых, сущности исследуемых процессов, особенностей их проявления в национально-территориальных образованиях, измерения их качественных и количественных характеристик;

во-вторых, их диалектической связи с другими процессами, видами социальной деятельности;

в-третьих, форм и методов управления, обеспечивающих достижение планируемого, прогнозируемого уровня межнациональных отношений.

К сожалению, до сих пор социальные технологии как инновационный метод социального управления не получила широкого использования при решении проблем межнациональных отношений, преодолении межнациональных конфликтов. Поэтому гармонизация национальных отношений сегодня требует не абстрактного теоретизирования по этому поводу, а конкретной разработки механизмов достижения результатов на основе технологизации процессов национальной политики. Использование социальных технологий становится объективной потребностью деятельности по управлению процессами гармонизации межнациональных отношений.

Особое место в урегулировании межнациональных отношений принадлежат универсальным технологиям, используемым в других социальных процессах, инновационным формам организации деятельности социальных субъектов. Немаловажную роль при этом играет прошлый опыт, на основе которого происходит моделирование социальных процессов и поведения субъектов. Всякая частная технология, возможный пакет технологий начинаются с разработки универсальных технологий глобального развития, моделирования и социального прогноза. Вопросы глобального моделирования давно и успешно разрабатываются научными центрами. Предметом их исследования стали политические процессы в отдельной стране и мире, проблемы экономического развития государств и регионов, вопросы сохранения мира, природы. Теория глобального моделирования успешно используется для оценки социальной ситуации, сложившейся в том или ином регионе мира, отдельной стране.

Опыт разработки проблем глобального моделирования, политического прогнозирования и его использования в выработке политического курса страны, политики и механизма ее реализации хорошо известен и давно применяется в цивилизованных странах при осуществлении политических функций на уровне парламентов, правительств и даже региональных органов власти. В этой деятельности на разных уровнях управления используется универсальная технология модерни-

защиты общества, выхода его из кризисного состояния и прогнозных оценок. Она позволяет полнее понять особенности той или иной конкретной ситуации и найти оптимальные пути снятия социального напряжения, разрешения конфликта и т. п.

В условиях переходных состояний значение стратегических и аналитических подходов многократно возрастает на всех уровнях управления. Прошлый и настоящий опыт разработки и реализации крупных региональных программ свидетельствует, что наличие в объединенной территории своей стратегии в ситуациях обострения противоречий и повышения социальной напряженности обеспечивает некоторые выгоды, что особенно важно в условиях суверенизации национально-территориальных образований, когда значение стратегических и аналитических подходов для каждого субъекта федерации многократно возрастает.

Социальные технологии входят в практику, внедряясь в государственную национальную политику преодоления межнациональных конфликтов и доказав свою значимую роль в разработке и реализации определенных социальных стратегий и алгоритмов. Но, эффективность их применения крайне ограничена, что прежде всего связано недостаточной наукоемкостью. Особенно это относится к сфере оптимизации межнациональных отношений, выработке и реализации государственной политики.

Социальные технологии представляют собой новый и пока неосознанный до конца способ разрешения межнациональных конфликтов. При внедрении их мы сталкиваемся с проблемами, характерными для любого процесса нововведения. Они, на наш взгляд, окажутся эффективными при:

- а) непрерывном наращивании их наукоемкости;
- б) преодолении кризисной ситуации;
- в) наличии специалистов – социальных технологов, которые воспроизводятся на современной научно-методической базе и реально участвуют в разрешении межнациональных конфликтов;
- г) существенном изменении отношения общества к интеллектуальной деятельности, преодолении бездуховности и антиинтеллектуализма, отрицательного инновационного фона, создающего барьер невосприятия на пути любого неординарного решения, наукоемкого проекта и делающего их кладбищем идей.

4.2. Технологии прогнозирования межнациональных конфликтов

В современных условиях неперенным элементом социальных технологий разрешения межнациональных конфликтов выступает прогнозирование и моделирование как самих межнациональных конфликтов, так и процесса их разрешения. Прогнозирование межнациональных отношений – это элемент и этап социального управления, заключающийся в выработке научно обоснованного суждения о возможном развитии межнациональных отношений, необходимого для выявления узловых проблем, выбора наиболее оптимальных путей достижения результатов.

Прогнозирование представляет конкретную технологию исследовательской деятельности, в которой определены основные операции и процедуры, позволяющие использовать потенциал теории и практики научного управления процессом разрешения межнациональных конфликтов. Рассмотреть и проанализировать варианты решения прогнозистических проблем в межнациональных конфликтах – значит построить модели будущих элементов межнациональных отношений. Истинная теория, научная методология и методика – это первый и главный фактор в деле успешного прогнозирования.

Закономерен постоянно растущий в обществе интерес к проблеме прогнозирования. Глубокие качественные изменения, происходящие в мире, требуют серьезного переосмысления и прогнозирования взаимодействия государства, национального интереса, ролевой динамики конфликта в международных и межнациональных отношениях. Трудности прогнозирования межнациональных конфликтов обуславливаются многофакторностью, сложностью, вероятностной природой процессов, часто случайными по своему характеру воздействиями. Сложность и многовариантность политических процессов в обществе создают дополнительные трудности прогнозирования их развития, но не отрицают его возможности вообще. Все более расширяющееся познание законов функционирования и развития политических систем создает возможность разработки определенных и в этом смысле однозначных научных прогнозов в межнациональных конфликтах. Вместе с тем будущее начинает представляться какой-то аморфной механикой, в которой есть все и ничего определенного. Текущая политика в межнациональных отношениях сплошь и рядом демонстрирует свою неспособность предвидеть самые ближайшие последствия собственных решений. Речь идет о надежном прогнозировании, которое позволило бы лучше использовать потенциал общества. При всем внешнем благопо-

лучии с исследованием проблем прогнозирования положение дел, на наш взгляд, совершенно неудовлетворительное. Отчасти это объясняется тем, что у исследователей нет единого мнения о таких основополагающих понятиях в межнациональных отношениях, как «прогноз», «псевдопрогноз», «надежность прогноза». Но, основной причиной на современном этапе является то, что государство и власть не проявляет интереса к научным исследованиям социального прогнозирования межнациональных отношений и межэтнических конфликтов. Те материалы, которые являются результатами социологических опросов, не влияют при принятии решений в социальных и национально-культурных сферах. Однозначно можно утверждать, что власть не держит свою руку на пульсе межнациональных отношений. Надежда на вертикаль власти и силовые методы преодоления кризиса в межнациональных отношениях может оказаться призрачной.

Обновление общества и межнациональных отношений продемонстрировали новый тип экономической и духовной динамики общества, но это еще не стало объектом систематического использования в социологии методов прогнозирования.

Актуальность использования методов прогнозирования обусловлена требованиями теории и практики обновления общества. Назовем такие из них, как необходимость повышения научной обоснованности прогнозов, служащих основой разработки технологии разрешения межнациональных конфликтов на первых этапах их развития, путем совершенствования методологии прогнозирования, а также экстраполяционного прогнозирования как составной части мер, направленных на повышение эффективности профилактики и преодоления межнациональных конфликтов.

В истории нашей страны прогнозы были не только научными положениями, но и служили средством проведения реальной политики. В первые годы советской власти впервые были разработаны научные методы планирования, развивалось и прогнозирование. Делались прогнозы рыночной конъюнктуры, урожайности, численности народонаселения и др. К сожалению, в 30-40-е годы прогнозирование было признано лженаукой и свернуто. Его возрождение началось под влиянием научно-технической революции. По мнению Э. Янча, научно-техническое прогнозирование (в западной научной литературе «технологическое прогнозирование») возникло в качестве признанной самостоятельной области управления примерно в 1960 годах¹. В СССР это

---

¹ Янг Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. - М., 1970.

направление стало бурно развиваться с 1966 г. Появился новый термин «прогностика» для обозначения научного направления, целью которого является научно-техническое и социально-экономическое прогнозирование. Сложилось несколько центров прогнозирования (Москва, Киев, Новосибирск и др.).

Сейчас возник важный блок прогностических проблем, которые приобрели особую остроту в связи с появлением большого числа новых суверенных государств. Стало очевидным, что вопросы методологии построения социального прогноза ныне чрезвычайно актуальны, так как без корректной методологии невозможно очертить контуры проблем национальных отношений. В исследованиях затрагивается широкий круг методологических вопросов прогнозирования, вместе с тем следует отметить, что необходимы комплексные исследования этой проблемы, в частности такой темы, как «Политическое прогнозирование межнациональных конфликтов в национально-территориальных образованиях», тем более что фундаментальных философско-социологических исследований по этой теме пока нет, лишь идет процесс ее теоретического осмысления и накопления материала. В связи с этим необходима разработка системы понятий, принципов и методов прогнозирования, что предполагает решение следующих задач: дать определение понятия «прогноз-конфликт» в межнациональных отношениях и разработать универсальные методы качественного и количественного прогнозирования.

Написание данного раздела было во многом облегчено имеющимися монографиями отечественных исследователей по смежной тематике. В целях представления о сущности современного прогнозирования и его тенденциях мы будем обращаться к «Рабочей книге по прогнозированию», вышедшей в 1982 г. под редакцией И. В. Бестужева-Лады, С. А. Саркисяна, Э. С. Минаева и Е. Н. Мельниковой. В этой монографии проанализирован опыт исследователей в области прогнозирования, приводится следующее определение: «Прогноз – научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их существования»¹. Это определение, на наш взгляд, является наиболее оптимальным по данной проблеме.

Вместе с тем, по мнению автора монографии «Экстраполяционная прогностика» Е. Д. Гражданникова, представление о прогнозе как суждении о будущем имеет принципиальный недостаток. Дело в том, что

---

¹ Рабочая книга по прогнозированию. - М.: Мысль, 1982. - 430 с.

«суждение о возможных состояниях объекта в будущем» не может быть сделано, потому что будущее не существует материально. Апелляция к «возможности» не спасет положение, ибо изучать «возможные состояния» еще сложнее, чем реальность¹. Чтобы дать более точное определение понятия «прогноз», необходимо провести его анализ (категориальный, семантический и т. д.). Но это не входит в проблему данной темы, и поэтому мы ограничимся лишь его выделением. И тем не менее отметим, что методология и методика прогнозирования в межнациональных отношениях в отечественной литературе рассматривается впервые.

В числе методологических подходов к проблеме прогнозирования межнациональных конфликтов необходимо рассматривать два различных понятия – «экстраполяционный прогноз» и «целевой прогноз». Между этими двумя понятиями есть сходство (в национально-территориальных образованиях оба относятся к будущему времени) и принципиальные различия (экстраполяционный прогноз в преодолении межнациональных конфликтов однозначен, ибо исследование закономерности дает лишь один вариант, хотя и со статистическим моделированием), целевой же прогноз обычно содержит набор альтернатив, ибо цели, технологии разрешения межнациональных конфликтов различны, и с помощью одних и тех же средств можно достичь самых различных целей).

Одним из методологических подходов к проблеме прогнозирования межнациональных конфликтов является постоянное экстраполяционное прогнозирование (ПЭП), которое, как правило, сначала дает прогнозы, совпадающие с реальностью, затем позволяет предвидеть момент, когда предпринятые меры дадут необходимый эффект. Весьма известные примеры экстраполяции приводят в своих работах Кан и его соавторы на материале слаборазвитых стран². Для прогнозирования процессов применяется экстраполяция как своего рода «гиперболизирующий» метод, позволяющий экстраполировать межнациональные конфликты до крайней точки их развития. Если экстраполяционный прогноз отвечает на вопрос: возможно ли ожидать межнациональный конфликт, если события будут развиваться в существующем направлении, то целевой прогноз отвечает на ряд вопросов. Например, может ли самоопределение принимать различные формы – государственное от-

¹ Гражданников Е. Экстраполяционная прогностика. Новосибирск, 1988.

² Kahn H., Wiener A. The year 2000: A framework for speculation. - L., 1969; Kahn H., Bruce-Briggs B. Things to come: Thinking about the seventies and eighties. - N.-Y., 1973; Kahn H., Brown W., Moriel L. The next 2000 years: A scenario for America and the world. - N.-Y., 1979; Kahn H. World economic development. - Boulder (Col.), 1979.

деление, вхождение в другое государство в качестве его составной части? Если да, то что нужно сделать национально-территориальным образованиям для взаимоприемлемых вариантов? Если нет, то что нужно сделать, чтобы данные события осуществлялись и т. д.?

Экстраполяцию можно рассматривать как своего рода «гиперболизирующий» метод, позволяющий распространять межнациональные конфликты до крайней точки их развития. Она представляет собой поиск, прогнозирование межнациональных конфликтов на основе существующих тенденций развития. Экстраполяционное прогнозирование, как правило, сначала дает прогнозы, отражающие развитие реальности, затем позволяет предвидеть момент, когда принятые меры дадут необходимый эффект. Этот метод удачно применен в проектах государственных программ по решению национальных и межнациональных проблем, разработанных группой социологов под руководством Р. Т. Абдулатипова. Однако экстраполяционное прогнозирование межнациональных конфликтов пока не пользуется достаточным вниманием, поскольку его методология разработана слабо, а область применения чрезвычайно сужена. Это отрицательно сказывается на качестве и количестве прогнозов в условиях радикальной экономической реформы. Вообще следует отметить, что одних методических приемов недостаточно для научно обоснованного прогноза, необходимы еще методологические принципы. В этом качестве можно использовать для прогнозирования национальных отношений и технологий преодоления межнациональных конфликтов предлагаемые «Рабочей книгой по прогнозированию» принципы системности, согласованности, рентабельности, вариативности, непрерывности, верифицируемости.

Опыт современного прогнозирования свидетельствует о том, что каждой качественной закономерности соответствует своя количественная закономерность. Поэтому одним из значимых методологических подходов к прогнозированию межнациональных конфликтов является применение качественных и количественных прогнозов.

Для обеспечения научной обоснованности прогнозов предлагается несколько видов их верификации: прямая, косвенная, инверсная (лат. *inversio* – переворачивание, перестановка), консеквентная (лат. *consequens* – последовательный), повторный опрос, учет ошибок, компетентная экспертиза. Например, прямая верификация – это «верификация прогноза путем его разработки методом, отличным от первоначально использованного»¹. Эти методические приемы разработки про-

---

¹ Рабочая книга по прогнозированию. - М.: Мысль, 1982. – С. 30.

гнозов присмелемы и для прогнозирования межнациональных конфликтов в национально-территориальных образованиях.

Чтобы добиться эффективного прогнозирования, нужны методы, позволяющие получать надежные прогнозы межнациональных отношений и модели потенциальных межэтнических противоречий. В прогнозировании часто используются: метод аналогии, метод сценария, метод моделирования. Отметим, что в настоящее время для организации социального прогнозирования разработано несколько сот конкретных методик. Среди этих методик большинство не имеет серьезного методологического и теоретического обоснования и основаны на эмпирическом материале и сформированы опытным путем.

Применение метода аналогии при конструировании технологии преодоления межэтнических противоречий, предполагает сопоставление прогнозируемого межнационального конфликта с процессами межнациональных отношений, которые уже произошли в прошлом. В процессе разработки механизмов преодоления межнациональных конфликтов метод аналогии становится весьма эффективным элементом технологий преодоления межэтнических противоречий, так как основывается закономерностях функционирования политических, социальных и экономических систем в критических ситуациях. Вместе с тем следует отметить, что в методе аналогии не учитываются возможности серьезных переломов, качественных изменений текущих процессов. В этом случае переоценка данной методики может привести к узости суждений о перспективах развития социальных процессов, к упущению новых качественных сдвигов в развитии межнациональных отношений.

Еще один из методов качественного экстраполяционного и целевого прогнозирования путей преодоления межнациональных конфликтов – составление сценариев. Составление сценариев – это метод, позволяющий продуцировать альтернативные сценарии будущего. При составлении сценария обычно руководствуются так называемыми принципами альтернативности и контурности, предполагающими разработку не одного варианта будущего, а нескольких. Как отмечает А. Кларк, именно принцип контурности позволяет очертить «профили будущего»¹. Этот метод сам по себе идеологически нейтрален, но выбор проблем для сценарной обработки, акцент на тех или иных факторах может, по мнению некоторых специалистов, демонстрировать идеологическую ангажированность (Г. Кан, Д. Медоуза, М. Месарович, П. Эрлих и др.).

---

¹ Кларк А. Черты будущего. - М., 1966.

Сценарий представляет собой описательное воспроизведение будущих межнациональных отношений. При разработке сценариев исследователь выстраивает порядок событий и процессов, основываясь на определённую их логическую последовательность, что позволяет сформулировать варианты и альтернативы развития процессов в межнациональных отношениях в зависимости от поведения субъектов и состояния структурных элементов межэтнических противоречий. Ожидаемые поведение субъектов и состояния структурных элементов показывают не только причинно-следственные связи, но и раскрывают опорные пункты сценария, где необходимо принятие конкретных решений. Возможность пошагово и поэтапно моделировать сценарий позволяет разрабатывать на каждом отдельном этапе развития событий в зависимости от поведения системы альтернативные решения, которые обеспечивают условия заблаговременного реагирования на потенциальные вызовы. Выстраивание сценария, основанного на поэтапной вариативности развития ситуации в межнациональных противоречиях, допускает включение в сценарий или удаление из него тех факторов, которые способны усиливать или уменьшать свое влияние на события в зависимости от обстоятельств.

Сценарий, как составной элемент технологии преодоления межэтнических противоречий, неизменной своей частью предполагает конечный результат, то есть, то состояние межэтнического процесса, способное удовлетворять интересы конфликтующих сторон. Соответственно, исследователь, выстраивая сценарий, на каждом этапе развития событий, вырабатывает необходимые решения, которые способны кратчайшим путем приводить к ожидаемым результатам или конечной цели. Метод сценариев, допускающий конкретную конечную цель, оперирует различными факторами, позволяющими облегчать или способными усложнять процесс достижения ожидаемого результата.

На наш взгляд, эффективным элементом технологии преодоления межнациональных конфликтов в национально-территориальных образованиях является метод моделирования, т. е. имитация структурных процессов функционирования и развития конфликтов и определение возможных тенденций их движения. Основы моделирования в научной литературе изложены достаточно полно. «Под моделью, — пишет, например, В. А. Штофф, — понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте»¹.

---

¹ Штофф В. Моделирование и философия. - М.: Л.: Наука, 1966.

Как отмечал академик В. Немчинов, «модель – это своего рода абстракция, промежуточное звено между теоретическим, абстрактным мышлением и объективной действительностью... Модель есть средство выделения какой-либо объективно действующей системы закономерных связей»¹.

Модели межнациональных отношений могут выступать как в форме словесного описания в терминах гуманитарных наук, так и в форме графиков, диаграмм, математических формул. Они могут различаться в зависимости от:

- 1) разных типов конфликтов;
- 2) способа воспроизведения имитируемых процессов;
- 3) средств моделирования.

Модели межнациональных отношений принято подразделять на следующие типы:

- а) статистические, т. е. отображающие конфликты в тот или иной момент времени;
- б) простые динамические, отображающие не только структуру, но и процесс реализации технологий преодоления конфликтов;
- в) сложные динамические модели, воспроизводящие не только структуру и процесс развития, но и источник конфликтов, т. е. процесс количественно-качественных трансформаций межнациональных отношений.

Несомненно, любая модель системной организации, на которой разворачивается конфликт, дает упрощенное отображение объективной системы или процесса и выступает как форма абстракции, сущность которой состоит в выделении основных социально-экономических политических, духовных факторов, наиболее существенных для тех социальных общностей, в которых есть межнациональные конфликты.

Технология моделирования межнациональных конфликтов в примерной схеме выглядит следующим образом: выявление конфликта, политические выводы из фактов на уровне эмпирического опыта, объяснение посредством гипотезы, превращение гипотезы в теорию. Данная технология обеспечивает постановку предвидения на реальную почву.

Прогнозирование межнациональных конфликтов включает в себя представление о будущем состоянии национальных и межнациональных отношений. Моделирование социальных явлений, процессов достаточно сложно. Это связано:

- во-первых, с многофакторностью данных явлений и процессов;

---

¹ Немчинов В. Экономико-математические модели и методы. – М. Мысль, 1965.

во-вторых, со стохастическим характером моделей;

в-третьих, с тем, что факторы, определяющие социальные явления и процессы, обычно складываются из признаков, которые трудно поддаются количественному описанию;

в-четвертых, с социальными явлениями и процессами, претерпевающими постоянные изменения, которые не улавливаются в пределах одной модели.

Таким образом, модели общественных процессов содержат большое количество неопределенностей. Поэтому получаемые при анализе выводы не однозначны, а имеют вероятностный характер описания. Уровень сложности прогнозирования межнациональных конфликтов определяется в первую очередь степенью сложности самого процесса, а также возможностями его исследования. Степень соответствия прогнозирования конфликта реальному процессу зависит от полноты учета факторов его развития. Число факторов любого относительно сложного духовного процесса теоретически бесконечно, поэтому важно выделить основные, наиболее существенные факторы, определяющие главное в процессе.

При построении модели прогнозируемого процесса приходится иметь дело с тремя группами факторов:

первая группа – совокупность необходимых условий существования и развития прогнозируемого процесса;

вторая группа характеризует сам исследуемый процесс, систему же связей между факторами даст нам модель прогнозируемого процесса в узком смысле этого слова;

третья группа – совокупность тех факторов, которые порождаются процессом развития прогнозируемой области и в силу этого они могут иметь обратное влияние на развитие моделируемой области. В широком смысле прогностическая модель должна учитывать все три группы факторов и взаимосвязи, которые между ними существуют.

Моделирование межнациональных конфликтов представляет собой исследование систем, процессов на отображающих эти объекты моделях. При этом используются различные количественные методы, подразделяемые на следующие группы:

- системно-функциональный подход;
- математический подход;
- метод коллективной экспертной оценки.

В прогнозировании межнациональных конфликтов, на наш взгляд, эффективным и плодотворным является комплексный системный или системно-функциональный подход, входящие в число методов

количественного прогнозирования. Залогом взаимоприемлемого разрешения любых противоречий в межнациональных отношениях служит системность последних. Стоит раздвинуть рамки противоречий, увязать их предмет с другими ресурсами и ценностями – и варианты взаимовыгодного урегулирования становятся гораздо более различными¹.

Известны попытки использования системного анализа для оценки степени напряженности конфликта. Однако без конструктивной концепции возникновения конфликтных ситуаций системный подход сам по себе не дает возможности качественного улучшения методологии анализа социальных процессов.

Обоснование системной концепции конфликта на базе новых понятий и построение динамической модели конфликтного процесса с учетом специфической силы социального функционирования и исторического развития позволяют получить функциональную связь между показателем напряженности и основными объективными и субъективными факторами, отражающими состояние межнациональных отношений. Вот почему дальнейшие перспективы успешного исследования межнациональных конфликтов, на наш взгляд, связаны с созданием методологии количественного анализа конфликтов, избавленной от черт «психологизации» и идеологического субъективизма, методологии, способной оперировать объективными количественными показателями состояния межнациональных отношений. Усиление потребностей в количественных оценках характеристик межнациональных отношений и развитие возможностей и вычислительных средств стимулируют поиск формализованных методов анализа конфликтов. Однако успех получения количественных оценок зависит от методологических основ анализа конфликтных ситуаций, в частности от форм и содержания определений причин конфликтов и возможности использования их в формализованных методиках.

Применение системного анализа при разработке технологий прогнозирования межнациональных отношений и конфликтов способствует объективизации результатов. При системном анализе исследователь моделирует структуру социальной действительности, где происходят межнациональные процессы, определяет функциональность каждого структурного элемента в динамике и осуществляет математическую формализацию теории прогнозирования межнациональных конфликтов. Трудность в формализации, однако, состоит, прежде все-

---

¹ Энтин М. От урегулирования к предотвращению конфликтов: потребность в превентивной дипломатии // Международные исследования. - М., 1991. 1-2 (5).

го, в том, чтобы придать количественное выражение такой качественной категории, как межнациональный конфликт.

Обстоятельства, оказывающие наиболее существенное влияние на разработку технологий предотвращения межнациональных конфликтов на стадии действия, составляют целый комплекс сложных экономических, социальных, политических и духовных факторов. Выявление основных факторов, выступающих начальной точкой межнациональных конфликтов – сама по себе большая теоретическая проблема. В этой совокупности факторов легче анализируются социально-экономические, которые можно свести в таблицу и заполнить ее фактическим материалом по определенным критериям. Критериями выступают те показатели, которые определяют уровень социально-экономического состояния объекта исследования. Эти показатели формируют главные контуры, на основе которых выстраивается технология определения межнациональных конфликтов. Эмпирические данные, систематизированные за несколько лет, позволяют выстраивать статистический ряд по каждому конкретному критерию, что, с одной стороны, повышает объективность результатов исследования, а с другой – позволяет более точно определять цель и задачи технологии решения проблемы, что, соответственно, повышает эффективность результатов применения той или иной технологии.

По этим данным, в свою очередь, прослеживаются и изучаются социально-экономические факторы в количественном выражении за рассматриваемый отрезок времени и сопоставляется по критериям и показателям состояние в прошлом и настоящем. Статистический ряд показывает динамику социально-экономических факторов, что позволяет проследить направление и интенсивность и траекторию развития. На следующем этапе анализа, полученные социально-экономические значения позволяют рассчитывать корреляцию межнациональных отношений и конфликтов с данными значениями.

Одновременно с социально-экономическими, анализируются политические и духовные факторы в количественном и качественном выражении. По результатам определяется динамика развития политической и духовной сфер. Показатели различных факторов позволяют сопоставлять их между собой, рассмотреть степень взаимовлияния и взаимообусловленности. Подобный анализ позволяет, во-первых, определять степень влияния каждого фактора на межнациональные отношения и конфликты, во-вторых, показать точки соприкосновения между факторами, в которых происходит усиление влияния на межэтническое взаимодействие, в-третьих, рассмотреть детерминирован-

ность межнациональных отношений и конфликтов совокупностью всех рассматриваемых факторов. Особенность анализа политических и духовных факторов заключается в том, что при систематизации фактического материала влияние элемента субъективности значительно выше, что связано неоднозначностью оценок политических и духовных оценок событий и показателей.

На основе анализа статистических данных, фактического материала определяются основные тенденции и устойчивый вектор развития межнациональных отношений и конфликтов в прошедшие годы. Знание устойчивого вектора развития позволяет построить кривую, характеризующую межнациональные отношения в будущем. Естественно, что проблема заключается именно в такой экстраполяции, т. е. в переносе, распространении на будущее тех тенденций в межнациональных отношениях, которые характеризовали эти отношения в прошлом. И это понятно – характеристика векторов развития в будущем, реализация технологий преодоления конфликтов определяются не только прошлыми тенденциями, но на них влияют множество показателей современного состояния социальной системы. Поэтому выстраивание технологий прогнозирования межнациональных конфликтов становится возможным лишь с учетом характеристик актуальных на данном этапе факторов.

Прогнозирование межнациональных конфликтов с применением метода математической экстраполяции основывается на определении временных рядов устойчивых векторов развития, которые характеризуют межнациональные отношения в триаде «прошлое – настоящее – будущее». Этот метод «рассчитан на то, что комбинированное действие внутренних и внешних факторов, обусловивших определенную тенденцию в прошлом, останется неизменным и в течение будущего периода будет постепенно и плавно изменяться в соответствии с расчетной кривой. Поэтому нередко предполагается, что период экстраполяции не должен превышать прошлого периода, для которого имеются зарегистрированные фактические данные»¹. Разрабатывая технологии прогнозирования межнациональных конфликтов, следует учитывать, что простая экстраполяция не будет правильно отражать механизм сохранения устойчивых векторов развития социальной системы. Выстраивание преемственности устойчивых векторов развития в прошлом, настоящем и будущем возможно только при сложной экстраполяции.

---

¹ Федосеев М. Экономико-математические методы и прикладные модели. - М.: ЮНИТИ, 1999.-391с. -с.187-228.

Для проведения расчетов с применением экстраполяции, используются математическая теория вероятности, АСУ межнациональных конфликтов, компьютеры, необходимые для быстрой обработки большого количества информации и эмпирических данных, позволяющих прогнозировать разные типы межнациональных конфликтов на различных этапах их развития. До сих пор в области прогнозирования конфликтов методы сложной экстраполяции не применялись, но в совокупности с другими применяемыми методами и средствами эти методы должны дать значительный эффект. При этом обязательным условием является необходимость учитывать установленные закономерности. Если исследователь не будет учитывать существующие в данный момент условия и закономерности, то, естественно, такая экстраполяция не даст эффективных результатов, а прогноз конфликтов окажется не правильным. Изменчивость условий и факторов социальных процессов, в особенности в ситуации конфликта, метод экстраполяции в исследовании межнациональных отношений дает эффективные результаты при рассмотрении краткосрочных периодов. «Однако при прогнозировании долгосрочных социальных процессов метод экстраполяции – и сложной, и тем более простой – бывает недостаточно надежным, может привести к серьезным отклонениям. Он мало подходит для прогнозирования качественных сдвигов и изменений»¹.

Возникает вопрос: как прогнозировать качественные изменения в межнациональных конфликтах на первых этапах их развития? Вопрос этот чрезвычайно сложен. Например, определенную роль в дальнейшем может играть определение пороговых значений при анализе фактического материала и экстраполяционных тенденций на стадии действий. Анализ фактического материала и экстраполяционных тенденций позволяет определять качественные показатели, в рамках которых не происходят изменения качественного состояния социальных процессов и социальная система не меняет свое поведение. Выявление пороговых значений в прогнозировании межнациональных конфликтов способствует определять какие-то количественные критерии, помогающие выявлять комплекс объективных признаков, которые демонстрируют состояние социальных процессов и бифуркационные точки, характеризующие переход системы из одного качественного состояния в другое.

В дальнейшем при исследовании межнациональных конфликтов путем соотношения количественных и качественных показателей,

---

¹ Там же. – с. 188

определения бифуркационных точек, когда социальная система проходит порог невозврата в предыдущее состояние, позволит выявить средний «коэффициент стабильности». Определение среднего «коэффициента стабильности» позволяет выстраивать алгоритмы управления социальными процессами, чтоб не допускать доведения состояния социальной системы до бифуркационных точек и обеспечивать ее стабильное функционирование.

Для анализа и расчета объективных результатов взаимообусловленности совокупности факторов и путей оптимизации межнациональных отношений необходима современная компьютерная техника со специальным программным обеспечением. Само собой разумеется, что существующие математические теории, информационные системы и программное обеспечение еще не являются достаточно эффективными для разработки качественных, сравнительно точных и надежных процедур, имеющих оперативное значение в технологии разрешения межнациональных конфликтов. Поиск решения проблемы количественного изменения, квантификации роли и влияния различных социально-экономических, политических, духовных факторов, действующих в социальной сфере, являются одним из главных условий использования новых технических средств и систем в целях количественного анализа конфликтов. Вместе с тем необходимо еще раз указать, что главное условие разработки эффективных механизмов прогнозирования – это не технические средства и системы, а вооруженность исследователей, разрабатывающих прогнозы, теорией, методологией и методами прогнозирования.

При разработке технологий прогнозирования конфликтов громадное значение имеет постоянная корректировка предыдущих прогнозов, систематическое обновление в этих прогнозах изменений и дополнений в соответствии с трансформацией объективной социально-экономической, политической и духовной ситуации в социальных процессах, выявление новых тенденций развития.

Независимо от качества и эффективности того или иного метода социального прогнозирования, максимальная результативность прогноза может быть достигнута только при условии верификации и сопоставлении выводов другими методами исследования. Плодотворным методом социальных технологий является оценка межнациональных конфликтов экспертами. Экспертная оценка может быть индивидуальной или коллективной. При применении метода экспертной оценки обычно проводится анкетирование специалистов-экспертов с использованием всего арсенала методологии анкетирования. Прогнозирование межнациональных конфликтов при использовании экспертных

оценок основывается не на углубленном изучении социальных процессов, а в результате опроса мнения специалистов и их видения развития событий, а выводы базируются на усреднении оценок всех участников анкетирования. Поскольку мир постоянно меняется, вечных прогнозов быть не может. Как бы точно ни совпадал прогноз с реальностью, его нужно заменять новым. Когда обнаруживается отклонение экстраполяционного прогноза от действительности, еще не обязательно делать вывод о его ошибочности. Выявление такого отклонения порой не менее значимо, чем прогноз, потому что позволяет выявить новые, нарождающиеся явления в международных отношениях.

На наш взгляд, цель прогнозирования международных конфликтов заключается в том, чтобы обеспечить наибольшую эффективность мероприятий с учетом конкретных условий. Поэтому предложения, оценки, прогностические выводы и прогнозирование в организации преодоления их не носят жесткого характера, а отражают рамки реализации тех или иных возможностей в социальном процессе.

Подготовка прогноза международных конфликтов осуществляется поэтапно и предполагает несколько стадий:

- 1) структурный анализ социальных процессов в многонациональном обществе;
- 2) выявление основных социально-экономических, политических и духовных факторов, оказывающих влияние на потенциальный конфликт, а также характеристика роли и значимости данных факторов в количественном и качественном выражениях;
- 3) опираясь на статистические данные и фактический материал, определение устойчивых векторов развития социальных и международных процессов, основных траекторий и тенденций движения системы в триаде «прошлое – настоящее – будущее»;
- 4) экстраполяция выявленных векторов развития, траекторий и тенденций на будущее;
- 5) синтез ожидаемых векторов устойчивого развития социальной системы в их взаимодействии в пределах предложенной модели;
- 6) разработка на основе анализированного материала обоснованного прогноза международных отношений и технологий преодоления конфликтов;
- 7) систематическая корректировка прогноза с учетом социальных, политико-правовых и духовно-культурных изменений социальной среды.

Одна из важнейших проблем прогнозирования – обеспечение надежности прогноза. В исследовании международных конфликтов под

надежностью прогноза принято понимать необходимую или, по крайней мере, достаточную степень вероятности, оправданности разрабатываемого прогноза. Она зависит от ряда условий и социально-экономических, политических, духовных факторов, среди них следующие:

- 1) глубина и четкость нашего знания объективных законов межнациональных отношений;
- 2) степень изученности конкретных межнациональных процессов, междисциплинарного подхода условиям и причинно-следственным связям, обуславливающих развитие этих процессов;
- 3) систематическое обновление информации, своевременное включение эмпирических и социологических данных о конкретных межнациональных конфликтах в прогнозирование социальных процессов.

Дальнейшее развитие методологии прогнозирования, совершенствование теории, поиск новых способов сбора и анализа эмпирического материала будут способствовать повышению эффективности и надежности прогнозирования. К тому же необходимым условием исследования межнациональных конфликтов, их прогнозирования становится наличие в распоряжении специалистов, осуществляющих прогнозирование, фактической, объективной информации о межнациональных процессах. Качественный уровень и надежность результатов прогнозирования прямо пропорциональны степени полноты и достоверности информации. Дальнейшее совершенствование прогнозирования конфликтов неизбежно потребует постоянного улучшения и систематического расширения сбора данных о социально-политическом, экономическом, духовном развитии общества, совершенствования и детализации социальной и экономической статистики, увеличения обработки информации, контроля над степенью ее достоверности.

При эскалации межнациональных конфликтов в условиях «информационной революции» возможно ускорение и усложнение реагирования субъектов на прогнозируемые факторы в результате повышения их прогностической информированности. Обратные связи в системе «прогноз – субъект – межнациональные отношения» могут весьма быстро и существенно модифицировать как саму проблему, так и процесс рефлексирования от объекта.

4.3. Технологии разрешения межнациональных конфликтов

Прогнозирование межнациональных отношений и потенциальных источников межнациональных конфликтов выступает одним из структурных элементов технологий регулирования межэтнических

противоречий. Точность прогнозирования межнациональных процессов в социальной среде определяет эффективность технологий урегулирования межнациональных отношений и разрешения межнациональных конфликтов. Сущность социальных технологий разрешения межнациональных конфликтов раскрывается через анализ ее элементов и составляющих:

- способов организации деятельности субъектов по достижению поставленной цели;
- условий технологизации управления социальными процессами;
- основных принципов разрешения межнациональных конфликтов;

признаки технологизации разрешения межнациональных отношений.

Первый элемент – деятельность субъектов по достижению цели, посредством которой обеспечивается последовательное разрешение межнациональных конфликтов на стадии действий, заключается в реализации механизма функционирования межнациональных отношений.

Второй элемент – технологизация как процесс деятельности объекта и субъекта предполагает наличие определенных предпосылок:

- объект технологизации должен обладать определенной степенью сложности;
- должны быть известны все элементы его структуры, особенности их строения и закономерности функционирования¹;
- наличие системы показателей, операций, процедур;
- создание среды для воспроизводства и обеспечения необходимого уровня управления.

Третий элемент проявляется в единстве последовательности выполнения операций и процедур технологического процесса; безусловном выполнении всего цикла программы технологических решений.

Четвертый элемент – признаки технологизации разрешения межнациональных отношений – подразумевает:

- разграничение, разделение, расчленение межнациональных отношений на взаимосвязанные и взаимообуславливающие этапы, стадии, операции и процессы;
- координацию и пошаговость действий, предполагающих достижение планируемого, прогнозируемого результата;
- однозначность и четкость осуществления процедур и операций.

---

¹ Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления, 2007 г.

Совокупность теории, методики, процедуры находит отражение в системе разработки социальных технологий предотвращения и разрешения межнациональных противоречий и конфликтов. Разработка и использование этих технологий направлено на решение определенных задач. Важнейшими из них являются:

- составление прогнозов;
- формирование логически выверенного завершённого механизма регулирования конфликтов;
- обеспечение оперативного и беспрепятственного внедрения новых управленческих решений;
- формирование культуры межнациональных отношений, основанных на рационализации способов и методов управления ими и способствующих информационное обеспечение процессов разрешения конфликтов;
- повышение управленческой функциональности работников государственных органов.

Разработка и реализация социальных технологий предотвращения и разрешения межнациональных конфликтов имеет определенную структуру, включающую:

- 1) диагностику состояния межнациональных отношений и его прогнозирование;
- 2) комплексный анализ совокупности объективных условий, предпосылок и субъективных факторов;
- 3) анализ проблемной ситуации;
- 4) анализ альтернатив;
- 5) определение целей и задач;
- 6) разработку поливариантных программ достижения ожидаемых целей;
- 7) выявление степени готовности объективных условий и субъективных факторов реализации технологий разрешения конфликтов;
- 8) определение методов и приемов регулирования конфликтов;
- 9) подготовку сценария действий и его утверждение;
- 10) выбор путей решения;
- 11) подготовку к осуществлению выбранного решения;
- 12) определение сметы затрат;
- 13) создание условий научного, политико-правового и ресурсного обеспечения всех этапов разработки и реализации социальных технологий;
- 14) информационную обеспеченность процессов реализации технологий;
- 15) механизмы контроля за процессом реализации программы технологизации;

16) критерии оценки эффективности реализации технологии в разрешении межнациональных отношений.

В последнее десятилетие ученые прилагают все больше усилий к тому, чтобы понять природу межнациональных конфликтов, разрабатывают технологии их преодоления как на международном, региональном, так и на национально-территориальном уровне. Исследование достигло той стадии, на которой можно систематизировать имеющиеся выводы, с тем, чтобы выработать единую технологию предотвращения межнациональных конфликтов.

Любая социальная технология представляет собой сложный регулируемый управленческий процесс, включающий следующие основные этапы её разработки и реализации.

Исходным моментом в разработке социальных технологий разрешения межнациональных конфликтов выступает целеполагание. Общий успех деятельности во многом определяется конкретностью формулировок целей и временной определенностью их разрешения. Необходимым элементом структуры выступает обоснованное определение объектов и субъектов деятельности. Объектами социальных технологий служат национальные процессы и межнациональные отношения в национально-территориальных образованиях, субъектами – представители различных управленческих структур, в чьей компетенции находятся вопросы разрешения межнациональных конфликтов и др.

При разработке и применении социальных технологий разрешения межнациональных конфликтов в национально-территориальных образованиях выделяются теоретические, методические и процедурные аспекты деятельности. Теоретический аспект связан:

- с формулировкой цели, определением объекта технологизации разрешения конфликтов;
- выявлением способа организации деятельности субъектов по достижению поставленной цели через реализацию механизма функционирования социальных процессов, управления ими;
- анализом межнациональных отношений в национально-территориальных образованиях.

Однако, одно дело разрабатывать все более совершенную технологию прогнозирования, другое – учиться управлять, принимать решения в условиях ограниченной «видимости». Поэтому важнейшей стадией моделирования и прогнозирования межнациональных конфликтов в национально-территориальных образованиях является выработка установки и принятие решений. Оценка проблемы и определенная установка на ее решение возникают на основе предыдущих гносеологических процедур понимания и интерпретации. Ясно, что принятие решения невозможно без признания познаваемости социальной действительности. Выработка установки на основе прогнозирования зачастую непростое дело, так как весьма широк разброс результатов, оценить которые предстоит самому прогнозисту. Поэтому все более очевидно, что выработка прогностических решений существенно обусловлена рефлексией прогнозиста, который пытается выяснить факторы, детерминирующие принятие того или иного решения, объективировать скрытые динамические процессы и выяснить, насколько изменились бы установки и решения, если бы трансформировались параметры и функции когнитивной системы, а также базисные ценности и суждения. Учет этого обстоятельства позволяет коррелировать объективную проблему (в нашем случае – межнациональные конфликты) и субъективный процесс выработки решения, который иногда кажется труднообъяснимым.

На основе прогнозирования и моделирования может вырабатываться проект непосредственного процесса прекращения конфликта, который выступает как технология деятельности по разрешению конкретного конфликта и представляет собой систему последовательных действий, осуществление которых позволяет его разрешить. По своей сути это технологический процесс, который возможен при наличии следующих элементов управления:

- цели регулирования;
- знания интересов конфликтующих сторон;

- информации о намерении сотрудничества или противостояния при разрешении конкретного конфликта и оценки реальности удовлетворения сторон в конкретных условиях социального пространства, в границах которого происходит конфликт;

- знания механизма разрешения конфликта;
- профессиональной готовности субъектов, которым поручено осуществить весь комплекс мер по разрешению конфликта;
- информационного обеспечения, достаточного для принятия практических решений.

Успех применения социальных технологий достигается ее методическим, организационным, процедурным, операциональным обеспечением. Методическое обеспечение заключается в выборе методов, средств получения обратной связи, ее обработке, анализе принципов трансформации информации в конкретные выводы и рекомендации¹. Организация разрешения межнациональных конфликтов реализуется формированием цели и задач посредством комплекса взаимосвязанных процедур и операций. Процедурное обеспечение определяет направления деятельности, реализуемые через выполнение конкретных операций в межнациональных отношениях.

Операция – вид деятельности по выполнению процедуры с описанием возможных методов и способов работы и определенного инструментария, применяемого при разрешении конфликтов.

Процесс разрешения межнациональных конфликтов является, как правило, длительным и состоит из этапов, на каждом из которых реализуется определенный элемент применяемой социальной технологии.

Одним из важнейших элементов исследования является выработка национальной политики по разрешению возникающих проблем. Формулирование целей национальной политики на высоком профессиональном уровне осуществлено в проектах основ национальной политики, разработанных группой В. Тишкова и группой Р. Абдулатипова.

Для успешной реализации цели социальных технологий также важны:

- перевод достигнутого результата в русло нормативно-определенных межнациональных отношений;
- механизм управления и самоуправления;
- система ресурсного обеспечения;
- обучение управленческих кадров конкретным принципам, правилам и методам личной и коллективной деятельности в условиях технологического управления.

---

¹ Иванов В.Н., Патрушев В.Н. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления, 2007 г.

**Основные этапы управленческой деятельности государственных органов,
политических и общественных организаций и деятелей по разрешению
межнациональных конфликтов**

Этапы	Процедуры	Операции
Этап I Диагностика конфликта	Сбор первичной информации о конфликте	Определение основных направлений сбора необходимой информации
		Выбор методов сбора информации
		Определение принципиальной схемы анализа ситуаций
		Определение приоритета проблем по степени напряженности
Этап II Изменение конфликтной ситуации	Определение возможных путей изменения конфликтной ситуации	Создание инициативной группы независимых экспертов по предотвращению конфликтов
	Организация групповой работы по изменению конфликта	Организация переговоров между конфликтующими сторонами
Этап III Разрешение конфликта	Организация работы по разрешению конфликта	Определение путей разрешения конфликта

Набор операций и процедур социальных технологий, их структура отражают конкретную характеристику любого межнационального конфликта – истоки, мотивы, факторы, особенности проявления, состав участвующих и тенденции его изменения, степень и глубину противоречий сторон и готовность их к сотрудничеству, предметно-логическую последовательность действий конфликтующих сторон в разрешении конфликта. Несмотря на различия целевых назначений конкретных социальных технологий, методика их разработки и принципы функционирования едины. Различия существуют в конкретной цели, содержании операций и процедур, качественных характеристиках ресурсов, необходимых для их функционирования и воспроизводства.

Важнейшим элементом социальных технологий является определение механизма реализации социального проекта. Успех или неудача конкретной технологии в немалой степени зависит от того, насколько умело составлен механизм ее реализации. Неотъемлемым элементом технологии служит система информационно-аналитического обеспечения.

Разрешение межнациональных конфликтов на современном этапе развития социальных отношений немыслимо без применения социальных технологий, базирующихся на методах социального моделиро-

вания и применения современных информационных программ сбора, анализа и хранения информации о национальных отношениях. Следовательно, разрешение межнациональных конфликтов является объектом технологизации. Осуществление технологизации происходит по определенным этапам и стадиям, расчленяется на конкретные операции и алгоритмы, что и составляет процесс технологизации самого информационного потока, предполагает ввод информации о межнациональных конфликтах в информационно-вычислительные системы. Это делает информационные технологии неотъемлемой частью социальных технологий преодоления межнациональных конфликтов в национально-территориальных образованиях.

Полагаем, что в разрешении межнациональных конфликтов имеет первоочередное значение разработка, развитие и реализация социальных технологий информатизации по следующим направлениям:

- социальные технологии информатизации и развития личности;
- первоначальное обучение и воспитание, обеспечивающие развивающуюся личность видением себя в межнациональных отношениях, ценностную и стратегическую ориентацию в нем, осознание своих способностей, потребностей, интересов и целей;
- социальные технологии формирования культуры межнациональных отношений;
- информатизация профессиональной подготовки: формирование профессионального самосознания, ценностей, профессиональной корпоративной культуры, в том числе содействие межнациональным и международным профессиональным взаимодействиям в национальном пространстве;
- тендерные технологии: воссоздание, обновление жизненных приоритетов в условиях различных кризисов, социализации и адаптации людей различных возрастных групп в национально-территориальных образованиях;
- разработка и реализация социальных технологий, референтных, контактных групп, организаций;
- формирование в межнациональных отношениях благоприятного социально-психологического климата, позитивно ориентированных групп населения, различных сообществ, общественных движений, организаций, партий;
- мотивация, особенно групповая информационная мотивация совместной групповой работы, межнациональных взаимодействий, переговоров.

Важным аспектом информатизации и технологизации разрешения межнациональных конфликтов является система обратной связи. В качестве источника исходных посылок предполагается: анализ на общетеоретическом уровне сущности данного явления, его генезиса, закономерностей функционирования и развития; определение основных методологических принципов изучения выявленной сущности, специфики обратной связи в прогнозировании и моделировании конфликтов. Возникла объективная необходимость в такой постановке обратной связи, которая обеспечивала бы субъекты федерации обратной информацией, необходимой для предотвращения межнациональных конфликтов.

Понятие обратной связи часто употребляется в различных контекстах. Можно согласиться с тем, что обратная связь есть составная, имманентно присущая системе часть. Опираясь на дефиниции, обобщая многолетний опыт научных исследований, проведенных социологическими лабораториями ведущих вузов Республики Башкортостан, в том числе и БГПУ и БГУ, можно предложить следующее определение обратной связи: это звено в системе социальных технологий, обеспечивающее сведениями о состоянии объекта, деятельности субъектов, ее результатах.

Обратная связь имеет двуединую природу: с одной стороны, она является необходимой и важной составной частью социальных технологий, с другой – выступает как существенный элемент управления ею. На основе достижений современной науки, техники и практики оптимально отлаженная обратная связь позволяет систематически получать данные о состоянии объекта и деятельности субъектов. Она занимает существенное и специфическое место в социальных технологиях межнациональных конфликтов. Односторонней является точка зрения, рассматривающая обратную связь только как завершающий этап в реализации социальных технологий. Это – звено всего процесса социальной технологии¹. Обратная информация поступает субъектам управления, по существу, непрерывно на всех этапах процессов. Подобная постоянная циркуляция позволяет диагностировать межнациональные отношения, вносить необходимые коррективы и делать прогнозы.

Своеобразная роль обратной связи в социальных технологиях заключается и в том, что она выполняет такие функции в этом процессе, которые не могут выполнять другие его звенья. Она не только дает информацию о состоянии объекта и о результатах управленческой деятельности, но и позволяет вести речь о надежном прогнозировании,

---

¹ Касаткин С. Обратная связь в устном выступлении. - Мысль, 1984.

лучше видеть и моделировать будущее, принимать обоснованные решения.

На современном этапе остро стоит задача коренного улучшения практики информационного обеспечения. В последние годы интенсивно разрабатываются механизмы формирования информационно-анализирующих систем, а также АИС высшего типа – автоматизированных информационных систем, или автоматизированных систем управления информационными процессами (АСУ). В связи с этим возникает вопрос о том, каково соотношение между обратной связью в национально-территориальных образованиях и этими системами. Мы полагаем, что отождествлять их было бы неверно. Информационно-анализирующие системы выполняют более широкий спектр функций, чем обратная связь. Последняя выступает как составная часть этих систем и является одним из важных неотъемлемых элементов АИС. В зависимости от того, компонентом какого типа АИС является обратная связь, она имеет свои особенности.

Занимая в социальных технологиях особое место, обратная связь тесно связана со всеми ее элементами. Испытывая их воздействие на себе, она в свою очередь оказывает влияние на другие компоненты системы социальных технологий, является своего рода отражением результатов реализации цели, задач, функций и направлений, активно воздействующим на их выработку и на внесение необходимых изменений в них.

Существующая система обратной связи не отвечает возросшим задачам развития межнациональных отношений на современном этапе. Основными ее недостатками является нерегулярность поступления информации, стихийность, плохая организация сбора данных, отсутствие научно выверенных систем показателей, недостаточное применение современных методов обработки и анализа информации, а также недостаточное использование ее в организационной работе. Все это часто приводит к тому, что принимаются решения, далекие от потребностей реальной ситуации.

Опираясь на научно обоснованную социальную технологию, на базе четко действующей обратной связи можно разработать и освоить эффективные программы. Это позволит регулировать межнациональные конфликты, поднять национальные отношения на более высокую ступень, устранить многие серьезные недостатки в социальной технологии их регулирования.

Технология разрешения межнационального конфликта – это сложный процесс, состоящий из множества элементов, каждый из ко-

которых представляет самостоятельную социальную технологию. Различают следующие основные элементы социальных технологий разрешения межнациональных конфликтов, которые могут рассматриваться как относительно самостоятельные специфические технологии, соответствующие стадиям разрешения конфликта.

1. Комплексная технология, применение которой происходит в тот момент, когда конфликтующие этносы приходят, обычно раздельно, к пониманию того, что потенциальный диапазон компромиссных решений стал предпочтительнее продолжения конфликта. Этот процесс начинается с выработки процедур и операций на весь процесс разрешения конфликта.

2. Коммуникационная технология, в ходе реализации которой конфликтующие этносы при подходящих обстоятельствах сначала дают друг другу сигнал о своей готовности начать прямые переговоры, а в последующем сообщают об условиях, на которых они согласятся встретиться и попытаться достичь урегулирования через процедуры переговоров.

3. Переговорная технология, посредством которой противоборствующие этносы на основе двусторонних переговоров или при содействии третьих сил пытаются достичь соглашения путем наиболее приемлемых компромиссных решений, по меньшей мере, одно из которых будет предпочтительнее для обеих сторон продолжения конфликта.

4. Технология разрешения, в ходе реализации которой достигнутое соглашение воплощается в жизнь. Она выверяется под наблюдением третьих сторон путем дальнейших переговоров между этносами в целях соблюдения условий урегулирования.

Разумеется, в реальной жизни все обстоит сложнее. Во многих межнациональных конфликтах не удается начать вторую, третью и четвертую стадии приведенных технологий. Некоторые конфликты продолжают до тех пор, пока одна из сторон не добьется своего рода «карфагенского мира», примером которого служат заключаемые время от времени соглашения между курдами и Турцией, в которых не учитываются интересы курдов. В этом случае при определенных условиях конфликт снова может вспыхнуть. Развитие новых конфликтов может вызвать процесс прямых переговоров, но привести к неудаче в поиске технологий решения, в результате чего происходит возврат на путь принуждения и насилия. Третьи проходят период переговоров, когда этнос стремится достичь «удовлетворительного» урегулирования споров путем принуждения другой стороны занять удобную для него позицию.

При разработке технологий разрешения межнациональных конфликтов должна быть представлена тщательно подобранная и дифференцированная информация о другой конфликтующей стороне (об истории, достижениях, нормах, образе ее жизни), а также, вероятно, о

различных представлениях обеих сторон о жизни и человеческих отношениях. Эту фазу информирования можно сравнить с тренировкой пилота на тренажере, где опасность аварии может возникнуть только теоретически. В отсутствии противника меньше господствуют эмоции и, следовательно, появляется больше шансов влиять на стереотип образа врага, имеется возможность заменить его индивидуализированным образом этого врага с его законными потребностями¹.

Только путем принятия информации об опасности черно-белой модели восприятия, типичной для создания образа врага, конфликты могут быть преодолены в последующий период личных контактов.

Тщательно подобранная информационная технология создает основу для общения, которая должна, однако, дополняться обучением общению потенциальных участников будущих конфликтов. В деликатных и крайне чувствительных контактах этого вида необходимо, чтобы участники знали, что значит активно слушать, правильно выбирать слова, беседовать таким образом, чтобы другая сторона чувствовала, что к ней относятся серьезно. Р. Краус и М. Дейч пришли к выводу, что реальный сдвиг к снижению напряженности становился возможным лишь после того, как участники проходили подготовку к общению и начинали осознавать важность этих факторов².

Одна из эффективных технологий предотвращения межнациональных конфликтов свое время была разработана Г. Келманом. Обучая израильтян, палестинцев и египтян технологии общения, он сначала свел три группы вместе, что дало положительный результат в виде возможности вести конструктивные и открытые беседы, несмотря на наличие больших различий во мнениях. Не может быть диалога без взаимной готовности слушать, без сознательного усилия обращаться с другими участниками контактов как с равными и без минимального соответствия в лексиконе – это одна из главных моментов данной технологии урегулирования межнациональных отношений³.

Таким образом, важным аспектом в профилактике и предотвращения межнациональных конфликтов путем улучшения межэтнических отношений становятся:

– технология эволюции знания и того, при каких обстоятельствах оно меняется;

¹ Курт Р. Спиллман и Кэти Спиллман. Образы врага и эскалация конфликта // Исследование международных конфликтов. - М., 1991. № 3.

² Krauss R.M., Deuth M., Communication in Interpersonal Bargaining// Journal of Personality and Social Psychology. - 1966. - Vol. 4.

³ Kelman Herbert C., Cohen S.P. The Problem-Solving Workshop: A Social Psychological Contribution to the Resolution of International Conflicts// Journal of Peace Research. - 1976. - Vol. 13.

– технология введения в историю, религию, этику и социологию конфликтующей стороны. Данная технология предполагает использование и распространение знаний специалистов и экспертов;

– технология межнациональных контактов, позволяющая сторонам конфликта выражать свои чувства и мнения, распространять методы и способы для преодоления предрассудков относительно другой стороны и заменой их фактическим и дифференцированным знанием.

В теоретико-прикладных исследованиях межнациональных конфликтов все больше подчеркивается ценность технологии предпереговоров, сопоставимой с диагностической фазой, в течение которой стороны без давления общественности и без необходимости публиковать результаты могут обменяться информацией, искать точки восстановления дружеских отношений. Она основана на исследовании «конфликтного треугольника» непониманий, столкновений интересов и вражды. Технология предпереговоров (к сожалению, не исследованная) предполагает неформальное, хотя эмоционально и познавательно очень сложное взаимное исследование интересов, восприятий, потребностей, страхов и т. д. Она вынуждает конфликтующие стороны разобраться в ситуации и определить, что они действительно хотят и к чему стремятся, в чем они могли бы пойти на компромисс, а где затронуты основные ценности и компромисс невозможен. В технологии предпереговоров должна быть выработана процедура восприятия конфликта, и здесь особую значимость имеют общественная информация, разработка технологий разрешения межнациональных конфликтов и создание системы.

Предпереговоры дали хороший результат в процессе поисков путей решения палестинской проблемы, в них участвовали Израиль, Палестина, США, Россия. Принятый в Канаде путь компромиссов и переговоров о разделении компетенций с Квебеком, несомненно, способен дать более приемлемые для сторон и международного сообщества результаты, нежели репрессивные методы подавления национальных движений в Шри-Ланке.

Важный аспект в социальных технологиях – использование компромисса в разрешении конфликтов, методы и средства его достижения. Компромисс в межнациональных конфликтах – разумный способ их разрешения, заключающийся в достижении соглашения путем взаимных уступок участвующих в конфликте этносов, а также государства. Для достижения компромисса необходимо отчетливое определение степени расхождения интересов, объекта спора; осознание пределов уступок, на которые в данных условиях может пойти каждый из

этносов; выбор авторитетных представителей, которым доверяется вести переговоры и, в случае успеха, заключение соглашения.

Социальные технологии в межнациональных конфликтах успешно реализуются, если достигается консенсус. Консенсус – форма принятия решений посредством согласия противоборствующих сторон (этносов, государств и др.).

Одна из причин низкого уровня качества разработки социальных технологий в межнациональных отношениях заключена в различной степени теоретического обеспечения отдельных операций и процедур в структуре одной и той же технологии. Между тем опыт ряда регионов Российской Федерации показывает, что активное применение социальных технологий позволяет эффективно преодолевать межнациональные конфликты на первых этапах их развития.

Технологизация разрешения межнациональных конфликтов – это не только совокупность формализованных операций. В социальных технологиях их последовательность устанавливается на основе знания сущности объекта, закономерностей его развития. Поэтому при проектировании технологий, применяемых в межнациональных отношениях, необходимо предлагаемые операции увязывать с характеристиками объекта, а для этого нужна надежная информационно-аналитическая база. Оптимизация информации в межнациональных отношениях на основе специфических технологий позволяет грамотно соотнести между собой различные показатели. Это также способствует уменьшению числа рутинных операций в деятельности субъектов управления, позволяет значительно расширить объем аналитической работы в разрешении межнациональных конфликтов. Смысл создания информационной системы управления и заключается в обеспечении социальной технологии надежными, достоверными и достаточными знаниями о конфликтах.

Рассмотрим под углом зрения социальных технологий некоторые актуальные национальные проблемы России, имеющие существенное значение для профилактики и разрешения межнациональных конфликтов.

В специфических условиях России и других стран СНГ основным субъектом, осуществляющим социальные технологии разрешения межнациональных конфликтов, является государство. Его структуры выступают как институциональный фактор организации социальной технологии, посредством которой они могут активизировать или замедлять этнические процессы.

**Основные технологические операции,
направленные на разрешение межнационального конфликта**

Последовательность технологических операций	Сущность технологических операций
Первая технологическая операция	Прекращение насильственных действий
Вторая технологическая операция	Выражение согласия на взаимные уступки
Третья технологическая операция	Компромисс по ряду конфликтов, взаимные уступки
Четвертая технологическая операция	Консенсус – односторонние уступки, удовлетворение всех претензий
Пятая технологическая операция	Преодоление причин конфликта

Деятельность государственных структур как субъектов социальных технологий особенно ощутимо может проявиться в решении двух вопросов – родного языка и суверенитета этноса. В советский период в Башкортостане в языковой политике были допущены большие ошибки. Первая выразилась в осуществлении курса на свертывание изучения родного языка, и к началу 80-х годов в городах Башкортостана оно фактически было прекращено. Только в 1974-1979 гг. более 1100 национальных школ автономной республики были переведены на русский язык обучения без преподавания родного языка даже как предмета. Вторая ошибка выразилась в том, что совершенно не уделялось внимания изучению гражданами небашкирской национальности языка рес-

публикообразующего этноса. Дело дошло до того, что считалось признаком дурного тона стремление изучать язык нации, давшей имя республике. Третий перегиб в языковой политике относится к изучению русского языка. Было допущено искусственное форсирование сферы и темпов распространения русского языка, элементы принудительности в переходе национальных школ на обучение полностью на русском языке. Все перекосы в языковой политике привели к тому, что катастрофически стало уменьшаться число представителей нерусских народов, владеющих родным языком. Так, около 30 % башкир не называют башкирский язык родным.

В 90-х гг. XX века положение в этой области существенно улучшилось: за этот период в подавляющем большинстве общеобразовательных школ Башкортостана было восстановлено обучение на родном языке. Именно в это время постепенно складывались социальные технологии, обеспечивающие реализацию суверенитета государств, республик в их составе и этносов. Но в настоящем, после усиления вертикали власти, наблюдаются обратные процессы. Все началось с того, что были пересмотрены финансовые отношения центра и субъектов, а в данный момент появились тенденции ограничения в сфере культуры и языка.

Национальный суверенитет первичен по отношению к государственному и является основой последнего, его субъектом выступает этническая общность в целом независимо от соотношения составляющих ее социальных групп. Национальный суверенитет можно рассматривать как форму отношений между этнической общностью и государством по поводу определенной системы прав и обязанностей. Если суверенитет гарантирует этносу право на самостоятельное существование и решение своих судеб, то политическое самоопределение и самостоятельность государственной власти – лишь средство этнической самоорганизации, одна из сторон содержания национального суверенитета. Кроме этого его составляют:

- целостность и автономность этнической территории;
- право свободного выбора моделей своего духовного, хозяйственного, культурного, социального развития;
- юридическое равенство всех народов независимо от численности, географического положения территории, особенностей культуры;
- наличие возможностей для волеизъявления;
- оптимальный характер «вмешательства» в этнические процессы со стороны социальных групп, институтов.

Исходными принципами для самоопределения народом формы своей государственности являются общие принципы самоорганизации систем. Иначе говоря, необходимо исходить не только из таких критериев, как географическое положение, а также из таких, которые характеризуют конкретное состояние этнических систем: особенности культуры, состояние экономики, национального сознания, влияние традиций и т. д. К этим критериям относятся: степень открытости системы, уровень объективных потребностей в связях с другими народами, степень интегрированности или ассимилированности с ними, характер межэтнических контактов. В этом смысле политическое самоопределение народа – это процесс, этапы и особенности которого определяются, в частности, тем, насколько данный народ в данное время представляет собой самостоятельную в этническом отношении целостность и насколько прочно он связан с соседями. Это особенно касается народов, которые проживают в иноэтническом окружении: гагаузы среди молдаван и украинцев, венсы, ижорцы среди русских, талыши среди армян. Для башкир, татар, чувашей оптимальна реализация этнического суверенитета в форме своей республики.

В России, где многие этносы не имеют государственности, в тех случаях, когда у этноса нет возможности создать свое государство, оптимальным вариантом является национально-культурная автономия. Это также форма реализации этнического суверенитета.

4.4. Технологии гармонизации межнациональных отношений и развитие культуры отношений между этносами

Современная социологическая наука больше исследует вопросы преодоления межнациональных конфликтов и гораздо меньше о гармонизации межнациональных отношений и развитии их культуры. Между тем отсутствие межнациональных конфликтов вовсе не означает отсутствие проблем в межнациональных отношениях и тем более не снимает необходимости решать возникающие в этой сфере противоречия. В условиях, когда нет межнациональных конфликтов, разработка и реализация социальных технологий необходимы и должны быть направлены на гармонизацию отношений между этносами. В регионах, где были острыми и конфликтными отношения между этносами, после преодоления конфликтов наступал новый этап реализации социальных технологий, направленных на гармонизацию отношений между ними. Эта же деятельность осуществляется там, где не было конфликтов, но суще-

ствуют определенные нерешенные проблемы в межнациональных отношениях. Социальные технологии гармонизации межнациональных отношений – это управленческо-организационный процесс, направленный на улучшение отношений между этносами, установление между ними отношений согласия, взаимопонимания, сотрудничества и дружбы.

Социальные технологии гармонизации межнациональных отношений представляют собой поэтапный процесс. На первом этапе эти технологии направлены на установление взаимопонимания и согласия между этносами. На втором этапе осуществляется сотрудничество между этносами во всех сферах общественной жизни. На третьем – целью осуществления социальных технологий становится достижение дружбы между этносами. Наконец на четвертом этапе социальные технологии направляются на формирование культуры современных цивилизованных взаимоотношений между этносами. Гармонизация межнациональных отношений – тонкая, деликатная сфера социально-технологической деятельности. Ее осуществление возможно при опоре на новейшие достижения науки и при высокой культуре управленческой деятельности. Опора на достижения социальных технологий позволяет не только изучать и предсказывать межнациональные отношения, но и активно влиять на их развитие. Формирование культуры межнациональных отношений и их гармонизация – сложный процесс, затрагивающий многие стороны экономической, политико-правовой, социально-бытовой, производственной и духовной жизнедеятельности. В первую очередь требуется овладение культурой демократии.

В современной практике межнациональных отношений возникают вопросы, которые требуют глубокого систематического изучения. Безусловно, пройденный Россией путь не назовешь простым. Так, присущий начальному этапу формирования советской многонациональной государственности динамизм был существенно утрачен и подорван. Ряд острых вопросов, возникающих в ходе развития этносов, не находил своевременного решения. Негативные явления, накапливавшиеся десятилетиями в экономике, политике, идеологии и морали, часто игнорировались.

В истории страны были периоды, когда при реформировании общества шли процессы преодоления негативных последствий прошлого, оздоровления атмосферы в обществе. В свое время в условиях перехода к рыночной экономике, суверенитету каждой республики, возрождения национальных культур, национального самосознания в жизни этносов были прогрессивными процессами. В настоящем имеет место и усиление настроений национальной ограниченности. Сейчас о

негативных моментах в развитии межнациональных отношений в нашей литературе не принято говорить. В результате контент-анализа содержания более 200 публикаций по теоретическим проблемам национальных отношений выяснилось, что подавляющее большинство авторов не учитывают возможности развития в современных условиях негативных явлений, в том числе в сфере межнациональных отношений. Перед социологами стоит задача вскрывать причины отрицательных явлений, находить технологии преодоления межнациональных конфликтов.

В жизни народов, их национально-территориальных образований не всегда имели и имеют место адекватные подходы к своим достижениям и собственно национальным возможностям. В наше время целесообразно осмыслить и взвесить свои оценки с учетом исторического подхода. История многому учит, и мы должны извлекать из нее уроки для сегодняшнего оздоровления общества, особенно гармонизации межнациональных отношений. Следует понимать, что ценность общечеловеческого начала состоит не в нивелировании духовных ценностей народов и социально-этнических групп, а в диалектическом синтезе разных культур, в их взаимодействии и взаимообогащении.

Под влиянием господствующих в той или иной среде социальных установок, уровня культуры и образования формирование национального самосознания личности может сопровождаться усилением национальных предрассудков, этноцентристских представлений, создающих благоприятную почву для распространения в последующем шовинистических и националистических взглядов. Исследования по данному вопросу приводят к выводу, что формы проявления шовинизма и национализма весьма многообразны и проявляются как «во-первых, культивирование этнической ограниченности, узости и национального эгоизма; во-вторых, восхваление, выпячивание заслуг и достоинств своей нации и пренебрежительное отношение к другим; в-третьих, культивирование и защита под видом этнических особенностей и ценностей, отживших свой век обычаев и традиций, ведущих к этнической обособленности и недоверию; в-четвертых, преувеличение роли и значения психологии и самосознания своего этноса и пренебрежительное отношение к чувствам, игнорирование этнических особенностей других народов»¹.

Шовинистические и националистические пережитки обычно выступают облаченными в национальную одежду, под флагом нацио-

---

¹ Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 284 с.

нальных интересов, учета национальных особенностей. Часто на национальную почву может переноситься ощущение каких-то нереализованных ожиданий в конкретных жизненных ситуациях, чаще всего связанных с трудовой карьерой.

Чем объясняется живучесть шовинизма и национализма? Прежде всего, низким уровнем общей и политической культуры, призванной помочь ориентироваться в сфере национальных отношений. Шовинистические и националистические проявления могут оживляться при нарушении принципов демократии, законности, социальной справедливости, морально-этических норм общежития.

В деятельности по гармонизации межнациональных отношений принципиальное значение имеет сущность национальной политики. Одним из этнополитических факторов, порождающих дисгармонию межнациональных отношений и конфликты, являются ошибки в политике и практике, связанные со стремлением изменить существующую этническую стратификацию.

Государственные структуры выполняют роль консолидирующего механизма, разрешающего конфликты, однако нередко используются и для их обострения. В последние десятилетия существенно возросла роль международных и региональных межгосударственных структур в их разрешении.

Социальные технологии в межнациональных отношениях на определенном уровне предусматривает не только воспроизводство сильных внутрисистемных связей, но и создание в национально-территориальных образованиях собственных управленческих структур, институтов, придающих социальному организму характер самоуправляемой системы.

Новая стратегическая установка антидемократических сил направлена на усиление национализма и более активное использование религии в антидемократических целях, а также на подрыв единства в обществе. В целях применения новых технологий в межнациональных отношениях необходимо изучать опыт других стран и народов, деятельность их партий, общественных организаций, религиозных деятелей, думать и делать трезвые выводы, так необходимые для практики оздоровления нашего общества. Необходимо, чтобы интернационалистская позиция в российском обществе переросла в общечеловеческую.

Различия между носителями общечеловеческих ценностей, с одной стороны, шовинистами и националистами – с другой, состоят не в признании или игнорировании принципа национальности, а в том, что первые исходят из идей равенства, братства, взаимной помощи и

дружбы между народами – представителями разных национальностей, а другие – из принципа национальной исключительности, отрицания общечеловеческих ценностей в достижениях народов. По мере реформирования общества стала проявляться глубинная связь между идеей приоритета общечеловеческого и демократизацией общественной жизни, получившая воплощение в плюрализме мнений, стремлении к консенсусу, отказе от насильственного решения социальных и межнациональных конфликтов.

Надежной гарантией не впасть в национализм или шовинизм служат позиция равноправия людей всех наций. Национальные интересы нужно защищать не с позиции обособления народов, а, наоборот, – с позиций национального достоинства, свободы, братства, дружбы, общечеловеческого единства. Именно в этом плане общечеловеческое – это духовное начало с присущим ему многообразием национальных и культурных особенностей, оттенков и различий. Не будем забывать, что идея дружбы и братства народов бывшего СССР сыграла важнейшую роль в нашей исторической победе над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Общечеловеческое в общественной жизни сегодня выступает как единство трех различных процессов: развития национального в рамках отдельных этносов или государств; выхода национального за свои пределы, превращения его в межнациональное, предполагающее обмен материальными и культурными ценностями между народами; органического включения в систему национальных ценностей народа того ценного, что возникло у других народов. Процесс формирования общечеловеческого – это результат действия и взаимодействия различных тенденций в развитии национальных и межнациональных отношений.

Исследования, проведенные в начале 2000-х гг. одним из авторов совместно с социологической лабораторией Башкирского госуниверситета, свидетельствуют о наличии серьезных проблем в практике межнационального общения. На вопрос:

«Приходилось ли Вам в жизни сталкиваться с проявлениями национализма, неправильного отношения к людям другой национальности?» ответили:

да – 58,4 %,

нет – 29,9 %,

не обращали на это внимание – 11,7 %.

О своем отношении к подобным фактам 36,7 % опрошенных ответили со всей определенностью: «Осуждаю в любых случаях, стараюсь с ними бороться», 52,6 % в ряде случаев готовы оправдать факты

неуважительного отношения к национальному достоинству других граждан в своем коллективе, а 10,7 % вообще не осуждают такие проявления.

По истечении значительного времени ситуация по проблемам межнациональных отношений в многонациональной России оставляет желать лучшего. Интересными являются выводы исследователей ВЦИОМ, которые отмечают «Когда россиянам предлагают назвать проблемы страны «без подсказки», они упоминают межнациональные отношения (включая иммиграцию) лишь на двадцатом месте в списке самых острых. Однако при выборе из предложенных вариантов («с подсказкой») она занимает первую позицию в списке»¹. Опрашивая 1600 респондентов в разных городах страны в течение нескольких лет, задавая один и тот же вопрос они получили следующие результаты².

**Как, на Ваш взгляд, за последние годы изменились
межнациональные отношения в России? (в %)**

	2005	2006	2009	2010	2011	2013
Они стали напряженнее, нетерпимее	41	36	24	32	39	53
Какими были, такими и остались	35	39	40	44	40	36
Стали более терпимее	17	17	27	16	11	8
Затрудняюсь ответить	6	7	9	8	11	3

Из таблицы видно, колебания наблюдаются на уровне всех ответов, но тенденция усиления негативного восприятия межнациональных отношений на лицо. По сути, ситуация, которая была в начале 2000-х гг. кардинально не изменилась. При этом в своих выводах ВЦИОМ отмечает: «Несмотря на то, что в последние годы отмечается рост напряженности межнациональных отношений в стране, россияне в целом считают, что Россия должна быть общим домом для разных народов, а не государством «русских людей»³. В центре межнациональных отношений должна быть трезвая политика государственных лидеров, толерантность в принятии решений и оценках, а для государственных структур на местах – и развитие этносов, и улучшение межнациональных отношений. До тех пор пока у нас не будет выработан демократический механизм удовлетворения национальных интересов, неизбежно

¹ Национальный вопрос в России// wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-09-11-nac_otnosheniya.pdf

² Там же.

³ Там же.

противопоставление этносов, и как результат – ухудшение межнациональных отношений.

Общечеловеческое, этническое и личностное находится в единстве. Развитие личности К. Маркс справедливо связывал с мерой ее свободы и мерой свободы в обществе: «Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидумов, а по силе всего общества»¹.

Освобождение каждого человека может быть следствием только освобождения всего общества. Свобода – важнейшая характеристика личности, цель и итог ее развития. Иногда понятие свободы трактуется односторонне, только как осознанная необходимость. Конечно, свобода есть «осознанная необходимость» и невозможна без познания этой необходимости и реализации ее в действиях человека. Свобода – это и дополнение к необходимости. Необходимость ставит определенные рамки деятельности человека. Но внутри этих рамок, в пределах этих границ открывается широкое поле для свободного выбора и жизнетворчества личности и прежде всего – для творчества своей жизни, а это, очевидно, самый важный и самый сложный, ответственный вид деятельности людей. В этом отношении важное методологическое значение имеет положение К. Маркса о сущности свободы: «К свободе относится не только то, чем я живу, но также и то, как я живу, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно»².

Совокупность объективных условий и субъективных факторов, порождающих те или иные противоречия в системе межнациональных отношений, показывает, что развитие этносов и межнациональных отношений, являясь процессом естественно-историческим, вызывает необходимость активизации деятельности субъективных факторов. И эффективность этой деятельности зависит от того, насколько учитываются в ней особенности периода, переживаемого обществом. Сегодня в ее основу должна быть положена концепция построения правового, гражданского общества, и лишь на этой основе возможно национальное возрождение и улучшение межнациональных отношений.

Обновление общества наряду с продолжением позитивного, что было в СССР, высветило и обнажило многие негативные стороны в межнациональных отношениях, которые были связаны с нарушением прав этносов и личности в годы тоталитаризма, когда нередко на словах признавалась, а на деле игнорировалась аксиома о щепетильности

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.2.

² Там же.

межнациональных отношений, не учитывалось, что недостойное отношение к любому этносу – не только признак антидемократизма, но и элементарного бескультурья. Агрессивная ведомственность, выдающая себя носителем общегосударственного интереса и не считающаяся с интересами гармонизации развития республик, проявляла себя и в игнорировании центром специфики национальных потребностей и интересов. Свидетельство этого – экологическая ситуация вокруг Байкала, Ладоги, Каспия. Особенно пострадали малочисленные народы. В течение многих лет в Ханты-Мансийском национальном округе гибли тайга, тундра, реки и озера, а вместе с ними – привычный уклад, образ жизни, культура и язык коренных этносов. И эти тенденции до сих пор наблюдаются, а в некоторых случаях даже усиливаются.

Нормальное межнациональное общение предполагает адекватную самооценку контактирующих сторон, которая становится возможной лишь в условиях удовлетворения интересов этносов. Дружба в процессе межнациональных отношений возникает не из критики партнера, отношений просителя и подателя, она рождается привлекательным и интересным партнерством, оказывающим благотворное влияние на межнациональные отношения.

В современных условиях для улучшения межнациональных отношений важно беречь этнические общероссийские и общечеловеческие традиции, которые становятся незаменимой формой передачи исторического опыта поколений. Здесь важно все: отношение к языку и памятникам прошлого, к трактовке исторических событий прошлого и общечеловеческим интересам.

Национальные традиции возникают и существуют как отражение условий жизни народов, в них проявляются специфические черты материальной и духовной жизни, сознания и психологии народов, особенности их исторического развития, взаимоотношений с другими народами. Лучшие же традиции в результате межнационального общения передаются от лиц одной национальности к другой и таким образом становятся достоянием всех.

Шовинизм и национализм, ухудшающие межнациональные отношения, особенно сильно проявляются в бытовой сфере. Бытовой шовинизм проявляет себя иногда в форме безобидных шуток о другом народе, анекдотов, высказываний, в прозвищах. Мнимое превосходство губительным образом влияет на этническое самосознание. Так появляются термины «инородец», «мигрант», что может привести, а иногда и приводит к ухудшению межнациональных отношений. Результаты социологических опросов показывают, что россияне угрозой

номер один воспринимают внешних мигрантов. Ответы на вопрос: «Какие из следующих опасностей для нашей страны Вам кажутся наиболее реальными» расположились в следующем порядке:

- 27 % – заселение РФ представителями иных национальностей;
- 24 % – террористические акты в отношении стратегически важных объектов;
- 24 % – упадок культуры, науки и образования;
- 23 % – военные конфликты с близлежащими государствами;
- 21 % – экологические проблемы;
- 16 % – раскол внутри нынешней правящей верхушки;
- 15 % – исчерпание запасов нефти и газа, других природных ископаемых;
- 12 % – резкое снижение уровня жизни, вплоть до голода значительной части населения;
- 8 % – революция в России, наподобие того, что происходило на Украине, в Грузии, Киргизии¹.

Самая большая часть ответов об угрозах связывается с межнациональными отношениями и опасностями утраты государственной и национальной идентичности.

Гармонизация межнациональных отношений достигается за счет лучших достижений национальной культуры каждого народа и население страны это понимает. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она тем самым выражает процесс взаимодействия и сближения национальных культур. С другой стороны, гармонизация межнациональных отношений не ведет к утрате национальными культурами своей самобытности, примером чего может служить древнерусское «Слово о полку Игореве», героическое сказание башкир «Урал-батыр» и др. Знакомство с историей и культурой других народов может стать серьезным залогом гармонизации межнациональных отношений.

Социальные технологии гармонизации межнациональных отношений имеют своеобразие по сравнению с социальными технологиями разрешения межнациональных конфликтов. К ее особенностям относятся:

- осуществление деятельности в относительно стабильной социально-политической и межнациональной ситуации;
- поиск общих интересов этносов в национальной и других сферах общественной жизни;

---

¹ Национальный вопрос в России // wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-09-11-nac_otnosheniya.pdf

– формулирование целей и постановка задач по улучшению существующих межнациональных отношений;

– внедрение и поэтапная реализация задач по укреплению согласия, сотрудничества, взаимопонимания и дружбы между народами.

Следует подчеркнуть, что деятельность по улучшению межнациональных отношений должна начинаться не тогда, когда возникает конфликт (тогда эта работа становится фатально неизбежной и трудной), а с появлением элементов дисгармонии в отношениях. В качестве примера сошлемся на принятие в Республике Башкортостан программы возрождения и развития финно-угорских и тюркских народов и отдельных этносов – башкирского, чувашского, ненецкого, калмыцкого и некоторых других.

Какой бы исход ни избрали враждующие стороны – отказаться от взаимно справедливого требования, либо продолжать эскалацию конфликта – народы оказываются в проигрышной ситуации. Поэтому они должны тщательно сопоставить цену своих уступок с возможной, но недостижимой дорогой ценой победы в нем.

В данном случае мы подходим к весьма важной в межнациональных отношениях проблеме. Суть ее заключается в том, что в процедурном смысле межнациональный конфликт демонстрирует свою дезорганизующую функцию главным образом в тех случаях, когда межнациональный конфликт полностью поглощает внимание и действия конфликтующих сторон настолько, что ближайшие цели затмевают собой стратегически более важные цели национально-территориальных образований. И, как следствие, независимо от тех ожидаемых результатов, которые сулит конфликт в будущем, он вызывает негативное отношение этносов, оказавшихся под угрозой его деструктивных воздействий.

Особенность процесса гармонизации в современных условиях можно увидеть на примере улучшения отношений между тюркскими народами, между ними и другими народами России.

На всем протяжении многовекового исторического развития тюркских народов России происходило их взаимовлияние друг на друга. В определенные периоды возникали противоречия, осложнения во взаимоотношениях некоторых народов, например между татарами и чувашами, башкирами и татарами и некоторыми другими. Однако в целом на всем протяжении истории отношения между этими народами, равно как и между всеми тюркскими народами России, были хорошими, строились на основе сотрудничества, взаимопонимания, взаимопомощи и дружбы. Это – основное, главное в межнациональных отноше-

ниях тюркских народов России. Отсюда позиция относительно отношений между ними заключается в бережном сохранении, умножении и развитии всего ценного, что было в прошлом и преодолении остатков былых недоразумений и осложнений.

В историческом наследии межнациональных отношений значительное место занимают взаимоотношения тюркских и русского народов. В методологическом плане важно избавиться от односторонности в оценке этих взаимоотношений и рассматривать их во всей сложности, противоречивости и многогранности. С одной стороны, многовековая борьба тюркских народов против колонизаторской, великодержавной, шовинистической политики царского самодержавия, против национального гнета и национальной дискриминации. Нельзя, однако, ставить знак равенства между российским колонизаторским государством и русским народом, отождествлять политику царского самодержавия с отношением русского народа к тюркским народам, равно как и ставить знак равенства между отношением тюркских народов к имперскому государству и русскому народу. С другой стороны, имеется и положительное в истории взаимоотношений этих народов. Тюркские народы на протяжении многих столетий оказывали позитивное влияние на русский этнос, которое охватывало все сферы жизнедеятельности русских людей. В свою очередь, вся история взаимоотношений этих народов свидетельствует о разностороннем положительном влиянии русского народа на тюркские народы. При всех противоречиях, обострениях в различные периоды преобладающее, ведущее значение в историческом наследии взаимоотношений между тюркскими и русскими народами является позитивным. Они носили доброжелательный характер, строились на основе терпимости, взаимопонимания, согласия, взаимообмена, сотрудничества и дружбы. Из этой тенденции вытекает проявляющееся в настоящее время стремление к сотрудничеству и дружбе с русским народом, к поискам плодотворного взаимодействия с федеральными государственными органами как в реальном наполнении суверенитета национальных республик, так и в подлинном обновлении Российского федеративного государства, укреплении его единства и целостности.

Главное в историческом наследии в межнациональных отношениях – это идущая из глубины веков традиция согласия, взаимопомощи, взаимообмена, сотрудничества и дружбы между тюркскими народами, между ними и всеми другими народами России. Из этого вытекает основная линия в позиции относительно межнациональных отношений – сохранение, бережное отношение и дальнейшее умножение всего

ценного, позитивного, что было в межнациональных отношениях тюркских народов со всеми народами России и преодоление остатков негативного в этих отношениях.

Одним из магистральных направлений деятельности по укреплению дружбы и сотрудничества народов является формирование культуры межнациональных отношений. Оговоримся, что кроме понятия «культура межнациональных отношений» некоторые исследователи употребляют понятие «культура межнационального общения». Когда мы говорим о культуре межнациональных отношений, то имеем в виду весь спектр социальных и межличностных отношений в национальной сфере общественной и индивидуальной жизни. Когда же речь идет о культуре межнационального общения, то, строго говоря, акцент падает на межличностные отношения людей как представителей разных национальностей.

Культура межнациональных отношений – это культура глубочайшего уважения и доверия как между этносами, населяющими национально-территориальные образования, так и между людьми разных национальностей. Она является проявлением общей культуры общества, культуры взаимодействия этносов и людей разных национальностей во всех сферах их жизнедеятельности – социально-экономической, политико-правовой и культурно-духовной. Ее функция заключается, прежде всего, в том, чтобы всемерно способствовать дальнейшему укреплению дружбы народов, расширению контактов национальных культур, их взаимному обогащению, подъему и расцвету.

Социальные технологии формирования культуры межнациональных отношений есть тип социальной технологии, назначением которого служит обеспечение взаимоотношений между этносами и личностями на основе норм права и общечеловеческих нравственных норм и принципов. Формирование этой культуры способствует укреплению дружбы народов, общечеловеческому и патриотическому воспитанию, расширению контактов национальных культур, их взаимному обогащению и расцвету.

Социальные технологии формирования культуры межнациональных отношений имеет ряд особенностей. Она включает в себя:

- повышение правовой культуры населения, в частности распространение знаний о правовых документах, регулирующих взаимоотношения этносов в многонациональных и поликультурных пространствах и образованиях;
- достижение роста нравственной культуры в этнической сфере;

– обеспечение условий этнической и культурной социализации личности, необходимых для выработки привычек соблюдения норм права и морали, глубокого уважения к национальным своеобразиям всех этносов.

Судьба межнациональных отношений зависит от решения назревших проблем с учетом интересов всех народов. Борьба с негативными явлениями в системе межнациональных отношений может быть результативной лишь в совокупности с решением противоречий, которые имеют место во всех сферах жизни общества. Однако следует помнить, что нельзя свою нацию превращать в культ, ибо мы внедрим другую крайность – культовую ненависть и вражду к другим этносам. «Если национальное будет окрашиваться в националистические цвета, при всей видимой их внешней привлекательности, – пишет Р. Г. Абдулатипов, – оно будет обращено не только против других, но и против собственной нации»¹.

Культура межнациональных отношений, как важный фактор интеграции наций в систему общечеловеческих ценностей, будет утверждаться и развиваться вместе с качественным культурным, политико-правовым развитием общества.

Степень функциональности политико-правовых норм, духовная и культурная свобода человека в национально-территориальных образованиях является основным показателем статуса личности в обществе и государстве. Политико-правовой и культурный статус личности говорит о том, что сфера общественных и индивидуальных интересов принимает характер правовых, юридических отношений, участники которых являются их носителями, субъектами. Отсюда другой аспект понятия правовой культуры. Это – культура отношений, регламентируемых правом, правовыми актами и законами. И культура межнациональных отношений должна быть регламентирована правом. Демократическое общество не может быть обществом правового нигилизма и вседозволенности.

Современному российскому многонациональному и поликультурному обществу предстоит в этой связи огромная работа по созданию правового государства, то есть по превращению государства из органа, стоящего над обществом, в орган, всецело ему подчиненный и им контролируемый. Наше государство все еще больше авторитарное, чем либеральное и демократическое. Оно не потеряло еще черт ни Левиафана, ни двуликого Януса, а потому не без основания по-

---

¹ Абдулатипов Р. Г. Природа и парадоксы национального «Я»... – М.: Мысль, 1991.

прежнему можно слышать: «Закон – что дышло...». Нам по-прежнему угрожает опасность недопонимания или нежелания понять ту истину, что альтернативой беззаконию, произволу, правовому беспределу может быть только правовое государство, и именно поэтому словосочетание «правовое государство» можно рассматривать как ключевое в программах реформирования политико-правовой системы нашего общества.

Концепция правового государства в ее классическом понимании и сформулированные Локком, Монтескье, Руссо и другими западно-европейскими просветителями, в наибольшей степени опирается на кантовскую философию права. Рядом с категорическим нравственным императивом Кант поставил категорический императив права, а именно: равенство в свободе по всеобщему закону. У Канта суверенности, или индивидуальной автономии, личности соответствует правовое государство, граждане которого, как субъекты права и гражданского общества, ответственные и независимые от чьего бы то ни было произвола. Как пишет Г. Кельзен¹, один из наиболее видных современных теоретиков права, понятие правового государства не уместается в юридические рамки: оно шире правовой идеи, так как включает в себя нравственную идею справедливости, равенства, служения общественному долгу. На это обращает особое внимание С. Лезов. В статье «Миф о правовом государстве» он отмечает, что «европейская наука под правовым государством понимает в первую очередь не «верховенство права», которое в массовом сознании превращается в «соблюдение законности», а приближение демократии к некоему постоянно изменяющемуся гуманистическому идеалу общественного устройства»². С. Лезов согласен в этом вопросе с выдающимся русским юристом С. А. Котляревским, который считал, что «правовое государство – это преддверие, так сказать, общежития, гармонирующего с духовными запросами человека... Государство глубокими корнями связано со стихией насилия и эгоизма; лишь в известных пределах может в нем воплотиться верховенство права, в меньших – справедливости высшей, расширенной до милосердия...»³.

Сложные и весьма противоречивые процессы, происходящие сегодня в России, выдвинули на первый план необходимость осмысления

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция. Перев. с англ. А.А. Краевского // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб., 2011. С. 432-453

² Лезов С. Миф о правовом государстве // Октябрь, 1991, № 3.

³ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства// <https://www.litres.ru/sergey-kotlyarevskiy/vlast-i-pravo-problema-pravovogo-gosudarstva/>

новых, а в чем-то и переосмысления многих «старых» проблем в теории прав человека и технологий их реализации. Очень важным и положительным явлением можно считать признание Российской Федерацией международных документов по правам человека, возведение содержащихся в них норм в ранг конституционных положений. Вместе с тем часто думают, в том числе и за рубежом, что функции социального государства ограничиваются обеспечением прав человека. Но это ошибочное мнение. Во-первых, в конституции перечислены только основные права, а во-вторых, обязанности социального государства выходят далеко за их пределы. Конституционные права служат своеобразным ориентиром для развертывания практической деятельности. И сегодня важно теоретически осмыслить эти нормы, соотнеся их с коллективными правами народов, показать благотворное влияние соблюдения прав человека на культуру межнациональных отношений. Технологии взаимосвязи прав личности и этносов имеет самое прямое отношение к нормализации межнациональных отношений в национально-территориальных образованиях.

Правовая культура исходит из того, что право является важнейшим показателем положения личности и этносов в обществе и государстве, а права и свободы человека как гражданина и представителя этноса имеют существенное значение для оценки демократичности всей подсистем общества.

В правовом государстве утверждаются:

во-первых, безусловное подчинение всех граждан и этносов закону, верховенство закона во всех сферах правовых, т. е. основанных на праве общественных отношений;

во-вторых, связанность государства правом, взаимная ответственность государства, личности и этноса;

в-третьих, всемерное развитие прав и свобод личности и этносов;

в-четвертых, механизм гарантий, защиты и реализации этих прав и свобод.

Демократизм политической культуры неотделим от общечеловеческих и этнических норм нравственности и справедливости. В нем тесно переплетаются национальные и общечеловеческие представления о защищаемых законом ценностях жизни общества и индивида.

Права личности и этноса в принципе согласуются друг с другом. Взятые порознь, они ограничены. Ограниченность первых из них в интересующем нас плане заключается главным образом в отрыве прав человека от тех обязанностей, которые возлагает на него сам факт

вхождения его в тот или иной национальный коллектив. Наиболее рельефно это подчеркнуто экс-премьером Канады П. Трюдо, который, как сторонник либеральных принципов государственности, писал, в частности о том, что признание за Квебеком (франкоязычной провинцией Канады) особого статуса повлекло бы за собой подчинение индивидуальных прав коллективным. А это уже несвобода¹. В позиции П. Трюдо проявляется и односторонность: он недооценивает значимость прав и свобод этносов и этнических групп. Ограниченность же второго – коллективистского – подхода состоит в основном в подчеркивании долга в ущерб прав индивида на свободное развитие независимо от его национальной, расовой, религиозной и какой-либо другой принадлежности, как того требует Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека.

Однако ограниченность того и другого снимается, если их рассматривать как момент новой, более высокой парадигмы, требующей их взаимопроникновения вплоть до взаимопревращения. Совокупное право гражданина, в том числе его право на свободную этническую идентификацию, только тогда станет полноценным реальным правом отдельного индивида, когда его, гражданина, государство станет полностью правовым, а общество всецело гражданским. Иначе говоря, когда это право приобретет коллективную основу, лишь тогда оно станет гарантированным, а не просто декларируемым. Это в полной мере относится и к этносу. Государство тогда может считаться правовым, когда соблюдаются права и свободы этносов.

Применительно к современной межнациональной ситуации стало правилом говорить о приоритете прав человека (личности) над правами нации. Этот взгляд получил в последнее время весьма широкое распространение. Но все ли здесь так бесспорно? Думается, что нет. Разумеется, «вызывает возражение не сама постановка вопроса, а ее абстрактность. Когда говорится о приоритете прав личности над правами нации безотносительно к ее статусу, то этим допускается абсолютизация прав первого субъекта, поскольку права нации, взятой в качестве этнополитической общности, т. е. субъекта, борющегося прежде всего за свое политическое самоопределение, настолько же приоритетны, насколько приоритетны и права личности»². Иначе говоря, при этом сопоставлении, точнее противопоставлении, теряет смысл пред-

¹ Трюдо П. Урок другим странам // За рубежом, 1990, № 28. С. 6.

² Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Заингород / Под ред. В.Е. Левского. М.: «Когнито-Центр», 2006. – 232 с.

почтение тем или иным правам. Личность и этнос как субъекты права не могут противопоставляться. Это разные системы координат, разные уровни правовых отношений.

Если в многонациональном и поликультурном государстве нет дискриминации по национальному, культурно-конфессиональному и языковому признаку, то права этносов вполне удовлетворяются суверенными республиками и другими национально-территориальными образованиями, теми или иными формами национально-культурной автономии. Это помогает реализации национальной политики по всей территории государства, так как его субъектами становятся и народы, и их отдельные этнические группы. В этой связи трудно переоценить значимость национально-культурной автономии.

Функции института национально-культурной автономии направлены «на удовлетворение духовных, культурных потребностей народов, сохранение и развитие традиций, специфических черт образа жизни, языка, искусства, этнической идентичности. Национально-культурная автономия реализуется через самоорганизацию и общественную инициативу заинтересованных граждан, мобилизуя не только массовую волю, но и духовную поддержку общины»¹. Его деятельность предполагает через общественную инициативу реализовать интересы конкретного народа в многонациональном и поликультурном государственном образовании.

Применение технологий повышения культуры межнациональных отношений означает реализацию прав и свобод как личности, так и этносов. Другими словами, реализация технологий обеспечения прав личности предполагает борьбу против проявлений национального экстремизма и шовинизма в национально-территориальных образованиях. Реализация данных технологий подразумевает деятельность по организации баланса прав личности и этноса.

Декларативные правовые и законодательные акты, формальная пропаганда идей о приоритетности прав человека без увязки данной идеи с правами этносов в межнациональных отношениях способны вызывать и вызывают у дискриминируемых национальных групп только подозрение, что за этой проповедью кроется стремление обеспечить права доминирующих этнических групп за счет подавления их национальных прав. Результаты социологических исследований красноречиво говорят о том, что основная масса населения не поддерживает чьих бы то ни было притязаний на приоритетное положение. Так, на вопрос

---

¹ Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в системе российского федерализма: правовой аспект // Государство и право. 2006. №9. С. 5-10

«Согласны ли Вы с утверждением, что представители коренной национальности должны иметь преимущества по отношению к людям иной национальности?» отрицательно ответили 80 % опрошенных в Ставрополе, 70 % – в Оренбурге, 61 % – в Черкесске, 71 % – в Петрозаводске, 64 % – в Улан-Уде, 58 % – в Якутске, 76 % – в Уфе, 69 % – в Москве.

Наиболее трудной является проблема целостного подхода к правам человека и национальной политики государства и конкретным состоянием межнациональных отношений. Дело в том, что решение проблемы прав человека рассматривается в системе его социально-экономических, политико-правовых возможностей и в значительно меньшей степени данная проблема рассматривается в контексте с межнациональными отношениями, в особенности с правами национальных меньшинств. В тоже время, например, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписанном в августе 1975 г. 35-ю государствами, в том числе и бывшим СССР) вопрос об этой увязке формулируется в такой редакции: «Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами и будут таким образом защищать их законные интересы»¹. Необходимо подчеркнуть, что вопросы самоопределения народов особенно актуальны были после распада Советского Союза и образования СНГ, поскольку с признанием прав человека и этносов связывались надежды поиска решения возникших проблем в межнациональных отношениях. Однако эти надежды непросто претворить в жизнь, так как требовались законодательные акты, регулирующие права этнических меньшинств. При этом, законодательная база межнациональных отношений, регламентируя права меньшинства, должна была гарантировать государственную целостность новообразованных государств. Но, процессе реализации данных прав оказался затруднительным, что было связано совокупностью объективных и субъективных факторов. Так, современник тех событий Эрик Хан-Пира, возражая против иерархического деления народов, пишет, что «никакая из национальностей не лучше, не умнее, не талантливее всех прочих... Этноним не может включать в себе ни оценочного, ни политического, ни идеологического, ни морально-этического понятия»². Другой автор – В. Сидоров – недвусмысленно осуждает «принцип разделения народов на сорта, когда

¹ Права человека. Основные международные документы: Сб. документов. - М., 1990.

² Эрик Хан-Пира. Об одной спорной формуле // Дружба народов, 1989, №3.

одним положено самоопределение, другим – нет». «Более того, – отмечает он, – этот принцип оказался закрепленным в конституциях и бывшего Союза, и бывших союзных республик»¹.

Правовая культура общества как элемент общей политической культуры является предпосылкой выстраивания технологии ее существования. Ориентация на нее как социальных, так и национально ориентированных субъектов зависит от того, насколько она отвечала их общим интересам в прошлом. Подлинная правовая культура формируется на гуманистических началах, отражает правовую действительность и не только регулирует поведение, так сказать, «космополитически» настроенной части населения, но и учитывает специфические формы соблюдения национальных прав. И только такую правовую культуру можно считать соответствующей своему назначению, так как лишь на этих условиях возможно нормальное функционирование культуры межнационального общения, в свою очередь закономерно воздействующей на совершенствование правовой культуры общества в целом. Это первый принцип решения исследуемой здесь проблемы. Отсюда вытекает и другой аспект ее решения.

Находясь в прямой зависимости от идеологии и практики формирования правового государства, правовая культура всегда отражает уровень и качество правовой грамотности, образованности и воспитанности людей, их умение пользоваться правами и свободами личности. Это – культура сознания, чувств и поведения индивидов, организаций, учреждений в сфере правовых отношений, т. е. отношений, регламентируемых правовыми актами, законами, установленным правопорядком; культура исполнения государством обязанностей перед гражданами, а гражданами – перед обществом и государством; это, наконец, основанная на праве культура развития добрососедских отношений со всеми народами планеты во внутренне противоречивом и взаимосвязанном мире. Современное человечество делает упор на защиту прав человека, личности, каждого отдельного этноса. «Если в обществе уважается личность, – пишет Г. Гусейнов, – то это общество будет уважать меньшинство, а общество, где все еще доминирует тенденция к подавлению личности, как пока это происходит у нас, конечно, никакое меньшинство уважать не будет...»². К этим мыслям близок и М. Михайлов, который, отметив противоречивость принципов демократии и национальной государственности, утверждает, что «истинная демократия может существовать только при равенстве прав – всех прав

¹ Сидоров В. О нациях - без эмоций // Дружба народов, 1991, № 8.

² Гусейнов Г. Нация и личность // Дружба народов, 1989, № 6.

всех граждан»¹. Приведенные высказывания авторов, несмотря на то, что прошло значительное время, своей актуальности не утратили.

Социально-правовая и национально-правовая психология выступают как несистематизированные эмоциональные реакции на реальные отношения. Их осознание и оценка на теоретическом и эмпирическом уровнях зависят от способности научного познания установить «золотую середину» в диалектически противоречивой связи социального и национального, при которой во взаимоотношениях субъектов были бы найдены пути ненасильственных действий в процессе осуществления принципов прав человека, независимо от его национальной принадлежности. Но важно, чтобы этнические общности органично сочетали свое этническое с общечеловеческим. Не менее существенно, чтобы было обеспечено равноправие этносов независимо от их численности и принадлежности к республикообразующим общностям.

Немного найдется стран, на территории которых проживает столько национальных меньшинств, как в России. У многих из них нет ни национально-территориальной, ни национально-культурной автономии. До сих пор или не приняты законодательные акты, обеспечивающие их права и интересы, не определены формы государственной поддержки, или принятые законы и акты несут декларативный характер.

Признание и соблюдение прав человека и этноса снимает необходимость противопоставления их проблем, так как национальные права обеих сторон не противоречат друг другу. Борьба как таковая здесь может вестись за права человека и этноса, способствуя росту национального самосознания и культуры межнациональных отношений. Но для этого требуется время, пока любая малочисленная нация не убедится в выгоды сотрудничества с большой, а последняя не осознает необходимости мирного, ненасильственного решения всех вопросов, общих для нее с первой. Это и есть та отправная точка технологии, соблюдение которой позволяет смотреть на реальные перспективы установления общечеловеческих по своей сути отношений, а следовательно, как на фактор, от которого зависит комплексное решение проблемы прав человека (независимо от его национальной принадлежности) и прав этноса (независимо от его численности), дающее возможность снять политическую оболочку с различных форм культуры межнациональных отношений.

---

¹ Михайлов М. Государство бродячих // Путь к независимости и права личности: Материалы конференции Института по изучению межнациональных отношений при журнале «Дружба народов» // Дружба народов, 1992, № 3.

Выбор технологий обеспечения прав человека и этноса в первую очередь обусловлен подходами к осмыслению типов государственности, различающихся мерой авторитаризма или, напротив, демократизма. Если в основе государства (во внутринациональном плане) лежит удовлетворение общенациональных интересов, то данные технологии выступают как механизм согласия, компромисса между представителями различных наций в едином федеративном государстве. Использование этих технологий способствует становлению справедливых, правовых принципов межнационального общения, охватывающих и элементы межгосударственного общения.

Многое предстоит сделать для оптимизации взаимоотношений государства и личности, государства и этноса, имеющих первостепенное значение для формирования культуры межнациональных отношений. Многие годы политическая и правовая практика в нашей стране строилась на примате интересов государства над интересами граждан и этносов. Формула «Государство превыше всего» (как и «План любой ценой») не демократична, ибо, во-первых, нельзя противопоставлять заботу о государстве заботе о человеке; во-вторых, благо государства и его народа невозможно создать на беззаконии, допускаемом как в отношении индивидов, так и этносов и социальных групп. Законность и демократия – понятия однопорядковые: не будет законности – не будет и правового государства и гражданского общества. Люди сами творят свои юридические законы, и они же, к сожалению, сами их нарушают, допуская беззаконие. Только по мере «обучения» демократии, формирования и воспитания политической и правовой культуры возможно повышение культуры отношений этносов и личностей. Но социологические опросы, проведенные в марте 2017 г. показывают не высокую правовую культуру населения. «Примерно четверть россиян (24 %) считают, что в ряде случаев ради интересов государства можно согласиться с ущемлением прав граждан, а 10 % даже готовы поставить государственные интересы выше прав отдельного человека... Кроме того, 11 % респондентов считают, что «государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на какие-то жертвы», а 4 % – что «государство дало нам все, никто не вправе требовать от него еще чего-то»¹. Эти цифры говорят о непонимании роли государства в жизни конкретного человека и общества в целом. Хотя, «При этом почти половина россиян (47 %) считают, что «каждый человек может бороться за свои права, даже если это идет вразрез с интересами государ-

¹ Четверть россиян посчитали интересы государства важнее прав граждан// www.rbc.ru/society/03/04/2017/58e1e3ec9a7947c4737bd624

ства, а еще 13 % опрошенных заявили, что права отдельного человека «всегда важнее» интересов государства»¹.

Не следует отрицать, реформы в нашей стране были направлены на защиту интересов и прав человека и этносов, что объективно вело к нейтрализации всего надуманного, наносного в межнациональных отношениях. Выполнение данных социальных технологий необходимы для становления принципов культуры межнациональных отношений, снятия основных противоречий в процессе становления реальных прав человека и этносов в национально-территориальных образованиях. Таким образом, в системе «человек – государство – право» приоритетным значением должен обладать такой ее компонент, как человек, хотя, как было показано выше, этого понимания в полной мере нет в обществе. В системе «государство – этнос» приоритетным является этнос. На это должны быть ориентировано внимание в национально-территориальных образованиях.

С наличием права и правовых отношений связана особая форма общественного сознания – правосознание как совокупность взглядов, идей, социальных чувств, выражающих отношение людей, партий, социальных групп к праву и правосудию, их понимание того, что является правомерным или неправомерным, справедливым или несправедливым. Правосознание может быть теоретическим и обыденным или сочетающим в себе черты того и другого. Оно имеет идеологическую и психологическую стороны, содержит в себе оценочные моменты и поведенческие установки. Правосознание – это всегда конкретные, исторические и социально обусловленные представления людей о том, что значит «жить по праву и по закону», а следовательно, и чувства, которые люди переживают или испытывают в связи с различными событиями, подпадающими под принципы права и действие законов.

Право и закон – не одно и то же. Право по своей природе (ментальности) демократично. В сложном и вместе с тем двусмысленном положении находится право в сфере межнациональных отношений. Правовое регулирование необходимо как средство социального и межнационального компромисса, примиряющее общенародные права с внутринациональными и достигающее таким образом осознания прав и свобод человека и этноса. Сложности в этом отношении возникают из уровня сегодняшних разработок федеральной и республиканских конституций, которые не всегда соответствуют друг другу и не в полной мере выражают права этносов, этнических групп, а иногда и личности.

---

¹ Там же.

Здесь существуют элементы несоответствия по двум кардинальным проблемам

Институт гражданства Российской Федерации и республик, входящих в ее состав, состоит из норм, регулирующих отношения, складывающиеся между указанными государственными образованиями и лицами, образующими многонациональный народ России. Причем целостный характер Российской Федерации и ее субъектов неизбежно предполагает органическую взаимосвязь гражданства Российского государства как целого с гражданством республик как его неотъемлемых частей. Тем не менее, в конституциях ряда республик это положение учитывается не в полной мере. Например, недостаточно учтен пункт статьи 71 Конституции Российской Федерации, согласно которому в ведении Российской Федерации находится гражданство в Российской Федерации. Это выражается в том, что конституции республик допускают прием в их гражданство без предварительного решения вопроса о гражданстве Российской Федерации. Особую озабоченность вызывают те конституционные нормы республик, которые характеризуются подходом к конкретным аспектам правового статуса человека и гражданина, не совпадающим с федеральным. Вместе с тем, если не поставить пределов «децентрализации, общество может быть поражено развитием разнонаправленных тенденций», в результате чего и социальные, и национальные права человека окажутся ущемленными. Правовой основой решения проблемы прав человека и этноса являются конституции России и республик. К ним же примыкает и Федеративный Договор Российской Федерации, подписанный в Москве 31 марта 1992 г., который должен войти составной частью в ее Конституцию. Наиболее общим и всеобъемлющим документом, формирующим культуру межнациональных отношений, является «Всеобщая декларация прав человека», принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года. Она исходит из того, что признание достоинства, равных и неотъемлемых прав человека имеет огромное значение для создания такого мира, в котором люди будут жить в лучших условиях, при большей свободе, не зная страха и нужды. Все люди, говорится в декларации, рождаются равными и свободными в своих правах и достоинстве. «Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства. Каждый человек обладает всеми правами и свободами независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального

и социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения»¹. Важнейшие права человека:

- право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность;
- право каждого на признание его правосубъектности, в том числе на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации или какого бы то ни было подстрекательства к дискриминации;
- право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах любого государства;
- право покидать любую страну, включая собственную, и возвращаться в свою страну;
- право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии свободно, по обоюдному согласию вступать в брак и основывать семью;
- право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими;
- право на свободу мысли и религии;
- право на свободные убеждения и на свободное выражение их;
- право беспрепятственно придерживаться своих убеждений и на свободу, искать, получать и распространять информацию, идеи любыми средствами, независимо от государственных границ;
- право на свободу мирных собраний и ассоциаций;
- право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей;
- право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов².

К теоретическому осмыслению технологий реализации прав и свобод человека и этносов в национально-территориальных образованиях имеет прямое отношение проблема ненасилия, характер и степень ее разрешенности. Данная проблема по известным причинам ранее не поднималась в отечественной литературе. Первое обращение ученых к ней было в Международной Московской конференции на тему «Этика ненасилия», участники которой главное внимание уделили понятиям насилия и ненасилия, проблеме насилия и политики, путям построения ненасильственного общества.

При общем единстве мыслей, одобряющих неприменение насилия, авторы сосредоточивают свое внимание на освещении разных ас-

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.)// www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

² Там же.

пектов, но ни один из авторов напрямую проблему осуществления принципов насилия и ненасилия не связывает с комплексом вопросов, относящихся к правам и свободам национальных меньшинств, коренного населения из малых народов. Но это не значило, что не существовало такой проблемы. К сожалению, она до сих пор в полной мере не преодолена в нашей многонациональной стране, хотя общество прошло довольно долгую историческую эволюцию. Все это, вместе взятое, дает основание считать, что существующая правовая база, не говоря уже о практике национальных отношений, существенно ограничивает возможности межнационального общения как некой нормы межнационального взаимодействия в национально-территориальных образованиях.

Думается, что здесь прослеживается такая связь. Чем решительнее, последовательнее, полнее соблюдаются технологии реализации прав человека, «тем благоприятнее общественный фон для повышения уровня культуры межнациональных отношений, поскольку фиксация сознанием человека того, что он пользуется предоставленными ему правами независимо от своей национальной (этнической) принадлежности, делает субъекта равноправным с представителями всех других национальностей и тем самым снимает барьеры для вступления с ними в контакт по поводу решения тех или иных общих задач»¹.

Без соблюдения прав человека и этносов межнациональные отношения, по сути, невозможны, в лучшем случае они оказываются крайне проблематичными, затруднительными. Кроме того, следует подчеркнуть, что несоблюдение технологий реализации прав человека и этносов существенно ухудшает состояние национальных отношений, поскольку накопившаяся на данной почве неудовлетворенность человека выплескивается зачастую вовне, на соседа-инационала, в котором он нередко видит виновника его собственных бед. Понятно, что при таком положении уровень культуры межнациональных отношений катастрофически снижается.

Однако процесс соблюдения технологий реализации прав человека и этносов не развивается в абстракции. Он всегда находится в том или ином благоприятном или, напротив, неблагоприятном общественном контексте. Больше всего, пожалуй, этот процесс находится в связи с соблюдением коллективных прав наций (народов, этносов). Существует прямая зависимость технологий реализации прав человека от того, как

---

¹ Гравеский В. Соблюдение прав человека – одно из основных условий формирования культуры межнациональных отношений// <http://minjust-pmr.org/Web.nsf/664d2901186e70ac5c22574d5002ac18/d052c91a12d0bb5ec225761c00387d4e?OpenDocument>

соблюдается права этносов. Если права не соблюдаются (когда этнос находится, например, в дискриминируемом положении), то это прямо отражается на соблюдении технологий реализации индивидуальных прав как своих «соплеменников», так и тех групп населения, которые оказываются вовлеченными в этот процесс национального освобождения, испытывая на себе его ближайшие негативные отголоски.

В этой связи вопрос о приоритетности прав человека (перед коллективными правами нации) получает несколько иную интерпретацию. Его уже нельзя рассматривать как вопрос о безусловном приоритете прав человека, поскольку выявляется его относительность. И, следовательно, абсолютизация прав личности выглядит здесь как пример явной односторонности и ограниченности.

При осмыслении норм и принципов соблюдения культуры межнациональных отношений надо исходить:

- во-первых, из реальных условий, обстоятельств и возможностей, а не из абстрактно трактуемых национальных отношений;

- во-вторых, понимания того, что практически существующее государственное устройство и его соподчинение в многонациональном Российском федеративном государстве вряд ли оправдано и политически целесообразно. Вот почему в такой системе нельзя говорить о полноте соблюдения технологий реализации прав человека и малочисленных этнических меньшинств, а также некоренного населения, а вместе с этим и о высокой культуре межнационального общения. То есть о такой культуре, которая предполагает как минимум ненасильственный характер общения между представителями различных национальностей;

- в-третьих, из того, что психологически несостоятельно восхвалять «благородные деяния» царизма, пропагандировать «неделимую и единую Россию», забывая цепкость обид малых народов, подвергавшихся в прошлом социальному и национальному угнетению. Подобная пропаганда способна провоцировать недовольство ранее угнетавшихся народов, служить помехой становления (формирования) культуры межнациональных отношений;

- в-четвертых, из того, что политически сомнительна сама структура многонационального государства, если исходить из приемлемости соподчинения в нем субъектов, различающихся между собой по численности, размеру территории или другим параметрам. Поэтому иерархическое соподчинение национально-территориальных образований должно быть заменено на их содружество, основанное на равных правах народов. А любые вопросы отношений между народами должны решаться на основе принципов ненасилия и справедливости.

И лишь тогда культура межнациональных отношений может стать нормой поведения людей различных национальностей, означающей, кстати, более полную реализацию технологии прав человека (коль скоро самоосуществление потребности в национальном, этническом «Я» входит составной частью в общий контекст его прав и свобод).

Этническая пестрота многих государств, разбросанность и перемещенность проживающих в них народов, вызывала настоятельную необходимость искать и часто находить наиболее приемлемые и безболезненные формы общежития и взаимодействия этносов. В ходе длительной исторической практики накоплен бесценный позитивный и негативный опыт решения межнациональных проблем. И в этой связи мы не можем рассматривать сложнейшую обстановку, возникшую в нашей стране в национальной сфере, изолированно от мировой ситуации и мирового опыта в области межнациональных отношений.

Вместе с тем следует добавить, что вопрос о связи прав человека с проблемой становления культуры межнационального общения в общетеоретическом аспекте по сути не разработан. И это, естественно, порождает определенные трудности в его освещении. Несмотря на публикации в нашей стране международных документов по правам человека и их пропаганду СМИ, вопрос о возможности благотворного воздействия практики соблюдения общепризнанных прав граждан на состояние национальных отношений вообще и межнационального общения в частности, остается в научной литературе пока «белым пятном».

Одним из серьезных вопросов нового столетия остается вопрос о ценностном освоении национального пространства. Это пространство должно предоставить каждому конкретному человеку благоприятную национальную политику, которая обеспечила бы реализацию технологий, позволяющих «вплести» самобытность каждого этноса, его национальный интерес в интерес общенародный, общегосударственный, объединяющий таким образом многонациональные территориальные образования. Но разбалансированности национального пространства способствуют множество факторов, среди которых особо выделяются:

- неразвитость экономических структур;
- нарушение социальных приоритетов;
- национальный эгоизм, выражающийся в шовинизме и национализме;

– недостаточная управленческая культура управленческих кадров субъектов федерации и федеральных государственных органов¹.

¹ Иванов В.Н., Патрушев В.Н., Галиев Г.Т. Инновационные социальные технологии устойчивого развития. Уфа, 2005.

Так оказалось, что мы живем во времена динамических социальных перемен, связанных с повышением темпов социальных процессов. Все это требует новые, инновационные методы анализа межнациональных отношений и освоения национального пространства, в котором значительной степени сохраняются источники и предпосылки потрясений, конфликтов. Поэтому сегодня социальные технологии управления межнациональными отношениями требуют обновления. От выполнения традиционных функций диагностики относительно стабильной социальной ситуации она должна продвигаться к освоению постоянно меняющейся социальной системы в национально-территориальных образованиях.

Заключение

Фундаментальные и теоретико-прикладные исследования межнациональных отношений в современных условиях имеют большое теоретическое и практическое значение. Межнациональные отношения, как особый тип социальных отношений, всегда играли значительную роль в функционировании общества. На современном этапе межнациональные отношения вышли в эпицентр общественной жизни, влияют на все другие общественные отношения. Научный анализ и на этой основе – справедливые решения межнациональных отношений являются одним из значимых факторов преодоления межнациональных конфликтов, гармонизации межнациональных отношений.

Межнациональные отношения представляют собой тип социальных отношений – это взаимодействие между этносами и этническими группами преимущественно по поводу этничности и ее элементов. Нынешний этап развития человеческого общества, характеризуется стремлением повышения уровня культуры межнациональных отношений, особенно в развитых странах. Эта культура выступает как уровень взаимоотношений между этносами и людьми различных национальностей на основе правовых норм, нравственных принципов и норм, а также взаимного уважения и доверия. Однако в целом уровень культуры межнациональных отношений еще не отвечает требованиям данного этапа развития цивилизации. Во многих странах часто возникает дисгармония межнациональных отношений, принимая такие формы, как взаимная неприязнь, отчужденность, ослабление сотрудничества, согласия и взаимопонимания.

Ухудшение межнациональных отношений, возникновение межнациональных конфликтов – явление мирового порядка. Оно затронуло многие страны в Европе, Азии, Африке, Америке. Анализ межнациональных конфликтов показывает, что в их основе могут лежать и субъективные факторы. Они носят политический характер, причем социально-экономические и политические причины, вызывающие межнациональные конфликты, действуют, преломляясь через национальное.

Межнациональный конфликт – это тип социального конфликта, выражающийся в противоположности интересов, враждебности, противоречивом состоянии и противоположных действиях этносов между собой. Существуют две крайности в их оценке. Одна – утверждение, что межнациональные конфликты всегда позитивны, что они – источник возрождения этносов, другая – полное отрицание их роли конфликтов в решении этнических проблем.

Современная социология рассматривает межнациональный конфликт как одно из состояний межнациональных отношений, представляющим собой обострение. Разрешение межнациональных конфликтов – одна из злободневных проблем. Поэтому разработка теории, методологии и методики их разрешения представляет собой одну из актуальных задач социологической науки. Современный уровень развития цивилизации, науки, техники, культуры, духовной сферы создают объективные предпосылки для разработки и реализации социальных технологий разрешения межнациональных конфликтов.

Основным субъектом, разрешающим межнациональные конфликты в современных условиях, является государство. Кроме того, особенно на более низких уровнях социальной иерархии, субъектом разрешения межнациональных конфликтов являются политические и общественные организации, отдельные авторитетные деятели. Государственные структуры чаще выполняют роль консолидирующего механизма, разрешающего конфликт, однако нередко они используются и для его обострения. В последние десятилетия существенно возросла роль международных и региональных межгосударственных структур в разрешении межнациональных конфликтов.

Технологии разрешения межнационального конфликта – это сложный процесс, состоящий из множества элементов, которые включают в себя прогнозирование и моделирование как самих межнациональных конфликтов, так и процесса их разрешения. Прогнозирование межнациональных конфликтов – это элемент и этап социального управления, заключающийся в выработке научно обоснованного суждения о возможном развитии конфликтов для выявления узловых проблем, выбора наиболее оптимальных путей достижения определенных результатов. При прогнозировании используют экстраполяционный, целевой и другие методы. Экстраполяционное прогнозирование дает прогнозы, отражающие развитие реальности и позволяет предвидеть момент, когда принятые меры дадут необходимый эффект. Целевой прогноз содержит набор альтернатив, ибо цели технологий разрешения межнациональных конфликтов различны, и с помощью одних и тех же средств можно достичь самых различных целей.

В нынешних условиях возрастает значение профилактики межнациональных конфликтов, которые представляют собой управленческую деятельность, направленную на предупреждение возникновения и распространения нежелательных тенденций в состоянии межнациональных отношений. Это специфический вид опережающего управления конкретными межнациональными процессами, обеспечивающий дополнительные резервы стабильности и устойчивости межнациональных отношений. Для проведения профилактики межнациональных конфликтов необходимо:

- знание сущности, места и роли всей совокупности элементов, представляющих конкретный процесс межнациональных отношений;
- знание методов диагностики межнациональных отношений, состояния и умения квалифицированно их использовать;
- закономерностей технологического процесса в решении конкретных задач, профилактики межнациональных конфликтов;
- методики усиления или ослабления интенсивности течения конкретного процесса межнациональных отношений по ходу его функционирования.

На основе прогнозирования и моделирования может вырабатываться проект непосредственного процесса прекращения межнационального конфликта, который выступает как технология деятельности по непосредственному разрешению конфликта. Технологии разрешения конкретного межнационального конфликта представляет собой систему последовательных действий, осуществление которых позволяет его разрешить. В разрешении межнациональных конфликтов эффективным являются методы компромисса и консенсуса. Компромисс в межнациональных конфликтах – разумный способ разрешения конфликтов, заключающийся в достижении соглашения путем взаимных уступок участвующих в конфликте этносов, а также государства. Для достижения компромисса необходимо отчетливое определение степени расхождения интересов, объекта спора, осознание пределов уступок, на которые в данных условиях может пойти каждый из этносов, выбор авторитетных представителей, которым доверено вести переговоры, и в случае их успеха – заключение соглашения.

Результатом социальных технологий в межнациональных конфликтах является консенсус. Многовековой мировой опыт свидетельствует о том, что можно разрешить мирно межнациональные конфликты, строить межнациональное отношение в духе согласия, на основе норм права и морали. Так, причины отсутствия межнациональных конфликтов в Финляндии надо искать в исконном уважении людей различной национальности друг к другу, в их стремлении идти на взаимные компромиссы и уступки, в том, что законы не только декларируются, но и выполняются всеми субъектами.

Социальные технологии призваны обеспечить оптимизацию взаимоотношения этносов и личностей в национальном пространстве, соблюдение их прав и свобод. Права и свободы можно считать обеспеченными, когда гарантированы, не только права и свободы личностей различных национальностей, но и этноса в целом как особой социальной общности. На основе социальных технологий разрабатываются практические рекомендации, направленные на преодоление межнациональных конфликтов, гармонизацию межнациональных отношений, формирование культуры взаимоотношений между этносами и личностями.

1. В мире практически достаточно эмпирического материала и практического опыта для обобщения мирового опыта разрешения межнациональных конфликтов, гармонизации межнациональных отношений. Этот бесценный опыт необходимо обобщать и распространять. Существует настоятельная необходимость обобщения и распространения опыта решения национальных и межнациональных проблем в Финляндии и Швейцарии, в частности, в решении проблем языка, федерализма, автономии и самоуправления.

2. Достигнутый уровень развития цивилизации и науки позволяет разрабатывать и реализовывать на высоком уровне социальные проекты, что вызывает необходимость изменения отношения в обществе и в государственных структурах к науке и научно-инновационной деятельности. На международном, региональном, государственном уровнях надо создать аналитические центры для отслеживания информации, обобщения опыта, рекомендаций различных форумов ученых и совещаний практиков, идей, содержащихся в диссертациях, научных публикациях, проектах государственных документов.

3. Целесообразно изучить вопрос о создании в Организации Объединенных Наций, в Совете Безопасности организационных структур, регулирующих межнациональные конфликты различных советов, комиссий, состоящих из деятелей науки, культуры, образования, религиозных организаций для осуществления посреднической деятельности.

4. Для создания правовой основы регулирования межнациональных конфликтов и снятия причин их вызывающих в России нужно разработать и принять ряда законов и обеспечивать функциональность принятых законов и законодательных актов.

5. На федеральном уровне и в регионах необходимо решить проблему национального представительства в органах власти.

7. Целесообразно при Министерстве по делам национальностей и федеральных отношений создать НИИ по проблеме межнациональных конфликтов.

8. Неизбежное усиление миграционных процессов (особенно из Средней Азии и Кавказа) требует разработки специальной программ обустройства мигрантов в различных регионах России и, в первую очередь, в Нечерноземье, Сибири и на Дальнем Востоке.

9. Существует потребность в разработке проектов Государственных Программ гармонизации межнациональных отношений и формирования культуры этнических взаимоотношений между этносами и гражданами, а также прикладных методов осуществления деятельности в социальной сфере.

Список источников и литературы

1. Абдулатипов Р. Этот укус смертелен. Мой ответ националистам// ИГ. Сценарии. 2000. № 4.
2. Абдулатипов Р. Г. Природа и парадоксы национального «Я»... - М.: Мысль, 1991.
3. Абдулкаримов Г. Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России: Этносоциология модернизации современной России/ Г. Абдулкаримов. М.: Изд-во «Весь Мир», 2008. – 336 с.
4. Аверинцев С. Византизм и Русь. Два типа духовности. Статья вторая// Новый мир, 1988. № 9.
5. Аверинцев С. К характеристике русского ума //Новый мир, 1989. № 1.
6. Айдаева Н. М. Теоретико-правовые проблемы регулирования межнациональных отношений: монография/ Н. М. Айдаева, К. Г. Гусаева. – Махачкала: Издат. дом «Наука плюс», 2006. 130 с.
7. Аксаков К. С. Эстетика и либеральная критика/ К. С. Аксаков. М.: Изд-во «Искусство», 1995. – 348 с.
8. Алгоритмы оптимизации проектных решений/ под ред. А. Половинкина. М.: Энергия, 1976. 264 с.
9. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе/ У. Альтерматт. М.: Наука, 2000.-367 с.
10. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?//Погружение в трясину: Анатомия застоя/ Сост. и общ. ред. Т. А. Ноткина. – М., 1994.
11. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма/ Б. Андерсон. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 2001.-288 с.
12. Андреева Л. А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России/ Л. А. Андреева. М.: Науч.-издат. центр «Ладомир», 2001. – 253 с.
13. Анисимов О. С. Методология: функция, сущность и становление. М., 1996. 353 с.
14. Анисимов О. С. Принятие управленческих решений: методология и технология. М., 2004. 504 с.
15. Антонов Д. А. Социально-философский анализ общественного прогресса/ Д. А. Антонов; Сиб. гос. технол. ун-т. – Красноярск, 2005. – 218 с.
16. Антониук Г. И. Социальное проектирование. Мн.: Наука и техника, 1978. 127 с.

17. Арутюнова Е. М. Русский язык в школах Республики Татарстан: измерения проблемы// Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков/ под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во Артифакт, 2014. С. 108-120.
18. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. – 2008. – № 7; Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л. М. Дробижина. – М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. – 268 с.
19. Астафьев П. Е. Национальность и общечеловеческие задачи/ П. Е. Астафьев// Философия нации и единство мировоззрения: сб. науч. и публицист. работ. -М.: Москва, 2000. 538 с.
20. Афанасьев В. Человек в управлении обществом. – М.: Политиздат, 1977.
21. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. 364 с.
22. Афанасьев, В. Г. Актуальные проблемы научного управления обществом/ В. Г. Афанасьев. М.: Об-во «Знание», 1975. – 62 с.
23. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (Опыт системного исследования)/ В. Г. Афанасьев. М.: Политиздат, 1968. – 384 с.
24. Базовые ценности России: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы/ Отв. ред. Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. – М. 2003. – 488 с.
25. Балацкий Е. В. Витальные ресурсы и контуры сознания// «Вестник Российской академии наук», № 6, 2008.
26. Баранов С. Д. Русская нация. Современный портрет/ С. Д. Баранов, Д. В. Конов. М.: Миттель Пресс, 2009. – 536 с.
27. Бараш Р.Э. Barash R. Review of the book 'Constructing Grievance: Ethnic Nationalism in Russia's Republics' (by Elise Giuliano)// Studies in Ethnicity and Nationalism. 2015. Vol. 15. No. 2. P. 381-383.
28. Барбашина М.Ю. Институциональный распад в социально-политических этногенезисных процессах// Вестник Башкирского университета. 2012. т. 17. № 3. с. 1379-1382.
29. Барбашина М. Ю. Социальное значение процессов институционального распада для современного этногенеза// Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. с. 75-79.
30. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. Нации и национализм/ О. Бауэр, Б. Андерсон, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Пайна, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002 – 416 с.
31. Белинский В. Г. Избранные – эстетические сочинения: в 2 т. Т. 2/ В. Г. Белинский. – М.: Изд-во «Искусство», 1986. 563 с.

32. Беловецкий Д. Непроходимый блокост// Литературная газета. 2000. № 13.
33. Бельгия// <http://global-echo.ru/Regions/98.html>.
34. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности// Современная зарубежная социология (70-80-е гг.). – М.: Прогресс, 1993. С.124-151.
35. Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990.
36. Бердяев Н. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Второе испр. изд. – Париж, 1970.
37. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты, по психологии войны и национальности/ Н. А. Бердяев. М.: Мысль, 1990. – 206 с.
38. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции/ Э. Бёрк// Социс. – 1991. -№ 9. -С. 113-1231
39. Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование: Курс лекций. М.: Пед. об-во России, 2001. 389 с.
40. Бирюков Н. И. Соборность как религиозный и политический идеал/ Н. И. Бирюков// Философские науки. 2005. – № 6. – С. 5-7.
41. Блешо Э. Джихад и универсальные ценности/ Э. Блешо// Восток. – 1999. -№ 3. С. 35-43.
42. Богданов А. П. История России допетровских времён/ А. П. Богданов. -М., 1997. С. 237.
43. Бойдаченко П. Г., Власова О. Е. Экономическая активность и деловитость личности (особенности формирования в условиях российской ментальности). – М. 1996.
44. Бокарёв В. А. Объём и содержание понятия «управление»/ В. А. Бокарёв// Вопросы философии. 1966. – № 11. – С. 44-54.
45. Бондарев Н. К. Новая соборная доктрина/ Н. К. Бондарев. – М.: Компания Спутник+, 2007. – 79 с.
46. Бредникова О. Этническое предпринимательство мигрантов и мифы мультикультурализма/ О. Бредникова// Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ: сб. ст. М., 2002. – 356 с.
47. Бродель Ф. Что такое Франция?: в 2 кн. Кн. 2/ Ф. Бродель. – М.: Изд-во им. Сабашниковых. 1995. – 244 с.
48. Бромлей Ю. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. – М., 1987.
49. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса/ Ю. В. Бромлей. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.-437 с.
50. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография/ Ю. В. Бромлей. М.: Наука. – 1973.-283 с.
51. Буйда Ю. 10 главных слухов России.// Новая газета. 2000. № 3.
52. Булгаков С. Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. Т. 1-2 – М., 1993.

53. Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви/ С. Н. Булгаков. М.: Terra., 1991. –416 с.
54. Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1993. 752 с.
55. Бурков В. Н. Основы математической теории активных систем. М.: Наука, 1977. 225 с.
56. Бурмистрова Т. Ю. Теория социалистической нации/ Т. Ю. Бурмистрова. – Л.: Изд-во Ленинград, ун-та, 1970. 297 с.
57. Быков О. Н. Национальные интересы и внешняя политика. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. –284 с.
58. В большинстве стран постсоветского пространства количество русскоязычных уменьшается// <http://gordonua.com/news/worldnews/v-bolshinstve-stran-postsovetского-prostranstva-kolichestvo-russkoyazychnih-umenshaetsya-issledovanie-183500.html>.
59. Вайнштейн Г. И. Европейская идентичность: желаемое и реальное/ Г. И. Вайнштейн// Полис. 2009. – № 4. – С. 123-134.
60. Валлерстайн Э. После либерализма: пер. с англ./ Э. Валлерстайн; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
61. Вебер М. Основные социологические понятия/ Избранные произведения: пер. с нем./ под общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
62. Вебер М. Отношения этнической общности/ М. Вебер// Журнал социальной антропологии. – 2004. – № 2. – С. 8-21.
63. Верховский А. Национализм – это даже не чувство превосходства, а страх перед более сильным.//Общая газета. 1999. № 52.
64. Вильданов У. С., Вильданов Х. С., Вильданова Г. Б. Аксиологическое познание: рациональные и трансинтеллигибельные аспекты// Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 4 (54). С. 38-42.
65. Вильданов У. С., Вильданов Х. С., Вильданова Г. Б., Хасанов Г. А. Смысл жизни человека: ценности и смысложизненные ориентации. Уфа, 2007.
66. Вильданов У. С., Вильданова Г. Б. Я» – концепция мыслителя как системосозидающий фактор его философии. Вестник БГУ, № 1 (I) Том 17, 2012.
67. Вильданов Х., Файзуллин Ф. С. Ценности: историко-философский и гносеологический анализ. – Уфа, 2002.
68. Вильданов Х. С. Аксиологическая эпистемология. – Уфа, РИО РУНМЦ МО РБ, 2009.
69. Вильданов Х. С. Влияние миграционных процессов на социокультурную и этнодемографическую безопасность России и ее регионов. Современные проблемы науки и образования. – Пенза, 2015. № 1. С. 1840-1845

70. Вильданов Х. С. Идея корреляции ценности и экзистенции человека в философской мысли Востока. Проблемы востоковедения, № 4, (58) 2012 г.
71. Вильданов Х. С. Мотивационная структура поведения человека: социально-педагогический аспект. Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. С. 214.
72. Вильданов Х. С. Национальные ценности в структуре этнокультурной и национальной самоидентификации индивида. Фундаментальные исследования. 2014. № 9-1. С. 214-218.
73. Вильданов Х. С. Применение эмпирических методов в аксиологических исследованиях. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). С. 15-22.
74. Вильданов Х. С. Роль материальных и духовных ценностей в развитии национальных культур// Социально-гуманитарные знания. 2014. № 10. С. 125-132.
75. Вильданов Х. С. Роль средств массовой информации в формировании ценностей и ценностных ориентаций. Казанская наука. 2013. № 11 С. 183-185
76. Вильданов Х. С. Ценность как предмет философского познания// автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Магнитогорский государственный университет. Магнитогорск, 2009.
77. Вильданов Х. С. Ценность как предмет философского познания// диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук/ Магнитогорский государственный университет. Магнитогорск, 2009.
78. Вильданов Х. С., Андреева, Л. М. Хуснутдинова Л. Г. Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки// Социокультурная адаптация трудовых мигрантов в Поволжье: некоторые аспекты региональной политики (на материале Самарской области). – Москва – Уфа – Ростов на Дону, Редакционно-издательский отдел УГУЭС, 2015.
79. Вильданов Х. С., Вильданов У. С. Онто-гносеологические основания аксиологии. – Уфа: Из-во БГПУ им. Акумулы, 2013.
80. Вильданов Х. С., Вильданов У. С. Смысл жизни человека: гносеологический анализ. – Уфа: Из-во БГПУ им. Акумулы, 2012.
81. Вильданов Х. С., Вильданов У. С., Вильданова Г. Б. Гносеологический анализ мудрости и истины. Вестник Башкирского университета, № 1 (I) Том 17, 2012.
82. Вильданов Х. С., Вильданова Г. Б., Сиргалкина Л. Р. Особенности методологии аксиологических исследований// Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 4. С. 97-108.

83. Вильданов Х. С., Габдрафиков И. М., Андреева Л. М., Хуснутдинова Л.Г. Роль национально-культурных объединений в интеграции мигрантов в местное сообщество в регионах Поволжья (на примере Республики Башкортостан, Республики Татарстан и Самарской области). – СПб: ООО «Свое издательство», 2014.
84. Вильданов Х. С., Галиев Г. Т. Этническая стратификация и особенности межнациональных отношений в Башкортостане (часть 1) Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 355-357.
85. Вильданов Х. С., Галиев Г. Т. Этническая стратификация и особенности межнациональных отношений в Башкортостане (часть 2). Евразийский юридический журнал. 2016. № 10 (101). С. 367-369.
86. Вильданов Х. С., Деркач В. В. Методологические особенности социального прогнозирования. Вестник УГНТУ, март 2017 год.
87. Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по межнациональным отношениям// www.itv.ru/news/2017-07-20/329185-vladimir_putin_v_yoshkar_ole_provel_zasedanie_soveta_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam.
88. Владимир Путин призвал разработать закон о российской нации// www.aif.ru/society/vladimir_putin_prizval_razrabotat_zakon_o_rossiyskoy_nacii
89. Воробьёва, Н. В. Историко-канонические и богословские воззрения патриарха Никона: монография/ Н. В. Воробьёва. Омск: Изд-во Оме. гос. ун-та, 2008. – 416 с.
90. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.)// www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
91. Всероссийская перепись населения 2010. Том 1. Численность и размещение населения// http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
92. Всероссийская перепись населения 2010. Том 1. Численность и размещение населения// http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
93. Вышеславцев Б. П. Этика преображённого Эроса/ Б. П. Вышеславцев. -М.: Изд-во «Республика», 1994. 347 с.
94. Гаджиев К. С. Либерализм: история и современность/ К. С. Гаджиев// Новая и Новейшая история. – 1995. № 6. – С. 15-31.
95. Гаджиев К. С. Современный консерватизм/ К. С. Гаджиев, С. П. Перегудов, В. А. Скороходов. М.: Наука, 1992. – 264 с.
96. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический Проект, 2007. 511 с.

97. Геворкян, А. Р. Национализм и космополитизм как две стороны либерализма/ А. Р. Геворкян// Философские науки. 2008. – № 7. – С. 53-76.
98. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа/ Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Г. Шпета; отв. ред. М. Ф. Быкова. М.: Наука, 2000. – 495 с.
99. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. Т. 1/ Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. М. И. Левиной; под ред. С. Я. Левит. 2-е изд., испр. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – 414 с.
100. Геллнер Э. Нации и национализм/ Э. Геллнер; пер. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; под ред. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
101. Гельвеций К. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2/ К. А. Гельвецкий; под общ. ред. Х. Н. Момджяна. -М.: Мысль, 1974. 787 с.
102. География Румынии. Природа, климат, население, флора и фауна Румынии//GECONT.RU.
103. Герасимов Б. Н. Интенсивные образовательные технологии: Методология управления педагогическими инновациями. Самара: Изд-во НОАНО ВПО СИБиУ, 2009. 480 с. Серия «Энциклопедия управленческих знаний».
104. Герасимов Б. Н. Содержание управленческой деятельности// Вестн. Самарского государственного экономического университета. 2013. № 8 (106). С. 33-37.
105. Гигинейшвили М. С. Святая святых // Литературная учеба. 1988. № 7.
106. Гидденс Э. Конструирование общества: очерк теории структурирования// Западная теоретическая социология 60-80 гг. М.: Прогресс, 1989. С. 34-42.
107. Гирнос Юозас. Человечность как основная черта литовского характера // Согласие. 1990. № 33.
108. Годунов А. А. Вопросы теории управления/ А. А. Годунов. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1965. 109 с.
109. Головкина О. В. Мультикультурализм и проблема национальной идентичности в Канаде/ О. В. Головкина// США. Канада. Экономика. Политика. Культура. 2009. – № 6. – С. 117-127.
110. Горюштейн, Т. Н. Философия Николая Гартмана (Критический анализ основных проблем онтологии). – Л.: Изд-во «Наука», 1969.- 279 с.
111. Гражданников Е. Экстраполяционная прогностика. Новосибирск, 1988.
112. Граневский В. Соблюдение прав человека – одно из основных условий формирования культуры межнациональных отношений// <http://minjust-pmr.org/Web.nsf/664d2901186e70a5c22574d5002acf18/d052c91a12d0bb5ec225761c00387d4e!OpenDocument>

113. Григоренко Д. Е. Адекватность концепции управления обществом его культуре и цивилизации/ Д. Е. Григоренко; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2007. 160 с.
114. Григорьев А. Эстетика и критика. – М., 1980.
115. Григорьян Б. Т. Просвещённый консерватизм/ Б. Т. Григорьян// Вопросы философии. 1979. -№ 12. – С. 126-133.
116. Грядет исчезновение Европы? Демографическое исследование// <http://www.demographia.ru/node/1240>.
117. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 22–32.
118. Гуд Г. Х., Макол Р. Э. Системотехника. Введение в проектирование больших систем. М.: Наука, 1962. 212 с.
119. Гумилев Л. Этнос и антиэтнос // Звезда, 1990, № 2.
120. Гумилёв Л. Н. Этнические процессы: два подхода к изучению/ Л. Н. Гумилёв, К. П. Иванов// Социс. 1992. – № 1. – С. 50-57.
121. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли/ Л. Н. Гумилёв; под ред. В. С. Жекулина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 495 с.
122. Гумилёв Л. Н. Этносфера: история людей и история природы/ Л. Н. Гумилёв. М. 2002. – 576 с.
123. Гусейнов Г. Нация и личность// Дружба народов, 1989, № 6
124. Гусейнов Г., Драгунский Д. Национальный вопрос: попытка ответа // Вопросы философии, 1989, № 6.
125. Данные Европейского социального исследования (ESS) за 2014 год// <http://www.ess-ru.ru/>
126. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
127. Дашдампиров А. Январская трагедия в Баку: десять лет спустя. // Содружество НГ. 2000. № 1.
128. Дегтярев Е. В., Вильданов Х. С., Вильданова Г. Б. Роль и значение рефлексии в аксиологическом познании и в формировании системы ценностей человека// Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 32. С. 21-27.
129. Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции/ Е. Деминцева. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 192 с.
130. Джунусов М: С. Нация как социально-этническая общность людей/ М. С. Джунусов// Вопросы истории. 1966. – № 4. – С. 16-30.
131. Диалектика теории познания. Ленин об элементах диалектики. – М.: Наука, 1965.-511 с.
132. Диксон Д. Проектирование систем: изобретательство, анализ, принятие решений. М.: Мир, 1969. 440 с.
133. Дрепа Г. Н., Дмитриев А. Н., Дмитриева Э. Я. Ментальность и менталитет российского общества: к анализу механизмов рефлек-

сивного взаимодействия// Российское сознание: психология, культура, политика – Самара, 1997.

134. Дробижина Л.М. Баланс согласия и нетерпимости в межнациональных отношениях в общероссийском измерении контексте// Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте: [монография]/ под ред. Л. М. Дробижина, С. В. Рыжовой; Институт социологии РАН. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 48-55.
135. Дробижина Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма// Мир России. Т. 26. № 1. С. 7–31.
136. Дробижина Л.М. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ// Вестник Института Кеннана в России. 2009. Выпуск 16.
137. Дробижина Л. М., Рыжова С. В. Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние// Российское общество и вызовы времени. Книга вторая/ М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М. К., Петухов В. В. – Москва: Издательство Весь Мир, 2015. С. 176-197.
138. Дробижина Л.М., Рыжова С.В. Российская, республиканская, этническая идентичность в Татарстане// Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте: под ред. Л. М. Дробижина, С. В. Рыжовой; Институт социологии РАН. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 33-41.
139. Дробижина Л. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития. <http://www.studfiles.ru/preview/4367834/page:15>
140. Дубин Б. «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян// Pro et Contra 2014 январь – апрель.
141. Дубов И. Г. Ментальность россиян. – М., 1997.
142. Дудченко В.С., Макаревич В. Н. Социотехническая деятельность, социальное проектирование, социальная технология// Марксистско-ленинская социология. М.: Изд-во МГУ, 1989. 271 с.
143. Дудченко В. С. Основы инновационной методологии. М.: Наука, 1996. 68с.
144. Дьяконов К. Б. Особенности интеграции этнических и конфессиональных меньшинств во Франции/ К. Б. Дьяконов// Социс. 2008. – № 11.- С. 83-91.
145. Дюркгейм Э. Германия превыше всего. Идеология немцев и война. – М., 1917.
146. Загладина Х. Национально-расовые отношения в странах Запада // МЭМО, 1989, № 6.

147. Зайлалов И. И. Социально-философские аспекты функционирования культуры этноса в многонациональном обществе (на примере башкирской культуры)// Автореферат диссертации... 2006 г.
148. Заринюв И. Ю. Социум-этнос-этничность—нация-национализм/ И. Ю. Заринюв// Этнографическое обозрение. 2002. – № 1. – С. 3-30.
149. Заурбекова Л. Р. Формирование культуры межнационального общения в условиях роста национального самосознания// диссертация на соискание ученой степени... – М. 1991
150. Здравомыслов А. Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания русских// Социологические исследования. 1996. № 2.
151. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве/ А. Г. Здравомыслов. – М.: Аспект-Пресс, 1999. 286 с.
152. Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса/ А. Г. Здравомыслов. М.: Наука, 1999. – 351 с.
153. Зотова О. М. Идея европейского единства и национальная идентичности/ О. М. Зотова// Вести. МГУ. 1999. -№ 3 (№ 18). – С. 154-162.
154. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Экономика, 2001. 327 с.
155. Иванов В. Н., Патрушев В. И., Галиев Г. Т. Инновационные социальные технологии устойчивого развития. Уфа, 2005.
156. Иконникова Г. О понятии социальной технологии// Философские науки. – М., 1984.
157. Ильин И. А. Собрание сочинений. Тт. 1-6. Кн. 1-2 – М.: Русская книга, 1996.
158. Ильин И. А. Об истинном национализме. О воспитании национальной элиты/ И. А. Ильин: М., 2001.
159. Ильин И. А. Путь к очевидности/ И. А. Ильин. М.: Изд-во «Республика». – 1993. – С. 240.
160. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1/ И. А. Ильин. – М.: Русская книга, 1996. – 400 с.
161. Ильченко Д. А., Смирнова Н. П. Проблема национализма на современном этапе развития общества// Право и современные государства. 2015. № 1.
162. Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты/ В.Л. Иноземцев// Социс. – 2003. – № 6. – С. 29 – 37.
163. Итоговый отчет о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования Республики Башкортостан за 2014 год// <https://education.bashkortostan.ru/documents/269609/>

164. Кагарлицкий Б. Грозный пал. Впереди – Москва?// Новая газета. 2000. № 5.
165. Кагарлицкий Б. Россия – Чечня: любовь до гроба// Новая газета. 2000. № 7.
166. Казначеев В. П. Здоровье нации, просвещение, образование. Кострома, М.: Прогресс, 1991. 456 с.
167. Камша В. Разговоры в Юсуповском дворце. В Санкт-Петербурге прошел форум русской интеллигенции// Кулиса НГ, 2000, № 9.
168. Кант И. Критика чистого разума/ И. Кант; пер. с нем. Г. Лосского; под ред. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2009. – 736 с.
169. Кант И. Метафизические начала естествознания/ И. Кант. М.: Мысль, 1999.-1712 с.
170. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6/ И. Кант; под общ. ред. В. Ф. Асмуса и др.. М.: Мысль, 1966. – 743 с.
171. Карташёв А. В. Очерки истории русской церкви: в 2 т. Т. 2/ А. В. Карташёв. М.: Наука, 1991.-498 с.
172. Касаткин С. Обратная связь в устном выступлении. – Мысль, 1984.
173. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики. 1994.
174. Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция. Перев. с англ. А. А. Краевского // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб., 2011.
175. Кларк А. Черты будущего. – М., 1966.
176. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. Кн. 2/ В. О. Ключевский. М.: Мысль, 1995.-584 с.
177. Клямкин И. М., Лапкин В. В. Русский вопрос в России. «Политические исследования». 1995, № 5, стр. 78-96.
178. Князев Н. А. Философские проблемы сущности и существования науки: монография/ Н. А. Князев; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2008. 272 с.
179. Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М.: Проспект, 2001. 352 с.
180. Кожин В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи//Вопросы литературы, 1988. № 12.
181. Козер Л. А. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. – 205 с.
182. Козлов В. О классификации этнических общностей (состояние вопроса) // Исследование по общей этнографии. – М., 1979.
183. Кольев А. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. – 800 с.
184. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. С. 122-158.

185. Конституция Российской Федерации. Ростов н/Д: Феникс, 2004. - 46 с.
186. Конфликт в Чеченской Республике// http://www.coe.int/T/t/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2000%5d/%5bAvril%5d/Rek1456.aspx#TopOfPage
187. Коротева В. В. «Воображённые», «изобретённые» и «сконструированные» нации: метафора в науке/ В. В. Коротева// Этнографическое обозрение. 1993. – № 3. – С. 154-165.
188. Костина А. В. Культурная политика современной России: Соотношение этнического и национального/ А. В. Костина, Т. М. Гудима. – М.: Изд-во ШСН, 2007. 240 с.
189. Котанджян Г. С. Грани согласия – конфликта. М., 1992.
190. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства// <https://www.litres.ru/sergey-kotlyarevskiy/vlast-i-pravo-problema-pravovogo-gosudarstva/>
191. Котляров И. В. Теоретические основы социального проектирования. Мн.: Наука и техника, 1989. 198 с.
192. Красовский Ю. Д. Сценарии организационного консультирования. М.: Новости, 2000. 366 с.
193. Кривцов А. М., Шеховцев В. В. Сетевое планирование и управление. М.: Экономика, 1978. 191 с.
194. Круглов М. И. Структура управления коллективом. М.: Русс. дел. лит., 1998. 768 с.
195. Крюков М. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза // Расы и народы. – 1976, вып. 6.
196. Крючков Ю. А. Теория и методы социального проектирования. М., 1992. 244 с.
197. Кузнецов И. М. Баланс межэтнических установок и специфика восприятия межэтнической ситуации// Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса/ отв. ред. В. А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4315-4322.
198. Курбатов В. И., Курбатова О. В. Социальное проектирование: учеб. пособие. Ростов-н/Д.: Феникс, 2000. 412 с.
199. Курт Р. Спилман и Кэти Спилман. Образы врага и эскалация конфликта // Исследование международных конфликтов. – М., 1991. № 3.
200. Кустарёв А. Нация: кризис проекта и понятия/ А. Кустарёв// Pro et Contra. 2007. – Май-июнь. – С. 66-79.

201. Лапин И. И. Интенсификация инновационных процессов – стратегическая задача теории и практики нововведений// Инновационные процессы. М.: Логос, 1982. С. 3-21.
202. Лезов С. Миф о правовом государстве // Октябрь, 1991, № 3.
203. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 2/ Г. В. Лейбниц; под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1983. – 686 с.
204. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений ноябрь 1920 – март 1921/ В. И. Ленин. М.: Политиздат, 1981. – Т. 42. – 606 с.
205. Ленин В. И. Философские тетради/ В. И. Ленин. М.: Политиздат, 1973.-751 с.
206. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности// Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1996. – № 4. – 1997. – № 1.
207. Лесная Л. В. Менталитет и ментальные основания общественной жизни. Социально-гуманитарные знания. 2001
208. Лимаренко А. В. Законы организации и социальные алгоритмы. Владивосток: Владос, 1989. 192 с.
209. Лисичкин В. А. Теория и практика прогностики. М.: Наука, 1972. 312 с.
210. Литовский диссидент: Сейчас в Литве гораздо хуже, чем при СССР// <https://easaily.com/ru/news/2017/05/31/ litovskiy-dissident-seychas-v-litve-gorazdo-huzhe-chem-pri-sssr>
211. Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1: пер. с англ./ Д. Локк; под ред. И. С. Нарского, А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1985. – 622 с.
212. Лосский Н. О. Характер русского народа: научное издание / Н. О. Лосский. – М.: Издат. Совет Русской Православной Церкви. 2005. – 335 с.
213. Льюис Р. Д., Райфа Х. Игры и решения. М.: Изд. иностр. лит, 1961. 431 с.
214. Майлз Р. Расизм/ Р. Майлз, М. Браун. М.: Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН), 2004. – 240 с.
215. Малахов В. С. Зачем России мультикультурализм?/ В. С. Малахов// Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ: сб./ под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: б. и., 2002. – 356 с.
216. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983. 373 с.
217. Мангейм М. Л. Иерархические структуры. М.: Мир, 1970. 397 с.
218. Мангейм К. Консервативная мысль// Социс. 1993. – № 4.-С. 135-146.
219. Манько Ю. В. Нации и национальные отношения (Исторический и философский анализ)/ Ю. В. Манько, Н. И. Шапков. СПб.: ИД «Петрополис», 2009. – 196 с.

220. Маньковский Л. А. Категории «пещь» и «отношение» в «Капитале» К. Маркса/ Л. А. Маньковский// Вопросы философии. 1956. – № 5. – С. 46-59.
221. Маркарян Э. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1983.
222. Марков М. Технология и эффективность социального управления. Пер. с болгарского. – М.: Прогресс, 1982.
223. Марков, М. Теория социального управления. М.: Прогресс, 1978.- 447 с.
224. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.2.. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955-1974 гг.
225. Маркс К. Избранные письма/ К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. – 536 с.
226. Медниский В. Р. О русской демократии, грязи и «тирьюме народов»/ В. Р. Медниский. – 3-е изд., испр. и доп. М.: «ОЛМА Медиа-Групп», 2010. – 624 с.
227. Медушевский А. Н. Либерализм как проблема современной западной историографии // Вопросы истории. 1992. – № 8-9.-С. 167-177.
228. Мельникова Т. В. Методологическая функция социальной философии в изучении юридического лица как субъекта права: монография/ Т. В. Мельникова; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2009. – 216 с.
229. Месарович М., Мако Д., Такахаха И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973. 344 с.
230. Мехонцева Д. М. Самоуправление и управление: Вопросы общей теории систем. Красноярск: КГУ, 2000. 248 с.
231. Мизес Л. Либерализм/ Л. Мизес. – М.: Экономика, 2001. – 239 с.
232. Миль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении Перепечатка с издания Яковлева/ Дж. Ст. Миль. – СПб.: [б. и.], 1863. 263 с.
233. Министерство труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. Итоги деятельности в 2015 году и задачи на 2016 год// http://mintrudrb.ru/upload/docs/sbornik_2015.pdf
234. Минцберг Г. Структура в кулаке/ пер. с англ. М.: СПб: Питер, 2002. 416 с.
235. Мир управления проектами/ под ред. Х. Решке, Х. Шелле. М.: Алане, 1993. 304 с.
236. Мировые мегаполисы и проблемы межэтнического согласия// Жизнь национальностей. 2010. № 3. С. 41–47.
237. Митрополит Иоанн. Русская симфония: очерки русской историософии/ Иоанн Митрополит. СПб.: Изд-во «Царское дело», 2004. – 494 с.

238. Михайлов М. Государство блондинов // Путь к независимости и права личности: Материалы конференции Института по изучению межнациональных отношений при журнале «Дружба народов»// Дружба народов, 1992, № 3.
239. Минацакания М. О. Этносоциология нации, национальная психология и межнациональные конфликты. – М., 1998.
240. Минацакания, М. О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни/ М. О. Минацакания. М.: б. и., 2004. – 367 с.
241. Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб, Нотабене, 1992. 376 с.
242. Моргенстерн Дж. Тайм менеджмент: Искусство планирования и управления своим временем и своей жизнью. М.: Хорошая книга, 2002. 264 с.
243. Мощенко И. Н. Психосемантическая феноменологическая модель групповой политической напряженности// Инженерный вестник Дона. 2010. № 1. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2011/403>.
244. Мукомель В. И. Диаспоры в России: молдавская и таджикская диаспоры (сравнительный анализ)// Современные миграционные процессы: состояние и основные формы. Материалы международного научно-исследовательского семинара, Тирасполь, 17 декабря 2015 года. – Кишинев: Международная организация по миграции, миссия в Молдове, 2016. С.207-210
245. Мукомель В.И. Ксенофобия сосредотачивается: интервью с Владимиром Мукомелем// Вестник общественного мнения. № 1 (119). 2015. С. 130-140.
246. Мукомель В.И. Свои и чужие: внутрироссийские этноэтнические мигранты в Московском мегаполисе// Федерализм. № 1 (77). 2015. С. 79-92.
247. Мукомель В.И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «Крымской весны»: проблема идентичности// Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года)// Материалы V Всероссийского социологического конгресса/ отв. ред. В. А. Мансуров. – М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4357-4367.
248. Мысин Н. В. Теория социального управления. СПб.: СЗАГС, 1998. 384 с.
249. Население Швейцарии// <http://countrysmeters.info/ru/Switzerland>.
250. Население Швейцарии//<http://pandia.ru/371892/>.
251. Национальный вопрос в России// wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-09-11-nac_otnoshenija.pdf

252. Немчинов В. Экономико-математические модели и методы. – М. Мысль, 1965.
253. Никольский Н. М. История русской церкви/ Н. М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990. 541 с.
254. Новгородцев П. И. О путях и задачах русской интеллигенции/ П. И. Новгородцев// Вехи. Из глубины: сб. М.: Изд-во «Правда», 1991. – 289 с.
255. Новосёлов М. М. О некоторых понятиях теории отношений// Кибернетика и современное научное познание/ М. М. Новосёлов, Б. С. Украинцев, В. А. Бокарёв и др.; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Наука, 1976. – 427 с.
256. О конфликте в Чечне// http://www.coe.int/T/t/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2000%5d/%5bJanv%5d/Rek1444.asp#TopOfPage
257. Облякулиев Е. Формирование национального самосознания: социально-философский анализ// автореферат диссертации по социологии. 1993 г.
258. Обсуждение статьи П. М. Рогачёва и М. А. Свердлина «О понятии «нация»// Вопросы истории. 1966. – № 2. – С. 169-171.
259. Окрепилов В. В. Всеобщее управление качеством. Кн. 1. СПб.: УЭиФ, 1996. 454 с.
260. Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности. – М.: Наука, 1983.
261. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс/ Х. Ортега-и-Гассет// Вопросы философии. 1989. – № 4. – С. 114-155.
262. Осуждение на жизнь. Интервью с Анатолием Приставкиным//Общая газета. 2000. № 52.
263. Очерки социальной антропологии/ Ред. кол.: Пуляев В. Т., Скворцов Н. Г., Шаронов В. В. и др. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995.
264. Панин Э. А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России/ Э. А. Панин. М.: Новое изд-во, 2004. – 246 с.
265. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии// Социология сегодня: Проблемы и перспективы: Американская буржуазная социология середины XX века / ред. Г. Осипов. – М.: Прогресс, 1965.
266. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Наука, 2002. 186 с.
267. Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи: Некоторые философские и методологические проблемы управления. М.: Мысль, 1967. 276 с.
268. Пирогов И. В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: дисс. канд. социол. наук. – М., 2002.

269. Писарев Д. И. Исторические эскизы/ Д. И. Писарев. – М.: Правда, 1989.
270. Пискорская С. Ю. Стиль научного познания и его стандарты: монография/ С. Ю. Пискорская; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2007. – 244 с.
271. Платон. Государство: избр.: пер. с древнегреч./ Платон. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004: 491 с.
272. Платонов Ю. В. Социальные конфликты на производстве // Социс. 1991. № 11.
273. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории: в 2 ч. Ч. 2/ С. Ф. Платонов. М.: Владос, 1994. – 336 с.
274. Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте: [монография]/ под ред. Л. М. Дробизевой, С. В. Рыжовой; Институт социологии РАН. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 152 с.
275. Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 25-27 сентября 2014 г./ Отв. редактор Г. Ф. Габдрахманова. – Казань. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 508 с.
276. Полякова Н. В. Консерватизм: социально-экономические учения: сб. ст./ под ред. А. Н. Бабаджаняна. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. – 401 с.
277. Пономаренко Л.В. Ислам в общественно-политической и культурной жизни Франции и государств Северной и Западной Африки/ Л. В. Пономаренко// Вопросы истории. 1998. – № 9. – С. 72-84.
278. Попцов О.М. Тревожные сны царской свиты// <http://www.rulit.me/books/trevozhnye-sny-carskoj-svity-read-20580-7.html>
279. Поспелов Г. С. Программно – целевое планирование и управление/ Г. С. Поспелов, В. А. Ириков. М.: Наука, 1976. 396 с.
280. Права человека. Основные международные документы: Сб. документов. – М., 1990.
281. Приставкин А. Ермолов как зеркало русского генералитета // Общ. газ. 2000. № 15.
282. Приставкин А. Ночевала тучка золотая. – М., 1989 г.
283. Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В. Е. Лепского. М.: «Когито-Центр», 2006. – 232 с.
284. Проблемы национального самосознания русских: этнические стереотипы населения//Серия: Социологические исследования в России: материалы социологических центров и служб.-М., 1998

285. Прокопович Феофан. Избранные труды/ Феофан Прокопович. М.: Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН), 2010. – 624 с.
286. Психология народов. История социологии в Западной Европе и США// <http://pedagog-social.ru/-istorija-sociologii-v-zapadnoj-evrope-i-ssha.html>
287. Рабочая книга по прогнозированию. – М.: Мысль, 1982. – 430 с.
288. Размышления о России и русских. Сост. предисл. С. К. Иванова. Т. 1, 2. – М.; Правда Интернешнл, 1996.
289. Райбекас А. Я. Категории: вещь, свойство, отношение: историко-философский очерк/ А. Я. Райбекас. Красноярск: КГУ, 2000. – 140 с.
290. Рапопорт А. Борьба, игры, дебаты. – М., 1962. – 298 с.
291. Рассел Б. Проблемы философии/ Б. Рассел; пер. с англ. В. В. Целищев. Новосибирск: Наука, 2001. – 109 с.
292. Растргин Л. А. Системы экстремального управления. М.: Наука, 1970. 392 с.
293. Ревуненкова Н. В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации/ Н. В. Ревуненкова. М.: Мысль, 1988. – 207 с.
294. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., Питер, 2002. 372 с.
295. Резник Ю. М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения// Социологические исследования. 1994. № 2. С. 72-87.
296. Рогачёв П. М. О понятии «нация»/ П. М. Рогачёв, М. А. Свердлов// Вопросы истории. 1966. – № 1.
297. Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе. – СПб., 1911; Он же. Мимолетное. – М., 1994.
298. Розин В. М. Проектирование как объект философско-методологического исследования// Вопросы философии. 1984. № 10. С. 100-111.
299. Ролз Дж. Идеи блага и приоритет права/ Дж. Ролз// Современный либерализм: сб./ пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. – 248 с.
300. Рормозер Г. Кризис либерализма/ Г. Рормозер; пер. с нем. А. А. Френкина. М., 1996. – 292 с.
301. Рормозер Г. Новый консерватизм: вызов России/ Г. Рормозер. – М.: Изд-во ин-та философии РАН, 1996. – 93 с.
302. Россияне о миграции и международной напряженности// <http://www.levada.ru/2013/11/05/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti/>
303. Ротман Д. Поле социальной напряженности// Свободная мысль. 2008. № 6.
304. Рудевские Юрис. Культурно-исторический феномен России// Независимая газета. 1998. 18 марта.

305. Рукавишников В. О. Социально-политическая ситуация и общественное мнение (Россия, середина 1992 г.) // Социологические исследования. 1992. № 11. С. 47–57.
306. Рукавишников Ю. В. Пик напряженности под знаком белого коня// Социс. 1990. № 10.
307. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр./ Ж.-Ж. Руссо. -М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. -416 с.
308. Рыбаков С. Е. Этничность и этнос/ С. Е. Рыбаков// Этнографическое обозрение. 2003. – № 3. – С. 3-24.
309. Рыжова С. В. О тенденциях формирования российской национально-гражданской идентичности (опыт этносоциологических исследований)// Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей/ Ин-т Справедливый Мир, Рос. ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН; [редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец]. – Москва: Ключ-С, 2015. – С. 284-296.
310. Рыжова С. В. Обобщенное доверие как фактор предупреждения межэтнической напряженности// Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса/ отв. ред. В. А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4435-4456.
311. Савва М. В. Этнический статус (Конфликтологический анализ социального феномена) – Краснодар: Изд-во Кубанского университета, 1997.
312. Сартан Г. Н., Смирнов А. Ю. и др. Новые технологии управления персоналом. СПб.: Речь, 2003. 240 с.
313. Сборник статей К. Леонтьева «Восток, Россия и славянство» // Леонтьев К. Сборник сочинений. Т. 1-2 – М., 1912.
314. Свобода, хлеб – и не надо зрелищ. Беседа Валентина Оскоцкого с Войцехом Ярузельским // Новая газета. 1999. № 48.
315. Сегодня в Чечне всем страшно// Правозащитник Олег Хабибраманов рассказывает об ужасах в Чечне под железной рукой Рамзана Кадырова// <http://inosmi.ru/russia/20150425/227706635.html>
316. Седакова О. Страдающие отпором. Чем «Бомонд» ответил «Мондун»// Новая газета. 2000. № 15.
317. Сидоров В. О нациях – без эмоций // Дружба народов, 1991, № 8.
318. Сильва Х. Стоун Р. Б. Искусство менеджмента по методу Сильва: пер с англ. Мн.: ООО «Попурри», 1999. 288 с.
319. Скоробогатых Н. С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или расколу общества/

Н. С. Скоробогатых// Общественные науки и современность. 2004. – № 1. – С. 135-146.

320. Скрипкина Е. В. Самодержавие и церковный раскол в России во второй половине XVII в.: царь Алексей Михайлович и протопоп Аввакум: монография/ Е. В. Скрипкина. Омск: Изд-во Оме. гос. ун-та, 2009. – 180 с.
321. Скрынников Р. Г. История Российская. IX-XVII вв./ Р. Г. Скрынников. – М.: Изд-во «Весь Мир», 1997. 496 с.
322. Скрынников Р. Г. Святители и власти/ Р. Г. Скрынников. – Л.: Лениздат, 1990. 348 с.
323. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Практикс, 2004. – 466 с.
324. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы// wciom.ru/index.php?id=238&uid=114379.
325. Согрин В. В. Что есть российская нация и российский народ (Обобщающая работа В. А. Тишкова)// Общественные науки и современность. 2011 № 1. – С. 117-125
326. Согрин В. В. Либерализм Запада/ В. В. Согрин. М.: Наука, 1995.- 40 с.
327. Соколовский С. В. Перспективы развития Концепции этнонациональной политики в Российской Федерации/ С. В. Соколовский. М. 2004. – 258 с.
328. Соловей Т. Д. Несостоявшаяся революция: исторические смыслы русского национализма/ Т. Д. Соловей, В. Д. Соловей. – М.: Феория, 2009. – 440 с.
329. Соловьев В. История и будущее теократии. – СПб. 1912;
330. Соловьёв С. С. Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах // Социологические исследования. 1993. № 12.
331. Солодовников В. В., Бирюков В. Ф., Тумаркин В. М. Принципы сложности в теории управления. М.: Наука, 1977. 344 с.
332. Сонин В. А. К проблеме профессиональной ментальности педагога// *Magister*, 1998, № 2.
333. Сорокин П. А. Национальность. Национальный вопрос и социальное равенство/ П. А. Сорокин// Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. – 560 с.
334. Социальные отношения: познание и совершенствование/ Н. Н. Мокляк, В. Ю. Барков и др.; отв. ред. Н. Н. Мокляк; АН УССР, Ин-т философии. – Киев: Наук, думка, 1990. 232 с.
335. Социальные технологии: Толковый словарь/ Отв. ред. В. Н. Иванов. М.: Луч; Белгород: Центр социальных технологий, 1995. 309 с.

336. Социологический справочник / под ред. В. И. Воловича. Киев: Политиздат Украины, 1990. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/1106/word/konflikt-socialnyi>.
337. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 года// http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm.
338. Спенсер Г. Синтетическая философия/ Г. Спенсер; пер. с англ. Г. Коллиза. – Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1997. – 512 с.
339. Сталин И. В. Национальный вопрос/ И. В. Сталин. JL: Русь, 1996. – 110 с.
340. Сталин И. В. Сочинения (1907-1913)/ И. В. Сталин. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. – 423 с.
341. Стельмах В. Г. Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика/ В. Г. Стельмах, Л. С. Перепёлкин// Общественные науки и современность. – 2003. № 3. – С. 154 – 162.
342. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. Пер. с болг. – М.: Прогресс, 1976.
343. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. – М.: Республика, 1994.
344. Страны и народы. Зарубежная Европа. Восточная Европа. М., 1980.
345. Страны и народы. Зарубежная Европа. Общий обзор. Северная Европа. – М., 1981.
346. Страны мира. Факты и цифры. Санкт-Петербург. – М. 2000.
347. Стрелков И. Чем чревата бесконечная амнистия боевикам// Независимая газета. 4 апреля 2000 г.
348. Ступишин В. Марш-бросок к геноциду // Общая газета. 13-19 апреля 2000 г. № 15.
349. Субетто А. И. Системогенетика и теория циклов. Ч. 1-2. – М.: Исслед. центр, 1994. 243 с.
350. Субетто А. И., Чумак В. Г. Основы социального менеджмента: монография. М.: Машиностроение, 1999. 429 с.
351. Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунистами/ Ч. Тейлор// Современный либерализм: сб. М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. – 248 с.
352. Телемтаев М. М. Системная технология (системная философия деятельности): монография. Алматы: ИД «СТ-Информсервис», 1999. 336 с.
353. Теория управления. Терминология. М.: Наука, 1988. – С. 24. – Вып. 107.
354. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Валовой региональный про-

- дукт по видам экономической деятельности.// http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/
355. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Среднемесячная заработная плата работников предприятий и организаций в Республике Башкортостан по видам экономической деятельности январь-август 2016 года//http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics
  356. Тишков В. А. Российская нация и российские национальности // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие/ Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Минрегионразвития РФ, ИЭА РАН, 2008.
  357. Тишков В. А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4.
  358. Тишков В. А. О феномене этничности// Этнографическое обозрение. – 1987. – № 3. – С. 3-20.
  359. Тишков В. А. Забыть о нации/ В. А. Тишков// Вопросы философии. 1998. – № 9. – С. 3-26.
  360. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии/ В. А. Тишков. М.: Наука, 2003. – 544 с.
  361. Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей/ С. А. Токарев// Вопросы философии. – 1964. № 11. – С. 43-64.
  362. Трубецкой Н. С. Мы и другие/ Н. С. Трубецкой// Русская идея: сб. М.: Айрис-пресс, 2002.
  363. Трюдо П. Урок другим странам// За рубежом, 1990, № 28.
  364. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения/ А. И. Уёмов. – М.: АН СССР, 1963.-184 с.
  365. Указ Президента № 1666 от 19 декабря 2012 г. "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года"// <http://base.garant.ru/70284810/>
  366. Указ Президента РФ от 31 декабря 2009 года N УП-730 Об утверждении концепции развития национального образования в Республике Башкортостан // <http://docs.cntd.ru/document/935118883>
  367. Улманис Г. Недоверие между Москвой и Ригой исчезнет // Независимая газета. 1998. 29 декабря.
  368. Управление проектами/ под ред. В. Д. Шапиро. СПб.: Два ТРИ, 1996. 610с.
  369. Файзуллин Ф. С., Вильданов У. С., Вильданов Х. С. Гносеологический анализ ценностей и ценностных ориентаций. – М. Наука, 2008.
  370. Федеральная служба государственной статистики. Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по городам, по-

селкам городского типа и районам»// http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force

371. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели// http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force
372. Федосеев М. Экономико-математические методы и прикладные модели. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 391 с. – с.187-228.
373. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5.
374. Филиппова Е. И. Что такое Франция? Кто такие французы?/ Е. И. Филиппова// Национализм в мировой истории: сб./ под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельман. М.: Наука, 2007. – 601 с.
375. Фомина Н. В. Понятие социальной нормы/ Н. В. Фомина// Теория и история. 2008. – № 2-3. – С. 136-143.
376. Фрай Н. Государство фюрера: национал-социалисты у власти: Германия (1933-1945)/ Н. Фрай; пер. с нем. Л.Ю. Пантиной; под ред. А. Ю. Ватлини. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН): ГИИМ, 2009. – 255 с.
377. Франк С. Духовные основы общества/ С. Франк. – М.: Республика, 1992. 510 с.
378. Фролов А. С. Проблема соборности в русской культуре/ А. С. Фролов// Русская цивилизация и соборность: сб. – М.: Ин-т мировой лит-ры РАН, 1994.-250 с.
379. Фурман Д. Москва и грозный движутся в сторону Хасавюрта// Общая газета. 2000. № 16.
380. Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в системе российского федерализма: правовой аспект // Государство и право. 2006. № 9.
381. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности/ С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
382. Хобсбаум Э. Век капитала 1848-1875/ Э. Хобсбаум. Ростов н/Д: Феникс, 1999.-480 с.
383. Холодный В. И. А. С. Хомяков и современность: зарождение и перспектива соборной феноменологии/ В. И. Холодный. М.: Академ, проект, 2004. – 528 с.
384. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. – Прага, 1867. Т. 2. – 368 с.
385. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Медитум, 1994.-590 с.
386. Хунагов Р. Д. Проблема рациональности организационных структур// Социол. исслед., 1995, № 7. С. 56-73.

387. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. – М.: Современник. 1989.
388. Частная жизнь (Правовые аспекты)/Государство и право. 1999. № 1.
389. Чаушеску Н. Доклад на совместном заседании пленума центрального комитета Румынской коммунистической партии, органов рабоче-революционной демократии, массовых и общественных организаций. Бухарест, 28 ноября, 1988// Приложение к журналу «Румыния», 1989, № 1.
390. Черепкова Н. В., Саркисян К. Р. Социальная напряженность: причины возникновения и форма проявления// Современные наукоемкие технологии. № 10, часть 1. 2013.
391. Черкасов А. Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде. <http://www.niworld.ru/Statei/Cherkasov/n1.htm>.
392. Черноусова Л. Н. Институциональная оформленность гражданского общества в условиях консервативного правового государства/ Л. Н. Черноусова// Теория и история. 2010. – № 2. – С. 112-117.
393. Черноусова Л. Н. Гражданское общество как трансцендентальный субъект/ Л. Н. Черноусова// Теория и история. – 2009. – № ' 1. – С. 106-111.
394. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2./ Н. Г. Чернышевский. М.: Мысль, 1987. – С. 219-220.
395. Четверть россиян посчитали интересы государства важнее прав граждан// www.rbc.ru/society/03/04/2017/58e1e3ec9a7947c4737bd624
396. Чечня все больше отдаляется от России// Новая газета. № 68 от 1 июля 2015 г.
397. Чешко С. В. Доктрина самоопределения: иллюзии и реальность/ С. В. Чешко// Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ: сб./ под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: б. и., 2002. – 356 с.
398. Чешко С. В. Человек и этничность/ С. В. Чешко// Этнографическое обозрение. 1994. – № 6. – С. 35-49.
399. Чижов Н. А. Кадровые технологии. М.: Экзамен, 2000. 352 с.
400. Чуринов Н. М. Идеология интернационализма/ Н. М. Чуринов// Теория и история. 2008. – № 2-3. – С. 7-19.e1
401. Шамшурин В. И. Учение Э. Бёрка о человеке и обществе. Идеи-ные истоки неоконсерватизма/ В. И. Шамшурин// Социс. 1991. – № 6. – С. 100-113.
402. Шарапов В.М, Шарапова Е. В. Универсальные технологии управления: монография. М.: Техносфера, 2006. 496 с.
403. Шарков Ф., Сперанский В. И. Общая конфликтология. Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». М. 2015.

404. Шимельфениг О. В., Герасимов Б. Н. Игровое моделирование поведенческой деятельности управленцев // Поведенческий менеджмент в организациях: сб. ст. всерос. науч.-метод. конф. Пенза, ПДЗ, 2009. С. 73-77.
405. Шипилов А. В. «Свои», «чужие» и другие/ А. В. Шипилов. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. 568 с.
406. Широкогоров С. М. Исследование основных принципов этнологии и этнографических явлений/ С. М. Широкогоров// Изв. Вост. фак. Гос. дальневост. ун-та: Отдельный оттиск из Т. LXVII. Шанхай: [б. и.], 1992. -124 с.
407. Шрейдер Ю. А. Категория отношения и её когнитивные аспекты/ Ю. А. Шрейдер, Б. В. Бирюков// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 2002. -№ 3.-С. 98-107.
408. Шрейдер Ю. А. Равенство, сходство, порядок/ Ю. А. Шрейдер. - М.: Наука. 1971.-254 с.
409. Штофф В. Моделирование и философия. – М.- Л.: Наука, 1966.
410. Щеглова С. Н. Социальное прогнозирование, проектирование и моделирование: учеб. практикум. Моск, гуманит.-социальн. академия. М.: Социум, 2001. 96 с.
411. Щедрина О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России/ О. В. Щедрина// Социс. 2004. – № 11. – С. 67-75.
412. Щукина Т. А. Политика Канады по сохранению культурно-исторического наследия/ Т. А. Щукина// США. Канада. 2008. – № 2. – С. 67-82.
413. Энтин М. От урегулирования к предотвращению конфликтов: потребность в превентивной дипломатии // Международные исследования. – М., 1991. 1-2 (5).
414. Эрик Хан-Пира. Об одной спорной формуле // Дружба народов, 1989, № 3
415. Эхо планеты, 1990, № 7.
416. Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1/ Д. Юм; пер. с англ. С. И. Церетели и др., – 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1996. – 733 с.
417. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998. 596 с.
418. Языкова А. Из опыта решения национальных проблем в некоторых социалистических странах Восточной Европы // Советское государство и право, 1989, № 11.
419. Янг Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. – М., 1970.
420. Яхонтова Е. С. Эффективные технологии управления персоналом. СПб.:Питер, 2003. 272 с.

421. Coser L. The Functions of Social Conflict. – N.-Y., 1956.
422. Dahrendorf R. Forward a Theory of Social Conflict//Journal of Conflict Resolution. – 1958.
423. Kahn H. World economic development. – Boulder (Col.), 1979.
424. Kahn H., Brown W., Mortel L. The next 2000 years: A scenario for America and the world. – N.-Y., 1979.
425. Kahn H., Bruce-Briggs B. Things to come; Thinking about the seventies and eighties. – N.-Y., 1973.
426. Kahn H., Wiener A. The year 2000: A framework for speculation. – L., 1969.
427. Karabulatova I. S., Vildanov Kh. S., Zinchenko A. A., Vasilishina E. N. and Vassilenko A. P. Problems of Identificative Matrices Transformation of Modern Multicultural Persons in the Variative Discourse of Electronic Informative Society Identity. *Pertanika J. Soc. Sci. & Hum.* 25 (S): 1 – 16 (2017)
428. Kelman Herbert C., Cohen S. P. The Problem-Solving Workshop: A Social Psychological Contribution to the Resolution of International Conflicts// *Journal of Peace Research.* – 1976. – Vol. 13.
429. Krauss R. M., Deutsch M., Communication in Interpersonal Bargaining// *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1966. – Vol. 4.
430. Vildanov Kh.S., Andreeva L. M., Ilyasova R. K., Gabdrifkov I. M., Khusnutdinova L. G. Regional policy on socio-cultural adaptation of migrant workers in the volga region (Based on the material of samara region). *Mediterranean Journal of Social Sciences* 6 (3S4), pp. 223, 2015.
431. Vildanov Kh.S., Gabdrifkov I. M., Karabulatova I. S., Khusnutdinova L. G. Ethnoconfessional factor in social adaptation of migrant workers in the muslim regions of Russia. *Mediterranean Journal of Social Sciences* 6 (3S4), pp. 213, 2015.
432. Votze D. Nationalism: A comparative study. – Cape Town, 1981.
433. Yinger J. M. Ethnicity of complex societies: Structural, cultural and characterological factors//The uses of controversy in sociology. – N.-Y., L., 1976.